

У ИСТОКОВ БОЛЬШЕВИЗМА

*воспоминания
документы
материалы*

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ МГК И МК КПСС
ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

У ИСТОКОВ БОЛЬШЕВИЗМА

*воспоминания
документы
материалы
1894-1903*

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ
1983

66.61(2)252
У-11

У истоков большевизма: Воспоминания, документы, материалы. 1894—1903 / Сост. И. Ф. Угаров.— М.: Моск. рабочий, 1983.— 350 с.

В книге два раздела. В первом разделе публикуются воспоминания создателей и активных работников Московской партийной организации в период с 1894 по 1904 г. Во второй раздел включены документы и материалы, отражающие деятельность московских большевиков на пути от создания московского «Рабочего союза» к «Искре», в искровский период, в период создания большевистской партии, укрепления в Московской партийной организации ленинских позиций.

У $\frac{0902020000-089}{M172(03)-83}$ 32—83

**ББК 66.61(2)252
ЗКП1-2**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник подготовлен к 80-летию II съезда РСДРП и 90-летию Московской партийной организации.

Рассматриваемый в нем период характеризуется началом ленинского этапа в развитии марксизма и знаменателен переходом от пропаганды марксизма, начатой группой «Освобождение труда», к созданию большевистской партии. «Это был период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии,— писал В. И. Ленин.— Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития»*.

Появившись на рубеже 80—90-х гг., марксистские кружки еще носили на себе родимые пятна народовольчества. Но движение, сделав шаг вперед, продолжало идти дальше, развиваться и совершенствоваться до тех пор, пока на базе марксистских групп и кружков стали образовываться социал-демократические организации.

Первые такие организации возникли в Петербурге и Москве. Ленинский петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» явился зачатком революционной пролетарской партии в России. Он впервые стал соединять социализм с рабочим движением. Большой вклад в создание партии внес московский «Рабочий союз».

Под руководством социал-демократических организаций стало развиваться рабочее движение. Из стихийного, каким оно было до возникновения социал-демократических организаций, движение стало организованным, более массовым и классово целенаправленным. Особенно показательными явились массовые стачки петербургских рабочих летом 1896 г., поддержанные московским пролетариатом под руководством социал-демократической организации. «Десятилетие перед революцией, с 1895 по 1904 г.,— писал В. И. Ленин,— показывает нам уже открытые выступления и неуклонный рост пролетарской массы, рост стачечной борьбы, рост социал-демократической рабочей агитации, организации, партии»**.

Московский «Рабочий союз» формировался под непосредственным влиянием и личным участием В. И. Ленина. Первая его встреча с московскими марксистами в августе 1893 г. была ознаменована созданием 28 сентября (ст. ст.) того же года Центральной группы для пропаганды и агитации среди рабочих — так называемой «шестерки», названной так по числу входивших в нее революционеров

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 180.

** Там же, т. 20, с. 176.

(А. Н. и П. И. Винокуровы, С. И. Мицкевич, Е. И. Спонти, М. Н. Лядов и С. И. Прокофьев). Создание этой группы явилось первой ступенью оформления в Москве социал-демократической организации.

Личность В. И. Ленина произвела неизгладимое впечатление на московских марксистов. В публикуемом в настоящем сборнике воспоминании С. И. Мицкевича это впечатление выражено следующими словами: «В молодом Ленине чувствовалась большая эрудиция и какая-то особая основательность и глубина суждений... Уже тогда в нем виден был будущий организатор нашей партии: он уделял огромное внимание собиранию всех наличных революционно-марксистских сил, установлению связей между марксистами, разбросанными в разных городах» (с. 16).

Последующие встречи Владимира Ильича с московскими марксистами способствовали становлению Московской социал-демократической организации. В воспоминаниях А. И. Ульяновой-Елизаровой «Первое выступление Владимира Ильича Ленина в Москве» (см. настоящий сборник, с. 22) рассказано об известном диспуте марксистов с одним из столпов народничества, В. П. Воронцовым, происходившем в январе 1894 г., и выступлении на нем молодого В. И. Ленина, аргументированно и убедительно показавшего несостоятельность народнической доктрины. Тогда же, в январе, произошла встреча В. И. Ленина с московскими марксистами на квартире А. Н. Винокурова. Результаты этой встречи оказались исключительно плодотворными. Уже в феврале 1894 г. «шестерка» издала первую социал-демократическую листовку, положив начало переходу от пропаганды марксизма в узких рабочих кружках к широкой массовой агитации среди рабочих и революционно-демократической интеллигенции. В апреле 1894 г. был создан Центральный рабочий кружок из представителей рабочих кружков более 10 предприятий и ряда железнодорожных мастерских. Члены «шестерки» А. Н. Винокуров, Е. И. Спонти, М. Н. Лядов и С. И. Прокофьев вошли в состав Центрального рабочего кружка. Так было положено начало социал-демократической организации в Москве, которая в апреле 1895 г. получила название «Рабочий союз».

Московские марксисты воспроизвели по рукописи первую и третью части книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и способствовали ее распространению. Эта книга являлась манифестом нарождающейся революционной марксистской партии. Она нанесла сокрушительный удар по доктрине народничества, вооружила социал-демократов научно обоснованным пониманием целей и задач пролетариата. Об этом говорится в упомянутых выше воспоминаниях А. И. Ульяновой-Елизаровой, а также в воспоминаниях С. И. Мицкевича, А. А. Ганшина, Н. А. Семашко, В. Н. Масленникова.

А. И. Ульянова-Елизарова отмечала, что «московские социал-демократы были в постоянной связи с Лениным и до его ссылки, и в ссылке, и в эпоху «Искры». Он осведомлялся всегда обо всем выдающемся в рабочем движении Москвы» (с. 13).

Исключительно большое влияние на идейное формирование Московской социал-демократической организации имели произведения В. И. Ленина. Кроме отмеченной выше работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» московские социал-демократы были знакомы с та-

кими его произведениями, как «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе)», «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» (широко распространялась в Москве и Орехово-Зуеве), «Задачи русских социал-демократов», «Что делать?» и др.

В 1898 г. состоялся I съезд, провозгласивший основание Российской социал-демократической партии. Однако, проходивший без участия В. И. Ленина и его ближайших соратников, которые находились в ссылке, съезд не смог выработать программу и устав партии, преодолеть разобщенность социал-демократического движения.

В. И. Ленин характеризовал период, наступивший после I съезда, периодом «разброда, распада, шатания»*. Для Московской партийной организации это был тяжелый период: на короткое время (1900—1901 гг.) она поддалась влиянию «экономистов». Но уже в январе 1902 г. «экономисты» были изгнаны из МК РСДРП.

В Москве была сильна зубатовщина. Идеологам «полицейского социализма» начальнику охранного отделения С. В. Зубатову, обер-полицеймейстеру Д. Ф. Трепову и генерал-губернатору великому князю С. А. Романову удалось организовать зубатовские общества. Зубатовщина в 1901—1902 гг. оказывала разрушающее влияние на часть рабочих.

Однако ни кратковременное влияние «экономизма», ни зубатовская провокация не в силах были задуть ленинских идей, обеспечивших в первой половине 1902 г. победу в Московской партийной организации искровского направления. Этому в немалой степени содействовали такие агенты ленинской газеты «Искра», как Н. Э. Бауман и И. В. Бабушкин. Созданный под руководством И. В. Бабушкина в октябре 1901 г. Орехово-Богородский комитет РСДРП первым в России признал «Искру» своим руководящим органом.

Таким образом, истоки большевизма восходят к середине 90-х гг. XIX в., к началу ленинского этапа в развитии марксизма. На II съезде РСДРП (июль — август 1903 г.) «завершился процесс объединения революционных марксистских организаций и была образована партия рабочего класса России на идейно-политических и организационных принципах, которые были разработаны В. И. Лениным. Возникла пролетарская партия нового типа, партия большевиков, великая ленинская партия. «Большевизм существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 года» (Ленин)**. В этом состоит всемирно-историческое значение II съезда РСДРП.

В. И. Ленин разработал периодизацию истории большевизма. Первым его этапом явились годы подготовки революции (1903—1905). Характеризуя этот период истории большевистской партии, Ленин писал: «Везде чувствуется приближение великой бури. Во всех классах брожение и подготовка. За границей

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 181.

** Постановление ЦК КПСС о 70-летию II съезда РСДРП.— В сб.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. доп. Т. 11 (1972—1975). М., 1978, с. 260.

эмигрантская пресса ставит теоретически *все* основные вопросы революции. Представители трех основных классов, трех главных политических течений, либерально-буржуазного, мелкобуржуазно-демократического (прикрытого вывесками «социал-демократического» и «социал-революционного» направлений) и пролетарско-революционного, ожесточеннейшей борьбой программных и тактических взглядов предвосхищают и готовят грядущую открытую борьбу классов»*.

Партия в этот период переживала серьезный кризис. Отказавшись подчиниться решениям II съезда РСДРП, меньшевики вели дезорганизаторскую деятельность, объективно направленную на превращение партии нового типа в оппортунистическую социал-демократическую организацию, не способную возглавить борьбу российского пролетариата за свержение царского самодержавия в назревавшей буржуазно-демократической революции. Меньшевикам удалось захватить центральный орган партии газету «Искра» (ноябрь 1903 г.). Центральный Комитет РСДРП вскоре после съезда оказался в руках примиренцев.

В. И. Ленин наметил путь выхода партии из кризиса, в который завели ее меньшевики. Единственным средством его преодоления являлся созыв нового съезда партии. Борьба за его созыв в конце 1903 — начале 1905 г. определяла важнейшую сторону деятельности большевиков.

После II съезда партии Московский комитет вел непримиримую борьбу с меньшевизмом, отстаивая ленинские позиции, являлся опорой большевизма. 1905 год подтвердил высказанное Н. Э. Бауманом в отчете II съезду Московского комитета РСДРП предвидение о том, что «московский пролетариат проявит немедленно свою могучую революционную силу, как только во главе него встанет крепкая социал-демократическая организация» (см. с. 225).

Настоящий сборник состоит из двух разделов. В первом содержатся воспоминания активных работников Московской социал-демократической организации. В них отражена деятельность московского «Рабочего союза», а после I съезда партии — Московского комитета РСДРП. Авторы воспоминаний — руководящие работники московского «Рабочего союза» — А. Н. Винокуров, С. И. Мицкевич, М. Н. Лядов и другие, рабочие, принимавшие активное участие в деятельности «Рабочего союза», — М. П. Петров, С. И. Прокофьев, А. Д. Карпузи, Е. И. Немчинов, агенты «Искры» и члены МК РСДРП Г. И. Окулова, В. П. Ногин, А. И. Ульянова-Елизарова, С. И. Смидович-Луначарская, М. Ф. Владимирский, И. И. Скворцов-Степанов, И. А. Теодорович, С. И. Черномордик и другие видные работники Московской социал-демократической организации. В воспоминаниях показана ее деятельность, начиная с возникновения и до образования большевистской партии.

Большинство воспоминаний публиковались в 1919, 1920-х и 1932 гг., а ныне являются библиографической редкостью. Лишь воспоминания С. И. Мицкевича и А. А. Ганшина включены в первое и второе пятитомное издания «Воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине»**, да воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой и

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 8—9.

** См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-ти т. М., 1969, т. 2, с. 55—65; 2-е изд. М., 1979, т. 2, с. 53—62.

М. Ф. Владимирского опубликованы вторично в 1958 г.* и известны сравнительно широкому кругу читателей. Публикуемые в сборнике воспоминания не одинаковы по объему, стилю и форме изложения, но все они представляют большую ценность, так как написаны непосредственными участниками событий и во время, не столь отдаленное от этих событий. Порою эти воспоминания являются единственными источниками, в которых приводятся те или иные факты из истории возникновения и деятельности Московской организации КПСС.

Стремление как можно шире представить воспоминания активных работников Московской организации РСДРП в запланированном объеме сборника заставило составителя прибегнуть к небольшим сокращениям их за счет повторений, фактов и событий второстепенного значения. В ряде случаев имеются значительные сокращения, и вызваны они исключительно тем, что не имеют прямого отношения к теме сборника. Без сокращений публикуются воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой, А. А. Ганшина, И. И. Скворцова-Степанова, И. А. Теодоровича, Г. И. Окуловой-Теодорович.

Заголовки, кроме воспоминаний М. Н. Лядова, даны без изменений. Заголовок воспоминаний М. Н. Лядова дан составителем, поскольку из его обширных воспоминаний «Как зародилась Московская рабочая организация» взято описание первой маевки московских рабочих 30 апреля 1895 г.**

Во втором разделе сборника содержатся документы и материалы, существенно дополняющие воспоминания участников событий и расширяющие, а местами уточняющие факты и события, о которых говорится в воспоминаниях. Они освещают некоторые важные события и после II съезда РСДРП, в период развертывания борьбы против меньшевиков, за укрепление партии нового типа. Абсолютное большинство документальных материалов исходит из революционного лагеря: листовки, воззвания, отчет ЦК московского «Рабочего союза» и доклад МК РСДРП II съезду партии, а также корреспонденции из газеты «Искра», переписка московских агентов «Искры» и членов Московской организации РСДРП с В. И. Лениным и редакцией газеты «Искра». В приложении приведены документы, исходящие из враждебного лагеря. По своей направленности такие документы тенденциозны и требуют к себе весьма критического отношения.

Почти все содержащиеся в сборнике документы и материалы публиковались ранее, преимущественно в фундаментальных изданиях: «Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов» (т. 3, ч. 2. М., 1952; т. 4, ч. 1. М., 1961; т. 4, ч. 2. М., 1963); «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг.» (т. 1—3. М., 1969—1970); «Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг.» (т. 1—3. М., 1974—1977). Письма и другие документы В. И. Ленина сверены по Полному собранию сочинений. В сборнике представлены документальные материалы, опубликованные в свое время в журнале «Красный архив», в сборниках 20-х и 30-х гг., ставших ныне библиографической редкостью. Разбросанные по почти 15 изданиям в раз-

* См.: Первый съезд РСДРП. Март 1898 года: Документы и материалы. М., 1958, с. 156—165.

** См.: На заре рабочего движения в Москве: Сборник. М., 1932, с. 83—88.

ное время сборникам и относящиеся к истории Московской организации КПСС, эти документы собраны воедино и, по нашему мнению, представляют определенный интерес для читателя.

Текстуальные (подстрочные) примечания принадлежат или авторам документов, или составителям сборников, из которых они перепечатаны, или составителю данного издания. Примечания составителя настоящего сборника в тексте не оговорены.

Примечания по содержанию обозначены цифрами и печатаются в приложениях.

Археографическая обработка документальных материалов дана в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1969).

Составитель сборника — старший научный сотрудник института, кандидат исторических наук И. Ф. Угаров.

Научно-техническая работа выполнена младшими научными сотрудниками института Л. А. Гришиной, В. Н. Степановой и Л. М. Таракановой. Ими же составлены и указатели.

*Институт истории партии МГК
и МК КПСС — филиал Института
марксизма-ленинизма при ЦК КПСС*

ВОСПОМИНАНИЯ

А. И. УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА

ВОСПОМИНАНИЯ

Мои воспоминания о Москве и ее роли в истории рабочего движения начинаются с зимы 1893—94 г. В эту зиму шла борьба с народничеством и закладывались первые камни социал-демократического строительства. Происходили устные дебаты, — помню одно такое большое собрание на рождестве, где в числе молодых социал-демократов, выступивших против известного писателя В. В., был и В. И. Ульянов (Ленин)¹. Читались, переписывались и перепечатывались его рефераты с критикой В. В., Михайловского и Южакова². Циркулировали рефераты на эту тему и других авторов, но фамилий их я не помню. Все они были нелегального характера и не могли появиться в печати... Марксистская теория пробивала брешь в народничестве, появлялось все больше и больше кружков марксистов. Первым, работавшим эту и следующую зиму, был кружок С. И. Мицкевича³.

После ареста части этого кружка в декабре 1894 г. другая его часть (братья Масленниковы, Кирпичников, Ганшин и другие) продолжала работу. Они были связаны с Питером и издавали как исходившие оттуда сочинения (например, вышеуказанные рефераты Ленина), так и другие, а кроме того, местные злободневные листки.

В конце лета остатки кружка Мицкевича были забраны, и потянулось первое большое дело социал-демократов в Москве, названное «делом Мицкевича».

Понемногу стали завязываться новые связи, стали образовываться новые кружки. Из тех отдельных социал-демократов, которые взялись тогда за работу восстановления старого и налаживания нового, особенно памятен мне *Владимир Николаевич Батурин*, — инженер-технолог, который работал летом и осенью 1895 г. Это был серьезный и скромный работник, преданный революционер. В невероятнo трудных условиях, почти в одиночку, подбирая он обломки прежнего Союза⁴, заводил новые связи. При полном отсутствии квартир (рабочими квартирами в то время из-за малой сознательности рабочих, — главным образом, женщин рабочего класса, пользоваться было почти нельзя) ему приходилось устраивать свидания исключительно на открытом воздухе, поджидать рабочих где-нибудь на бульварах, за городом. Летом это было еще туда-сюда, но поздно осенью он сильно простудился. Я познакомилась

с ним уже большим чахоткою, с печатью смерти на челе, но с той же суровой непреклонностью идущим к своей цели. Весной 1896 г. он умер. Он передал свои связи кружку Финна*. В этом кружке участвовали еще М. Ф. Владимирский, А. М. Никитин (позднее меньшевик и министр при Керенском) и другие.

В то время назревала уже потребность в объединении работы разных городов, и весной 1896 г. Финн отправился в Питер, чтобы завязать связи с тогдашним «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Но впечатление, произведенное им на тамошних работников, было неблагоприятное. Выдающимся работником этого кружка был еще Радин (нажил в тюрьме чахотку, от которой и умер скоро по освобождению).

Говоря о Радине, нельзя не упомянуть о созданной им при участии других сочувствующих лиц (Серебряков — естественник (не смешивать с семьей провокаторши Серебряковой), инженер Теккер, врач Юрковский, его жена и некоторые учителя и учительницы) воскресной школы при Казанской железной дороге. Эта школа сыграла не последнюю роль в истории рабочего движения Москвы. Струя социал-демократической пропаганды лилась через нее в низы. Уроки истории и географии велись в определенном направлении; уроки бухгалтерии раскрывали собой беседы по политической экономии. Была хорошо подобранная библиотека. Кроме утвержденных лекторов читали под сурдинку и такие, которые утверждены быть не могли. Через эту школу передавались связи и для нелегальной работы. Школа эта была закрыта в 1896—97 г., но потом снова открыта в 1898 или 1899 г.

В кружке Рума принимал участие занимавшийся и раньше пропагандой среди рабочих Александр Николаевич Орлов. Жена его, Лидия Константиновна, работала по технике. Издавались листки, брошюры, переводы Маркса и Энгельса. Связи у этого кружка были, главным образом, с рабочими-металлистами; фабрики, особенно ткацкие, были еще серы и мало втянуты. Направление этого кружка было широко политическое. Одновременно с ним был другой, склонявшийся к экономизму.

1896 год,— год крупных стачек текстильщиков, главным образом, в Петрограде, но поддержанных и в Москве,— был поворотным пунктом в рабочем движении России: в первый раз вместо отдельных спропагандированных рабочих на арену выступили массы. Темой дня этой весны были дебаты о необходимости перехода от пропаганды и агитации, от кружковых занятий, от издания брошюр и переводов к листовкам и прокламациям. Распространялась, перепечатывалась и зачитывалась брошюра «Об агитации», изданная в одной из западных губерний.

* А. Ю. Финн-Енотаевский, позднее меньшевик.

Брошюра эта была написана Кремером и появилась в Москве еще в 1894 г. После провала кружка Мицкевича она временно исчезла со сцены и выплыла снова с большим успехом в 1896 г.⁵ При полном отсутствии преемственности каждый кружок в Москве начинал работу сначала и начинал, понятно, с завязывания связей с небольшим числом наиболее сознательных рабочих, кружковых занятий с ними, а следовательно, и с издания литературы для таких занятий. Кроме переводов Маркса, Энгельса, Каутского, помню брошюрку о положении рабочих в России и перевод «Ткачей» Гауптмана*. Осенью 1896 г. был издан перевод брошюры о Лондонском международном съезде, состоявшемся летом⁶. Мандат на него от Москвы был послан В. И. Засулич — уроженке Москвы.

В конце лета 1896 г., после вышеуказанных крупных стачек текстильщиков, почти весь этот кружок был арестован, но недели через две Зубатов⁷ освободил всех, — он пробовал деморализовать кружок, прикидываясь сочувствующим, вел прения по рабочему вопросу, — одним словом, развил широко свою «зубатовскую» тактику. Но провокаторство Рума выплыло при этом провале с очевидностью (Зубатову стали известны факты, которые Орлов сообщал одному Руме, и т. п.). Толки об этом заставили Рума скрыться (после того как он завязал сношения еще с некоторыми молодыми социал-демократами: кружком меньшого Батурина — Николая и третьего Масленникова, Юрия, кружком Елагиных), а Зубатова — забрать вновь старый кружок в ноябре 1896 г. Кружок Батурина Николая и Юрия Масленникова поработал недолго. Батурин сошел с ума в тюрьме, а Юрий Масленников, очень искренний и преданный революционер, скрылся по выходе из тюрьмы, до ссылки, за границу. Тамашнее рабочее движение (главным образом, бельгийское) и его медленный темп очень разочаровали его; он стал увлекаться критикой анархистов и их учением, но, очевидно, и оно не удовлетворяло его, а эмигрантская жизнь тяготила, и он кончил самоубийством, бросившись с гор Юры. Заговорив об этом, добавлю уже, что и Кирпичников (по процессу 1895 г.) сошел безнадежно с ума и заболел сильным нервным расстройством.

Родственник Алексея Ганшина Сергей, — техник, со средним образованием, заведовавший маленькой фабричкой на окраине Москвы, уцелел от провала 1895 г. и оказывал потом большие услуги по завязыванью связей с рабочими. В 1905 г. он был убежденным большевиком; осенью 1897 г. был арестован с кружком Елагиных (Елагины Владимир и Андрей, Дмитрий Ульянов, Вольский, Павлов и другие). Это был по преимуществу студенческий кружок, только начавший работу по издательству и пропаганде.

* Дрaму Гауптмана «Ткачи» перевела с немецкого А. И. Ульянова-Елизарова.

С весны 1898 г. начал работу по пропаганде и издательству группировавшийся около Серебряковых кружок братьев Розановых, Николая и Владимира (последний известный впоследствии меньшевик Мартын), сестер Карасевых, Ольги Гермогеновны Смидович, Анны Морицовны Лукашевич и других.

Летом 1897 г. были завязаны непосредственные связи Москвы с группой «Освобождение труда» в Швейцарии⁸, а также с молодыми социал-демократами в Берлине, образовавшими затем группу «Рабочее дело»⁹. Корреспонденции из Москвы и провинций стали помещаться в изданиях обеих групп, стали правильно посылаться московские листки и прокламации за границу, и товарищи из группы «Рабочее дело» приезжали в Москву и получали связи в провинции, особенно в Московской области. Стала получаться в большом количестве и более регулярно литература из-за границы и распределяться из Москвы по провинциям. Вся эта работа велась с группой «Рабочее дело». Группа «Освобождение труда», представленная, главным образом, тремя ветеранами — основателями ее, не имела живых организаторских сил до переезда за границу летом 1900 г. Ленина, Мартова и Потресова, основавших газету и группу «Искра». Кроме сношений с заграницей и с провинцией, московские социал-демократы были в постоянной связи с Лениным и до его ссылки, и в ссылке, и в эпоху «Искры». Он осведомлялся всегда обо всем выдающемся в рабочем движении Москвы.

Летом 1898 г. состоялся первый всероссийский съезд*, на котором была учреждена Российская социал-демократическая рабочая партия¹⁰. Между прочим, манифест, выпущенный ею, был написан Струве, тогда еще марксистом. Теперь мало уже осталось в живых товарищей, представленных на этом первом, учредительном съезде. Но, хотя он и вызвал свирепые, массовые аресты по всей России, чуть не полный разгром союзов отдельных городов и арест почти всех членов, он не прошел бесследно; идея объединения, заложенная на нем, пустила глубокие корни, и партия наша ведет с него свое начало.

Несмотря на все гонения, она все больше и больше укреплялась. На место выбывших товарищей притекали новые молодые силы, и чем дальше, тем больше в разных концах Москвы образовалось новых кружков.

Зубатовщина повлияла на распыление движения Москвы, создав кустарничество. Боязнь провокаторства заставляла часто обособляться, и стремление к объединению натывалось часто на кружки, которые, как кроты, залезали упорно в землю, отказываясь от идеи объединения. О многих кружках мы узнавали только после их провалов; некоторые маячили где-то неподалеку, но не поддавались

* В тексте ошибочно: I съезд РСДРП состоялся в марте 1898 г.

выяснению и сближению; с некоторыми встречи происходили в рабочих низах, в том подполье, из которого подкапывалось здание самодержавия. Несомненно, это кустарничество было связано и с экономизмом, но, может быть, именно из-за него борьба между политическим и экономическим направлением не выразилась так ярко, как в Петербурге.

С осени 1898 г. к движению примкнул приехавший из-за границы Луначарский. А. В. Луначарский стал ходить к рабочим (подробно об этом периоде — в воспоминаниях С. Н. Луначарской) *. В это время, кроме связи с рабочими-металлистами с фабрик Листа, Бромлей и др., были связи и с печатниками, которые таскали для нас шрифт. Стали налаживаться «свои» типографии, и листки стали появляться в печатном виде. Подготавливался майский листок, написанный А. В. Луначарским, но в апреле 1899 г. новый провал изъяс почти всех наиболее активных членов этой агитаторской группы. Провал этот произошел, несомненно, при участии провокаторши Серебряковой. Она же влияла со стороны на некоторых менее устойчивых членов, что следует лучше указать типографию, отдать шрифт, чтобы спасти людей! И, в конце концов, несмотря на горячий протест части арестованных (Лукашевич), а также уцелевших на воле, каким-то путем одна из типографий, переведенная в провинцию, была найдена, и жандармам удалось округлить дела. Помог этому и провокатор-рабочий — некий Афанасьев.

Постоянные провалы вызвали мысль о необходимости объединяющего работу центра из небольшого числа лиц, не входящих непосредственно в работу агитации и пропаганды, и осенью 1898 г. был образован Московский комитет¹¹ из трех лиц: П. В. Луначарского, М. Ф. Владимировского и А. И. Ульяновой, которые поделили между собой функции: сношения с ЦК партии, с заграницей, с другими городами, налаживание техники, объединение московских кружков, поставки агитаторов и пропагандистов и т. д. И хотя этот центр был довольно малосилен, хотя после некоторых провалов казалось, что это только иллюзия, что «курилка жив», но действительность показывала, что самый факт его существования имеет большое значение; преемственность не прерывалась: передавались связи, поддерживалось общение с внешним миром, и с разных концов Москвы его искали, с ним стремились вступать в контакт как небольшие группы, так и отдельные социал-демократы рабочие и интеллигенты.

Среди этих последовательно присоединявшихся к Московскому комитету кружков помню кружок Ивана Ивановича Бочкарева, Немчиновой; среди отдельных лиц Марию Сергеевну Александрову

* *Смидович-Луначарская С. Н.* 1898—1901 годы: Воспоминания.— Опубликовано в настоящем сборнике.

ву, занимавшуюся с кружками студентов, Н. Андреева, Евгению Николаевну Адамович и других.

Вследствие постоянных провалов типографий в России Московский комитет решил передавать свой незлободневный материал для напечатанья за границу группе «Рабочее дело». Таким образом был заказан и первомайский листок 1900 г.

На этом беглые наброски уцелевшего в моей памяти прерываются.

Летом 1900 г. я уехала за границу, и моя непосредственная связь с рабочим движением г. Москвы прекратилась.

Сб.: На заре рабочего движения в Москве. М., 1919, с. 123—130; Первый съезд РСДРП: Документы и материалы. М., 1958, с. 156—161.

С. И. МИЦКЕВИЧ

В. И. ЛЕНИН И ПЕРВАЯ МОСКОВСКАЯ МАРКСИСТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ 1893—1895 гг.

Первый раз я встретился с В. И. Лениным в августе 1893 г. в Нижнем Новгороде (ныне город Горький). Произошло это при следующих обстоятельствах. Я был тогда студентом-медиком 5-го курса Московского университета и работал летом на эпидемии холеры на Сормовском заводе, близ Нижнего Новгорода. Я был уже тогда марксистом и встречался с нижегородскими марксистами П. Н. Скворцовым и М. Г. Григорьевым, участниками первого марксистского кружка в Казани, называвшегося Федосеевским, по имени самого выдающегося его члена Н. Е. Федосеева.

В одну из своих поездок из Сормова в Нижний я зашел к Скворцову и застал у него незнакомого человека, оживленно беседовавшего с ним и с Григорьевым. Познакомившись, я узнал, что это Владимир Ильич Ульянов. В Нижний он заехал по пути из Самары в Петербург, где он решил обосноваться; заехал он сюда, чтобы познакомиться со Скворцовым, которого он знал по его статьям в «Юридическом вестнике»¹², первым русским легальным марксистским статьям по экономике России. Решил он заехать после Нижнего еще во Владимир, чтобы повидаться с Федосеевым, которого, по его сведениям, должны были выпустить из тюрьмы на поруки. Но Владимиру Ильичу тогда не пришлось повидаться с Федосеевым, так как освобождение его из тюрьмы задержалось на некоторое время.

Зашел разговор о Федосееве. Скворцов и Григорьев, которые его хорошо знали, говорили, что это замечательный человек, подающий большие надежды, много работающий. Потом беседа наша с Ильичем перешла на другие вопросы: мы рассказали ему

о наших связях среди интеллигентской молодежи, о начинающейся работе среди рабочих в Москве и Нижнем. Помню, что Ильич особенно подчеркивал необходимость создания прочной организации, установления связей между городами. Владимир Ильич дал мне московский адрес своей сестры Анны Ильиничны, на квартире которой он собирался встречаться, наезжая из Петербурга, с московскими марксистами. Говорили также о перспективах развития капитализма в России, о крестьянстве, о борьбе с народниками, о рабочем движении на Западе.

У нас во время беседы было приподнятое настроение; марксистов было тогда еще мало в России, мы были единицами, но мы сознавали, что великое учение Маркса дает нам ключ к разрешению «проклятых вопросов» и что будущее принадлежит нам.

Так беседовали мы с Ильичем несколько часов, пока не пришло время ему ехать на вокзал.

В молодом Ленине чувствовалась большая эрудиция и какая-то особая основательность и глубина суждений. Интересно отметить, что уже тогда в нем виден был будущий организатор нашей партии: он уделял огромное внимание собиранию всех различных революционно-марксистских сил, установлению связей между марксистами, разбросанными в разных городах.

В начале сентября я приехал в Москву и первым делом пошел по адресу, данному мне Ильичем, — знакомиться с Анной Ильиничной и ее мужем, Марком Тимофеевичем Елизаровым, служившим в управлении Курской железной дороги. Жили они тогда, помнится, в Яковлевском переулке, близ Курского вокзала. У них жили еще брат Владимира Ильича, Дмитрий Ильич, тогда студент 1-го курса медицинского факультета, и младшая сестра Мария Ильинична, гимназистка 5-го или 6-го класса. Я сразу сблизился с этой милой семьей и с тех пор всю жизнь поддерживал с ней дружеские отношения. Они оказывали мне всяческое содействие во время моей работы в Москве и помогли установить некоторые ценные связи. У них я познакомился с железнодорожным служащим Окуличем, который имел знакомства среди рабочих, а через него — с приехавшим из Вильно Е. И. Спonti, который играл потом видную роль в Московской марксистской организации.

Анна Ильинична принимала активное участие в работе этой организации, она была средоточием всех связей организации: восстанавливала связи после провалов, связывала вновь приезжающих работников между собой и с рабочими. Анна Ильинична переводила также пропагандистские брошюры с немецкого, перевела драму Гауптмана «Ткачи», которая была напечатана на гектографе, популярно изложила книгу Дементьева «Фабрика»* и пр. В 1898 г.

* Полное название книги Е. М. Дементьева: «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет».

она вошла в состав первого Московского комитета¹³, образовавшегося после I съезда Российской социал-демократической рабочей партии в Минске.

Д. И. Ульянов, тогда юный марксист, принимал участие в студенческих марксистских кружках, а вскоре стал работать и среди рабочих; в ноябре 1897 г. он был арестован по делу московского «Рабочего союза».

Вскоре после моего знакомства с Анной Ильиничной в Москве образовалась (в конце сентября 1893 г.) первая марксистская группа из шести лиц («шестерка») для систематической пропаганды и агитации среди московских рабочих. Я был в составе этой «шестерки»¹⁴. Наша группа все время своей работы поддерживала связь с Владимиром Ильичем.

В конце декабря 1893 г. я поехал на рождественские каникулы в Нижний Новгород и возвратился оттуда в Москву 12 (24) января 1894 г.

Здесь шли разговоры о недавней дискуссии между известным литератором В. В., автором книги «Судьбы капитализма в России», и петербуржцем-марксистом. От А. И. Елизаровой я узнал, что выступавший с огромным успехом против В. В. петербуржец был Владимир Ильич, который теперь поехал в Нижний. Я, таким образом, с ним разминулся и не был на его выступлениях ни в Москве, ни в Нижнем. Мне было очень досадно. Анна Ильинична подробно рассказала мне об этом выступлении Ильича; этот рассказ она потом изложила в своей статье... *

...Это выступление отмечено и в летописях охраны, в сообщении начальника Московского охранного отделения Бердяева от 20 января (1 февраля) 1894 г. о наблюдениях агентов за И. М. Давыдовым, который приезжал на каникулы из Юрьева в Москву.

«Вследствие отношения от 18 прошлого декабря за № 7271 имею честь уведомить департамент полиции, что студент Юрьевского университета Иосиф Мордухов Давыдов за время проживания в Москве вращался исключительно среди лиц, политически неблагонадежных. Кроме пассивного его участия на чисто студенческом вечере 12 сего января, агентуре известно, что он с увлечением дебатировал 9 числа сего месяца на конспиративно устроенной сыном коллежского асессора Николаем Ефимовым Кушенским вечеринке в доме Залесской по Воздвиженке. Присутствовавший на вечере известный обоснователь теории народничества писатель В. В. (врач Василий Павлов Воронцов) вынудил своей аргументацией Давыдова замолчать, так что защиту взглядов последнего принял на

* См. в настоящей книге воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой «Первое выступление Владимира Ильича Ленина в Москве».

себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту защиту с полным знанием дела...» *

После этого выступления Ильич поехал в Нижний и там сделал доклад. Вот как вспоминает Григорьев об этом докладе:

«...Местом прочтения В. И. Ульяновым реферата была выбрана небольшая квартирка Минодоры Егоровны Якубовской... интерес к реферату В. И. Ульянова был необычайный. Ввиду же тесноты помещения и по конспиративным условиям публики на реферате сравнительно было немного, и она была избранной. Более тонкий подход к тому же вопросу о судьбах русского капитализма, к которому подходил и П. Н. Скворцов, резкая определенность в постановке и разрешении вопросов и обширная эрудиция произвели громадное впечатление, и никого среди присутствовавших не нашлось смелого для возражений» **.

Выступления Ленина в Москве и Нижнем значительно усилили позиции марксистов в этих городах.

По возвращении Ильича из Нижнего в Москву я виделся с ним; мы побывали вместе у А. Н. Винокурова, который тоже входил в руководящую московскую марксистскую группу. Мы рассказали Ильичу о наших московских рабочих кружках, о нашем намерении в ближайшее время перейти к массовой агитации путем выпуска листовок. Он очень внимательно и сочувственно слушал наши сообщения и особенно одобрял наше намерение перейти от кружковой работы к агитации.

Владимир Ильич побыл тогда в Москве недолго. Приезжал он еще раз в эту зиму, помнится, в конце февраля ***, на масленице, я виделся с ним, ходили опять к Винокурову, там встретили А. С. Розанова, марксиста, приехавшего из Нижнего.

Летом 1894 г. наша организация развила значительную по тому времени работу среди рабочих: были установлены связи на ряде московских фабрик, было выпущено несколько агитационных листовок, имевших большой успех среди рабочих, организовано несколько стачек на московских и подмосковных фабриках ****.

В период этой напряженной горячей работы я часто встречался с Ильичем. Он проводил лето на даче у Анны Ильиничны, близ станции Люблино Курской железной дороги, в дачном поселке Кузьминки. Ильич заходил иногда ко мне, бывал и я несколько раз у него на даче у Елизаровых. Мы гуляли с ним по окрестностям, купались в пруду, много беседовали. Он расспрашивал о нашей ра-

* Красный архив, 1934, № 62, с. 76.— *Примеч. автора.*

** Пролетарская революция, 1924, № 4(27), с. 103.

*** В книге «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника» (М., 1970, т. 1) приезд В. И. Ленина в Москву в феврале 1894 г. не фиксируется.

**** См. об этом подробнее в моей книге «Революционная Москва» (Гослитиздат, 1940).— *Примеч. автора.*

боте, говорил о вопросах, волновавших тогда русских марксистов. Однажды Владимир Ильич дал мне прочесть свою работу «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Это была рукопись в толстой тетради, написанная характерным почерком Ильича и представляющая собой исследование о расслоении крестьянства на юге России, о выделении из крестьянской массы, с одной стороны, экономически мощной кулацкой группы, применявшей в своем хозяйстве машины и наемный труд, с другой — разоряющейся маломощной группы крестьян, постепенно пролетаризирующихся. Статью эту Ильич хотел поместить в легальной прессе и передал в редакцию «Русской мысли»¹⁵, экономической частью которой ведал Н. А. Каблуков. Уже после отъезда Ильича из Москвы по его поручению я заходил к Каблукову, чтобы узнать об участии этой статьи. Каблуков вернул ее мне, сказав, что она не будет напечатана, как не подходящая по направлению для их журнала.

Статья осталась у меня и был взята при обыске 3 декабря 1894 г. В 1923 г., т. е. почти через 30 лет, я нашел ее в архиве, в «вещественных доказательствах» по моему делу, и в том же году она была напечатана в сборнике Истпарта «К 25-летию I съезда партии» и вошла в 1-й том Сочинений Ленина*.

После этой статьи Ильич дал мне для прочтения три части своей большой работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Эта работа произвела на меня тогда огромное впечатление.

Надо сказать, что в течение зимы 1893/94 г. в либеральных и либерально-народнических журналах появилось несколько статей против марксизма и русских марксистов. Кампания в печати против марксистов не встречала отповеди со стороны марксистов ни в легальной, ни в нелегальной прессе, да и вообще не было теоретической работы, формулирующей марксистские теоретические взгляды, дающей обоснование основных программных и тактических лозунгов марксистов. Книги Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» были посвящены критике старого народничества (Бакунин, Ткачев, Лавров), идеи которого уже не были тогда актуальны; его эпигоны отказались от идей революционного народничества и распространяли идеи народничества оппортунистически-мещанского. Чувствовалась среди русских марксистов большая нужда в работе, которая дала бы отповедь яростным нападкам критиков-народников, разоблачила бы их мелкобуржуазную сущность, свела бы в единую систему марксистско-философские, экономические и политические идеи применительно к современным российским условиям.

И вот такая работа появилась. Можно сказать, что эта работа

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 1—66.

была манифестом революционного марксизма в России, первым программным документом большевизма.

По существу, основные программно-теоретические и организационно-тактические вопросы предстоящей в России революции уже поставлены в этой работе Ленина, и здесь же намечено их решение в духе революционного марксизма. В этой книге Ленин завершил разгром народнической идеологии, начатый Плехановым.

И вот в моих руках была рукопись этой замечательной работы, отившей в основном на все наболеее вопросы того времени. Понятно было мое волнение. Учитывая огромное значение этой работы, я решил, что ее нужно во что бы то ни стало размножить. За это взялись братья А. Н. и В. Н. Масленниковы, студенты Московского высшего технического училища, и их двоюродный брат А. А. Ганшин, студент Петербургского технологического института, с которыми я познакомился через Анну Ильиничну; Ганшина знал и Ильич по петербургской организации. Но работа у них что-то долго не налаживалась. Владимир Ильич уехал в конце августа или в начале сентября в Петербург, а у них все еще работа не была окончена. Однажды пришел ко мне Ганшин и сказал, что из Петербурга приезжал от Ильича человек и забрал весь воспроизведенный материал и подлинник статьи Владимира Ильича.

Из воспоминаний М. А. Сильвина, принимавшего участие в воспроизведении этой работы в Петербурге, а также и из других источников видно, что первый выпуск был воспроизведен на гектографе не более как в 50 экземплярах весной 1894 г.; второе издание первого выпуска было повторено той же группой в Петербурге в июле, тоже на гектографе (значит, тоже не более 50 экземпляров). В сентябре группа Сильвина уже оканчивала третье издание первого выпуска. В своих воспоминаниях Сильвин рассказывает, что Владимир Ильич, убедившись в том, что в Москве «то же несовершенство техники, медленность печатания и незначительность выхода... огорченный всем этим... и найдя, что у нас дело подвигается, по крайней мере, не хуже, сейчас же попросил Малченко отправиться в Москву, взять у Ганшина все, что уже готово, а также и самые рукописи»*.

Группа Сильвина отпечатала третий выпуск, пометив его сентябрем 1894 г. и снабдив для конспирации надписью: «Издан провинциальной группой социал-демократов». Этот выпуск в гектографированном виде в желтой обложке доставил мне Ганшин из Петербурга только в ноябре того же года. Таким образом, первый выпуск был издан в трех изданиях, причем несомненно только два первых, так как они найдены в царских архивах, а третий — в одном издании. Издание в Черниговской губернии, о котором пишет

* Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. Л., 1958, с. 76.

Могилянский («Былое» № 23), вышло в свет (первый выпуск) только в 20—25 экземплярах. Издание второго выпуска сомнительно, хотя есть полицейские сведения, что он был выпущен в Москве *. Во всяком случае, он до сих пор не найден.

Больше достоверных сведений об издании этого сочинения нет. Первое упоминание о нем в литературе сделал я в своей статье в сборнике «Текущий момент» в 1906 г. и повторил это упоминание в сборнике «На заре рабочего движения» в Москве в 1919 г. Тогда по моим указаниям начались поиски этой работы, которые увенчались успехом только в 1923 г., когда первый и третий выпуски были найдены в Петрограде, в Публичной библиотеке, и почти одновременно в Берлине, в социал-демократическом архиве. Тогда же впервые это сочинение вышло в издательстве «Московский рабочий», а затем помещено в 1-м томе Сочинений Ленина **.

Так же как и первая статья Ленина, книга «Что такое «друзья народа»...» задержалась печатанием на 29 лет. Но, во всяком случае, руководящие партийные работники того времени почти все читали это гениальное произведение.

После выхода этой книги Владимир Ильич стал еще более популярным и признанным авторитетом среди марксистов. Молодое русское марксистское направление поняло, что нашло в его лице огромную политическую и теоретическую силу.

Но в памяти людей, которые его знали, Владимир Ильич сохранился не только как великий теоретик и вождь, но и как жизнерадостный, веселый, живой человек. Он умел так внимательно слушать и расспрашивать, что казалось, он хочет до дна исчерпать своего собеседника, а его острые реплики сразу раскрывали по-новому содержание беседы. Разговоры с ним доставляли истинное удовольствие и всегда вносили точность и ясность в обсуждаемый вопрос. Когда впоследствии мы встречались с каким-либо новым вопросом теории или практики политической работы, мы всегда живо интересовались, как на это смотрит Ильич, каково его мнение, и всегда оказывалось, что его мысли, его директивы бывали самыми мудрыми, самыми правильными, ведущими партию и пролетариат к неуклонному росту и к конечной победе.

В декабре 1894 г. я был арестован; вместе со мной были арестованы еще два члена нашей «шестерки», А. Н. и П. И. Винокуровы; остались на свободе М. Н. Лядов, Е. И. Спonti и рабочий С. И. Прокофьев. К этому времени в организацию был уже привлечен ряд новых лиц, пропагандистская и агитационная работа продолжала расширяться. На маевке в 1895 г. московская организация приняла название «Рабочий союз».

* См. донесение петербургского градоначальника от 27 мая 1895 г.— Красный архив, 1934, № 62, с. 82.— *Примеч. автора.*

** См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 125—346.

Ильич продолжал поддерживать связь с московской организацией через Спonti и братьев Масленниковых.

После летних провалов в Москве, когда были арестованы Лядов, братья Масленниковы и многие другие, Ленин старался восстановить свои связи с московской организацией, как это видно из его письма к Аксельроду в Цюрих в ноябре 1895 г.: «Был в Москве. Никого не видал, так как об «учителе жизни» * ни слуху ни духу. Цел ли он (он был арестован 12 (24) декабря 1895 г.— С. М.)? Если знаете что о нем и имеете адрес, то напишите ему, чтобы он прислал нам адрес, иначе мы не можем найти там связей. Там были громадные погромы, но, кажется, остался кое-кто, и работа не прекращается. Мы имеем оттуда материал — описание нескольких стачек» **.

Вскоре после этого письма Ленин был арестован (9 (21) декабря 1895 г.).

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969, т. 2, с. 55—63. Печатается с небольшим сокращением.

А. И. УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА В МОСКВЕ

Осенью 1893 г. семья наша переехала из Самары в Москву, где младший мой брат, Дмитрий Ильич Ульянов, поступил в университет на медицинский факультет. Владимир Ильич той же осенью приехал в Петербург, где записался помощником присяжного поверенного. Еще в Самаре (см. воспоминания М. И. Семенова в сборнике памяти Скляренко) Владимир Ильич писал рефераты с критикой народников — Михайловского, В. В., Южакова и Кривенко — и читал их в марксистском самарском кружке. Позднее он обработал эти тетрадки, сделал к ним новые добавления и примечания, и решено было размножить их. За это взялся в Москве, летом 1894 г., инженер-технолог Ганшин вместе со своими двоюродными братьями Александром и Владимиром Масленниковыми, студентами Московского технического училища. Я видела эти статьи в письменном виде и читала тетрадки о Южакове, В. В. и Кривенко. Тетрадь о Михайловском как-то миновала моих рук, и я разыскала ее уже потом, когда она вращалась в студенческих, главным образом, кругах, перепечатанная

* Речь идет о Е. И. Спonti.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 8.

на ремингтоне и размноженная на мимеографе. Тетради эти носили общее заглавие: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Тетради I, II и III читались нарасхват, одними — с горячим одобрением, другими — со столь же ярким возмущением.

Наиболее живой и носящий общий характер критики идей народничества была, насколько я помню, I тетрадь — о Михайловском. Критика Южакова (II тетрадь), Кривенко и Н.—она* (III т.) изобиловала статистическими данными и потому пользовалась меньшей популярностью. Резкие нападки и характерные для Владимира Ильича словечки и насмешки попадались, правда, и тут, но особенно изобиловала ими тетрадь № 1. Всех многочисленных тогда сторонников Михайловского и часть неопределившейся, ищущей молодежи возмущала главным образом непочтительность тона. Помню, что когда я стала разыскивать среди московских знакомых интересующий меня реферат, я наткнулась на то затруднение, что в Москве вращался не один, а несколько анонимных рефератов против Михайловского.

— Который вам? — спросила меня некая Юрковская (жена тогдашнего студента, потом врача Бориса Андреевича Юрковского, в то время неопределенного народника, потом социал-демократа).

Затрудняясь определить точнее, я стала спрашивать ее мнение относительно прочитанных ею трех. Об одном она отозвалась как о наиболее интересном, но «выражения уж очень недопустимые».

— А например? — спросила я невинно.

— Да, например, «Михайловский сел в калошу».

— Вот, пожалуйста, этот мне достаньте, — заявила тогда я, прекратив дальнейшие расспросы, ибо решила для себя совершенно определенно, что это и есть тот, который я ищу.

Потом я смеялась с братом по поводу признака, по которому определила его работу.

На рождественские праздники 1893—94 г. Владимир Ильич приезжал к нам в Москву. И тут имел место очень интересный диспут его с народниками. Вот что рассказывает о нем в своих рукописных воспоминаниях тов. Голубева-Яснева¹⁶:

«Я хочу описать маленький эпизод богатой не только фактами, но и историческими событиями жизни Владимира Ильича, — это одно из первых его публичных выступлений на довольно большом по тому времени нелегальном собрании. Владимира Ильича я знаю давно, в 1890 г., когда я познакомилась с ним, он был совсем молодым человеком, изучавшим Маркса и вообще

* Н. Ф. Даниельсон.

страшно много работавшим над собой; меня, помню, очень изумляла его необычайная работоспособность. Но уже и тогда, в молодые годы, это был вылитый из стали Владимир Ильич с готовым, продуманным, остроумным и метким ответом на устах.

Жили мы тогда в Самаре. Поволжье переживало голод (1891 г.), давший как бы толчок всему оппозиционно настроенному, преобладали конечно народнические течения, а у Владимира Ильича была уже своя определенная точка зрения, своя определенная линия поведения. Заходил ли вопрос о голоде, о помощи голодающим, об участии нас, революционеров, в общественных столовых, у Владимира Ильича на все был свой, выгодно отличавшийся своей определенностью и революционной (это мое тогдашнее определение) выдержанностью ответ.

Но вернусь к описываемому эпизоду. Было это зимой 1893—94 г. Я тогда была выслана под гласный надзор в Тверь. Но, пользуясь близостью, часто удирала и приезжала в Москву, где заводила порванные связи. Москва после голодного 1891—92 г. несколько оживилась, появилось много разных кружков и организаций: народовольцы, народоправцы, культурники и т. п. Пора проповеди мелких дел еще не прошла. Я вела сношения по преимуществу с группой так называемых народовольцев, и вот в один из моих приездов в Москву один из этих народовольцев дал мне билет на нелегальную вечеринку, очень, мол, «конспиративно» обставленную, где мы соберемся поговорить без замка на устах и обсудим общую линию поведения. «Так как вечеринка предполагает собрать по возможности всех идущих врознь, но будущь вместе, то, может быть, вы приведете с собой еще кого-нибудь, но только интересного». Я подумала, взяла еще билет и отнесла его Владимиру Ильичу. В те времена я была еще выдержанной якобинкой, сравнительно редко видела за этот период Владимира Ильича, но то, что он говорил, так долбило мозг, что мне казалось, что именно он скажет новое слово, укажет новый путь для выхода из того разброда, который царил тогда. Вот почему именно ему, а не кому-либо другому, я и понесла билет на эту вечеринку. Владимир Ильич согласился не сразу, но все-таки мы отправились» (М. Голубева).

Вечеринка эта имела место «в Гиршах» (дом Гирша, где-то на Бронных, кишевший тогда студентами) *. Квартира из трех, помнится, комнат была набита народом. Преобладало студенчество, но и интеллигентские кружки Москвы были сильно представлены. Помню, там, между прочим, Муринова, квартира которого являлась тогда некоторым образом центром передовой интеллигенции

* В тексте неточно: вечеринка проходила на Воздвиженке (ныне проспект Калинина), дом № 13 (дом не сохранился).

того времени. У жены его был книжный склад и издательство, ставившее себе целью издание популярной литературы для народа.

Обставлялась эта вечеринка с той «конспирацией», которая была свойственна тогдашним собраниям такого полулегального типа. Решено было устроить ее «только для избранных», приглашения передавались шепотком, где-нибудь в углу. Так, у нас в квартире товарищем Голубевой был передан накануне адрес брату — Владимиру Ильичу, а мы с мужем получили этот же адрес на другой день из другого источника*. Мы думали таким образом, что идем на разные вечеринки, но оказалось, что встретились в тех же гостеприимных «Гиршах», где «избранных» оказалось непротолченная труба. Конспирация была такова, что оказалось два входа в дом или две квартиры под одним номером, не помню точно, и многие тыкались сперва неправильно, а потом описательно добивались нужного. Если принять во внимание, что это были меблированные комнаты-квартиры для студенчества, в то время самого революционного элемента, и поэтому дежурный пост для всех шпиков, то надо признать, что менее конспиративно устроить вечеринку вряд ли было возможно. Но как быть? Более солидная публика была в то время слишком осторожна, чтобы давать свою квартиру под большие собрания. Неустрашимой являлась, как всегда и всюду, молодежь, ищущая путей, вырабатывающая свои взгляды и не останавливающаяся для этого, самого насущного для нее дела, ни перед чем.

Тов. Голубева говорит, что был прочитан какой-то реферат, за который она обругала организаторов вечеринки: «Стоило, мол, собирать так конспиративно публику, чтобы слушать доклады об аптечках и библиотечках!» Я реферата не помню, может быть, потому, что пришла с опозданием. Помню дебаты, принявшие скоро горячий характер, особенно после того, как одному очень солидному народнику, невысокого роста, плотному, с лысиной блондину, к которому молодежь обращалась очень почтительно и который сидел в некотором роде «в красном углу», стал возражать Владимиру Ильичу.

Помню, что брат, тогда 23-летний юноша, стоял с толпой молодежи в дверях в другую комнату и сначала произнес несколько смелых иронических Zwischenruf'ов, заставивших всех — большинство очень неодобительно — повернуть головы в его сторону, а затем взял слово.

Смело и решительно, со всем пылом молодости и силой убеждения, но также вооруженный и знаниями, он стал разбивать доктрину народников, не оставляя в ней камня на камне. И враж-

* От студента-народовольца Кибардина.— *Примеч. автора.*

дебное отношение к такой «мальчишеской дерзости» стало смеяться постепенно, если не менее враждебным, то уже более уважительным отношением. Большинство стало смотреть на него, как на серьезного противника. Марксистское меньшинство ликовало, особенно после второго, в ответ солидному народнику, слова Владимира Ильича. Снисходительное отношение, научные возражения более старшего собеседника не смутили брата. Он стал подкреплять свои мнения также научными доказательствами, статистическими цифрами и с еще большим сарказмом и силой обрушился на своего противника. Все собеседование обратилось в турнир между этими двумя представителями «отцов и детей». С огромным интересом следили за ним все, особенно молодежь. Народник стал сбавлять тон, цедить слова более вяло и, наконец, стушевался.

Марксистская часть молодежи торжествовала победу. Рассказывает об этом «разговорном собрании» и Чернов в своих «Записках социалиста-революционера» на с. 182¹⁷:

«Впервые знакомство (с народоправцами.— А. Е.) состоялось на одном из «разговорных собраний», гвоздем которого были иногородние гости. Один из них, несколько пасмурный и рыжебородый, был мне заочно хорошо известен по литературе: то был Вас. Павл. Воронцов (В. В.). На другого мне таинственно указал кто-то: «Обратите внимание вот на того, молодого с лысинкой: это очень-очень интересный человек, он среди питерских марксистов большая шишка: его брат тоже был крупной величины, он повешен по народовольческому делу». Это был Владимир Ульянов (Ленин). Он показался мне очень невзрачным; его картавящий голос, однако, звучал уверенностью и чувством превосходства. Он тогда еще не злоупотреблял «ругательностью» и производил приемами спора, в общем, весьма благоприятное впечатление. На него с большим азартом налетел В. П. Воронцов, приставая к нему, что называется, как с ножом к горлу: «Ваши положения бездоказательны, ваши утверждения голословны. Покажите нам, что дает право вам утверждать подобные вещи: предъявите нам ваш анализ цифр и фактов действительности. Я имею право на свои утверждения, я его заработал: за меня говорят мои книги. Вот, с другой стороны, свой анализ дал Николай — он (в то время только что появились его «Очерки»). А где ваш анализ? Где ваши труды? Их нет!» Этот способ аргументации на нас не производил впечатления: что всякое молодое направление не может сразу предъявить фундаментальных трудов, было нам понятно и в наших глазах не могло его дискредитировать. В. П. Воронцов, казалось нам, злоупотребляет случайными выгодами такой несущественной вещи, как историческое первородство его направления. Ульянов «огрызнулся» очень успешно, деловито,

слегка насмешливо и хладнокровно. Их стычка, впрочем, выродилась быстро в беспорядочный диалог; его пришлось прервать, так как он все более принимал личный характер и терял интерес для собравшихся».

Чернов говорит затем о выступлении «заики» Катаева, «путаной головы», по его определению, о том, что вытолкнули «поправлять дело» его, Чернова, о разговоре после заседания с Тютчевым, который одобрил его выступление и стал заывать в народовольческую организацию. Одним словом, Виктор Чернов сосредоточивает, конечно, внимание на выступлениях народovolьцев, в которых он не видит беспорядочности, и быстро утомляется возражениями социал-демократов, хотя и деловитыми. Для него центр интереса вечера состоял в выступлениях социалистов-революционеров, и, понятно, им он посвящает наибольшее внимание. Мы же все — и тов. Голубева — ушли после окончания дебатов с В. В., как мне смутно припоминается, как раз во время путаной речи Катаева.

— С кем это я спорил? — спросил, по словам тов. Голубевой, Владимир Ильич, с которой он вышел в переднюю.

— Да с В. В. (Воронцов, известный писатель-народник).

Он страшно рассердился.

— Что же вы мне не сказали раньше? Если бы я знал, что это В. В., я б и спорить не стал, — сказал Владимир Ильич.

«Я поняла эти слова в том смысле, что он считал спор с В. В. бесполезным, — все равно, мол, его не переубедишь, — и потому стала оспаривать нецелесообразность такого спора и доказывать, какое большое значение он имел для слушателей. И действительно, впечатление, произведенное речами Владимира Ильича, было громадное, о нем говорили, как о новой звезде, появившейся на горизонте, одни с удовольствием и удовлетворением, другие с завистью и оглядкой, — что, мол, из этого будет» (М. Голубева).

Я помню тоже, что диспут этот с живостью обсуждался и комментировался в кружках молодежи, многих из которой Владимир Ильич переубедил и убедил и толкнул на путь изучения Маркса. Марксисты заметно подняли головы, а имя «петербуржца», раздававшего так основательно В. В., было одно время у всех на устах.

Сб.: На заре рабочего движения в Москве. М., 1932, с. 140—145.

**КАК БЫЛИ ИЗДАНЫ СТАТЬИ В. И. УЛЬЯНОВА
«ЧТО ТАКОЕ «ДРУЗЬЯ НАРОДА» И КАК ОНИ ВОЮЮТ
ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ?»**

Ранней весной в 1894 г. я узнал от своих родственников-друзей братьев Масленниковых, что им удалось после долгих попыток приобрести в Москве типографский шрифт. Я тотчас же предложил нашему кружку технологов-марксистов (Владимиру Ильичу Ульянову, С. И. Радченко, В. В. Старкову, Г. М. Кржижановскому, Г. Б. Красину, М. К. Названову, А. Л. Малченко, А. А. Ванееву, П. К. Запорожцу) воспользоваться шрифтом и отпечатать только что написанную статью Владимира Ильича «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», причем всю типографскую работу я брал на себя. Условились, что рукопись передаст Владимир Ильич в Москве в середине июня.

Приехав в Москву, я узнал от братьев Масленниковых, что шрифта нет: доставший шрифт рабочий испугался ревизии типографии и взял его обратно, но есть надежда получить шрифт из других источников. Обещали не сегодня-завтра доставить; время шло, а шрифта не было. Рукопись о Михайловском была передана мне Владимиром Ильичем в квартире С. И. Мицкевича на Садовой, которому она была дана для прочтения. Дело было только за шрифтом. Решено было ехать в город Юрьев-Польский, где был у меня знакомый наборщик, и предложить ему или отпечатать рукопись, или снабдить нас шрифтом. Переговоры не привели ни к чему: типография была маленькая и убыль шрифта сразу могла броситься в глаза владельцу. Но все-таки удалось достать литографский камень, на котором в конце концов и решились отпечатать «Что такое «друзья народа»...».

Местом для работы выбрали имение моего отца Горки Переяславского уезда Владимирской губернии, в 160 верстах от Москвы, куда, приобретя пишущую машинку, краски, валик и пр., перебрались мы с В. Н. Масленниковым, но вследствие неумения литографскую работу поставить не удалось. Тогда В. Н. Масленников едет в Москву, достает там автокопист, пергамент и пр., начинаем печатать; работа идет медленно: станок всего на поллиста, делаем новый — в лист. К концу августа напечатали одну только первую часть в количестве 100 экземпляров, форматом в $\frac{1}{4}$ листа, черной краской, стараясь придать внешность типографской работы. С начала сентября продолжаем работу в Москве, на 1-й Мещанской, в доме Зайцевского, в квартире моего отца, куда приезжал из Петербурга А. Л. Малченко, забрал все гото-

вые экземпляры и рукопись в Петербург, где она была вскоре издана на гектографе (синими чернилами) полностью. Насколько помню, в этом издании и принимал участие А. А. Ванеев. На этом издании, по-видимому ради конспирации, т. е. чтобы отвлечь внимание жандармов от петербургской организации, была сделана пометка: «Издание провинциальной группы социал-демократов». В ноябре я привез из Петербурга несколько экземпляров этого издания для братьев Масленниковых и С. И. Мицкевича.

В Горках и в Москве мною и В. Н. Масленниковым были изданы только две первые части: ответ Михайловскому и Южакову. Ответ Кривенке не успели издать. Рукописи о Южакове и Кривенке я получил от Владимира Ильича в Люблино, где он жил летом 1894 г. на даче у А. И. Елизаровой. Двадцатидевятилетняя давность* не изгладилась из памяти тех бесед, которые вел со мной Владимир Ильич, гуляя по берегу пруда в Кузьминках; уже тогда чувствовалось, что пред тобой могучая умственная сила и воля, в будущем великий человек.

Р. С. Помню, что когда приехал Владимир Ильич в Петербург из Самары в 1893 г., то привез с собой рукопись, кажется, под таким заглавием: «Обоснование народничества в трудах В. В.»; о дальнейшей судьбе этой рукописи мне ничего не известно**.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 2,
с. 64—65.

А. Н. ВИНОКУРОВ

О ВОЗНИКНОВЕНИИ МОСКОВСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

...Я приехал в Москву учиться в университет осенью 1888 г. Через год, осенью 1889 г., в Москве организовалось екатеринославское землячество, в котором образовалась левая революционная (неоформленная) группа (пишущий эти строки, Ив. Муралов, С. Муралова, П. Калугина, П. Винокурова, А. Барабаш, Куш и другие). Землячество имело кружки самообразования, в которых читались Чернышевский, Миртов, Лассаль, Шефле и другие. Марксизма в этих кружках не было еще ни грана. Кроме земляческих кружков в то время в Москве были и отдельные революционные группы. Так, в 1890—1891 гг. существовала и скоро

* Воспоминания опубликованы впервые в журнале «Пролетарская революция», 1923, № 2, с. 73—74.

** Упоминаемая автором работа В. И. Ленина до настоящего времени не разыскана.

была ликвидирована народовольческая группа Лносова, Балакиревой и других. Мы имели связь с этой группой и получали через нее нелегальную литературу. Позже, в 1891—1892 гг., образовалась другая революционно-народническая группа, кружок писателя Астырева, которая стала на путь широкой крестьянской агитации (рассылала прокламации к крестьянам по поводу голода). В это время уже образовался наш марксистский кружок, и интересно отметить, что в рассылке прокламаций, надписании адресов, опускании в почтовые ящики мы приняли участие. Я отмечаю этот факт, так как он с несомненностью указывает, что наш марксистский кружок придавал значение революционной агитации и среди крестьян.

Впервые марксиста я встретил в конце 1890 г. в лице И. Давыдова, который в это время обладал уже достаточной эрудицией в области марксизма (читал Маркса, Зибера и др.).

И. Давыдов принадлежал к рязанскому земляческому кружку, о котором упоминает донесение охранки по поводу ликвидации социал-демократического кружка С. Мицкевича, А. Винокурова и других (сб.: На заре рабочего движения в Москве, 1919, с. 58). Этот рязанский кружок сыграл немалую роль в деле развития марксизма в Москве, дав марксистов: Ар. Рязанова, И. Давыдова, В. Жданова и других. Кружок этот имел два течения: одно народовольческое, впоследствии давшее социалистов-революционеров, другое марксистское. ...Таким образом можно установить такую цепь первых марксистов в Москве: Ар. Рязанов, Гр. Мандельштам, Круковский, И. Давыдов, С. Мицкевич, А. Винокуров, М. Мандельштам и другие.

Из указанных земляческих кружков и выделились почти одновременно в начале 1892 г. две марксистские группы. Первая в составе Гр. Мандельштама, А. Н. Винокурова, П. И. Винокуровой, К. и А. Куш, Н. Шатерникова. Эта группа поселилась коммунально в одной квартире и стала центром собрания марксистских сил. К ней позже присоединились С. Мицкевич и М. Мандельштам. Кружок переводил социал-демократическую литературу, вел пропаганду на студенческих вечеринках. Пишущему эти строки пришлось не раз бывать на этих вечеринках с Гр. Мандельштамом и пропагандировать марксистские идеи. Нужно сказать, что в это время (начало 1892 г.) марксизм только еще начал проникать в среду молодежи, и нам часто приходилось иметь против себя большинство собрания. Вторая марксистская группа образовалась в составе А. Рязанова, Давыдова, Жданова, Калафати и других (Давыдов скоро уехал в Дерпт).

Эти группы поддерживали между собой тесную связь, но организационно не сливались и стали объединяющим центром для марксистов социал-демократов того времени. Вокруг названных

групп сгруппировались кадры примыкающих (Кирпичников, Дурново, Смирнова и другие), которые оказывали всякое содействие в виде хранения литературы, переписки, печатания, распространения и т. д. Уже тогда намечался тот тип организации, который впоследствии дал Владимир Ильич, с профессиональными революционерами во главе, примыкающими к ним группами и пр.

Необходимо отметить, что характер указанных групп все время был несколько различный. Кружок в составе Рязанова, Давыдова, Калафати и других по составу был интеллигентский, по своей деятельности носил более теоретический характер, имел задачей пропаганду марксистских идей в студенческой среде и борьбу с народническим мировоззрением. Отсюда частые выступления на студенческих вечеринках, отмеченные в ряде воспоминаний. Соответственно и работа этой группы была более теоретическая: подбиралась марксистская литература, собирался статистический материал, подтверждающий развитие капитализма в России и опровергающий народнические теории, выписывалась из-за границы и переводилась социал-демократическая литература и т. д. Однако необходимо сказать, что самостоятельных теоретических работ по марксизму московские кружки не дали. Гегемония в этом отношении принадлежала Петербургу.

Что касается нашей группы, то она все более склонялась к практической работе — к пропаганде, а затем и агитации среди рабочих с целью политического и социалистического воспитания рабочих и их организации для революционной борьбы с капиталистами и абсолютизмом. Этим нужно объяснить то, что наша группа быстро перешла к переводам заграничной (и польской) социал-демократической популярной литературы, к переделке ее, приспособляя ее к тогдашнему состоянию рабочего движения, а также к составлению собственных популярных брошюр. Наконец в сентябре 1893 г. выделилась «шестерка» в составе пяти интеллигентов (А. Винокуров, С. Мицкевич, М. Мандельштам, П. Винокурова и Спonti) и одного рабочего (Прокофьев), которая и явилась первой ячейкой Московской парторганизации. А через полгода, в апреле 1894 г., образовался первый руководящий Центральный рабочий кружок, в который входили рабочие нескольких заводов и фабрик. Произошла смычка пролетарского социализма (марксизма) со стихийным рабочим движением...

Первая Московская организация, состоящая в значительной части из рабочих, за время своего существования в течение 1894 г. и половины 1895 г. проделала огромную работу. Из группы в десяток горячо преданных и глубоко веровавших в торжество рабочего дела человек эта организация за один-полтора года превратилась в солидную организацию сотен сознательных рабочих, воспитанных в духе классового самосознания, дисциплинированных и гото-

вых вести рабочие массы на борьбу с капиталистами и самодержавным правительством. Через год пропаганда и агитация из конспиративных квартир широко разлилась по фабрикам и заводам и, наконец, 1 мая 1895 г. вышла на улицу в виде майской демонстрации. Нельзя не отметить той огромной работы, которую проделали в это время руководители и активные участники организации. Заваленные своей учебой, службой или работой на фабриках и заводах, они находили время и энергию вести пропаганду и агитацию, не ограничиваясь только руководством, но беря на себя самую черную революционную работу. Например, С. Мицкевич поселился в моей квартире для того, чтобы поставить только что приобретенный мимеограф и начать печатание в широких размерах, так как мы подошли к такому моменту, когда литература требовалась до зарезу, а переписывание, гектографирование и т. п. не могли уже удовлетворить спроса на брошюру, листовки и проч.

При этом мы проводили жестокую конспирацию, которую впоследствии так рекомендовал Владимир Ильич в вышеназванной его статье об организационных задачах *. Движение в это время все более выходило на улицу, и нужно было его вводить в надлежащее русло. Этим объясняется то, что первая Московская организация, несмотря на то, что за членами ее уже была слежка, как это теперь известно из материалов охранного отделения, могла так широко развернуться. К сожалению, после ареста значительной части руководящего центра в декабре 1894 г. оставшиеся члены забыли про эту осторожность, что ускорило провал всей организации летом 1895 г. В названном письме об организационных задачах Владимир Ильич писал: «Общие собрания и сходки возможны в России лишь изредка в виде исключения, и надо быть сугубо осторожным..., ибо на общие собрания легче попасть провокатору и проследить одного из участников шпиону... вот почему я против не только «дискуссий», но и против «представительной сходки» (т. 5, с. 182 **). Этого золотого правила организационных принципов ленинизма, к сожалению, наши оставшиеся товарищи не соблюдали...

На основании вышеизложенного можно установить следующие положения относительно первой Московской организации:

1) Марксистская идеология проникла в Москву на рубеже 80—90-х гг. прошлого столетия. Первыми вполне определившимися марксистами были: Ар. Рязанов (конец 80-х гг.), Гр. Мандельштам (90 г.), С. Мицкевич (90 г.), И. Давыдов (90 г.), Круковский (90—91 гг.). Затем идут: А. Винокуров (91 г.), М. Мандельштам (92 г.), Калафати (92—93 гг.).

* Имеется в виду работа В. И. Ленина «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 1—32).

** *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 11, 12.

2) Первым кружком чисто марксистского направления в Москве нужно считать кружок Круковского, Гр. Мандельштама (1891 г.) скоро, правда, провалившийся, но быстро (в начале 1892 г.) возродившийся в новом кружке Гр. Мандельштама, А. Винокурова, П. Винокуровой, Куш и других, в который в течение 1892 г. вошли С. Мицкевич, М. Мандельштам и с которым поддерживали связь высланные Круковский и Розанов.

3) Почти одновременно с последним кружком самостоятельно выделился из рязанского землячества новый марксистский кружок в составе А. Рязанова, И. Давыдова, В. Жданова, к которому впоследствии присоединился Калафати и другие.

4) Последние два кружка работали совместно, не сливаясь организационно. Вокруг них образовались новые группы сочувствующих, содействующих и пр.

5) Кружок А. Рязанова, Давыдова и других все время носил интеллигентский, теоретический характер.

6) Кружок А. Винокурова, С. Мицкевича, Мандельштама и других с конца 1892 г. и начала 1893 г. перешел к работе среди рабочих. В сентябре 1893 г. из него выделилась «шестерка», положившая начало Московской организации. Первое организационное собрание происходило у меня на квартире и происходило, как теперь стало известно из архивного материала, под «наблюдением» шпика, правда, не подозревавшего еще, в чем собственно дело*. В начале (в апреле) 1894 г. образовался Центральный рабочий кружок, в который из «шестерки» вошли я, Спonti, М. Мандельштам и Прокофьев, а из рабочих: Поляков, Бойе, Хозецкий, Немчинов и другие. С. Мицкевич сидел на технике и по конспиративным соображениям не вошел в него. С «шестеркой» связан был женский рабочий кружок (П. Винокурова, С. Муралова, Смирнова и другие). Кружок А. Рязанова, Калафати и других, хотя в общем и продолжал сохранять теоретический характер и иметь связи с интеллигенцией, однако не был оторван от возникшей Московской организации и обслуживал ее. По воспоминаниям А. Рязанова, в его кружке «был не отрыв от рабочей среды, а разделение труда. Одни занимались преимущественно теоретической работой и вербовкой теоретических и вообще активных сил среди интеллигенции, а другие занимались пропагандой или агитацией в рабочей среде. В общем работа шла дружная». В общем это нужно считать правильным, что и получило подтверждение в соединении участников обоих кружков в одном деле, в общем приговоре и проч.

7) В связи со сказанным необходимо в таблицу московских кружков 90-х гг. из собрания Музея Революции СССР внести некоторые поправки:

* См.: На заре рабочего движения в Москве: Сборник М., 1932, с. 238.

а) кружки Круковского — Гр. Мандельштама нужно отнести к 1891—92 г.;

б) к периоду 1892—1893 г. отнести два кружка: 1) А. Винокурова, С. Мицкевич, М. Мандельштама, 2) А. Рязанова, Давыдова, Калафати;

в) к периоду конца 1893 и начала 1894 г. отнести первую Московскую партийную организацию, получившую в мае 1895 г. название московский «Рабочий союз», в составе «шестерки» и Центрального рабочего кружка (комитет) и филиальных отделений (женский рабочий кружок, обслуживающие кружки).

8) О названии первой Московской организации. Я категорически утверждаю, что вплоть до нашего ареста (декабрь 1894 г.) наша организация названия «Московский рабочий союз» не носила. Мы вообще не спешили с принятием той или другой клички, а больше думали о практической работе. Название «Московский рабочий союз» было принято на маевке 1895 г., как это документально установлено в «Истории РСДРП» т. Лядова (ч. 1, изд. 1906 г., с. 116).

9) Последний вопрос, о роли отдельных участников, наиболее трудный, но на него необходимо ответить. Начнем по старшинству вступления на путь марксизма.

Ар. Рязанов вел теоретическую марксистскую работу, делал переводы, пропагандировал социал-демократические идеи среди студенческой молодежи, собирал интеллигентские, сочувствующие марксизму, силы (переводчиков, переписчиков, хранителей литературы и пр.).

Гр. Мандельштам — одна из первых марксистских ласточек в Москве, был выдержанный, теоретически образованный марксист, хорошо знакомый с историей, выступал в период 1891—92 гг. на студенческих вечеринках, скоро погиб в тюрьме от психического заболевания. Подавал очень большие надежды и, несомненно, стал бы крупной теоретической марксистской силой.

Г. М. Круковский, тоже рано погибший от тюремных мытарств, был прекрасным популяризатором Маркса и человеком, преданным рабочему делу.

И. А. Давыдов — больших следов в Московской организации не оставил, так как скоро выбыл в Дерпт, где также образовал марксистский кружок, но на первом этапе марксистского движения в Москве был серьезным возбудителем марксистской мысли.

С. И. Мицкевич — один из первых марксистов в Москве, один из основателей и руководителей первой Московской организации, участвовал в редактировании переделок иностранной социал-демократической литературы, составлял популярные брошюры, заводил знакомства с рабочими, организовал доставку нелегальной литературы, в последнее время сел на технику.

А. Н. Винокуров — один из основателей первой Московской организации и руководителей Центрального рабочего кружка, участвовал в редактировании переводов и переделок иностранной социал-демократической литературы, составлял популярные брошюры.

М. Н. Мандельштам (Лядов) — один из основателей первой Московской организации и руководителей Центрального рабочего кружка, много переводил с немецкого, переделывал и составил несколько популярных брошюр, заводил знакомства с рабочими, после ареста руководящего центра, в первой половине 1895 г., проводил общие рабочие собрания и маевку.

Е. И. Спonti — один из основателей и руководителей первой Московской организации, много сделал по проведению агитационного метода работы, был выдающимся агитатором. Теоретически не совсем выдержанный, с лассалевским оттенком.

С. И. Прокофьев — рабочий, один из основателей и руководителей Московской организации, чрезвычайно способный и быстро осваивающийся с теоретическими вопросами марксизма, заводил связи в рабочей среде.

Столь же выдающимися были и рабочие Ф. И. Поляков, К. Ф. Бойе, А. И. Хозецкий — члены Центрального рабочего кружка.

Сб.: На заре рабочего движения в Москве. М., 1932, с. 31—39. Печатается с сокращениями.

А. И. РЯЗАНОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

...К концу 1891 г. и началу 1892 г. следует отнести образование первого марксистского кружка в Москве, в состав которого входили: я, А. Н. Винокуров, его жена П. И. Винокурова, С. И. Мицкевич, Мартын Мандельштам, Д. П. Калафати, наездами из Дерпта Давыдов, который после исключения из Московского университета поступил на юридический факультет Дерптского университета и останавливался в Москве без прописки вида всегда у меня на квартире. Наезжал также к нам из Орла и брат Мартына Мандельштама Григорий Мандельштам, впоследствии, после двухлетнего одиночного заключения в тюрьме, сошедший с ума и умерший в психиатрическом отделении Преображенской больницы. В нашем кружке принимал участие и Константин Чекеруль-Куш со своей женой. Мы снабжали литературой рязанский кружок, который сначала был народовольческого направления, а затем под нашим влиянием стал марксистским кружком. В его состав входили: студент В. А. Жданов и его сестра С. А. Жданова, по мужу впослед-

ствии Иванова, студент С. К. Иванов и его сестра А. К. Иванова, курсистка Богомол, саратовцы — брат и сестра Янишевские, братья Праотцевы — студент и художник (один из них — художник — впоследствии оказался провокатором.— *Прим. автора.*)... Корвин-Круковский, еще один Иванов, Степан, сестры Лебедевы, Любовь и Надежда, и другие. Через Лебедевых, одна из которых была невестой, а потом женой Виктора Чернова, я познакомился с Виктором Черновым, моим идейным противником, впоследствии главой эсеров, и его братом. Близкое общение с нами имели студенты: Дурново, Лосицкий, Кирпичников, курсистка Смирнова, семья Пеньевских, которые брали читать и хранить нелегальную литературу. Конечно, трудно теперь вспомнить студентов и лиц, с которыми я имел знакомство или деловое общение.

В нашем кружке началась литературная работа, преимущественно переводы на русский язык книг марксистского направления. Переводились статьи из рабочей социал-демократической библиотеки. Энгельса «Анти-Дюринг», «Фейербах», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», статьи Лафарга, Габриэля Девилля, Гедда, Маркса «18 Брюмера», его же «Нищета философии», Каутского «Экономическое учение Карла Маркса», «Эрфуртская программа», впервые нами переведенная на русский язык. Тяжесть редакционной работы ложилась главным образом на меня, как знающего экономическую и юридическую терминологию.

Некоторые переводные статьи из «Рабочей библиотеки» переделывались на русский лад, приспособлялись к русским рабочим путем заполнения данными из жизни русских фабрик и заводов.

Из-за границы нами выписывалась русская нелегальная литература через владельца книжного магазина в Петровских линиях Лидерта, который подкупал некоторых чиновников из Цензурного комитета, и так, как цензор приходил в кабинет довольно поздно, то нелегальные книги чиновниками до просмотра цензора из ящика, присланного из-за границы, выкрадывались и передавались Лидерту, а тот передавал их нам.

Наш кружок впервые перевел с немецкого языка «Эрфуртскую программу». Эта книга так же, как и «Экономическое учение Карла Маркса», популярно излагавшие «Капитал» Маркса, оказали на развитие марксистских идей в среде окружающих большое влияние, в особенности «Эрфуртская программа»; она показывала, как в недрах буржуазного общества развиваются отрицательные его силы и тенденции, как мелкая собственность в процессе производства побивается крупной, а крупная собственность отрицается развивающимся классом — пролетариатом; что пролетариат является той революционной силой, которая освободит все угнетенные классы от эксплуатации, низвергнет иго капитализма, уничтожит все

классы и создаст солидарное человечество, которое прекратит борьбу внутри себя и будет бороться только с внешней природой.

Формула К. Маркса «бытие определяет сознание», а не «сознание определяет бытие», для меня стала руководящей.

Марксизм, давший нам возможность научного понимания особых задач и интересов рабочего класса, помог нам прийти к убеждению, что пролетариат в деле борьбы за политическую свободу должен всегда вести самостоятельную линию, если он в этой борьбе не хочет превратиться в пушечное мясо, заниматься вытаскиванием из огня каштанов для буржуазии, которая в процессе уже совершившихся политических революций постоянно использовала для разгрома абсолютизма силы рабочего класса, а затем обманывала последний, отвертывалась от него и отбирала от него всякую тень свободы.

Таких взглядов я держался, начиная с 1891 г., и высказывал их между прочим на нелегальных вечеринках, на сходках, которые происходили иногда на чердаке, освещенном огарком свечи, в то время как в комнатах для отвода глаз происходили танцы. На этих вечеринках я встречался со своими противниками — Черновым, Кусковой, Прокоповичем и другими.

При пропаганде идей марксизма в отдельных кружковых собраниях, при спорах с товарищами, державшимися других, например, народнических взглядов, я легко справлялся с противниками. Так, однажды ко мне приходит В. А. Жданов и говорит: «Пожалуйста, приходите ко мне завтра, у меня собирается человек 10 противников марксизма: вчера я с ними не мог справиться, они меня разбили».

Когда я на другой день явился к нему, среди собравшихся у него встретил Лосицкого и других. В этот вечер я применил такой метод спора с ними: брал их положения, а для опровержения брал статистические данные, например, из статей Скворцова, напечатанных в «Юридическом вестнике», из которых было видно, что капитализм в России развивается, что в деревне происходит обезземливание и пр. Противники волей-неволей оказывались припертыми к стенке. Подобным образом я старался опровергнуть все их положения. Я развивал их мысль до логического конца, диалектически распространял ее во времени и пространстве.

Я помню, как на другой день утром после этого спора явился ко мне Лосицкий и принес мне 50 руб. денег на марксистскую литературу, которую просил меня приобрести для него и его товарищей.

Нужно заметить, что в начале своей деятельности наш кружок, как и вообще марксисты, не имел никакой поддержки в легальной прессе. Она вся находилась в руках противников марксистского мирозерцания, нас повсюду поливали, как помоями, различного

рода инсинуациями. По поводу выставленного нами положения, что капитализм развивается и разовьется, Михайловский называл нас в своем журнале «Русское богатство»¹⁸ «рыцарями первоначального накопления». В этом освещении людям, незнакомым с марксизмом, мы казались обладателями капитала, в личных интересах стремившимися развить капитализм.

Нас старались всевозможным образом высмеивать, умышленно приписывали нам свои ложные, фантастические и наивные посылки и с самодовольством дураков опровергали их, не замечая, что это их собственная глупость и фантазия.

Конечно, большое влияние оказала появившаяся в 1894 г. книжка Струве «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России». Несмотря на свою неортодоксальность в марксистском смысле, она давала большой материал для борьбы с народниками. В предисловии к этой книжке автор также жалуется на «невозможность найти для еретических мыслей автора журнальный приют».

На эту книжку со стороны народников, в том числе и со стороны Михайловского, также полились ушаты полемических помоев.

В 1895 г. появилась книжка Бельтова-Плеханова, как ответ Михайловскому, Карееву и др., «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», где жестоко были высмеяны Михайловский и другие с их субъективной социологией.

В дальнейшем вышла критическая книжка Волгина (Плеханова) под заглавием «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)», изд. 1896 г., разбившая все экономические коньки народничества (общину, кустарную промышленность и пр.), на которых (иначе говоря, на отсталых способах производства, на бедности) они строили благополучие России.

К нам, марксистам того времени, в частности к нашему кружку, предъявлялись прямо-таки невозможные требования: от нас требовали объяснения всевозможных явлений общественной и чуть ли не частной жизни с точки зрения экономического материализма, беря их в статике, а не в динамике, что противоречило диалектическому методу, требовавшему подробного обследования, точного анализа (рождения, развития и гибели явления-процесса) общественных отношений и только после такого изучения позволявшему делать заключения.

На сходках и кружках, полемизируя с нашими противниками, мы разъясняли, как следует правильно подходить к объяснению различных явлений, популярно объясняя, как можно все духовные надстройки свести к экономическому базису, развитию производительных сил страны и тому или другому соотношению классов и к их борьбе.

Однажды случился такой курьез: я вместе с Давыдовым был,

кажется, в квартире Кусковой, где присутствовали кроме нее ее муж П. И. Кусков и Прокопович, тогда ярый народник. Я потребовал от Прокоповича изложения их программы, отступив от установившегося обыкновения, при котором они, народники, требовали объяснения всех вопросов только от нас.

И вот Прокопович стал излагать программу: «Теперь, пока еще не развился капитализм, царизму не на кого опереться, за исключением помещиков; народники должны вырезать всех помещиков, отнять у них землю и разделить ее между крестьянами, царизм потеряет всякую точку опоры, а когда не будет помещиков, власть будет захвачена народниками, правительство будет, следовательно, находиться в их руках и проведет народнические теории в жизнь».

Эта наивная программа, где отсутствовали и анализ действительности, и соотношение классовых сил, пропитанная верой в первобытный способ производства, управляемый крестьянами, привела нас в столь веселое расположение духа, что мы все начали хотеть, а Давыдов до того дохохотался, что даже уронил на пол самовар, стоявший на краю стола.

Конечно, последующий рост идей марксизма и марксистского движения привел к тому, что от нас то и дело стали требовать марксистской литературы, причем с этим требованием к нам стали обращаться из других городов.

В этот период перед нами стала вставать задача об объединении с марксистскими кружками в других городах: к нам непрерывно приезжали из Орла, Петербурга, Риги, Киева, Харькова и др. городов; завязалась связь с границей. С пропагандой марксизма мы стали подходить и к рабочим массам, которые, конечно, к идеям марксизма являются наиболее восприимчивыми, чем массы непролетарские, например, интеллигенция, обслуживающая различные классы и их прослойки, получающая из этих различных источников свои доходы, а следовательно, и идеологические посылки. На интеллигенцию идеологически влияют не только дворянство и слои крупной буржуазии, но и буржуазия мелкая в лице крестьян, мелких торговцев, ремесленников и т. д. В известной мере оказывает идеологическое влияние на интеллигенцию и пролетариат.

В это время, в 1894 г., у меня постоянно бывали Калафати, Дурново, А. Н. и П. И. Винокуровы, Мартын Мандельштам и другие. В свою очередь я часто бывал у Винокуровых, где жил также Черкуль-Куш с женой. Нас тесно объединяли идеи марксизма.

Наиболее близок я был с Винокуровыми, а также и с Мицкевичем до ареста его в 1894 г.

В это время моя квартира на Большой Молчановке, в доме № 8 Хомякова, популярная среди марксистских кружков, очевидно, подвергалась особому наблюдению со стороны Московского охранного отделения.

Однажды в ночное время меня вызвали на улицу под предлогом, что меня кто-то желает видеть. Когда я вышел на улицу, где против ворот горел фонарь, ко мне быстро подошла какая-то фигура, которая, рассмотрев меня при свете фонаря, притворилась мгновенно пьяной и, шатаясь, быстро удалилась.

За месяц до моего ареста ко мне в губернское земство, где я служил заведующим шоссейной дистанцией, явился неизвестный и стал проситься на должность шоссейного десятичника, и, когда я ему отказал в этой просьбе за неимением вакансии, проситель внезапно переменял разговор и спросил меня, не желаю ли я повести его наследственное дело в Тверском окружном суде. Я ему ответил, что я лично его дело вести не буду, но пошлю его к такому лицу, которое поведет его дело так же добросовестно, как повел бы я сам, при этом я дал ему адрес присяжного поверенного Голубкова.

Оказалось, что неизвестный, когда явился к Голубкову, мало разговаривал о деле, а, посмотрев на фотографическую карточку, где была снята группа лиц: Голубков, Тесленко, Маклаков, П. Н. Малянтович и другие, сказал: «В вашей организации есть шпион». На это Голубков ответил: «Никакой организации у нас нет, я никого не боюсь, хотя бы сам Бердяев (начальник охранного отделения) пришел производить обыск». Конечно, неизвестное лицо в конце концов никакого ведения дела Голубкову не поручило и к нему более не являлось. Голубков же нелегальную литературу, которую я у него держал, направил в другое, более безопасное место.

Когда меня в июне 1895 г. после обыска, продолжавшегося с 4 до 10 часов утра, арестовали и я взглянул в окно на двор, то случайно увидел злорадно улыбающегося того неизвестного, который приходил ко мне заниматься в десятичники и который был послан мною к Голубкову.

В жандармском управлении мне предъявили обвинение в принадлежности к тайному обществу, поставившему задачей ниспровержение существующего строя. При этом на мой вопрос, какого я строя хочу, жандармский полковник Иванов и товарищ прокурора Лопухин, впоследствии директор департамента полиции, смутились и не знали, что мне сказать. Я им заметил: «Чего же я желаю: фаланстеров Фурье или федераций Лаврова?» Молчание. «Может быть, я желаю раздела земли?» Полковник Иванов ухватился за эту мысль: «Да, да». На это я возразил, что эта мера реакционная, у мелких собственников крестьян при существовании товарных отношений опять началась бы борьба за рынки, из-за цен на сельскохозяйственные продукты. Лица, находящиеся в более благоприятных отношениях к рынку, например ближе живущие к железнодорожным станциям, обладающие более плодородной землей и пр., конечно, побивали бы своих соперников, поставленных

в менее благоприятные условия к рынку, и таким образом последние обезземеливались бы, а первые сосредоточивали бы в своих руках земельную собственность, таким образом процесс сосредоточения земельной собственности в руках немногих опять повторился бы. Эта мера раздела земли между крестьянами означала бы поворот колеса истории назад, эта мера являлась бы реакционной.

Но вообще в своем освещении революционного движения и в частности начинающегося движения рабочего класса, в рассуждениях при допросах в жандармском управлении я стремился умышленно придать этому движению объективный характер, не зависящий от воздействия той или иной кучки интеллигентов или революционеров, имея в виду, с одной стороны, умалить революционное значение привлеченных к дознанию, а с другой — доказать неизбежность развития рабочего движения, которое должно сообразно с ростом промышленности и капитализма все более и более усиливаться. Свои мысли я иллюстрировал тем, что самое влияние лиц в истории диктуется объективными условиями. Иоанн Гусс, проповедовавший определенные идеи, был сожжен, а Лютер, проповедовавший те же идеи, возвеличен.

При всех наших обращениях к классу капиталистов с предложением отказаться от своих привилегий в производстве, от эксплуатации наемного труда мы попадем в глухую стену. Точно так же и рабочий класс глух и враждебен к идеям и интересам капиталистов, но зато он сам по себе восприимчив ко всему живому, что диктуется его интересами, стремлением к свержению ига капитализма и проч.

В тюрьме я просидел семь месяцев и был выпущен под залог 3000 рублей, который внесла Е. П. Пеньевская. Через некоторое время я переехал в Тулу.

Во время проживания в Туле я познакомился с Иваном Ивановичем Скворцовым (Степановым), который тогда делал первые шаги в марксистском направлении, изучал марксистскую литературу. Я давал ему для прочтения «Рабочую библиотеку» на немецком языке, Блосса «Историю немецкой революции» и т. п. Вскоре он уехал из Тулы.

В Туле я пробыл месяца три, а затем вернулся вновь в Москву и остановился временно у Анны Егоровны Серебряковой, впоследствии оказавшейся провокаторшей. У нее прожил несколько педель, а затем поселился в комнате, в квартире на том же дворе, у какой-то помещицы. Но однажды, к моему удивлению, эта помещица совершенно немотивированно отказала мне от квартиры, после чего я переехал в комнату на Бронной в дом Гирша.

Вскоре ко мне туда пришла заслуживающая по внешнему виду доверия какая-то пожилая дама и заявила: «Я сестра уездного члена по Можайскому уезду, пришла вас предупредить: за вами

усиленно следят; слезка бывает и конная и пешая, извозчик вас возил от Смоленского рынка, где вы раньше жили у помещицы, на вокзал за дешевую цену, вообще извозчики следят за вами по пятам, а когда вы жили у помещицы, то туда часто приходил переодетый помощник пристава, относительно вас обо всем расспрашивал и велел доносить, о чем вы говорите и кто у вас бывает. Иногда он, переодетый, стоял во дворе, наблюдая за вами и заходящими к вам. Помещица испугалась, а потому и отказала вам от квартиры».

Я поблагодарил даму за предупреждение, она ушла. Но затем, во время студенческих беспорядков в конце 1896 г., мне пришлось с ней опять встретиться. Она пришла ко мне и заявила: «Ваши все арестованы, но библиотека в 1000 нелегальных экземпляров цела вся, и вот я желала бы передать эту библиотеку вам или кому-нибудь другому по вашему указанию». Я не выдержал и заявил: «Сударыня, я вас во второй раз вижу, вас не знаю, прошу больше ко мне не являться, иначе я буду вас выгонять». Она ушла.

Когда моя адвокатская практика в Москве несколько наладилась, в апреле 1897 г. пришел приговор из департамента полиции по нашему делу с Винокуровым, Мицкевичем, Мартыном Мандельштамом и другими. Я приговорен был к высылке в какой-либо из провинциальных городов по моему избранию под гласный надзор полиции сроком на три года.

В первые дни пасхи ко мне на квартиру пришел околоточный надзиратель и заявил, чтобы я отправлялся в избранный мною город Тулу с ночным поездом, билет он приготовит и будет дожидаться на вокзале.

Сб.: На заре рабочего движения в Москве. М., 1932, с. 132—139. Печатается с сокращениями.

М. П. ПЕТРОВ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

В 1891 г. я через одного из товарищей познакомился с ткачом с фабрики Прохорова, который, как мне передал товарищ, приехал из Петербурга, чтобы завязать связи с московскими рабочими. Звали его Федором Афанасьевым¹⁹. Он произвел на меня огромное впечатление своими душевными беседами. Мы с ним просиживали ночи и какие только вопросы не обсуждали! В особенности у меня в памяти осталась одна ночь, которую мы с ним провели на Чистопрудном бульваре. Я уже отмечал мое религиозное настроение, а если к этому вспомнить, что это было 40 лет тому назад, когда духовенство держало в крепких и цепких своих лапах умы ра-

бочих и когда мы, молодежь, как слепые котята, тыкались во все стороны, отыскивая ответы на свои вопросы, то для читателя будет понятным мое душевное состояние. К тому же по складу своего характера я принимал все очень близко к сердцу и многое переживал гораздо острее других. Чтобы разрешить все больные для меня вопросы, я их решил перед Афанасьевым поставить ребром. И вот одна ночь, проведенная в разговорах с ним, оказалась поворотным пунктом для моего миросозерцания. Помню, на рассвете мы разошлись с бульвара с той мыслью, что мне надо больше читать. С другой стороны, надо организовать среди рабочих кружки, на которых обсуждать все вопросы. Для руководства же этими кружками нужно завести связи со студентами, причем Федор Афанасьев говорил, что знакомиться со студентами надо очень осторожно, что студенты бывают разные, и вообще взял это на себя, а мне поручил подобрать такой кружок из рабочих. Связи у него уже имелись. Вместе с тем наметили организовать кассу взаимопомощи, чтобы тесней связаться между собой.

Федор Афанасьев собирался уехать в Питер по делам нашего кружка, а по приезде оттуда уже вплотную заняться нашим общим делом, причем он сказал, что у него есть знакомый ткач с фабрики Михайлова, некто Федор Поляков²⁰, и чернорабочий Козлов, безработный, которого нужно куда-нибудь устроить в интересах общего дела. Козлова мы быстро устроили на котельный завод Смита, а Афанасьев вскоре уехал в Питер, и уже больше я с ним не встречался. По отъезде Афанасьева мы устроили кассу взаимопомощи, в которую вошли я, мой брат, Козлов, Борисов, Штольц, Воробьев и еще двое или трое, фамилий которых не помню. Было решено, что мне надо перейти на другой завод и завязать там связи, потому что я, Борисов и Воробьев работали на заводе Фугельзанга, а так как на недалеко от нас помещавшемся заводе Вейхельта, на котором работало около 500 человек, у нас не было связей, то товарищи предложили мне перейти на этот завод. Не могу не отметить маленького обстоятельства. Перейдя работать на завод Вейхельта, я познакомился с рабочим Константином Бойе²¹ и его братом Федором и К. Суховым, который впоследствии оказался провокатором...

После первого знакомства с упомянутыми выше товарищами нам, во-первых, нужна была квартира, каковая и была общими силами найдена на углу Немецкой улицы, против фабрики Дюфурмантеля. Квартира оказалась в высшей степени подходящей, ибо в ней на чердаке имелась светелка с отдельным ходом; она так и осталась вплоть до нашего ареста нашей штаб-квартирой. Для лучшей конспирации было условлено, чтобы между собой в мастерских не вести никаких разговоров, да и вообще не давать понять, что тесно связаны друг с другом. Для первого знакомства с

литературой мы начали с совместного чтения и с разбора газетных статей, а попутно с этим взялись за усиленное чтение в свободные часы, особенно дома; увлекались Шелгуновым, Лассалем, «Историей одного крестьянина» Эркмана Шатриана, «Оводом» Войнич, «93-м годом» Гюго, а затем перешли к кружковым занятиям.

Часто между нами поднимался вопрос: удастся ли нам когда-либо свергнуть самодержавие? Хватит ли у нас сил вырвать с корнем это трехсотлетнее дерево? Большинство склонялось к тому, что нам не удастся вырвать самодержавия, но что мы должны работать, чтобы поднять сознание массы, вот в чем заключается наша главная задача, а там — что будет, и тут же запевали любимую хоровую песню: «Светаает, товарищ, работать давай, — работы усиленной требует край. Работай руками, работай умом, работай без усталы ночью и днем». Кружки самообразования нас мало удовлетворяли, необходимо было захватить массы, для этого было решено расклеивать и распространять листки с небольшим текстом. Помню, был первый листок, на котором были изображены два буржуа, под ними текст разговора, сверху заголовок: «Разговор двух фабрикантов». Точно не помню этого текста, но в разговоре один жалуется другому на то, что его рабочие стали очень дерзки, а все это оттого, что появились социалисты. Несколько таких листов нам удалось расклеить по мастерским; один из них долго продержался в «клубе», т. е. в уборной. Эта форма агитации оказалась в высшей степени удачной и имела огромное влияние на рабочих. Вейхельт при первой же забастовке воспользовался случаем и стал упрекать нас в том, что среди нас появились социалисты. Кто-то из задних рядов крикнул: «Что, Карлуша, или не по носу табак?» Вейхельт бросился отскивать говорившего. С другой стороны раздался крик: «Карлуша, за что ты социалистов не любишь?» Вейхельт пришел в неопишемую ярость и заявил, что он закроет завод, потому что мы «сволочь и русская грязная свинья». На эту сцену мы ответили новой прокламацией: «Как хозяин защищает свои права». Тут был выведен разговор хозяина с социалистами. Все это давало огромную тему для разговоров среди рабочих. Разумеется, черная рать тоже не дремала, и среди рабочих ходили слухи, что социалисты убили царя за то, что он дал свободу крестьянам, и теперь мутят народ, чтобы вернуть крепостное право. Эту сказку не представляло большого труда опровергнуть, и мы в одной из листовок разъяснили истинный смысл этих слухов. Такие листки так пришлись по вкусу товарищам, что они стали заведующих пугать такими прокламациями.

К осени 1894 г. товарищи предложили мне перейти на завод Бромлея, который находился у Крымского моста, чтобы там установить связи с рабочими. Из общих средств были выданы деньги на наем квартиры. Квартира была снята за Крымским мостом, в кото-

рой поселились я и А. Богомолов. Здесь происходили у нас собрания, которыми руководил тов. Лядов. Весной 1895 г. стали готовиться к маевке. Решено было отпраздновать 1 Мая, как еще в Москве никогда не праздновали.

Как я ни осторожничал, но меня «расшифровали» и в один из моих приходов на работу вызвали в контору и предложили получить расчет. С такой честью проводили, что оставленный мною пиджак из мастерской принес сторож. Увольнение мое произошло перед пасхой. Несмотря на долгие хлопоты, работы я не мог найти. В это время Саша Хозецкий получил письмо из Рязани о том, что там широко разворачивается работа на машиностроительном заводе, на котором легко можно получить работу. Было решено, что после 1 мая я поеду в Рязань.

На маевке был смотр той работы, которую мы проделали, и действительно, этот смотр превзошел наши ожидания. Все присутствовавшие товарищи были в приподнятом настроении. Этот смотр наглядно показал каждому из нас, что работать необходимо просто потому, что товарищи отозвались на наш призыв и сотни людей пришли, чтобы совместно отпраздновать 1 Мая. Погода выдалась превосходная. Беседы наши затянулись до позднего вечера, и мы, разбившись на группы по 20—30 человек, пошли на станцию. Я примкнул к товарищам, которые отправились пешком в Москву.

После маевки я уехал в Рязань и устроился на машиностроительном заводе. Вести из Москвы были неутешительные: начались аресты, а затем и оборвалась моя переписка. Я собирался поехать в Москву, чтобы узнать, как дела, но в одну из ночей пришли жандармы, и с утренним поездом меня в сопровождении двух жандармов отправили в Москву. Не забуду такого курьеза: жандармы были очень удивлены, что везут рабочего, что до сих пор они возили только ученых и студентов, а вот рабочего еще ни разу не пришлось им возить. В 1896 г. меня освободили, выслав в Рязань на два года под гласный надзор.

Сб.: На заре рабочего движения в Москве. М., 1932, с. 185—190. Печатается с сокращениями.

С. И. ПРОКОФЬЕВ

ИЗ ПЕРЕЖИТОГО

...Как-то раз зашел ко мне рабочий Никифоров... и сказал, что один студент... хочет познакомиться с рабочими и вот, если я пожелаю, то он может меня с ним познакомить. Я, конечно, с радостью согласился и у Никифорова встретился с Сергеем Ивановичем Мицкевичем. Знакомство с Сергеем Ивановичем и разговоры с ним

дали моим мыслям новое направление. Я стал знакомиться с капиталистическим строем и с научным социализмом. Стал читать «Капитал» Маркса, Каутского и другие книги. Сергей Иванович мне помогал в понимании их. Он мне выяснял, объяснял и направлял меня. Через Сергея Ивановича я познакомился с Александром Николаевичем Винокуровым. Это знакомство меня сильно возбуждало, я чувствовал, что попал в самую точку. В знакомстве с Сергеем Ивановичем и Александром Николаевичем я видел не простое знакомство, а почувствовал в них настоящих друзей рабочих и таких, которые могли положить свою голову за то дело, за которое ввязались. У Александра Николаевича я познакомился с Мартыном Мандельштамом и другими. У нас появилась новая литература. Стали создавать рабочие кружки. Ивана Серова забрали в солдаты. Иван Алексеевич Семенов поступил на завод Доброва и стал там заводить знакомства с рабочими, потом перешел на завод Листа. Знакомство среди рабочих стало расширяться. У меня завязалось знакомство на заводе Грачева. Там был очень деятельный рабочий Николай Миролюбов. Он тоже создавал свой кружок. В мастерских на Смоленской дороге выделялся рабочий Немчинов, среди помощников машинистов — молодой техник Иван Мотин, который позже кончил жизнь самоубийством. Рабочая литература требовалась всюду. Когда организовался кружок из интеллигенции — С. И. Мицкевича, А. Н. Винокурова, М. Мандельштама и Спonti, я исполнял как бы должность почтальона — во все углы Москвы разносил литературу, бывал во всех кружках, создававшихся моими товарищами²². Потом организовали кружок, в который входили представители от всех кружков²³. Здесь я познакомился с братьями Бойе и Андреем Дмитриевичем Карпузи. Через Спonti я познакомился с одним слесарем на Курской дороге, который меня познакомил со студентом Орловым. Ввиду моих обысков я был очень осторожен, но с рабочими я знакомился смело. У меня насчет этого был хороший нюх, а интеллигенции новой я избегал, но Орлов меня заинтересовал, и я с ним познакомил Сергея Ивановича Мицкевича. Литературы у нас не хватало. Приходилось хорошие статьи из газет вырезать и наклеивать на тетрадь и пускать в оборот. Работа кипела всюду. Моя служба отнимала много времени, я не имел возможности совершенствовать себя, каждая минута была на счету. В свободное время я должен был идти то за Москву-реку к Листу, то к Вейхельту к Курскому вокзалу: надо видеть и Сергея Ивановича, и Александра Николаевича, достать литературу и разнести ее, да и дома заводились свои знакомства. У Александра Николаевича я отдыхал, и беседы с ним меня развивали. Ввиду расширения наших связей среди рабочих решено было организовать Центральный рабочий кружок, в который входили бы представители от заводских кружков. Мысль об этом возникла в руководя-

щем интеллигентском кружке. В Центральный рабочий кружок входили также и интеллигенты из кружка Винокурова и Мицкевича.

В Центральном рабочем кружке делегаты являлись не просто от своих кружков, а как бы от части города, например, я являлся первое время представителем не только своего кружка, но также и от кружков заводов Листа, Грачева, Брестской дороги, Курской; таким образом, в Центральном рабочем кружке имелись обширные сведения о настроении рабочих всех фабрик и заводов города Москвы. Мы были в курсе дела. Узнавали, какая литература требуется; какая больше идет, обсуждали, как лучше вести пропаганду, способ пропаганды.

К рабочим подходили не только с разговорами о нашем положении, а о капиталистическом строе, о социализме, иногда некоторые рабочие в своих кружках среди более отсталых рабочих начинали со священного писания, с евангелия. Этим особенно отличался рабочий Немчинов. В его квартире собирались рабочие, которые любили послушать беседы; он сначала читал евангелие, а затем переходил к беседам о положении рабочего класса и т. д. Эти кружки особенно любил посещать С. И. Мицкевич. Рабочие незаметно для самих себя втягивались в обсуждение различных вопросов, заинтересовывались политикой и постепенно становились политически мыслящими.

Нашей задачей было пробудить интерес в рабочих к политическим вопросам, заставить их думать, и не только думать, но и создать в них потребность в обмене мыслями не только с нами, но и с интеллигентами. Это было время тяжелое. Сейчас смешно вспомнить об этом, а это было так. Я помню, когда я приходил к рабочему Константинову, у него была жена, какая-то вздорная баба, и как только он поднимался со мной идти, она кричала на мужа: «Куда ты идешь? Вы царя собираетесь убить, проклятые. Вот пойду и донесу». И этим она заставляла его оставаться дома, а мне приходилось ее избегать. Константинов при встрече потом говорил: «Вот проклятые бабы, а без них тоже нельзя жить».

Рабочие сначала очень чуждались интеллигенции, а потом уже постепенно стали привыкать. Это я говорю о старых рабочих, закоренелых. К ним надо подходить умеючи. А старые рабочие играли в мастерской большую роль. На молодежь не так обращали внимание, а уж если заговорил старый рабочий, то это выходит как-то солидно, и разговор старых рабочих оставлял заметный след. Вот почему и приходилось прибегать к разным способам пропаганды. И способ рабочего Немчинова был очень удачный. Во время таких собраний у Немчинова велись разговоры обо всем, на разные темы. И вот такими условиями пользовался С. И. Мицкевич. Он со своей обычной скромностью умело направлял разговоры на животре-

пешущие темы, и собрания выходили очень интересными. Несмотря на тесноту, жарилу и духоту в комнате Немчинова, время проходило очень интересно и оживленно. Когда выходил я с С. И. Мицкевичем от Немчинова, провожал его до дому и шел обратно, у меня было хорошо и бодро на душе. Я очень оберегал эти собрания от ненужных следов и постоянно проверял, нет ли какой-либо слежки за мной и Сергеем Ивановичем, но ничего подозрительного не замечал. Так дело шло до ареста Сергея Ивановича.

Расскажу об его аресте. Дело было так: за литературой я старался ходить днем, думая, что это не так опасно. И вот как-то я шел к Сергею Ивановичу за литературой. Он должен был приготовить и напечатать, кажется, какое-то воззвание; он тогда жил с Александром Николаевичем Винокуровым. Только вошел к ним в квартиру, меня встретила старуха, прислуга Александра Николаевича, замахала на меня руками: «Скорей,— говорит,— уходите, их забрали». Я вернулся домой ни с чем. Мне было тяжело, больно и обидно. Я остался без руководителей. Этот удар, казалось, был непоправим, и, когда я рассказал рабочим, что мы потеряли, многие приуныли и задумались. Помню, когда собрались у меня рабочие Семенов, Миролюбов, Немчинов, мы молчали, думали и только покряхтывали, сидели как на похоронах; потом Миролюбов встал, развел руками и проговорил: «Ничего не поделаешь, надо терпеть и продолжать работу». Мы разошлись и стали работать самостоятельно.

Подошла весна 1895 г. Возникла мысль праздновать 1 Мая. При обсуждении этого вопроса в Центральном кружке возникли прения. Было решено отпраздновать этот день, сделать это своими силами. Но когда я этот вопрос поставил среди своих товарищей, собравшихся у меня, то решили праздновать втихомолку, не делать шума, старались, как бы не напортить нашей работе,— боялись провала. Товарищи говорили: еще рано заявлять о себе, у нас еще очень мало сил для выступления и что мысль о праздновании сейчас — это мысль интеллигенции; надо ждать, когда эта мысль выльется из среды самих рабочих, тогда это будет прочнее и тогда уже наши провалы не принесут большого вреда нашему делу. Ввиду таких соображений было решено не участвовать на общем праздновании, и поэтому рабочие Брестских мастерских, заводов Листа и Грачева не приняли участия в общем праздновании 1 Мая.

Весною 1895 г. на Брестскую дорогу поступил помощником машиниста Борис Кварцев. Я познакомился с ним и через него познакомился со студентом Колокольниковым. Это знакомство продолжалось недолго, но все-таки я через них доставал литературу, которая также шла в дело. Не помню через кого, у меня было знакомство со студентом Дурново, у которого я с рабочим Немчиновым очищал квартиру. У него ожидался обыск, а на квартире имелся

печатный станок и шрифт. Надо было во что бы то ни стало этот станок вывезти. Я с Немчиновым подъехал к его квартире на извозчике, взяли станок и увезли его к знакомому Немчинову лавочнику и там спрятали. Потом, в 1895 г., в августе, у меня сделали третий обыск; хотя ничего не нашли подозрительного, только стихотворение рабочего Полякова «Награда», но все-таки меня арестовали и посадили в Арбатскую часть, а потом перевели в тюрьму, в Каменщики, в одиночку № 93.

В одиночке я сильно страдал за свою семью и особенно за сестру, которая училась на акушерских курсах, боялся, что она не кончит, а пристав, который сопровождал меня в тюрьму, сказал мне, что арестовали и мою сестру. Потом оказалось, что это он наврал, и я месяца через два получил письмо от сестры; она писала, что окончила курсы и что у нее уже есть практика. Это меня сильно успокоило, и уже одиночка была для меня как пух: мне было весело и даже приятно, что я сижу в тюрьме и где-то близко около меня сидят Сергей Иванович и Александр Николаевич и что я вместе с ними. Хотя при допросе мне показывали в жандармском отделении карточки их, а также карточки и других знакомых, я от всякого знакомства отказался, а насчет стихотворения Полякова сказал, что это попало мне с книгой, которую я взял у студента Вержболовича, который уже умер. Гуляя как-то по тюремному двору, я увидел Миролюбова, который поступил в тюремную мастерскую. Проходя по двору и увидя меня, он весело улыбнулся, и я почувствовал, что на воле все обстоит благополучно. Миролюбов поступил в тюремную мастерскую работать, как потом мне говорили товарищи, со специальной целью завязать связи с арестованными.

Месяцев через шесть меня из тюрьмы выпустили и предложили выехать куда угодно, кроме столиц и университетских городов. Я выбрал город Екатеринодар, и в 24 часа был туда выслан. Меня провожали на станцию, кроме околоточного, и товарищи. Мне было тяжело уезжать, не хотелось покидать Москву и расставаться с товарищами и работой. Вся моя работа промелькнула в памяти, и особенно четко припомнился такой случай: незадолго до ареста я познакомился с рабочим из депо; это был кузнец, фамилию его не помню, пожилой человек. Я с ним много говорил, и он первый раз пришел ко мне за книгой. Мы попили чаю, прочитали «Речь Варлена», потом он встал, перекрестился, поцеловал меня, потом книгу, бережно сложил ее и вышел. С этого времени он энергично стал работать и распространять литературу.

Вспоминая все это, я верил в рабочее дело и думал: прошли те времена, когда, как писал Герцен, у мужика было такое место, на котором, кто хотел, тот и расписывался. Скоро настанет другое время, и это время должно непременно прийти. Если от одного рабо-

чего зависело застопорить машину и остановить всю фабрику, то что же могут сделать все рабочие, когда соединятся в одно. Это такая сила, которую побороть нет средств.

Сб.: На заре рабочего движения в Москве. М., 1932, с. 109—113. Печатается с сокращениями.

А. Д. КАРПУЗИ

НА ПЕРЕВАЛАХ

В Москву я приехал в конце 1892 г. или в начале 1893 г. и поступил на завод Добрава и Набгольц.

Москва захватила меня. Город, заводы, фабрики своими колоссальными размерами говорили и о колоссальности работы и гигантской мощи рабочего класса. Сами рабочие показались мне внутренне глубокими, стойкими, пролетарски цельными, без налета лощености южного рабочего. В массе было большое количество крестьян, не потерявших связи с деревней, квалифицированный же рабочий — токарь, слесарь, монтер — составляли кадры авангарда пролетариата, но не вышколенного, не выправленного в революционной работе.

Вскоре я, услышав о революционной работе на заводе Вейхельта, перешел работать на этот завод и там познакомился с рабочими-революционерами — с слесарями Хозецким Александром и Бойе Константином. Далее познакомился я с ткачом Поляковым, с слесарем Миролюбовым и многими другими представителями рабочих различных фабрик и заводов, группировавшихся вокруг Центрального рабочего кружка на квартире Бойе, на Немецкой улице. Организация рабочих возглавлялась организацией интеллигентов-марксистов.

Рабочая революционная среда в Москве поразила меня глубиной и закалкой своего самосознания, уровнем идейного содержания. Знакомясь и приглядываясь индивидуально к каждому, зная условия его каторжного труда, зная ничтожное количество его свободного времени и ничтожное количество литературы, из которой он мог черпать лишь крупницы знаний, я поражался внутренней силе каждого, при помощи которой эти крупницы знаний он превращал в богатый внутренний материал — в целый законченный внутренний мир рабочего-революционера, ясно осознающего свои классовые исторические задачи. Таковы были Хозецкой, Поляков, Прокофьев и многие другие активные работники из рабочей среды.

К интеллигенции я относился вообще с предубеждением. По приезде в Москву я слышал от своей землячки и старого товарища С. И. Мураловой о марксистском кружке Калафати, Давыдова и

других. Хотя этот кружок меня заинтересовал, но я не искал связей с ним.

Организация рабочих меня поставила в связь с организацией интеллигентов — Мицкевича, Винокурова и Мандельштама. Вскоре, в один из воскресных свободных дней, меня повели на квартиру Мицкевича. Там я застал Винокурова и Мандельштама. Этот кружок интеллигентов меня заинтересовал как той работой, следы которой я видел в рабочей среде, так и теми отзывами, какие мне давали о нем рабочие. Еще до личного знакомства с этим кружком он был для меня авторитетен.

Мицкевич Сергей Иванович в среде рабочих пользовался особым авторитетом. Винокуров посещал нас на Немецкой улице, мы его звали теоретиком. Мартын Мандельштам был нашим весь. Он часто у нас бывал; юный, горячий, честный, он всегда пылал революционным огнем и любовью к нам.

1893 и 1894 годы прошли в организационной работе. Была сорганизована рабочая касса для покупки литературы и поддержки забастовок. Производилась переброска товарищей на те заводы или фабрики, где нужно было создать ячейку или упрочить таковую.

Выпускались время от времени листовки агитационного характера. Листовки эти клеились на стенах наших тогдашних клубов — уборных, в которые сходились покурить и побеседовать рабочие.

Эти листовки обыкновенно вызывали прения и разговоры среди рабочих, и нередко там, в зловонии ретирада и в чаду махорки, шлифовалась рабочая мысль, охватывавшая после того широкие массы рабочих. Листовки я помню: «Много ли мы зарабатываем», «Долго ли мы живем» и много других по поводу разных случаев из нашей рабочей жизни, как, например, молебен на заводе Доброва и Набогльц с угощением архиерея и взысканием этих расходов с рабочих.

В 1894 г. у Вейхельта организована была забастовка. Требования: повышение заработной платы (расценок на сдельные работы) главным образом, так как систематически Вейхельт сдельщину понижал. Полиция стала на ноги. Нас стали излавливать по трактирам и заставлять силой идти на работу. Вейхельт грозил преследованиями и вызовом войск. На это я ему написал письмо, переписанное рукой Пелагеи Сергеевны Мокроусовой (она всегда принимала горячее участие в наших делах, ведала рабочей кассой, работала в то же время в нашем главном центре). В письме было ему сказано, что если он желает спровоцировать нашу экономическую борьбу с ним и добьется вмешательства в забастовку полиции и войск, то за неизбежные в таком случае жертвы он будет отвечать перед нами.

Забастовка у Вейхельта была выиграна. Организационная работа продолжалась в масштабе все более широком.

Работа наша усилилась с приездом товарища Спonti. Он приехал из Западного края, где пролетариат Польши и Литвы имел уже опыт и практику марксистского революционного рабочего движения. Тов. Спonti внес в наше дело организационную партийную выправку.

С его приездом был организован союз, объединивший все наши кружки, созданные на заводах и фабриках Москвы. Были завязаны связи с рабочими Орехово-Зуева, Коврова и Тулы.

Лето 1894 г. провели в напряженной работе. Работа делилась по кружкам и районам между членами Центральной рабочей организации. Хозецкой, Поляков, Прокофьев, Ананьев, Петров, Бойе Константин и Федор и другие участвовали в работах различных районов Москвы.

По вечерам и праздникам мы посещали кружки, где вели чтение и беседы. Мне поручили кружки заводов Доброва и Наболец, Листа, Гоппера, Бромлея. Такие кружки иной раз соединяли в себе рабочих разных заводов. В нашей работе помогала интеллигенция, присылая нам на подмогу из Центральной организации интеллигентов для занятий в кружках. Из них, помню, приходили студенты: Жданов, Рязанов, Колокольников, ведущие занятия в кружках. Устраивались часто прогулки за город, где рабочие выступали и говорили по различным вопросам нашей работы. Помню, такая экскурсия была предпринята на Воробьевы горы. Почему-то остался в памяти Владимир Бонч-Бруевич на этой прогулке. Запечатлелась его фигура в комичной позе, когда он близорукими глазами всматривался сквозь очки в массу появившихся рабочих — молодых, здоровых, с песнями, с шумливым весельем.

Не помню, были ли речи, но частичные общие беседы наверное были, вообще дурачились и веселились и с песнями вернулись в город.

Лето прошло в живой организационной работе. Осенью, по решению нашей организации, я поступил на завод Гоппера, где нужно было усилить работу нашего товарища, рабочего Самохина, у которого был кружок модельщиков. Вдвоем наша работа охватила все цехи и особенно механический. Месяца через два или три я был назначен на завод Гужона. Там я сначала работал в механическом цехе, а весной в кочегарке, где ведал насосами. Времени свободного оказалось в кочегарке много; я работал в кочегарке один, и место это стало центром нашей подпольной работы на заводе. В кочегарку мне приносила Пелагея Сергеевна Мокроусова в судках с обедом литературу, и отсюда эта литература расходилась по заводу.

Весною 1895 г. мы работали уже без Центрального кружка интеллигенции: зимою были арестованы Мицкевич, Винокуров и некоторые другие. Наша работа стала выражаться в учащенных мас-

совках за городом, в лесу и в поле. Наши массовки имели характер обыкновенных рабочих прогулок.

Они сплетались с народными массовыми гуляньями и в смысле конспирации обставлялись в таком виде, что не только следящий шпик, но и участвовавший в массовках рядовой рабочий, не член Центральной рабочей организации, видел и чувствовал себя на обыкновенной прогулке и в товарищеской среде; старались не придавать этим массовкам заговорщического характера.

Иначе было дело с нашими собраниями по различным квартирам интеллигентов в городе. Здесь я чувствовал, что мы проваливаемся, так как с этого момента мы уже «нацепили» себе шпиков каждый по двое и по трое. Шпики за нами бегали в городе, на своих же заводских слободках мы их не замечали, и я знал, по верному чутью, что их там не было; эту «прелесть» мы добыли посещением квартир интеллигентов в городе, интеллигентов, часто неизвестных нам. Я ждал провала, но направить дело иначе было невозможно, меня самого захватила массовая работа.

Готовились к маевке. Мандельштам-Лядов уделял много внимания организационным вопросам союза и кассы. Готовились им листовки и воззвания, которые получали большое распространение среди рабочих. Гужоновцы после гудка часто собирались по 40—50 человек на поляне у какой-то церкви или монастыря (помню высокую каменную ограду) недалеко от завода, на траве отдыхали, заводили там игры и между играми обсуждали наши дела и участие в маевке рабочих нашего завода.

Настала и маевка; она отпразднована была за городом, кажется, в Кускове или Перове, названия не помню, в лесу. День изменили и назначили на 30 апреля из-за конспиративных целей.

Рабочих собралось, по сравнению с тем, сколько могло бы быть, немного: человек 150. Были наши активные работники, были и рядовые. Представительство от заводов и фабрик Москвы, насколько помню, было полное.

Отпраздновали маевку на славу. Были речи, выступал Мартын Мандельштам с программной речью, Поляков, Бойе.

Маевка начинала всех бодрой верой в свое дело; вечером двинулись в город с песнями, веселые, переполненные великой любовью в могучее рабочее дело, с великой надеждой на его светлое будущее. Май прошел в многочисленных рабочих собраниях, в городе и за городом.

В начале июня нас арестовали, и тем завершилась моя работа в Москве.

Волна жизни, ведение истории вырвали меня из темного царства мещанских низин и дали мне счастье, великую честь быть участником жизни рабочего класса и в тот великий момент, когда он, после

многовекового рабства, сбросив гнет помещиков и капиталистов, приступил на основе уже созданного фундамента к построению бесклассового общества.

Сб.: На заре рабочего движения в Москве. М., 1932, с. 196—200. Печатается с сокращениями.

Е. И. НЕМЧИНОВ

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО РАБОЧЕГО

Весною 1893 г. я возвратился из своей поездки на родину женатым человеком; приехал вместе с женой. В ноябре-декабре того же года ко мне в мастерской подошел знакомый мне Прокофьев Сергей Иванович и говорит мне: «Не пожелаешь ли вступить в наш кружок?» — «Что в нем делать?» — спросил я. «Займемся самообразованием, изучением рабочего вопроса, в этом нам помогут интеллигенты, приходи». Я обещал. Вечером того же дня я был у Прокофьева на квартире, нас собралось четверо: сам Прокофьев, Александр Баранцевич, Николай Антонович Миролюбов и я. С одним только Миролюбовым я не был знаком, он был с завода Грачева, находившегося на Пресне. Баранцевича я знал хорошо еще до совместной работы в железнодорожных мастерских, так как мы с ним жили в ученье у одного и того же хозяина и в одно время. Завязался между нами разговор, мы горячо стали обмениваться своими мнениями и взглядами на наше рабочее положение, на возможности его изменения к лучшему, на тяжелую и опасную работу, которая предстоит на этом пути. Но мы все были молоды, стоявшая же перед нами цель толкала всю нашу волю к действию. За этими разговорами время до прихода нашего руководителя прошло незаметно. Это был еще молодой человек лет 24, среднего роста, с легко пробивающейся бородкой и серыми искрившимися глазами — это был Мицкевич Сергей Иванович. Он просил нас не прерывать нашу беседу, потому что хотел послушать, о чем мы говорим. Поговорив немного, мы приступили к делу. Мицкевич начал излагать нам экономические обоснования нашей заработной платы, прибавочной стоимости, прибыли работодателя и причины их падения и подъема. Лектор читал по рукописи, но многое передавал и своими словами; после лекции происходил обмен мнениями. Я думаю теперь, что мы были неплохими учениками; многие из высказанных лектором мыслей бродили в наших головах, но не могли оформиться в стройную последовательную систему.

Из членов кружка, продолжавшего и дальше собираться, только мне было 28 лет, остальным товарищам не свыше 25 лет. Продолжая занятия в нашем кружке, мы организовали кружки из дру-

гих товарищей-рабочих своих железнодорожных мастерских. Сама по себе установилась такая форма наших действий: Прокофьев, будучи помощником машиниста, поддерживал связи, доставлял литературу, вел пропаганду по службе движения, а в свободное время раздавал литературу знакомым рабочим в мастерских. Миролюбов вел работу, где работал, на заводе Грачева (Расторгуевский пер. по Малой Пресне) и по другим заведениям этого переулкa. Я и Баранцевич работали в мастерских, вели пропаганду, раздавали литературу, подбирали товарищей в кружки. Эти товарищи собирались для занятий на квартиру ко мне или к слесарю Рогову Сергею Ивановичу...

Кроме Мицкевича, я вместе с Миролюбовым поддерживал связь с нашей штаб-квартирой на Немецкой улице. Квартиру эту снимал Бойе Константин Федорович, токарь завода Вейхельта.

Здесь из интеллигентов мне пришлось встречаться с Винокуровым и еще одним, по имени Илья, остальные — рабочие: Константин и Федор Бойе, сестра их Мария, писатель стихов ткач Поляков, Лавров и многие другие, фамилий которых не помню...

1 мая 1895 г. мы в первый раз собрались встречать свой Первый Май. Это было по Северной железной дороге, на берегу Яузы, если ехать из Москвы по железной дороге, то на правой стороне, на правом берегу, на расстоянии $\frac{1}{4}$ версты от линии моста.

Праздновать собрались рабочие из разных заводов. Я нарочно сосчитал, сколько нас всех, и насчитал 13 человек: были два брата Бойе, Карпузи, Лавров от Бромлея, Миролюбов, Гриневич и другие. Это были, конечно, только представители заводов.

После ареста Мицкевича, так месяцев через восемь, был арестован в августе 1895 г. Прокофьев...

Вскоре же я узнал, что кроме Прокофьева арестован почти целиком наш штаб на Немецкой улице. Миролюбов уцелел и вскоре перешел с завода Грачева работать в мастерскую тюрьмы в Каменщиках. После ареста нашего штаба и интеллигентов наши кружки стали колебаться, стало мало литературы. Видя упадок дела и недостаток литературы, которую требовали товарищи из кружков, я решился переписывать литературу сам, гектографическим способом...

Рабочее движение стало принимать в это время новую форму, по моему мнению (мнению практика), самую устойчивую и опасную для правительства форму. Стало вырабатываться общее массовое рабочее настроение, иначе говоря, организовываться общественное мнение рабочих, что при сравнительно достаточном количестве литературы делало из каждого завода школу социализма. Особенно это было ярко заметно в 1895 и 1896 гг., так как собираться мы стали не кружка-

ми, а целыми сотнями на пустырях, где-либо побли-зости мастерских. Но и сыщики не дремали: стала заметна усиленная слежка...

Сб.: На заре рабочего движения в Москве. М., 1932, с. 161—166. Печатается с сокращениями.

С. И. МУРАЛОВА

ИЗ ПРОШЛОГО

В 1893 г. я приехала в Москву и поступила на курсы. Ехала в Москву с определенным желанием учиться и работать среди рабочих. Москва и Петербург и тогда уже были центром промышленности, и у нас в провинции смутно знали, что в Москве существуют рабочие организации, и даже говорили, что рабочие накануне выступления против гнета капитала. Мои стремления были направлены к тому, чтобы нести в рабочую среду скудные знания, которые я приобрела в Таганрогском кружке. Кружок этот состоял в большинстве из интеллигенции и занимался самообразованием. Собирались, читали политическую экономию, Иванюкова, Чупрова, Канта, Гегеля, говорили о Марксе, но почему-то Маркса не читали...

В Москве на первой же лекции я встретила с Пелагеей Ивановной Винокуровой и Анфисой Ивановной Смирновой, впоследствии носившей кличку «Тетенька». С первой же встречи я нашла в них своих товарищей и поняла, что П. И. Винокурова стоит близко к работе. Винокурова, прежде чем ввести в свой кружок, засыпала меня книгами. Я начала усиленно заниматься, прочитала Каутского, «Капитал» Маркса и т. д. и почувствовала под ногами твердую почву.

Маркс дал мне то, чего не дали все те книги, над которыми я так много работала, а главное, я теперь уже знала ясно, куда я иду и чего я хочу. Только тогда П. И. Винокурова ввела меня в круг практической деятельности. Познакомила меня с А. Н. Винокуровым, с С. И. Мицкевичем, Мартыном Мандельштамом и другими. Все эти товарищи работали среди рабочих, вели устную пропаганду, распространяли нелегальную литературу, издавали листки, которые среди рабочих имели громадный успех.

Среди же женщин-работниц никакой работы не велось, и часто жены и сестры шли против своих распропагандированных мужей или братьев.

Но как попасть в среду работниц?

После многих толкований решено было идти в воскресные школы учительницами, ученицами, словом, как каждый найдет для

себя удобным. Я случайно была знакома с директором 7-й гимназии Херсонским, очень либеральным человеком, который заведовал воскресной школой где-то, кажется, у Рогожской заставы. После долгих разговоров с ним он, наконец, согласился устроить меня учительницей впредь до утверждения благонадежности.

С первого же урока я познакомилась с тремя фабричными девушками, безграмотными, но любознательными, умными и довольно способными. Работа шла успешно. Каждое слово, каждая фраза разъясняла им их тяжелые и подчас невыносимые условия работы: получали гроши, работали по 16—18 часов в сутки и при самой унижительной для человеческого достоинства обстановке.

Так, например, чтобы попасть на фабрику, нужно было понравиться главному мастеру, который, обыкновенно, цинично их унижал, оскорблял, а затем часто через некоторое время выбрасывал с фабрики.

Работа кипела, не вызывая со стороны жандармов и охраны никаких подозрений. Образовался «Рабочий союз», куда все же женщины не могли войти вследствие своей неподготовленности. Союз состоял из вполне сознательных рабочих, которые уже работали сами среди своих товарищей. К женщинам-работницам в то время мужчины относились отрицательно, поэтому среди женщин работу приходилось ставить отдельно.

Так шло до декабря 1894 г., когда произошел разгром интеллигенции. Меня и «Тетеньку» как-то не зацепили. Таскали нас по охранкам, жандармам, делали обыски, следили, и в силу этого пришлось на время прекратить активную деятельность. Вместо прежнего кружка образовался новый, куда вошли Кирпичников, братья Масленниковы, Давыдов, Рязанов, Никифоров, Мокроусов и другие. Листки и нелегальная литература были в большом количестве и часто сохранялись у Е. М. Пеньевской, где одно время жила «Тетенька». В это время решено было отпраздновать Первое мая. Настроение рабочих и всех нас было повышенное, воодушевленное: все готовились к большому событию, устраивали собрания, и наконец настал желанный день.

Впервые в 1895 г. в Москве рабочие отпраздновали 1 Мая. За Сокольниками, в роще, собралось тысячи три-четыре*, где выступали с речами не только интеллигенты, но и сами рабочие. Пропаганда велась в это время в широких размерах. Параллельно организовалась небольшая ячейка, человек 30—50 женщин-работниц, и повела самостоятельно пропаганду.

Летом в июле снова — разгром интеллигентского кружка. Были арестованы и братья Масленниковы с типографским станком, а в августе и рабочий кружок руководителей. Но, конечно, движение

* Численность собравшихся сильно преувеличена.

не было задушено, организация и пропаганда продолжались. Менялись товарищи, менялась тактика, а движение невозможно было остановить душителям.

Что было дальше в Москве, я плохо была осведомлена, так как была выслана под гласный надзор полиции и только в 1905 г. получила возможность свободного передвижения.

Сб.: На заре рабочего движения в Москве, М., 1932, с. 153—155. Печатается с сокращениями.

Н. А. СЕМАШКО

БЫЛОЕ...

1893 и 1895 гг.

В Москве в 90-х гг. рабочее движение было уже настолько интенсивно, что существовал целый ряд рабочих кружков. Позднее они объединились в организацию. Гораздо чаще они существовали изолированно, велись на свой страх и риск, «кустарно», как сказали бы мы теперь. Я говорю, конечно, о социал-демократических кружках, а не народовольческих. В качестве руководителей таких рабочих кружков вспоминаю Куманина, Машина, Громана и других. По делу одного из таких кружков в 1895 г. был привлечен и я.

Кружки эти носили, главным образом, пропагандистский характер. Но наше марксистское вооружение было тогда довольно слабо. Когда Михайловский в 1893 г. начал в «Русском богатстве» свою знаменитую кампанию против марксистов, позиция наша оказалась очень чувствительно обстреливаемой. Мы владели лишь заграничными изданиями (главным образом, «Нашими разногласиями» Плеханова, популярным изложением Гэда, «Капиталом» Маркса и др.), но эти издания проникали в Россию, разумеется, в качестве величайшей редкости, а кроме того, не давали прямых ответов на те конкретные вопросы, которые выдвигала русская действительность (например, вопрос о капитализации и пролетаризации в России и о вытекающих отсюда политических задачах). И только когда появилась гектографированная брошюра тов. Ленина «Кто такие друзья народа и как они борются с с.-д.?»*, направленная против народников, снабженная ярким статистическим материалом, она была для нас настоящим евангелием. Мы перепечатывали ее на гектографе, несмотря на ее сравнительную величину, целыми ночами, запрятав в самые недоступные для жандармов места на случай обысков, изучили ее почти наизусть.

* Правильное название: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

Надо сказать, что в студенческих кружках, откуда тогда черпались социал-демократические пропагандисты, мы подвергались очень чувствительной атаке со стороны наших идейных противников. Среди них были и либералы (Гольцев, редактор «Русской мысли»), радикалы (Милюков, тогда очень популярный приват-доцент), народоправцы (кратковременно существовавшая буржуазная революционная партия, представлявшая собою лишенных социалистического элемента народовольцев) с В. Черновым во главе. И в наших дискуссиях победа не всегда доставалась нам.

Но незаменимое идейное подкрепление мы получили в 1894 г. от книги Бельтова («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»), первой книги, которая нелегальные вопросы русского рабочего движения рассматривала легально*. Впечатление от нее было колоссальное. Марксистские кружки самообразования и социал-демократические рабочие кружки стали возникать, как грибы после дождя. Борьба марксистов с народниками поднялась до небывалого ожесточения и напряжения.

Идейным центром, где тогда формировались различные течения, являлся так называемый студенческий союзный совет,— представительный орган всех территориальных объединений студентов, «Землячеств»,— чрезвычайно конспиративно объединивший в себе весь цвет тогдашнего революционного студенчества...

Мы, марксисты, требовали от союзного совета решительного служения рабочему движению: участия в социал-демократической пропаганде и агитации, в социал-демократическом издательстве, подготовке пропагандистов и т. д. Народники и либералы этому решительно противились. В дальнейшей борьбе за «обладание» аппаратом союзного совета и в дальнейшем развитии рабочего движения мне не суждено было принять участие, так как в 1895 г. я был арестован, а затем надолго изъят из московского обращения.

Сб.: На заре рабочего движения в Москве. М., 1919, с. 137—139. Печатается с небольшими сокращениями.

М. Н. ЛЯДОВ

ПЕРВАЯ МАЕВКА **

Мы решили в этом году (1895) широко отпраздновать 1 Мая. Этот день мы хотели использовать, чтобы свести наши отдельные законспирированные кружки друг с другом, произвести подсчет наших сил и официально перед всем рабочим классом Москвы вы-

* Отмеченная книга Н. Бельтова (Г. В. Плеханова) вышла в 1895 г.

** Заголовок составителя.

ступить как уже сложившаяся организация. План был тщательно обсужден первоначально в нашем центре, затем популяризирован на ряде кружковых собраний, где должен был быть произведен подсчет участников. Выбрали тройку (Полякова, Бойе и меня), которой были предоставлены широчайшие полномочия. Каждый из кружков выделил ответственного организатора, который должен был получать директивы от одного из нас. Места празднования никто кроме нас троих не должен был знать. День празднования должен быть сообщен только накануне.

Мы обшарили все окрестности Москвы и остановились на лесочке между станциями Вешняки и Шереметьевкой Казанской железной дороги. К этому же лесочку можно было подъехать и пройти от станции Люблино Курской дороги и со станции Кусково Нижегородской дороги. Мы выбрали воскресный день (30 апреля), в который из Москвы обычно выезжает много народа за город. Каждый кружок получил задание поехать с таким-то поездом, такой-то железной дороги, до такой-то станции, причем каждый должен был брать билет отдельно, садиться в разные вагоны и не разговаривать друг с другом. Организаторы кружков должны были приехать с ранними поездами. Каждый из нас трех должен был встретить организаторов кружков на разных станциях и проводить их к сборному месту. Тут только они могли узнать назначенное место. Затем они должны были с условленными заранее отметками встречать поезда, в которых прибывали члены их кружков, и сопровождать последних на место собрания. План удался на славу.

Я очень боялся за себя, чтобы не привести за собой сыщиков, которые не отставали от меня. И вот, чтобы избежать этого, я последние три ночи перед маевкой не заходил домой вовсе, проводил ночи в извозчицких чайных, а последнюю ночь переночевал в лесу. Выясняя предполагаемых участников собрания, т. е. лиц, уже организационно связанных с кружками, оказалось, что некоторые мастерские собираются прийти чуть ли не поголовно. Так, например, выразили желание принять участие в сходке вся модельная завода Гоппера, значительная часть михайловцев, мастерские технического училища, в которых в это время работал Хозецкой, и др. Было решено в таких случаях проводить на собрание только делегатов. Мы боялись, что соберется чересчур много народа.

Помню, с каким замиранием сердца я ждал первого назначенного поезда, который должен был привезти кружковых организаторов. Я ждал их на станции и думал: вдруг в Москве уже все провалилось, и никто не приедет. Я встречал приезжающих товарищей на Казанской дороге, в Вешняках, Поляков — на Курской дороге, в Люблино, Бойе — по Нижегородской дороге. Я вынул условный знак — «Русские ведомости»²⁴. Держа их в руках, я пошел по направлению к лесу. Оглянувшись, я увидел, как за мной потя-

нулись гуськом человек двенадцать, т. е. как раз то число, какое было установлено. Я повел их в назначенный лесок, там мы застали партию, которую привел таким же образом Бойе. Через полчаса пришла команда Полякова. Всех организаторов, после того как они познакомились с местом, мы разными тропинками отправили встречать те поезда, с которыми должны были приехать их кружки. День был воскресный, поэтому по всем дорогам отправлялось много дачных поездов. Организаторы приехали с первыми ранними поездами. Последняя партия пришла к месту приблизительно в 1 час дня. Две партии пришли прямо из города пешком и случайно столкнулись у станции с приехавшими и пошли за ними.

Как после выяснилось, собралось около 300 человек, представлявших 35 фабрик, заводов и мастерских. При приблизительном подсчете они представляли больше тысячи организованных в кружки рабочих. Перед началом митинга мы произвели тщательную проверку всех наличных товарищей. Все разбились по кружкам и друг друга проверяли, нет ли кого лишнего. Ни один кружок не знал про существование другого. Встречались рабочие, работавшие на разных фабриках, хорошо знавшие друг друга, но не подозревавшие, что их хорошие знакомые тоже являются членами организации. В этом отношении я мог отметить, что, несмотря на сравнительно широкий размах работы, условия конспирации соблюдались очень строго. Вначале, до проверки всех собравшихся, каждый кружок уединялся под каким-нибудь деревом, вытаскивалась закуска, и делали вид, что приехали просто на пикник. Только после проверки вся толпа смешалась, и слышались радостные возгласы о том, что вот-де мы все не верили ружьководителям, когда те говорили, что кружков уже много. Все крадывалось сомнение, не они ли единственно организованные, а вот теперь видят, что движение очень широко развилось, что затронуто уже очень много предприятий.

Мы не успели открыть собрание, как вдруг расставленные патрули сообщили, что прямо к нам подходит человек с ружьем. Оказывается, подходил лесник, услышавший наши многочисленные голоса. Кто-то из молодых ребят решил его обезвредить. У него оказалась в запасе бутылка водки, и с места в карьер он начал угощать непрошеного гостя, причем плел ему какую-то чушь про земляков, которые собирались отпраздновать свой деревенский храмовый праздник. У кого-то нашлось подкрепление, и мы не успели опомниться, как лесник оказался побежденным водкой, начал сначала горланить песни, а затем заснул мертвецки пьяным сном. Его взяли два товарища на руки и отволокли версты за две от нас. К нему приставили караульного. Но так до вечера он и не проснулся. Уж никто не помешал нам спокойно провести весь день вместе.

Открыть собрание пришлось мне длинной речью о значении Пер-

вого мая, о нашей организации, о борьбе западноевропейских и американских рабочих, о нашей конечной цели. Слушали как-то особенно внимательно и хорошо. После меня говорили Бойе, Поляков, Карпузи, Хозецкий, говорил и еще ряд товарищей вне программы. Говорила Мокроусова о женском движении. Поляков прочел несколько своих и чужих стихотворений, пели песни, пели Поляковым же сочиненные куплеты. Все время на ораторском месте развевался красный кумачовый флаг. Было очень торжественно, очень трогательно и очень задушевно. Чужие, совершенно незнакомые до того времени люди братски целовались. После началась простая душевная беседа, никто не хотел расходиться, хотелось как можно дольше продолжить этот день. Помню, многие подходили ко мне и с какой-то неуверенностью спрашивали, неужели мы не доживем до того дня, когда можно будет, не скрываясь в лесу, а по-настоящему открыто отпраздновать этот день. Я был всегда оптимистом, но не решался ответить на этот вопрос утвердительно. Мы-то не доживем, это наверное, но наши дети несомненно доживут, если мы будем бороться. Всем так хотелось верить в это, но верилось с трудом. Я подробно рассказал, как много пришлось вынести европейским рабочим, прежде чем они добились относительной свободы союзов, собраний и участия в парламенте. Раздались возгласы: «Но немцы и французы — народ ученый, им легко было понять, а мы русские — темные, необразованные». Я на это горячо возражал, указывая, что французские крестьяне и рабочие сто лет тому назад, перед Французской революцией, были не развитее и не образованнее наших, а вот сумели же свергнуть помещичье-дворянский строй. Нам будет легче бороться, чем им, мы учтем все их ошибки и не допустим, чтобы после свержения самодержавия власть перешла к буржуазии.

По заранее составленному плану, перед уходом должны были раздать заготовленные прокламации, которые каждый из присутствующих должен был снести к себе на предприятие для широкого массового ознакомления. Всего было заготовлено четыре прокламации, две отпечатанные в типографии и две на mimeографе. Они все с разных сторон освещали значение 1 Мая и проповедовали идею организации «Рабочего союза» как составной части международного рабочего движения. Одну прокламацию, если память мне не изменяет, написал студент Кирпичников, одну — Карпузи и две — я. Далее предполагалось также в порядке отправить всех небольшими кучками по разным дорогам, с разными вечерними поездками.

При раздаче прокламаций какой-то неописуемый энтузиазм охватил всех присутствующих; каждый старался захватить как можно больше прокламаций, некоторые, как дети, выклянчивали себе несколько лишних экземпляров, чтобы раздать их по тем или

иным фабрикам, представителей которых не было на празднестве. О планомерном отъезде с места торжества никто не хотел и слышать. Кто-то предложил всем вместе идти к Рогожской заставе, идти демонстративно с песнями. Несмотря на все мои и других устроителей возражения, это предложение было всеми подхвачено. Поздно ночью мы правильными рядами двинулись по шоссе, с красным флагом впереди, по направлению к Москве. По дороге нам встретилось всего лишь несколько крестьянских возов. Крестьяне испуганно смотрели на нас, стройно идущих с пением революционных песен. Перед самой Москвой мне удалось убедить разойтись по разным улицам небольшими кучками. И я у каждой кучки брал слово, что ребята совершенно молча, не разговаривая друг с другом и тщательно избегая каких-нибудь столкновений с фараонами*, разбредутся по домам.

Только отпустив последнюю кучку, я сам поплелся на Грузины, где снимал в то время угол у какого-то кондуктора с Брестской дороги. Один старик рабочий из Курских мастерских, которого я до сих пор не знал, пошел проводить меня и все время шептал мне, что вот он неграмотный, а несет домой одну прокламацию и дома заставит прочесть ее свою грамотную внучку. Уже после мне рассказывали, что действительно старик собрал свою многочисленную семью, всех соседей, заставил свою внучку прочесть эту прокламацию и сказал целую речь о том, что вот-де он помнит, как царь освободил в 1861 г. крестьян. Они все тогда радовались, читая царский манифест, который никто не понял. А вот теперь мы читаем уже не царский манифест, а манифест рабочего люда, который сам себя хочет освободить. Это будет сильнее и повернее царского. После чтения старик спрятал прокламацию за икону на память детям и внукам.

Празднование на этом еще не закончилось. На следующий день, 1 мая, без всякого предварительного уговора, на всех московских традиционных гуляньях: на Ходынке, у Новодевичьего монастыря, в Сокольниках, в Аннегофской роще, куда после обеда (в то время 1 мая шабашили на всех фабриках с обеда) направился массами рабочий народ, можно было наблюдать отдельные кружки, среди которых один из участников массовой рассказывал про нее и читал вслух прокламации. Фактически к празднованию было таким образом привлечено все рабочее население Москвы. Разговоры о праздновании распространились по Москве самым широким образом. На одном маленьком заводе в Сокольниках хозяин завода, немец, собрал своих мастеровых и заявил им, что он слышал, что на днях было собрание всех металлистов Москвы, на котором решено требовать восьмичасового рабочего дня. Он просил своих рабочих

* Так называли среди революционных рабочих городских.

по этому поводу забастовку не устраивать, он обещает, что он введет у себя восьмичасовой рабочий день, если его введут остальные, более крупные заводы.

Попав через несколько дней на квартиру Рязанова, я встретил там молодого адвоката, который с возмущением жаловался Аркадию Ивановичу, что вот под Москвою состоялось празднование 1 Мая, на котором участвовало несколько тысяч организованных рабочих, а мы, марксисты, об этом ничего не знали и узнаем об этом из совершенно посторонних источников. Мы, по его словам, за теоретическими спорами проморгали начало рабочего движения, проморгали его организацию. О маевке говорила вся Москва. Все фабриканты и заводчики, с одной стороны, все рабочие — с другой.

Понятно, что об этом не могла не узнать полиция. Она мобилизовала все свои силы, чтобы выследить нашу организацию. Слежка началась уже не только за мной, но и за отдельными чем-нибудь выделяющимися рабочими. Мы были уверены, что наши дни сочтены, и решили идти ва-банк. Усиливая конспирацию вокруг нашей техники, мы развили самую широкую агитацию в массах, уже пренебрегая конспирацией.

Мы поставили своей задачей закрепить как можно скорее нашу организацию, придав ей по возможности массовый характер, втягивая в нее как можно больше членов. Мы рассуждали так: всех не переловят, не арестуют. Чем большему числу рабочих мы успеем передать наш опыт, тем больше гарантии, что с нашим провалом дело не прекратится.

Весь май и начало июня прошли в непрерывных митингах, на которых принимало участие иногда по несколько сот человек. Мы собирались в лесу на берегу Яузы, за Петровско-Разумовским, иногда посреди гулянья на Ходынке, по трактирам. Несколько раз нас окружала полиция, предупрежденная тем или другим сыщиком, но наши патрули всегда вовремя предупреждали нас, и за это время ни разу полиции не удавалось кого бы то ни было арестовать...

Сб.: На заре рабочего движения в Москве. М., 1932, с. 83—88.

В. Н. МАСЛЕННИКОВ

СТРАНИЧКИ ПРОШЛОГО

Вскоре после моего поступления в Московское техническое училище наиболее прогрессивное студенчество образовало, по образцу землячества, с определенным уставом, две группы, преследующие, с одной стороны, чисто студенческие цели, с другой стороны, ста-

взявшие себе целью поднятие умственного и нравственного уровня своих членов: каждая группа имела приблизительно около 40 человек, причем образование двух групп, насколько помню, диктовалось конспиративными соображениями.

В этих группах было сосредоточено почти все прогрессивное оппозиционное студенчество, за исключением, кажется, студентов старших курсов, которые заняты были главным образом своими учебными делами.

Группы имели своих представителей в союзе землячества, и в 1894 г. представители групп подвергались репрессиям наравне с представителями других землячеств.

Заседания группы, в которой я принимал участие, чаще всего происходили в квартире А. Р. Бриллинга.

В собраниях этой группы обсуждались вопросы, начиная со студенческих и кончая политическими. В этой группе уделялось значительное внимание рабочему движению.

С переездом А. А. Ганшина * в Петербург через него с самого начала 90-х гг. к нам стала попадать социал-демократическая литература, главным образом издания группы «Освобождение труда», книжки «Социал-демократа» и т. п. Средства на издание нелегальных произведений, а также на приобретение нелегальной литературы затрачивал главным образом А. А. Ганшин. Нам с братом Александром, уже после отъезда А. А. Ганшина в Петербург, удалось приобрести 1-й том «Капитала» Маркса и сочинения Лас-салья. Под влиянием этой литературы наши взгляды в 1891 или 1892 г. были уже определенно марксистскими, хотя, конечно, в это время мы еще не вполне усвоили всю глубину этого учения.

Таким образом, у нас имелись уже определенные идеологические предпосылки для нашей дальнейшей работы.

Во время своих приездов в Москву А. А. Ганшин знакомил нас с тем, что делается в Петербурге.

Вместе с А. А. Ганшиным мы обсуждали, каким образом лучше поставить издание нелегальной литературы. А. А. Ганшину удалось достать литографский камень, намечалась возможность наладить типографию, но в конце концов удалось наладить печатание при помощи автокописта.

Образец автокописта в размере полулиста писчей бумаги удалось получить у покойного А. Р. Бриллинга, в то время студента Московского технического училища.

По имеющемуся образцу мной был сконструирован автокопист, размером в лист писчей бумаги, и заказан в слесарных мастерских Комиссаровского технического училища. Ленту для автокописта, литографскую краску, чернила и валик удалось приобрести в ма-

* Двоюродный брат В. Н. Масленникова.

газине, кажется, Гагена. При помощи таких средств и было нами напечатано летом 1894 г. произведение Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Печатали непосредственно с рукописи Ленина, полученной через А. А. Ганшина. Печатали мы с братом частью у себя в комнате, в квартире наших родителей, которые к тому времени переехали в Москву, а также, насколько помню, отчасти в имении Ганшина Горки, около станции Рязанцево Московско-Ярославской железной дороги.

Через А. А. Ганшина мы также получали из Петербурга всю новейшую марксистскую литературу, издаваемую там: Струве, Бельтова, Энгельса, в большом количестве распространяли ее в Москве, главным образом через студентов-техников и курсисток Екатерининских и акушерских курсов. Кроме того, у нас имелись связи с книжным магазином Суворина, откуда получали в кредит всю новейшую литературу, ранее находившуюся под запретом, как, например, сочинения Писарева.

Немецкую литературу, в том числе и «Neue Zeit», получали через магазин Лидерта в Петровских линиях.

Между прочим, после забастовки рабочих на Корзинкинской мануфактуре в Ярославле в 1895 году в техническом училище произошло под руководством двух названных групп резкое выступление студентов против профессора Федорова, директора Корзинкинской фабрики. Среди этих двух групп с определившимися марксистскими взглядами было четыре студента (я с братом Александром, Лакур и Котов), привлекавшиеся затем по нижегородскому социал-демократическому делу в 1896 г.

В нашей группе наиболее видными членами группы были: Воровский, Вашков, Бабаджан, Безходарный, Хатунцев, Бриллинг.

Воровский работал во времена царского правительства, главным образом, нелегально, со времени же Октябрьской революции являлся преимущественно представителем Советского правительства за границей и, как известно, погиб в Швейцарии от руки белогвардейского бандита.

Вашков работал и работает главным образом по электрическим установкам г. Москвы; Бабаджан — на заводах сначала Москвы, затем у Кольчугина во Владимирской губернии. Об остальных членах группы мне ничего не известно. Для характеристики студенчества (оппозиционного) того времени необходимо указать на то, что с восшествием на престол Николая II все студенты обеих групп, за исключением нас, четырех марксистов, участвовали своими подписями под петицией в земско-либеральном духе Николаю II о даровании русскому народу политических свобод. Ответами на эти петиции, как известно, были его слова о «бессмысленных мечтаниях». Студенты, подписавшие петицию, нам, марксистам, бросали упрек, что вот, дескать, вы, как только доходит до дела, отказываетесь

принимать в нем участие. Ваша задача «идти на выучку к капитализму» и его насаждать.

Вскоре после нашего ареста среди студенчества технического училища обозначился резкий перелом: многие из них стали на марксистскую точку зрения и затем привлекались по различным делам социал-демократического движения.

С осени 1894 г. я с Бабаджаном участвовал еще в небольшом кружке курсисток акушерских курсов. Их было человек шесть-семь. Приехали они из области Войска донского. Жили все в одной квартире и были проникнуты искренним желанием учиться и работать. Из них я помню фамилии двух сестер Митиных.

В этом кружке читали, насколько помню, и литературу народного направления, и марксистскую, особенно Бельтова. Сведений о судьбе членов этого кружка у меня совсем не имеется.

В 1893—94 гг. мы с братом Александром познакомились в Москве через А. А. Ганшина с семьей Ульяновых. В то время их семья состояла из Марка Тимофеевича Елизарова, его жены Анны Ильиничны, Марии Ильиничны, Дмитрия Ильича и их матери Марии Александровны. Обычным посетителем их семьи была А. М. Лукашевич. Обычно разговоры шли на общественные темы, особенно в связи с выходом и получением марксистской литературы. Около этого времени, между прочим, были переведены Анной Ильиничной «Ткачи» Гауптмана. Разговоры по общественным вопросам принимали иногда довольно горячий характер; помню, во время одного из споров Марк Тимофеевич, размахивая руками, сбил абажур с лампы. Иногда к Ульяновым приезжал из Петербурга В. И. Ульянов.

У Ульяновых мы с братом Александром познакомились с А. В. Кирпичниковым. Вскоре после знакомства между нами установились дружеские отношения, и мы нередко бывали друг у друга, обсуждая вопросы о том, чтобы принять непосредственное участие в работе среди рабочих. К практическому осуществлению этих предположений мы приступили после ареста С. И. Мицкевича. Нам было известно, что Мицкевич вел работу в этом направлении. По слухам, дошедшим до нас, с арестом Мицкевича нарушилась связь между его кружком из рабочих и интеллигентами-марксистами.

Мы решили восстановить эту связь. Кирпичников жил в это время в квартире Рязанова и, вероятно, через кого-либо из его знакомых узнал, что среди рабочих кружка Мицкевича имеется рабочий С. И. Прокофьев, при посредстве которого можно установить необходимую связь с рабочими. Узнав адрес С. И. Прокофьева, кажется, в адресном столе, я зашел к нему и рассказал о своих намерениях. С. И. Прокофьев принял меня недоверчиво и задал вопрос, почему мы явились непосредственно к нему, а не установили связь, о которой я ему говорил, через интеллигентов, знакомых

С. И. Мицкевича. Я не помню, что ему ответил, но было очевидно, что он к нашему желанию отнесся с недоверием. Однако вскоре недоверие это прошло, так как у нас с Прокофьевым был общий знакомый, рабочий И. А. Семенов, с которым мы часто встречались у его двоюродного брата Н. И. Семенова, учившегося вместе с нами в Комиссаровском техническом училище.

Через Прокофьева мы узнали о М. Н. Мандельштаме и решили непосредственно с ним установить необходимую связь. Где и когда нам с ним удалось познакомиться, я не помню, но вероятнее всего через А. В. Кирпичникова. Все эти поиски связей происходили приблизительно в феврале*, а в марте — апреле у нас образовалась группа лиц из Мандельштама, Кирпичникова, меня, брата моего Александра, Дурново, Петровой, Карпузи с женой, кажется, Фридмана и Франка. Кажется, больше никого не было. Состоялось несколько заседаний этой группы в окрестностях Москвы по вопросам, связанным с организацией рабочего движения. Фридман и Франк вскоре перестали являться на собрания группы. На заседаниях группы обсуждались вопросы об организации руководящего центра, о развитии агитации среди рабочих и создании кружков для пропаганды. Насколько помню, было принято такое решение: идейное руководство движением должно быть сосредоточено в кружке интеллигентов, куда должны были войти представители от рабочих в лице Карпузи и К. Ф. Бойе. Наряду с этим кружком должен вести непосредственную работу среди рабочих другой кружок из наиболее передовых рабочих. Этот кружок должен был стоять в центре «Рабочего союза». Для организации «Рабочего союза» должно быть организовано представительство рабочих по возможности со всех фабрик и заводов. 30 апреля была организована сходка рабочих, на которой присутствовали рабочие с большинства заводов Москвы. Присутствовало 200—250 человек.

На сходке говорилось о значении 1 Мая и о значении рабочего движения. Последнее наше заседание было в комнате Кирпичникова, переданной нами ему, когда мы выехали из Москвы в Мытищи. Комната помещалась у Красных ворот и была удобна тем, что двор был проходным. На заседании обсуждался вопрос о собрании рабочих 11 июня, было выработано воззвание к рабочим, обсуждались подробности организации союза. На собрании присутствовали все члены нашей группы, за исключением Фридмана, Франка и моего брата Александра, который поехал с А. А. Ганшиным собирать подробные сведения о забастовке на фабрике Корзинкиных в Ярославле. Заседание происходило вечером; я остался ночевать у Кирпичникова. Благодаря этому обстоятельству я, очевидно, не попал в филерские заметки об этом собрании. Кажется,

* 1895 г.

на другой же день после этого заседания мы должны были приступить к печатанию воззвания. Воззвание должно было печататься в квартире Дурново и Петровой в Грохольском переулке. Квартира эта была специально снята для печатания литературы. Типографию принес я из Сокольников, от одной знакомой фельдшерицы, куда я отвез ее раньше, приблизительно в середине апреля, получив ее от рабочего Миролюбова.

Фамилию фельдшерицы не помню. Когда я шел на другой день утром после вышеуказанного заседания к Дурново, то против ворот, где помещалась квартира Дурново, я заметил извозчика-лихача филера. Об этом я сказал Дурново и Петровой. Несмотря на это, мы решили напечатать воззвание. Шрифт был перепутан, и прежде всего в течение целого дня пришлось разбирать шрифт. Воззвание было напечатано на другой день.

В разборке шрифта принимал участие я, печатали же воззвание Дурново и Петрова. Воззвание было передано, кажется, Мандельштаму. Необходимо было позаботиться о спасении типографии. Более безопасного для помещения типографии места не оказалось, и я предложил привезти ее ко мне в Мытищи. Кирпичников и Дурново привезли ее вечером, а утром на другой день мы были арестованы. При перевозке типографии с квартиры Дурново ко мне, очевидно, филеры следовали за нами по пятам. По крайней мере, вечером на мосту, недалеко от нашей избушки, я видел подозрительную личность. Чтобы скрыть типографию, когда немного стемнело, я зарыл ее в ближайшем овраге. При обыске в нашей квартире была найдена в небольшом количестве нелегальная литература, а типография не была найдена, по крайней мере, в карете, в которой нас везли с братом Александром в Суцевскую часть, ее не было²⁵.

По соседству с нашей квартирой в детском приюте был также произведен обыск у Н. А. Желваковой и у находившейся у нее в то время Л. И. Биронт. У них была также найдена нелегальная литература, которую мы им дали отчасти для прочтения, отчасти для хранения.

В дополнение к сказанному необходимо отметить, что приблизительно за неделю до общего собрания представителей рабочих фабрик и заводов, которое намечалось на 11 июня, состоялось в Сокольниках, на берегу Яузы, предварительное собрание более сознательных рабочих. На этом собрании должны были присутствовать также я, мой брат и Кирпичников. Кроме того, думал быть также А. А. Ганшин. На это собрание мы не попали, так как вокруг места, где должно было происходить собрание, да и за нами, бродили филеры. Чтобы избавиться от своего филера, я стал ходить за ним, и вскоре на народном гулянье мне удалось от него отделаться. Но, очевидно, слежка за нами и за рабочими была вовсю.

Засадой, устроенной в нашей квартире в Мытищах, вскоре после нашего ареста был арестован Левит, студент Технического училища, приехавший навестить нас. После ареста в 1895 г. мы с ним не видались, и дальнейшей судьбы его я не знаю.

Я сидел первое время в Суцевской части, куда привезли также и Кирпичникова. Он чувствовал себя тогда в общем удовлетворительно.

По моему предположению, у Кирпичникова, кроме мимеографа, должен был находиться также автокопист, оставленный нами в квартире, перешедшей к Кирпичникову, но при обыске он, очевидно, не был найден. Автокопист был тот самый, на котором мы печатали «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Из Суцевской части нас перевезли в Таганскую тюрьму. На время коронации меня увозили в Ярославскую тюрьму, где находились в то время М. Н. Мандельштам и Карпузи.

Сб.: На заре рабочего движения в Москве. М., 1932, с. 117—123. Печатается с сокращениями.

М. Ф. ВЛАДИМИРСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

1895—1896 гг.

Провал социал-демократической организации в августе 1895 г. не надолго остановил организационную работу в Москве. Осенью того же года образовалось несколько кружков, из которых выделялись по своим связям и численности членов два кружка: кружок П. Колокольникова и наш кружок, в состав которого входили: А. Финн, переехавший из Киева, Батурин и несколько нижегородцев — М. Владимирский, А. Никитин, Франк и Фридман (последние двое скоро отошли от работы, а затем — и от социал-демократии). По мере развития связей с рабочей массой и расширения содержания и характера работы, эти два кружка, работавшие вначале отдельно друг от друга, все более и более сближались организационно и, наконец, слившись в начале 1896 г., положили основание *московскому «Рабочему союзу»*, стоявшему во главе московского рабочего движения в 1896—1897 гг.

...В настоящей заметке я хочу лишь обрисовать несколькими штрихами период после августовского провала 1895 г. до образования московского «Рабочего союза» и первые шаги этой организации, период от сентября 1895 г. по май — июнь 1896 г., и, таким

образом, восполнить личными воспоминаниями пробелы в сохранившемся от того времени официальном материале.

Промышленный подъем середины 90-х гг., вызвавший усиленное стачечное движение, невольно толкал московских рабочих на путь организации. После августовского провала 1895 г. оставшиеся на свободе сознательные рабочие пытались организовать в отдельные кружки. Вначале эти кружки работали еще изолированно друг от друга; некоторые из них поддерживали связь с интеллигентами-одиночками (например, кружок Гр. Орлова), другие работали самостоятельно и без помощи интеллигенции выпускали свои листки. Так, например: «25-го ноября 1895 года в районе расположения значительного числа фабрик и заводов 2-го участка Лефортовской части расклеены были печатные воззвания, призывающие рабочих к сплочению с целью требования сокращения рабочего дня» (донесение полиции, из материалов Архива революции). Листок этот был отпечатан и расклеен типографом *Р. Г. Наумовым* из кружка ткача *Ф. И. Полякова*, арестованного в августе 1895 г.

Это единственно сохранившийся от того времени листок, написанный самим рабочим...*

Впрочем, немного большими средствами обладали и интеллигентские группы того времени. Начиная работу в сентябре 1895 г., наш кружок не имел никакой литературы, если не считать небольшой пачки брошюр, привезенной *Финном* из Киева. С финансовыми средствами обстояло не лучше: денег совсем не было, весь наш первоначальный капитал сводился к 50 рублям, которые я получил из г. Томска от своих земляков-студентов. С этими деньгами мы и начали нашу работу. В течение двух-трех месяцев удалось организовать несколько рабочих кружков и привлечь несколько интеллигентов для занятий в этих кружках. Рядом с этими кружками, где занятия велись по «Эрфуртской программе», было образовано еще два-три кружка с переменным составом участников, где не велось систематических занятий, а обсуждались те или иные события дня или факты из повседневной рабочей жизни. Через такой кружок мы стремились провести возможно больше рабочих, выделить из их среды наиболее развитых и способных к организационной работе. Путем такого подбора образовалась небольшая группа сознательных рабочих, которая, слившись в январе 1896 г. с кружком *П. Колокольникова*, образовала центральную группу московского «Рабочего союза».

Насколько сильны были в это время связи с рабочими, видно из того, что под *адресом московских рабочих французским рабочим по поводу 25-летия коммуны* было собрано 605 подписей рабочих

* Опущен текст листовки (см. в настоящей книге раздел «Документы и материалы», с. 108).

28 фабрик и заводов, и лишь краткость срока, как указывалось в сопроводительном письме Полю Лафаргу, не позволила собрать большего числа подписей²⁶. Адрес был написан тов. А. Финном, и собиранию подписей предшествовало ознакомление рабочих (в кружках) с историей Парижской коммуны.

Я никогда не забуду того момента, когда выяснился результат собирания подписей: среди повседневной кропотливой, казавшейся мелкой, работы неожиданно выдвинулся перед нами мощный отряд строящейся армии российского пролетариата.

К весне 1896 г. число членов значительно увеличилось: образовались новые стачечные кассы, делались попытки слияния мелких стачечных касс (у железнодорожных рабочих), стачечное движение нарастало (стачка на Прохоровской мануфактуре). Насколько поднялось боевое настроение у рабочих, можно судить по следующему факту: рабочие Газового завода постановили прекратить выпуск газа для иллюминации Кремля в день коронации Николая и, если не ошибаюсь, сорвали таким путем одну пробную иллюминацию.

С ростом местной организации увеличивались и оформливались связи с другими городами (с Петербургом, Киевом, Нижним). В апреле * были сделаны первые шаги к созыву съезда: центральной группой «Союза» была выработана детальная программа съезда, которая была передана организациям других городов: по крайней мере, в Нижний она была передана мною лично²⁷. Но аресты и высылки в мае («чистка» перед коронацией) и крупный провал в июле помешали осуществлению этого задания. О дальнейшей работе московского «Рабочего союза» до меня в Таганку доходили лишь отрывочные сведения.

1898—1899 гг.

Зимой 1898—99 г., когда я снова попал в Москву, рабочее движение казалось совсем раздавленным зубатовщиной; кружки один за другим проваливались, едва успев сорганизоваться. Центральной группе (Московскому комитету партии), в состав которой к тому же входили лица, уже отмеченные охранкой, пришлось законспирироваться до такой степени, что всякая мало-мальски широкая работа была почти невозможна.

Все сводилось к «руководству» движением, т. е. к поддержанию связей, далеко нерегулярных, с несколькими кружками (В. Розанова, А. М. Лукашевич, А. А. Власевой) и снабжению литературой. Московский комитет не только стоял в стороне от сильно развивавшегося в то время «экономического» движения, но и

* 1896 г.

пытался, насколько это было возможно, вести борьбу против увлечения «экономизмом». Во время всеобщей студенческой забастовки весной 1899 г. был поставлен вопрос о непосредственном участии группы в студенческом движении и намечался листок к студентам и рабочим, где, в противоположность господствовавшей раньше точке зрения на студенческое движение (так, например, листок к студентам московского «Рабочего союза» в 1896 г.), выяснялось самостоятельное политическое значение происходившей забастовки. Был ли выпущен такой листок — не знаю, так как в связи с студенческой забастовкой охранка выслала меня из Москвы. Впоследствии пришлось узнать, что, несмотря на всю нашу конспирацию, несмотря на очень узкий состав Центрального кружка, всю нашу работу, и даже наиболее конспиративную, мы вели при постоянном надзоре, а иногда — и участии провокаторши А. Серебряковой; сношения с кружками, многие конспиративные переговоры между членами Центрального кружка происходили или при ее участии, или в ее квартире.

Зубатовщина давила и разбивала все попытки к организации

Сб.: На заре рабочего движения в Москве. М., 1919, с. 90—94. Печатается с сокращениями.

С. Н. СМИДОВИЧ-ЛУНАЧАРСКАЯ

1898—1901 гг.

В 1898 г. осенью мы вернулись из-за границы в Москву, чтобы немедленно приступить к работе в партии. Последние годы оторванности от России мы провели в пристальном изучении марксизма и возвращались в Россию убежденными социал-демократами. Летом * состоялся съезд — первый всероссийский съезд нашей партии, на котором был избран ЦК. Мы получили от Аксельрода явку к Анне Ильиничне Ульяновой, тесно связанной с центром. Сначала нам трудно было с нею связаться (как раз в это время ее не было в Москве), но в конце концов нам это удалось, и с этого времени мы непрерывно работали до марта 1901 г., когда были арестованы и высланы из Москвы.

Задача наша прежде всего заключалась в том, чтобы организовать Московский комитет, стянуть разрозненные, работавшие в Москве, кружки и завязать связи на фабриках и заводах. Товарищам, работающим сейчас, чрезвычайно трудно представить себе работу крота, которая нам предстояла. Большие аресты последних лет (1896—1897 гг.), казалось, не оставили в Москве ничего живо-

* I съезд РСДРП состоялся 1(13)—3(15) марта 1898 г.

го. Правда, где-то глубоко, в подполье, зарылись отдельные работники, но обособившиеся, сторонящиеся организации, так как всякие попытки к организованности неминуемо кончались провалом. Рабочие, сторонящиеся интеллигентов, интеллигенты, тщетно ища связей с рабочей средой, если и находят их, то только для того, чтобы после первых же шагов к сближению оказаться в цепких лапах охранного отделения. Вот атмосфера, в которой протекала наша работа этого времени.

Нечего было и думать, конечно, о центре, построенном на выборном начале. А центр был необходим. Ясно было, что пока не будет широко известно, что он существует, невозможно стянуть отдельные усилия, оформить их, придать им значение единого партийного строительства. Путем кооптации был создан первый Московский комитет²⁸, сильно законспирированный, но все же, несомненно, сыгравший организационную роль. В этот первый Московский комитет вошли А. И. Ульянова, М. Ф. Владимирский и П. В. Луначарский, брат Анатолия Васильевича.

Одновременно вокруг этого центра организовалась группа активных работников, которая поставила себе целью разработку связей с рабочей средой и постановку пропаганды и агитации.

В эту группу вошел Анатолий Васильевич Луначарский, помню и еще несколько фамилий: Анна Морицовна Лукашевич, Надежда Ивановна Попова, Николай Иванович Гусев (статистик) и несколько других товарищей, фамилий которых я не припомню. У меня осталось впечатление, что эта часть работы была сопряжена с почти непреодолимыми трудностями. Едва, едва что-то как будто сладится, начнутся более или менее правильные сношения с той или иной группой рабочих, как назрел провал, и опять путем долгого разыскивания старых концов, с величайшей затратой энергии приходится все начинать сначала...

Работа стягивания разрозненных ячеек, объединенных с нами общностью цели, привела все же к тому, что в середине зимы собиралась довольно большая коллегия пропагандистов-агитаторов для совместного выяснения как вопросов теории, так и практики. Все это были товарищи, раньше работавшие в провинции; некоторые из них уже побывали в ссылке.

Все они придавали исключительное значение работе в массах и энергично добивались ее. К весне уже назревала возможность распространить по нескольким фабрикам и заводам (из заводов помню: Густава Листа, Бромлея, Гужона) первомайский листок. Листок был написан Анатолием Васильевичем Луначарским, арестованным вместе с другими товарищами в апреле и высланным из Москвы. Наиболее активный член этой группы пропагандистов-агитаторов, неутомимая по кропотливой работе разыскивания утраченных связей Анна Морицовна Лукашевич, работавшая также

по постановке типографии, на которой должен был быть отпечатан паш первый первомайский листок, к сожалению, не избежала деловых отношений все с той же провокаторшей *. Типография налаживалась ценою невероятных усилий, был добыт шрифт (у нас были связи с типографией Кушнерева, куда как раз ходил А. В. Луначарский), казалось, первый этап пройден...

Следующий период деятельности Московского комитета характеризуется по моим воспоминаниям как период оживленных сношений с заграницей. Приезжавшие из-за границы товарищи разыскивали явку Московского комитета, а иногда, вопреки всяким правилам конспирации, просто шли к нам, чтобы ввести Московский комитет в курс вопросов, которыми жила партия. Рабочедельцы присылали своих агентов, плехановцы — своих. Между ними назревал конфликт, в который втягивался и МК. Он должен был определить свое отношение к борьбе между «экономистами» и «политиками». Помню, сколько красноречия было затрачено старшей Махновец в описании злодейств Плеханова... Оторванному от массы центру не легко было самоопределиться; все же хочется отметить, что Московский комитет всегда сохранял «политическую окраску» и не склонялся в сторону экономизма. Связи на фабриках и заводах у МК в это время по-прежнему носили случайный характер, но о существовании его знали, и, быть может, в этом было главное его значение. Разрозненные попытки связаться с массой какими-то путями все-таки стягивались к этому центру, и, таким образом, некоторое организующее влияние за ним сохранялось.

В декабре 1900 г. за границей вышел первый номер «Искры», и это событие огромной важности в жизни партии не могло, конечно, не отразиться и на Московской организации. «Искра» сыграла роль лесов, по которым медленно, но верно, камень за камнем, звено за звеном совершалась сложная работа партийного строительства. Агенты «Искры» приезжали в Москву, привозили литературу и директивы, передавали новые связи в Москве и провинции. Удовлетворялась назревшая потребность находить новые пути, выйти из тупика старых методов к новым. Центр, пополнявшийся путем все той же кооптации, расширился значительно, но о представительстве районов все еще, конечно, нельзя было и мечтать...

В феврале 1901 г. вспыхнуло сильное студенческое движение по всей России. В Москве студенты вышли на улицу с политическими лозунгами; их разогнали казаки, часть была арестована в манеже **. Освобождать студентов пришла толпа рабочих, которая,

* Имеется в виду А. Е. Серебрякова.

** Точнее: арестованных в университете студентов и курсисток препроводили в манеж под охраной солдат.

разгоняемая полицией, устроила баррикады на Тверском бульваре и разбила стекла в градоначальстве.

Одновременно Московский комитет призывает рабочих под знамена РСДРП, выпускает листок, размноженный кустарным способом, готовит знамена... Никогда не забуду того подъема, которым сопровождалось приготовления к этому неудавшемуся выступлению. Все было готово: знамена розданы, намечен день, час и сборный пункт...

В ночь накануне этого дня (1 марта 1901 г.) мы все были арестованы. Одновременно провалился материал готового к выпуску журнала, который, за неимением типографии, мы решили отпечатать... на мимеографе.

Сб.: На заре рабочего движения в Москве. М., 1919, с. 131—136. Печатается с сокращениями.

И. И. СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОВАЛ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА РСДРП (1901 г.) *

В 1901 г. истек двухлетний срок, в течение которого мне воспрещено было поселяться в Московской губернии (в самой Москве и Петербурге было воспрещено поселяться *«навсегда»*,— так в бумаге и значилось). К осени того же года я и Базаров, только что возвратившийся из-за границы и наладивший там связи, поселились в Подольске.

В сентябре Л. Л. Никифоров, с которым Базаров давно был знаком лично, а я — заочно, через харьковскую организацию, членом которой он был, раза два приезжал к нам в Подольск, чтобы обсудить вопрос о создании социал-демократической организации в Москве. Приходилось все начинать сначала: и заводить связи, и создавать литературу, и ставить печатную технику.

Это было подлое время. Зубатовщина все разлагала. Не велика беда, что на зубатовщину клюнули сначала многие профессора, а И. Х. Озеров так и засел в зубатовских организациях. И неважно, что с ними прочно связался какой-нибудь В. И. Анофриев, один из «отцов» начавшегося тогда в Москве кооперативного движения, или какой-нибудь Кобылинский. Несравненно хуже, что зубатовщина разлагала рабочую среду. Зубатовцами были не всегда самые глупые и самые подлые элементы из рабочего класса. Многие совершенно искренно запутывались в охраночных сетях.

Конечно, создание социал-демократической организации и борь-

* Заголовок составителя.

ба с зубатовщиной с самого начала выдвигались для нас на первый план.

27 сентября я и Базаров отправились в Москву, чтобы вместе с товарищами приступить к делу. Предполагалось, что мы соберемся на солидной квартире, у какого-нибудь крупного «стачечного»* адвоката. Но «сочувствующие» адвокаты в последний момент струсили. Я с изумлением узнал, что мы собираемся у Л. Л. Никифорова, за которым была великая слежка. Но делать было нечего.

Никифоров занимал тогда маленькую комнату в доме по Косому переулку. Часам к восьми вечера у него собрались все приглашенные: Базаров, И. А. Давыдов, П. П. Куняев, В. Л. Шанцер и я.

Л. Л. Никифоров, который лежал на постели (его обычное положение), приподнявшись, заявил: «Товарищи, честь имею представиться: Московский комитет социал-демократической партии. Кооптирую вас всех».

Таково было положение в Москве: от всего, что сделала харьковская группа «интеллигентов-пропагандистов», сохранился только Никифоров. В его лице был *весь* тогдашний Московский комитет. И, совершенно естественно, приступая к расширению работы, этот комитет всех нас кооптировал.

Это был первый раз, когда я сделался членом нашего комитета. Второй раз я состоял членом Московского комитета в течение нескольких недель с марта 1917 г. Но тут, в отличие от 1901 г., я только числился в комитете: буквально все время у меня отнимали «Известия Московского Совета».

Недолго существовал наш комитет 1901 г. Прошло не более 1½ часов с момента нашей кооптации, как раздались сильнейшие звонки в парадную и черную двери, и в квартиру ввалилось целое воинство городских и охранников. Меня в общем арестовывали шесть раз; но никогда, ни раньше ни позже, не видал я мобилизации таких огромных боевых сил жандармов. Во главе воинства стояли ротмистр Сазонов, правая рука Зубатова, и Войлошников, секретарь или делопроизводитель охранки, впоследствии, в декабре 1905 г., расстрелянный на Пресне.

Вообще, делу придавали большое значение...

«Сам» ротмистр Сазонов вел наше дело. В то время обычно было представление, будто охранка Зубатова «все знает». Но я тогда полагал и теперь убежден, что «всезнающей» она становилась только в тех случаях, когда к делу припутывались слабые элементы. Мы же все по тогдашним условиям были «старики», выдавшие всякие виды. Насколько глубоко была осведомлена охранка в нашем деле, лучше всего показывает тот факт, что мы были сосланы

* Так называли адвокатов, сочувствовавших рабочему движению.

в Восточную Сибирь как члены «социально-революционной партии»!

Весь Московский комитет, созданный посредством кооптации, на три года оказался в Восточной Сибири.

Грустно было, что мы ничего не успели сделать. Но все мы были бодро настроены. Чувствовалось, что быстро надвигается решающий перелом.

Сб.: На заре рабочего движения в Москве. М., 1919, с. 106—108.

И. А. ТЕОДОРОВИЧ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

К московским социал-демократическим группам и группкам я имел отношение начиная с 1895 г., причем у меня создалось впечатление, что каждая такая группа была крайне недолговечна.

Кто-то из прежних работников сказал, что срок жизни таких группок был в среднем три месяца. Я подтверждаю это наблюдение и, пожалуй, могу даже сказать, что продолжительность их жизни была еще более кратковременной. Сам я за это время с 1895 по 1902 г. привлекался не менее четырех раз, но все сходило для меня сравнительно благополучно, за исключением ареста в 1902 г., когда я провалился основательно, лет на восемь, ибо, просидев около двух лет в тюрьме, получил шесть лет ссылки в Якутскую область.

Мы издавна задумывались над причинами столь регулярных провалов. Теперь, по мере накопления конкретно-исторических материалов на эту тему, можно утверждать, что причинами частоты и быстроты провалов были следующие моменты: во-первых, зубатовщина с ее высокоорганизованной провокационной системой, свившая себе гнездо не только среди рабочих, но и среди интеллигенции, студенчества и городского мещанства (хозяйки выдавали); во-вторых, крайняя, прямо невероятная, распущенность интеллигенции в смысле полного забвения традиций конспиративности, выработанной в эпоху 70—80-х гг. ...

Третья причина провалов, на мой взгляд, коренилась в составе московского пролетариата, среди которого очень велик процент не заводских рабочих, а фабричных, только что пришедших из деревни, малосознательных, к тому же доверчивых и неосторожных, живших в очень неудовлетворительных для конспиративных свиданий жилищных условиях (общие казармы, углы и т. п.).

В результате те товарищи, которые посвятили себя нелегальной работе, начинали считать делом чести преодоление полицейских

силков: создавалось, похожее на своего рода спорт, желание найти такие способы работать, чтоб можно было пустить корни и зацепиться среди пролетарских низов. Неотвязно в головах билась мысль: неужели уж так ловка и умна полиция, что через нее нельзя перешагнуть?

Этим нужно объяснить целый ряд попыток, с одной стороны, воскресить народовольческие приемы конспирации, а с другой — найти новые ее формы и покончить с бесперебойным триумфом полиции.

Между прочим, ленинское «Что делать?»²⁹ имело особый успех среди московских работников, мне кажется, именно потому, что до известной степени оно оформляло их поиски создания специфических организационных форм. Одной из интересных в организационном отношении попыток борьбы с провокацией и шпионажем была попытка Московского комитета в 1902 г.

В сентябре 1901 г. я вернулся в Москву из Вязьмы, где по окончании университета отбывал воинскую повинность.

Решительно никаких определенных, оформившихся групп в то время в Москве не помню, не встречал. Попадались только отдельные работники, осколки ранее разбитых кружков; только немногие из них готовы были начать вновь работу. Из таковых помню: братьев Николая и Владимира Розановых, Нила Михайловича Петровского (бывшего в 1918 г. членом коллегии Наркомзема), Леониллу Ивановну Биронт, мужа и жену Дивногорских, Ивана Акимовича Панова и других.

Чаще всего мы встречались на квартире у Синакевичей (мать с сыном); там же я познакомился с Бауманом. Разговоры были в общем безотрадные: с трудом налаживалась связь с рабочими, да и то с отдельными единицами, — не было ни явок, ни литературы, ни финансовых средств...

В январе 1902 г. ...я отыскал в Москве только что туда приехавших двоих новичков, оказавшихся один — Хинчуком, а другой — Семеном Вайнштейном...

Хинчук казался мне опытным, старшим, к которому я отнесся с доверием. Вайнштейн же, наоборот, произвел крайне отрицательное впечатление, во-первых, огромным апломбом, самонадеянностью, хвастливостью и крайней неконспиративностью.

Когда мне эти двое предложили стать членом комитета, организуемого, как видите, сверху, то я поставил им ультимативно ряд условий, исключительно организационных. В области тактики и теории между нами не было разногласий, ибо все мы были искровцами...

Кроме ультиматума о соблюдении конспирации, я поставил другое условие: это то, чтобы все связи с рабочими были предоставлены мне. И мы поделили работу таким образом: я получил в свои

руки все рабочие кружки; Вайнштейн занялся интеллигенцией, вел сношения с университетом и женскими курсами; Хинчук вел литературной частью, составлял прокламации, руководил техникой.

Так сложилось у нас разделение труда.

Число рабочих кружков достигло семи: помню кружки у Бутикова, на Прохоровке, на «Гужоне», у Муси, помню еще кружок из рабочих мелких текстильных фабричек в Старообрядческом районе, где именно, сейчас точно не помню.

Непосредственно я вел работу в двух кружках: во-первых, на фабрике Бутикова, на Остоженке, а во-вторых, в кружке из рабочих мелких текстильных фабрик. Остальные товарищи, ведущие кружки, были: Никольский, Сахаров, супруги Дивногорские, Панов, Валериан Шмидт и, кажется, Клевенский. Они приходили ко мне и сообщали мне точно о каждом своем посещении, о том, что они там говорили и т. д. Мы считали, что собирать рабочих — один, два, три кружка вместе — это неконспиративно, а эти вот руководители собирались и получали директивы.

В чем был смысл такой организации? Наши рабочие кружки были не только аппаратом пропагандистским, но и распределительным. В Москву пришло, скажем, 700 экземпляров «Искры». У меня было семь кружков — по 100 экземпляров на кружок. Приходил, например, Клевенский, брал 100 экземпляров, передавал своим рабочим и следил, чтобы они распространяли литературу на своей фабрике. Он узнавал от рабочих новости, какие были на фабрике, и мы писали или в «Искру» корреспонденции или прокламации. Такая форма организации, как теперь нам ясно, имела громадные недостатки (отсутствие демократизма, изолированность рабочих и т. д.), но она охраняла только что появляющиеся всходы от полицейского сапога. Не все это понимали тогда, не все понимают и сейчас...

Такова была наша организация. Она имела явные дефекты, демократии не было никакой, выбранного комитета не было. Но это была эпоха, когда нельзя было иначе работать. Итак, наш рабочий кружок имел тройное назначение. Во-первых, он был объектом пропаганды; в этом кружке должны были выработываться будущие руководители новых кружков; во-вторых, кружок давал нам информационный материал и возможность связи с жизнью массы: если нам надо было описывать быт завода, мы через свой кружок все узнавали и писали листовки. Мы писали много листовок: спрашивали у рабочих, чем они недовольны, и выпускали маленькие листовки в 20—30 экземпляров, размножавшиеся на гектографе, а рабочие из кружка рассовывали эти листовки в раздевальне по карманам в пиджаки и поддевки и т. д.

Наконец, в-третьих, кружок был распределительным аппаратом:

он был обязан распространять всю искровскую литературу, получаемую из-за границы.

Связь между кружками была такая: во главе каждого кружка был руководитель; руководители регулярно собирались для усвоения и проработки директив комитета. Я являлся заведующим всеми кружками. Я им говорил, например, что в эту неделю надо провести по кружкам вопрос косвенных налогов, и вот в эту неделю все занимались в кружках только этим вопросом.

В сравнении с той организацией, которая называлась московским «Рабочим союзом», наш комитет не может идти. У нас было всего семь кружков, всего максимум 40 рабочих. Правда, они были активны, они распространяли литературу и вносили брожение в массы, но это был только зародыш, только молодой слабенький росток, появившийся на земле, начисто вытоптанной врагами. Добавляю, что каждая группка имела свой гектограф, снимали 30—40 экземпляров. Склад хранился у Панютиной. Был такой вешатель в Одессе, Панютин, кажется, помощник генерал-губернатора Тотлебена. У него был брат, и вот жена этого брата, вдова Панютина, и согласилась хранить склад, благодаря ее приемному сыну Белоусову, который был прикосновенен к нашей организации. Этот склад спасся от провала и еще был цел в 1905 г. Я приехал из ссылки, забрал его и перевез в архив к Бонч-Бруевичу. Этот склад знали только два человека: я и Леонилла Биронт.

Припоминаю, что в феврале 1902 г. наш комитет состоял не из трех, а из четырех человек — был еще товарищ, которого фамилии я не знал и не знаю до сих пор, но который назывался «Сергей Александрович», в очках, с большой бородой. Он проработал до марта месяца, потом уехал и исчез навсегда.

Сб.: Искровский период в Москве. М.; Л., 1928, с. 60—72.

Г. И. ОКУЛОВА-ТЕОДОРОВИЧ

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

В Москву я приехала в начале осени 1902 г. Членами Московского комитета, с которыми я сносилась, были: Иван Адольфович Теодорович и Семен Лазаревич (кажется) Вайнштейн. Комитет в то время стоял определенно на искровской точке зрения.

Вскоре в Москву от «Искры» из-за границы приехала В. В. Гурвич («Наташа») и несколько позднее — Н. Л. Мещеряков («Леди»). Таким образом, у нас образовалась целая «искровская» коллегия. Вначале наши отношения с «Наташей» не совсем ладились,

так как пославшие нас организации недостаточно разграничили наши функции. Позднее это уладилось.

Из Москвы мне пришлось сделать несколько поездок в Петербург и Псков за искровской литературой и по организационным делам. В Петербурге я имела дело с Ел. Дм. Стасовой («Жулик»), а в Пскове — с П. А. Красиковым и П. Н. Лепешинским («Лапоть»), членами ОК по организации II съезда. Партийные документы говорят о том, что я была кооптирована в ОК, но или потому, что мне не успели еще до ареста сообщить об этом, или потому, что я не успела поработать практически по созыву съезда, но этот факт как-то выпал из моей памяти.

В Москве я проработала только до начала декабря 1902 г. В конце ноября (кажется, 28 старого ст.) были арестованы: Теодорович, Вайнштейн, Мещеряков, В. В. Гурвич-Кожевникова и целый ряд товарищей, исполнявших подсобную работу. Я осталась одна, без малейших связей с Московской организацией и с очень смутными мыслями по поводу моего оставления на воле. Думалось, что меня оставили «на разводку». Но скоро дело разъяснилось моим арестом. Арестовали меня 9 декабря на улице в нескольких кварталах от моей квартиры. По-видимому, шпики, благодаря моим ухищрениям, никогда не могли проводить меня до квартиры и, где она, не знали. Причины ареста остались для нас неясными. Показаний на следствии большинство из нас не давало. Мне пришлось только, согласно условиям с человеком, который предоставил мне паспорт, объяснить жандармам, как я его получила. Отсутствие разговоров на допросе не дало нам возможности установить причины ареста. Теперь только можно думать, что наш арест связан с предательством Серебряковой.

Не помню, в тюрьме или уже в ссылке мы узнали о II съезде партии³⁰.

Сб.: Искровский период в Москве, с 106—108.

В. П. НОГИН

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП В 1901—1903 гг.

В соприкосновение с московской политической борьбой мне пришлось прийти уже в 1901 г., после того как я работал и был арестован в Петербурге и, пробывши некоторое время под надзором полиции, скрылся от этого надзора, прожил некоторое время за границей и вернулся в Россию в качестве агента «Искры». Я привез с собой в чемодане с двойным дном литературу первых №№

«Искры», «Зари»³¹ и некоторые другие издания и сдал их Николаю Эрнестовичу Бауману, убитому черносотенцами в 1905 г. Вместе с Бауманом я начал работать по созданию Московского отдела «Искры». Кроме тов. Баумана, в этой группе принимал участие в работе по области тов. Бабушкин, также ныне умерший. Помощниками нашими были несколько товарищей, которые только что входили в движение; из них я должен отметить: Е. Н. Уварову и моего брата Т. П. Гогина. В то время тов. Бауман жил в селе Владыкине на даче, куда приезжали некоторые из товарищей, имевших с ним непосредственное сношение как с представителем Северного союза³². К нам приезжали Николай Николаевич Карташев, также ныне покойный. Через него и через тов. Бабушкина мы могли распространять литературу и утверждать нашу связь в Московской области, районы границ которой, само собой разумеется, твердо установить нельзя. Что касается непосредственных, близких связей с рабочими, то необходимо отметить, что они были первое время только случайными, и мы не ставили сперва своей непосредственной задачей эту цель, так как предполагали заняться прежде всего снабжением литературой существующей организации, не раскрывая своего центрального пункта. Так как эта работа не требовала многих сил, то я уехал в Петербург для организации Петербургского отдела «Искры». Что касается работ тов. Баумана в Москве за это время, то необходимо отметить, что как раз ему пришлось начать с зимы 1901 г. более близкую работу среди московских рабочих и начать кампанию против тех методов Зубатова и тех собраний в Историческом музее, на которых выступали профессора Ден, Вормс и Озеров³³.

1902 год принес уже более широкие выступления московских рабочих, и на Тверском бульваре произошла известная демонстрация типографщиков³⁴, которая для 900-х гг. является первой ласточкой широкого политического движения в Москве. Но к этому времени тов. Бауман и другие работники, которые работали вместе с ним, были уже арестованы и отвезены в Киевскую тюрьму, откуда Бауман весной 1903 г. бежал.

Вновь работать в Москве мне пришлось в конце 1903 г., когда я приехал после долгого ареста, ссылки и бегства из нее и работы в некоторых других городах. Я застал в Москве уже иную картину, чем в 1901 г. Во главе нашей организации стоял комитет, у которого имелась связь в различных районах Москвы и, кроме того, имелся достаточно большой штат работников-пропагандистов, состоящих, главным образом, из студентов. Среди этих студентов был Леонид (Жбанков)... тов. Гусарова и другие.

Комитет был еще не вполне определившийся во фракционном отношении, и мне с первых же дней пришлось встретить на работе Любовь Николаевну Радченко, которая приехала в каче-

стве представительницы меньшевиков. Но очень скоро симпатии Московского комитета и его наиболее ответственных работников стали полностью на сторону большевиков, и удалось укрепить это положение. Необходимо отметить, что тов. Радченко, хотя и была яркой меньшевичкой, но все же проявляла достаточно общепартийной дисциплины и, будучи хорошим, опытным работником, отлично помогла в оживлении той работы, которую мы застали в Москве.

Необходимо отметить, что в составе тогдашнего Московского комитета в том месяце оставались не лучшие из его работников, так как тов. Обух отсутствовал из Москвы, а тов. Жбанков не мог достаточно ослабить влияние остальных членов комитета, мало связанных с рабочим классом и не проявлявших достаточно энергии. Появление двух нелегальных, каковые были тов. Радченко и я, изменили это положение. Достаточно нам было зашевелиться, как очень скоро мы стали получать со всех концов Москвы извещения о необходимости принять в лоно Московского комитета ту или иную группу организованных рабочих. Эти извещения приходили со всех сторон, и мы могли их быстро использовать, благодаря тому что у нас были большие кадры пропагандистов, изнывавших в тоске по работе. Встреча на одном из собраний с А. Е. Серебряковой, оказавшейся потом провокатором, привела к усиленной слежке за мной; она велась достаточно грубо, я ее очень легко заметил и уехал из Москвы, передав работу опять тов. Бауману, который к тому моменту вернулся из-за границы.

Пролетарская революция, 1925, № 2(37), с. 204—206.

С. И. ЧЕРНОМОРДИК (П. ЛАРИОНОВ)

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

(Отрывки воспоминаний)

Когда осенью 1902 г. я, освободившийся от «общедемократических» иллюзий студенческого движения, вернулся после высылки в Москву убежденным социал-демократом, я стал искать связи с Московской социал-демократической организацией. Встретился я с Л. С. Цейтлиным, который также в 1901 г. принимал участие в студенческих волнениях и так же, как и я, был выслан из Москвы. Поселившись с ним вместе в одной комнате и не подозревая, что он имеет какое-либо отношение к Московской социал-демократической организации (он был большой конспиратор), тем более, что он усердно готовился к государственным экзаменам, я, посещая лекции и работая в лабораториях, продолжал, однако, искать связи с Московской организацией. А что такая организация была, я

был уверен по появляющимся в «Искре» корреспонденциям из Москвы. Среди студентов того времени мне приходилось встречать немало социал-демократически и социал-революционерски рассуждающих, но были ли они связаны с организацией или это были только рассуждающие, мне не удавалось узнать вследствие строгой конспирации и широко развитой провокации того времени. Знал я, конечно, что и мой сожитель Л. С. Цейтлин марксист и социал-демократ, но опять-таки в силу конспирации я считал невозможным сразу ставить прямо вопрос об его отношении к Московской организации, хотя я и был с ним в хороших товарищеских отношениях...

Через некоторое время я стал замечать, что Л. С. Цейтлин стал ко мне присматриваться и заговаривать на партийные темы...

Однажды я ему говорю:

— Я хотел бы отдать себя в распоряжение московского социал-демократического комитета. Не можете ли меня с ним связать?

Он, видимо, обрадовался моему предложению, но, однако, не показал вида, что он близко стоит к МК. Ответил, что постарается меня связать, но при этом поставил условие, чтобы я предварительно ликвидировал свое участие в студенческих организациях во избежание провала социал-демократической организации, в которую я намерен вступить...

Вскоре после этого разговора Л. С. Цейтлин однажды ночью попросил меня отправиться в одну квартиру на Воздвиженке в Ваганьковском переулке и предупредить какую-то «девицу», что произошли аресты и чтобы она уничтожила все компрометирующие бумаги. Как я впоследствии узнал, это был провал оставшейся после так называемого 2-го МК периферии³⁵, а «девица», которую я предупреждал, была, должно быть, технический секретарь МК. Звали ее, если память мне не изменяет, Мария Владимировна.

После этого провала Л. С. Цейтлин (он был член МК) остался один. Тогда-то он стал ко мне чаще обращаться за всякого рода услугами, не вводя меня, однако, в организацию. Впрочем, в описываемое время, как я потом понял, и не было организации, были лишь попытки ее воссоздать после провала 2-го МК, во главе которого стоял И. А. Теодорович.

Так я работал от случая к случаю. Но это, однако, меня мало удовлетворяло. Я потребовал от Цейтлина какой-либо определенной работы.

На первых порах, так как весь технический аппарат Московской организации был, видимо, разгромлен охранкой, мне было поручено организовать хранение литературы, которой получалось в то время довольно много из-за границы от группы «Искра». Началась подготовка ко II съезду, и Москва получала много литературы по вопросам программы партии и организационным, а также

много директивных циркуляров по вопросам подготовки съезда от организационной комиссии. Для всей этой массы литературы нужно было организовать «склад». На эту работу у меня ушел весь конец 1902 г. и начало 1903 г.

В начале 1903 г. Московская организация несколько технически окрепла. Удалось создать из студентов и курсисток довольно крепкий технический аппарат. Организация была более или менее удовлетворительно обеспечена хранением литературы, квартирами для явок, адресами для переписки. Предстояло решить основную задачу организации — наладить связи с рабочими, поставить пропаганду, а затем по возможности агитацию. Надо сказать, что если от технического аппарата осталось кое-что после провалов 1902 г., то с рабочими связи почти что оборвались, так как в провалившемся летом 1902 г. Московском комитете был провокатор. В этой области пришлось работы начинать заново.

В начале 1903 г. (весной) силы Московской организации увеличились с приездом из-за границы от группы «Искра» Александра Георгиевича Орлова и бежавшего из-под надзора полиции Валентина Ивановича Батырева (покойный). Несколько позднее приехал с юга нелегальный рабочий Михаил Лещинский. Организован комитет в составе: Л. С. Цейтлина, А. Г. Орлова и В. И. Батырева. Пишущий эти строки был назначен ответственным пропагандистом, а М. Лещинский — ответственным агитатором.

Машина завертелась. Л. С. Цейтлин был ответственным секретарем МК — в его руках находились связи с заграницей, переписка, связи с Организационным Комитетом³⁶ по подготовке II съезда и техническим и финансовым аппаратом МК. А. Г. Орлов везал на себя связи с интеллигенцией, а также организацию кружков среди интеллигенции, а В. И. Батырев был ответственным организатором — в его функции входило завязывать связи с рабочими и организовывать среди них кружки. Мне приходилось иметь дело с А. Г. Орловым и В. И. Батыревым. Организованные ими кружки они передавали мне для занятий с ними. Что касается М. Лещинского, ответственного агитатора МК, то ему так и не пришлось до конца нашей деятельности, т. е. до нашего провала 7 июня 1903 г., приступить к агитационной деятельности.

По роду моей партийной деятельности в то время, мне приходилось иметь дело как с рабочей средой, так и с интеллигентской. К лету 1903 г. я занимался в трех рабочих кружках и двух интеллигентских.

Время было тогда тяжелое... Среди массы московских рабочих не были еще изжиты иллюзии «полицейского социализма», зубатовщины. В кружках почти каждый раз после занятий наши разговоры упирались в зубатовщину, приходилось слышать рассказы о зубатовских собраниях, в которых принимали участие сотни рабо-

чих. Припоминается, что крупная зубатовская организация была среди пуговичников фабрики Ронталлера, некоторые рабочие которой входили в мой кружок. Но чувствовалось все же, что зубатовщина была на исходе.

Рассказывали, как массовики-рабочие, не искушенные в политике и не подозревавшие связи зубатовских организаций с охранкой, наивно выступали с вопросами и речами, которые путали все расчеты вожаков-зубатовцев (Красивского, Афанасьева, Слепова), и как эти же наивные рабочие тут же арестовывались и отправлялись в охранку. Разумеется, такие приемы разлагали зубатовские организации гораздо успешнее и быстрее, чем наша агитация, которая, к слову сказать, была в зачаточном состоянии.

Но быстрому процессу разложения зубатовских организаций далеко не соответствовал рост нашей социал-демократической организации. Тому было много причин. Наряду с причинами внутреннего порядка (как борьба «экономистов», которые своей идеологией играли на руку зубатовщине, с «политиками») в Москве, главным образом, играли роль чисто внешние причины. Создавая одной рукой свои рабочие организации, охранка другой рукой окружила революционные организации сетью провокации и шпионажа. В этом отношении Москва занимала, пожалуй, первое место, московская охранка в этом деле дошла до виртуозности. Поэтому долгое время Москва не могла выйти за пределы рабочих кружков, которые также находились под постоянным дамокловым мечом провала.

Думаю, что настала пора объяснить, почему именно в Москве так свирепствовала охранка и как эта грубая, а иногда хитрая полицейская сила именно в Москве задержала рост широкого социал-демократического движения. Нельзя же объяснить этого тем, что в Москве оказался полицейский гений Зубатова. Это требует исторического исследования. Но кратко можно дать объяснение и без глубокого исследования. Зубатовщина есть отражение московского пролетариата на известной стадии его развития. Чтобы ее понять, ее нужно рассматривать не как причину, а как следствие. Как следствие экономической и политической отсталости московского пролетариата, его связи с деревней (полупролетариат). Зубатовщина — это сорная трава, которая может расти там, где пролетариат не осознал себя как класс. А московский пролетариат осознал себя как класс, в отличие от пролетариата, скажем, юга, западного края, Польши, только в 1905 г. Только так можно объяснить, почему долгое время между социал-демократической организацией и московской рабочей массой стояла такая непреступная стена, как зубатовская охранка.

Но возвращаясь к воспоминаниям о Московской социал-демократической организации.

Занятия в кружках у меня происходили без программы потому, что программы и не было. Приходилось такую программу стряпать самому для внутреннего, так сказать, потребления. Самую программу я не могу припомнить. Помню только, что я старался избегать всяких «ученостей» и быть поближе к русской действительности. Особенно помню, интересовал рабочих аграрный вопрос, потому что московский рабочий — полукрестьянин и потому что в рабочую среду стали проникать социалисты-революционеры с их шедрыми обещаниями земли. Интересовался летом 1903 г. рабочее в кружках, будет ли война, — в то время наши отношения с Японией обострились... О том, что самодержавие нужно свергнуть, ни у кого из рабочих в кружках не было сомнений, приходилось только объяснять, какова должна быть роль рабочего класса в революции и каковы должны быть наши отношения с другими партиями и классами. Интересовал их также вопрос, какая разница между социал-демократами и социалистами-революционерами, но у меня никогда не было уверенности, что эта разница для них ясна, потому, конечно, что среди них почти не было «чистых» пролетариев. Часто приходилось слышать от рабочих, что «не стоит спорить, цель у всех одна общая». А один рабочий из моего кружка «конспиративно» входил даже и в эсеровскую организацию. Об этом я случайно узнал от эсера Григория Ривкина (покойного), который приехал в Москву налаживать эсеровскую организацию. Позднее, уже в тюрьме, когда я спросил об этом самого рабочего, он по своей наивности даже не понимал, что это «преступление»...

Собирал я кружки в разных местах: в парке Петровско-Разумовской академии, в селе Богородском (за Сокольниками), где жила на даче группа молодежи, нам сочувствовавшей, в квартирах у рабочих, членов кружков — помню такую квартиру в Рыкуновом переулке. Сам я жил летом 1903 г. в Петровско-Разумовском (там же я и был арестован у себя на квартире в ночь с 6 на 7 июня 1903 г.), и нередко мне ночью приходилось пешком возвращаться домой из Рыкунова переулка в Петровско-Разумовское, так как и конки, и паровичок прекращали движение.

Из отдельных эпизодов того времени припоминаю конференцию для выборов делегатов от Москвы на II съезд и распространение первомайской прокламации Организационной комиссии съезда. Помню ее внешний вид: напечатана красными буквами и с подписью: «Организационная комиссия по созыву II съезда РСДРП»³⁷. Помимо районов она была разбросана в театрах во время действия.

Из Таганской тюрьмы я был освобожден после девятидневной голодовки 15 ноября 1904 г., когда наступила «весна Святополк-Мирского»³⁸. В тот же вечер я попал вместе с другими освобожденными на митинг в Петровско-Разумовское по случаю сорокалетия

судебной реформы³⁹. Москву я не узнал в сравнении с тем временем, когда я был арестован. Летом 1903 г. русское общество было придушено царским самодержавием. За время моего «отсутствия» из Москвы произошло событие громадной важности: царизм потерпел полное военное крушение. Чтобы успокоить общественное мнение, была объявлена «весна» и «доверие к обществу». Началась эпоха общественного подъема.

Митинг в Петровско-Разумовском начался чествованием нас, «освобожденных узников». За нами ухаживали, посадили на почетные места. В первый раз пришлось услышать вольную речь в России. Либеральные адвокаты заливались соловьем. Но вот диссонансом прозвучала речь социал-демократа, заговорившего о всеобщем избирательном праве, о 8-часовом рабочем дне и пр. Невольно заразился общим подъемом, захотелось скорее работать. И еще больной после перенесенной голодовки я уехал на юг (в Москве нельзя было оставаться), полный надежд и уверенный в предстоящих победоносных битвах с врагом пролетариата.

Путь к Октябрю: Сборник воспоминаний, статей и документов. Вып. 3. М., 1923, с. 44—50. Печатается с сокращениями.

С. И. ЧЕРНОМОРДИК (п. ЛАРИОНОВ)

ВЫБОРЫ ДЕЛЕГАТОВ НА II СЪЕЗД РСДРП ОТ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Массового рабочего движения в Москве, а тем более политического движения московского пролетариата в первой половине 1903 г. не было. Зато в Москве царил зубатовщина, которая в конечном счете сыграла большую роль в деле революционизирования рабочих масс. Но уже и тогда нам удавалось проникать на зубатовские собрания рабочих.

И вот в таких условиях Московскому комитету пришлось послать своих представителей на II съезд партии. Самой подготовки съезда в рамках Московской организации я касаться не буду... О привлечении к участию в выборах делегатов на съезде представителей от периферии нечего было и думать. При слабости нашей организации, при широко практиковавшейся в Москве провокации, при хорошо поставленной московской охранкой слежке, при частых провалах Московской организации было совершенно недопустимым выбрать делегатов на съезд (съезд должен был, в сущности, создать партию, настоящую политическую партию российского пролетариата из множества пестрых полуавтономных организаций, рассеянных на обширной территории России), в присутствии и с

участием представителей периферии. При описанных условиях необходимо было соблюдать максимальную конспирацию. Для МК это было так ясно, что ни у кого из нас даже не возникало серьезной мысли привлечь к выборам делегатов широкие партийные круги. Даже и те члены МК, которые стали впоследствии после II съезда меньшевиками, стало быть, были сторонниками партийного «демократизма», как Цейтлин и Батырев,— и они не поднимали об этом вопроса...

Итак, в выборах делегатов на съезд принимали участие: с решающим голосом Цейтлин, Батырев, Орлов, Лещинский и я; с совещательным голосом Ф. Г. Герценберг, Р. Бонар и Е. Н. Тарсанова. Заседания происходили на даче Ф. Г. Герценберга на станции Братовщина. Заседания было два. Несмотря на то что нас было так мало, дебаты отняли у нас много времени. Дело в том, что среди нас был один, у которого были еще сильны остатки «экономизма». Это был В. И. Батырев. Мы все, остальные, были правоверные искровцы. Так как острыми вопросами партии в то время были основные тенденции развития революционного движения, по теперешней терминологии «текущий момент», и пристекающее отсюда содержание партийной работы (организация, агитация и пропаганда), т. е. те вопросы, которым давалось противоположное обоснование искровцами и «экономистами» и по которым ими делались противоположные программные и тактические выводы, то становится совершенно ясно, что почва у нас для дебатов была вполне достаточная. К этому нужно еще прибавить, что В. И. Батырев был из последних могижан «экономизма»: ко времени II съезда «экономизм» умирал естественной смертью, и II съезд должен лишь был констатировать эту смерть. Таково было глубокое убеждение и сознание большинства членов партии, особенно тех, которые находились под неотразимым влиянием революционной логики брошюры т. Ленина «Что делать?». И впечатление было таково, что и В. И. Батырев не особенно верил в победу «экономизма», понимал, что песенка его спета, и потому не столько защищал позицию «экономизма», сколько ядовито высмеивал искровство и Плеханова.

Истории угодно было разбить на II съезде единую социал-демократию на два крыла: революционное (большевиков) и оппортунистическое (меньшевиков) по организационному вопросу.

При выборах делегатов на II съезд от Московской организации организационный вопрос обсуждался не в той плоскости, в какой впоследствии он обсуждался на съезде. Нас занимал вопрос о ликвидации кружковщины, кустарничества, о создании централизованной, крепкой партии с сильным центром. Я не помню, чтобы мы поднимали вопрос об отношении центра к местам, об автономии «мест». Думаю, что для нас, искровцев, было психологически не-

приемлемо даже ставить этот вопрос, так как нам все время приходилось работать в удушливой атмосфере автономии кружков, групп, одиночек, кустарей и мы все время мечтали о том времени, когда властная рука сильного центра ликвидирует эту автономию. Во всяком случае, по организационному вопросу у искровцев не было на этом заседании разногласий, и будущий меньшевик Цейтлин был солидарен с нами, будущими большевиками.

После двоекратного заседания мы выбрали делегатами на II съезд от Московской организации двух искровцев — Баумана и Цейтлина.

За отсутствием работников мы не имели возможности послать двух делегатов из своей среды, а потому второй мандат вручили покойному Бауману, бывшему тогда, кажется, за границей.

Выборы происходили, кажется, в конце мая 1903 г.⁴⁰, а в ночь на 7 июня произошел провал Московской организации. Л. С. Цейтлина удалось избежать ареста и пробраться на съезд, где он фигурировал под именем Белова.

Пролетарская революция, 1923, № 2 (14), с. 601—605. Печатается с сокращениями.

Н. Н. КУДРЯШОВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Н. Э. БАУМАНЕ *

После удачного побега Н. Э. Бауман, кажется, в 1904 г. снова появляется в Москве, где уже я встречаюсь с ним. Я приехал в Москву из Нижнего Новгорода, где едва не провалился вместе с подпольной типографией, в которой я работал. Явившись в распоряжение Московского комитета партии, я прежде всего столкнулся с тов. Бауманом, который в это время проживал в Москве под именем Ивана Сергеева и состоял секретарем комитета. Московский комитет партии в то время был объединенным, так как большевики работали вместе с меньшевиками. Тов. Бауман очень энергично старался объединить организацию и тайне от меньшевиков проводил большевистскую линию среди рабочих.

В распоряжении Баумана была небольшая подпольная типография, состоявшая из 1½—2 пудов шрифта и простой рамы с валиком. Узнав во мне большевика, тов. Бауман поручил мне работу в типографии, в которой я и начал работать совместно с товарищем Лаврентием — петербургским рабочим. Материальных средств у нас было так мало, что мы, несмотря на громадный риск провала, поселились все вместе: Бауман с женой (Надеждой Константинов-

* Заголовок составителя.

ной Медведевой *, Лаврентий и я — на Красносельской улице в доме № 39, в подвальном этаже, причем у нас на четверых был один настоящий паспорт у Медведевой, на имя которой и была снята квартира. Здесь мы отпечатали первомайский листок в количестве 2000 экземпляров. Наша большевистская организация была настолько слаба силами, что этот листок пришлось распространять нам самим же.

После 1 Мая нам удалось организовать группу до 20 человек. К тому же и наши материальные дела улучшились настолько, что мы разъехались на две квартиры: Бауман с женой поселились на даче в Зыкове, а мы с типографией — на 2-й Вятской улице. Но дни работы были уже сочтены; за тов. Бауманом началась усиленная слежка.

Помнится, что в первых числах июля приходит Медведева и просит меня прийти к ним вечером и поменяться с Бауманом костюмом, чтобы таким путем дать ему возможность выйти из квартиры, в которой он сидит несколько дней, так как шпики неотступно дежурят у дома. Обмен костюмами у нас состоялся в 11 часов ночи, но выбраться из квартиры и скрыться Бауману не удалось. В ту же ночь он был арестован, а я, возвращаясь из квартиры Баумана, подвергся жестокому преследованию шпики. Их очень заинтересовал вышедший из квартиры человек в элегантном костюме не по росту (я значительно был ниже Баумана).

Моим ногам порядком пришлось поработать, чтобы скрыться от погони. Но вполне скрыться мне все же не удалось. На другой день те же шпики в сопровождении пары полицейских чинов обошли квартиру того квартала 2-й Вятской улицы, где мы жили, и разыскивали человека, которого они накануне видели в щеголеватом костюме (не по росту) и в шляпе. Но костюм и шляпа уже исчезли, и я предстал перед ними в засаленном и рваном костюме. Хотя наша квартира в три комнаты, меблированная столом, двумя табуретами и поломанной кроватью, и была подозрительна, но почему-то обыску мы не подверглись, и типография была спасена.

Лаврентий на второй день был также арестован на квартире Баумана, нарвавшись на полицейскую засаду.

Этими арестами была прервана на некоторое время наша плановая работа, и мне, потерявшему связь, пришлось временно ликвидировать нашу типографию. Бауман засел прочно и надолго — и я его живым уже больше не видал. Пришлось увидеть лишь в гробу во время торжественных похорон 20-го октября [1905 г.] (старого стиля).

* Правильно: Капитолина Поликарповна Медведева.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

ОТ МОСКОВСКОГО «РАБОЧЕГО СОЮЗА» К «ИСКРЕ»

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГРУППА («ШЕСТЕРКА») ДЛЯ ПРОПАГАНДЫ МАРКСИЗМА СРЕДИ РАБОЧИХ МОСКВЫ

ЛИСТОВКА «СТОЛКОВАЛИСЬ. У ФАБРИЧНОГО ИНСПЕКТОРА»
С РАЗОБЛАЧЕНИЕМ ФАБРИЧНОЙ ИНСПЕКЦИИ,
ПОПУСТИТЕЛЬСТВУЮЩЕЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧИХ ФАБРИКАНТАМИ,
И С ПРИЗЫВОМ К РАБОЧИМ БОРОТЬСЯ ЗА СВОИ ПРАВА ⁴¹

1894, февраль

СТОЛКОВАЛИСЬ. У ФАБРИЧНОГО ИНСПЕКТОРА ⁴²

Ф а б р и ч н ы й инспектор. Пожалуй, я готов разрешить вам воскресную работу, но само собой разумеется, что за нее, как за сверхурочную, вы назначите несколько бóльшую плату.

Ф а б р и к а н т. В нашем деле так нельзя. С какой стати я им буду назначать бóльшую плату, когда и за эту они будут работать и даже с большим удовольствием, потому что как я теперь обрезал расценки, то выходит, никак им нельзя прожить без того, чтобы не работать по праздникам. И выходит теперь так, что большей платы класть незачем, потому они и так работать будут.

Ф а б р и ч н ы й инспектор. Ну, как знаете, а я, по закону, не могу вам разрешить праздничной работы за ту же плату. Если хотите работать в праздники, назначьте плату несколько выше. Вот вам мое решение.

Ф а б р и к а н т. Эх, несговорчивый какой! Заладил одно да и только. Ну, ин быть по-вашему. Назначим плату повыше. В таком разе разрешите расценки еще малость скосить,— ну, и выйдет, что в праздники платить буду как будто больше, а на самом деле выйдет на одно.

Ф а б р и ч н ы й инспектор. Ну, это другое дело. Так по закону.

Р а б о ч и й (*угрожая*). Эх, вы, заступники! Видно, мало толку будет от вашей защиты, пока я сам не начну думать о своем положении.

Две причины главным образом угнетают рабочих: 1) *слишком длинный рабочий день* и 2) *слишком малая заработная плата*. Следствием этих причин является: *истощение здоровья и сил, сокращение жизни рабочего, заболевание рабочего различными профессиональными болезнями*. Так, например, ткачи от вредной хлопчатобумажной пыли часто болеют чахоткой и глазами, от металлической же пыли страдают и рабочие металлических заводов, рабочие зеркальных фабрик страдают ртутным отравлением и т. д., *плохое питание, жизнь в тесных, часто сырых и нездоровых помещениях, неимение времени для отдыха, неимение ни средств, ни времени для разумных удовольствий, для чтения и для самообразования, а следовательно, невежество и темнота рабочих, непонимание ими своих интересов*.

Таково положение рабочих. И до тех пор, пока рабочие не поймут *сами* своего положения, до тех пор, пока они *сами* не начнут думать об улучшении его, до тех пор и невозможно ожидать никакого прочного улучшения его. Фабричный инспектор — не рабочий; он не страдает от чрезмерного труда и от нищеты; он служит за жалование, он — слуга поставивших его; и потому, как всякий слуга, боящийся потерять место и жалование, он больше старается угодить своим господам, фабрикантам и начальству, чем защищать рабочих. Вот почему наши старшие братья, рабочие других стран, раньше нас понявшие свое положение, давно провозгласили, *что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих*.

И пока мы не поймем этого, до тех пор улучшения нашего положения нечего ждать, так как, кроме нас самих, об этом думать никому.

Мицкевич С. И. Революционная Москва. М., 1940, с. 255—256.

МОСКОВСКИЙ «РАБОЧИЙ СОЮЗ»

ЛИСТОВКИ, ПРОКЛАМАЦИИ, ВОЗЗВАНИЯ

ЛИСТОВКА «ВОЗЗВАНИЕ НА ПЕРВОЕ МАЯ» С ПРИЗЫВОМ К РАБОЧИМ МОСКВЫ ВМЕСТЕ С РАБОЧИМИ ДРУГИХ СТРАН ОТПРАЗДНОВАТЬ ДЕНЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ⁴³

1895, апрель, не позднее 30

ВОЗЗВАНИЕ НА ПЕРВОЕ МАЯ

Товарищи рабочие!

Наступил день 1 мая «праздника рабочих». Многие из вас, конечно, никакого понятия не имеют об этом празднике. Не знают, какое значение имеет он для рабочего люда. А знать это необхо-

димо. Дело в том, что уже много лет, как заграничные рабочие поняли весь ужас положения рабочего народа, который создан как бы для того, чтобы с раннего утра до позднего вечера, а то так и ночи проводить время за тяжелой, утомительной работой на душных фабриках, заводах и т. п., создавать громадные богатства только для того, чтобы самим всю жизнь нуждаться в самых необходимых вещах. И вот они начали бороться против тех порядков, при которых рабочие, создавая громадные, просторные дома и дворцы, сами теснятся в тесных душных конурах; одевая праздных людей в самые разнообразные дорогие материи, сами зачастую не имеют возможности купить у старьевщика поношенную одежду с чужого плеча; строя железные дороги, конки, пароходы, они всю жизнь как бы заключены в четырех стенах своей фабрики. Мало того, солнце, воздух, природа — все не для них. У них нет времени наслаждаться этим всем — они должны беспрестанно создавать барыши капиталисту-хозяину. Жизнь их — сплошной тяжкий труд, который отнимает у них бодрость, силы, здоровье и в конце концов преждевременно укладывает в могилу. И умирает рабочий с тяжким сознанием, что оставляет он свою семью и детей для того же каторжного труда, для той же нужды.

Да, поняли заграничные рабочие всю несообразность такого положения жизни и начали бороться за свое право — за право жить по-человечески, и вот, по мере того как все больше и больше выросло у них сознание относительно своих прав, стали они сталкиваться, соединяться в семью, основывать кассы, которые помогали бы им устраивать стачки, подавать петиции правительству. И все они зиждились на одном: для улучшения их положения им требуется более сокращенный рабочий день и более высокая заработная плата. Завели сношения, объединились рабочие в одной стране. То же объединение, та же борьба происходила и в другой стране, и вот уже рабочие разных стран стали сноситься между собой, стали устраивать общие международные рабочие съезды (конгрессы), на которые съезжались представители из разных государств для того, чтобы уже рабочим нескольких стран сообща толковать о своем деле. А дело у них у всех одно — борьба с хозяевами и правительством за улучшение своего положения. Да, много и упорно боролись заграничные рабочие с своими хозяевами, и борьба их не прошла даром: она организовала их, соединила всех в одно, научила стойко держаться друг за друга, и поняли они, что, действуя сообща, они представляют непобедимую силу, которой должны все уступить. И действительно, заработки их втрое, вчетверо, а в некоторых отраслях труда так и во много раз выше наших: рабочий день их короче нашего на 4—5 часов; упорной энергичной борьбой они завоевали всеобщее уважение, а хозяева стали

их бояться. Мало того, они добились права посылать своих представителей... *

С этого времени каждый год тамошние рабочие празднуют Первое мая как свой рабочий праздник⁴⁴. В этот день они оставляют работу и устраивают громадные собрания, составляют и подают петиции правительству и ходят стройными массами со знаменами и музыкой по городу, отправляются за город, произносят речи. Главное требование, которое выставляется там в день Первое мая — это установление законом восьмичасового рабочего дня и повышение заработной платы.

Вот как товарищи проводят день Первое мая за границей и чего в этот день тамошние рабочие требуют.

И крепко они стоят на этом требовании, потому что они прекрасно понимают, что приносит им с собою 8-часовой рабочий день. Понимают они, что при 8-часовом рабочем дне потребуется больше народу на фабрики, а потому и меньше будет стоять у ворот тех десятков голодных, которые за самую ничтожную плату предлагают хозяйину свои услуги и тем не дают возможности не только добиться повышения, но и удержаться на старых заработках. Понимают они, что восьмичасовой рабочий день даст им больше отдыха, а потому прибавит им сил, здоровья, оставит им время для занятий, развлечений, одним словом, даст им возможность устроить свою жизнь более по-человечески.

Ну, а мы, русские рабочие, не в тысячу ли раз нам приходится труднее, не страдаем ли мы также от непомерно длинного рабочего дня, не падают ли у нас все больше и больше наши и без того скудные заработки? Вдумаемся же в наше положение, оглядимся внимательно вокруг себя, неужели так и всегда должно быть, чтобы вся жизнь наша проходила в тяжелом труде, который изнуряет наше тело и переутомляет ум, потому что у нас не остается свободного времени для занятия науками и чтением. Неужели мы навсегда останемся такими притесненными, угнетенными, на которых за их честную трудовую жизнь свысока смотрит праздный люд. Нет, товарищи, не всегда это так будет, и единственно от нас самих зависит улучшение нашего положения.

Кроме нас самих никто не может, да и понятно: все живут нашим трудом, чем больше мы работаем, тем привольнее им живется. Но для этого нужно, чтобы мы поняли, что требования наши будут исполняться тогда, когда мы будем силою, а силою мы будем тогда, когда мы будем действовать сообща, только общими силами, крепко держась друг к другу, мы сможем чего-нибудь добиться. Мы слабы, беззащитны до тех пор, пока мы только умеем жало-

* Невозможно разобрать 14 строк, по-видимому, наиболее интересных, так как дело идет о политических требованиях.— *Примеч. источника.*

ваться на свои рабочие невзгоды, когда же мы начнем действовать, т. е. начнем собираться вместе для обсуждения своих дел, начнем устраивать союзы, кассы, а кассы будут помогать нам устраивать стачки, будем побольше читать книжек, в которых толкуют о нашем рабочем деле, о наших рабочих нуждах, тогда дела пойдут у нас иначе, на нас перестанут смотреть, как на бессловесный скот, который свезет, что пи взвали на него. А что мы действительно сила, в этом, товарищи, я думаю, никто из вас не сомневается. Пусть бы рабочие забастовали в один прекрасный день: и плотники, и слесаря, и ткачи, и наборщики, ведь тогда все дела бы в государстве пришли в расстройство. И вот, все то, что отделяет теперешнее наше положение от того, чем мы можем быть и чего мы вправе требовать и добиваться, и составляет наш рабочий вопрос. Им мы должны заняться. Его мы должны решить, и чем энергичнее и чем дружнее мы будем добиваться, тем скорее добьемся желаемого. Так и мы, товарищи, мы тоже должны сегодняшний день Первое мая посвятить рабочему вопросу. Пусть и у нас этот день будет днем «рабочего праздника». С каждым годом нас, сознанных свое положение, все будет больше и больше, и недалеко то время, когда и мы сообща открыто станем праздновать день 1 мая как свой «рабочий праздник», и мы дружно потребуем восьмичасового рабочего дня и больше заработной платы. Поймем же, товарищи, что это не пустые слова, не фразы — мы люди и должны добиваться человеческой жизни. Итак, дорогие товарищи, присоединимся и мы к заграничным рабочим, отпразднуем и мы, пока, как сможем, день 1 мая, день «всемирного праздника рабочих». Дружно же вперед на общее дело, да здравствует Первое мая, да здравствует праздник рабочих!

Литература московского «Рабочего союза»: Материалы и документы. М., 1930. с. 65—68.

**ЛИСТОВКА С ПРИЗЫВОМ К РАБОЧИМ ВСТУПАТЬ
В МОСКОВСКИЙ «РАБОЧИЙ СОЮЗ» ДЛЯ БОРЬБЫ
ПРОТИВ КАПИТАЛИЗМА ЗА СОЦИАЛИЗМ**

1895, июнь, не позднее 11-го

ВОЗЗВАНИЕ

Товарищи рабочие!

Наше положение с каждым годом все ухудшается и ухудшается. Надеясь увеличить свои заработки, мы удлиняем рабочее время, работая ночи и праздники. Но что же из этого выходит? Улучшается ли наше положение? Там, где прежде работало 150 человек, при усиленной работе хозяин обходится сотнею, остальные 50, лишённые работы, ходят с фабрики на фабрику и волей-неволей

вынуждены соглашаться работать за самую низкую плату, понижают и наши заработки. Если кто из нас заикнется о низкой плате, то хозяин в ответ на это указывает на безработных,— дескать, не желаешь — на твое место десятков у ворот.

Товарищи, что же нам делать, как бороться?

Мы видим, что в одиночку ничего не поделаешь. Еще можно, пожалуй, вести борьбу целыми фабриками и заводами, но и это крайне трудно и редко кончается успехом. Только, когда рабочие всех фабрик и заводов соединятся вместе, возьмутся сообща за свое рабочее дело, только тогда можно быть уверенным в успехе.

Поэтому рабочие, понявшие необходимость бороться сообща, соединились в «Рабочий союз» и приглашают рабочих всех фабрик и заводов присоединиться к ним для общей борьбы за рабочее дело.

Соединимся, товарищи, и станем дружно бороться за право свободно собираться для обсуждения своих дел, будем бороться до тех пор, пока не свергнем ига капиталистов, пока вся земля, все фабрики и заводы не сделаются общественной собственностью.

Литература московского «Рабочего союза»,
с. 68—70.

**ЛИСТОВКА СО СТИХОТВОРЕНИЕМ «НАГРАДА»,
В КОТОРОМ ОБРИСОВАНО БЕСПРАВНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
РАБОЧИХ ПЕРЕД ФАБРИЧНОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ⁴⁵**

*1895, июнь, не позднее 26-го **

НАГРАДА

Нас всегда берет досада,
Как наш хозяин каждый год
Дает приказчикам награду
Рублей по двести, по пятьсот.

За что им всем такое счастье?

За что такая благодать,

Когда рабочему в несчастье

Жалеют рублик передать?

Когда придет рабочий бедный
Просить деньжонок на нужду,
Им жалко дать полушки медной,
Помочь — считают за беду.

* Дата установлена на основании сведений о распространении печатных экземпляров этого стихотворения среди рабочих в с. Раменском Бронницкого уезда (см. док. в приложении).

Когда истерзанный, испытый
Бедняк за помощью придет,
То управляющий сердитый
Кричит ему: «Возьми расчет!»
 За что конторщикам награда?
 Велик их подвиг? Тяжек труд?
 Невольная кипит досада:
 Ведь нашей кровью все живут!
Или они сидят без хлеба?
Иль терпят холод, или жар?
Благодаря фабричным бедным
Едят роскошный хлебный дар.
 Житье приказчика привольно,
 Нужды не видит круглый год.
 Он сытно ест и спит довольно,
 И каждый день награду ждет.
Рабочий люд, бедняк несчастный,
Какую ждет себе награду?
Работает и днем и ночью,
Копейку кровью достает.
 Твои труды никто не ценит,
 Ты о страданиях молчишь,
 А если кто тебя обидит,
 Ты не ответишь, а смолчишь.
Ты рано встанешь, поздно ляжешь,
Проспать боишься двух минут,
А на работу опоздаешь,
С тебя все взыщут, штраф сдерут.
 Весь век не видишь ты отрады
 За свой тяжелый, вечный труд.
 Бедняк, не жди себе награды,
 Тебе копейки не дадут.

Литература московского «Рабочего союза»,
с. 75—76.

**ЛИСТОВКА С ПРИЗЫВОМ К РАБОЧИМ БОРЬТЬСЯ ЗА СОКРАЩЕНИЕ
РАБОЧЕГО ДНЯ И ЗА ПОВЫШЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ**⁴⁶

1895, август, не позднее 10-го

Товарищи, пора опомниться, пора взяться за дело. Довольно кормить дармоедов-хозяев и их приспешников трудами наших рук. Пора опомниться, давно пора попросить, а то лучше потребовать короткого рабочего дня и лучшей заработной платы. Возьмемся же, товарищи, за улучшение нашей жизни. Смело за общее дело.

Литература московского «Рабочего союза»,
с. 71.

1895, не позднее 23 ноября *

СТАЧКИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАБОЧИХ
(с описанием пяти стачек **, бывших весной и летом 1895 г.)

Мазуринская стачка

В июне месяце под Москвой произошла стачка на Мазуринской бумагопрядильной фабрике около ст. Кусково по Нижегородской ж. д. Фабрика эта принадлежит К. М. Мазурину и Герасимову с с-вьями. Мазурин в дела фабрики не вмешивался, и всем заправляет Герасимов с директором. Притеснениями они довели рабочих до того, что те отказались от работ. 1 июня первая смена прядильщиков (17 человек), окончив работу, стала требовать от мастера прибавки; к ним присоединилась еще вторая смена. Мастер В. Г. Герасимов, хозяйский сын, сначала было обещал прибавить 5 коп. на рубль. Рабочие сейчас же потребовали утвердить новую расценку, но мастер, успевший уже посоветоваться с директором фабрики, объявил, что хозяева расценки теперь не поднимут, а повысят ее после покрова, когда кончится срок найма. Догадались рабочие, что это обещание один обман, что тогда к зиме им не только не прибавят ни копейки, а того и гляди еще сбавят 5—10 коп. с рубля, и забастовали. Дали знать фабричному инспектору; к вечеру приехал его помощник, и к этому же времени поднялась вся фабрика, около 2000 человек. Забастовщики, требуя повышения заработной платы, указывали на соседнюю фабрику, где рабочим после пасхи была сделана прибавка, где и машины лучше, где благодаря всему этому заработок рабочего в полтора раза больше, чем у Мазурина. Как раз в это время происходил экзамен в фабричной школе, на котором присутствовал попечитель ее Мазурин. Когда он после экзамена вышел из школы, рабочие окружили его, требуя прибавки. На это Мазурин отвечал, что он оплачивает труд рабочих прекрасно: «Самый маленький мальчик получает 40 коп., а прядильщик — 60—70 коп.» (На самом же деле последний получает всего 37 коп.) Рабочие жаловались и на то, что заведующий убавляет число рабочих и удлиняет рабочий день оставшихся. «По спискам конторы,— говорил Мазурин,— у меня числится 4000 человек», а на фабрике работало всего 3000. Правду ли говорил Мазурин, неизвестно. Может быть, он говорил так лишь для того, чтобы отвязаться от рабочих, свалив всю вину на директора, а может быть, и в самом деле директор уменьшал в свою пользу и без того скудный

* Датируется по сообщению и. д. ст. фабричного инспектора И. А. Федорова о распространении брошюры среди рабочих Прохоровской мануфактуры.

** Опушено введение и описание двух стачек: в Ярославле и Тейкове.

заработок рабочих. Слова Мазурина подлили масла в огонь. Рабочие начали бунтовать. [Все] начальство фабрики тайком скрылось в соседнее село. Остался только хозяйский сын мастер Герасимов. Он всю ночь «бунтовал» с рабочими, стараясь спасти хозяйское добро. Угощал рабочих папиросами, сельдями, хлебом, думая отделаться этими грошовыми подачками. Но разъяренная толпа искала, на чем сорвать гнев, и Герасимов указал ей на старые, негодные постройки и, таким образом, спас от разгрома главные здания. На другой день все винные лавки по соседству были запгерты, это вывело рабочих из себя, и они уже без пощады начали громить все, что ни попадало им под руку. Избита была полиция, хожалые, разнесены оранжереи, квартира директора, перебиты стекла в фабричных корпусах. Несдобровать бы и машинам, но, на хозяйское счастье, прибыли на фабрику бравые казаки — защита капиталистов. Все рабочие сплотились во дворе, затворили ворота и не пускали казаков, но те ворвались силою. Начальник их спросил, чего хотят рабочие. Некоторые начали было говорить, но тут послышался голоса: «Что на него, братцы, смотреть». Вслед за этим полетели в казаков камни; офицер дал знак, и казаки, сомкнувшись, бросились на народ и нагайками загнали его в спальни. Начались переговоры. Рабочие требовали поголовного расчета, если им не дадут прибавки, и требовали, чтобы рассчитывали их не в одиночку и не десятками, а всех сразу. Но вместо прибавки их вызвали на фабричный двор, расставили в ряды, и мастер Герасимов, бунтовавший с ними ночью, ходил, окруженный солдатами, по рядам и указывал зачинщиков. Арестовали всего около 200 человек, остальные заставили работать, и после трехдневной остановки опять задымилась фабрика, опять потянулись крестьяне окрестных сел и деревень вместе с женами, дочерьми и малолетними зарабатывать жалкие гроши и давать фабриканту лучшие свои силы. Соседним крестьянам ничего нельзя поделывать: в другой раз не возьмут и на фабрику, ну а земля не прокормит. Кто же даст им тогда хлеба? И вот фабрикант слывет у них за благодетеля, выбирается в церковные старосты, жертвует на украшение церкви сотни рублей из награбленных у рабочих сотен тысяч. Живет он сам в роскоши, а известно, что сытый голодного не разумеет, и нет ему дела, откуда идут его миллионы, как живут те бедняки, потом и кровью которых он питается.

Прохоровская стачка

Посмотрим теперь, что происходило на фабрике Прохорова в Москве. Говорить о тяжелом положении ткачей совершенно лишне, достаточно взглянуть на них после окончания работ, после целого дня, проведенного ими среди адского шума и треска, среди пыли и духоты. Получают они от 8 до 14—15 руб. в месяц. Правда, Про-

хоров и некоторые другие фабриканты дают им еще даровую квартиру, но 1) что это за квартира, а во 2) и дается-то она далеко не всякому: провинившийся рабочий лишается и лишается ее и тот, кто, на свое несчастье, имеет детей, а для рабочих, не живущих в спальнях хозяина, т. е. в даровых квартирах, квартирных денег не выдается. Не велики деньги 14 руб., но фабриканты стремятся уменьшить и эту ничтожную плату. Изменить до срока расценки они не имели права (хотя на Ярославской мануфактуре и была сделана такая попытка), а потому, чтобы уменьшить заработок, выпускают тот же сорт ткани под другим названием, как более дешевый, увеличивают количество аршин в куске с 60 аршин, например, до 90, оставляя за кусок прежнюю плату. Много убытку приносит ткачу и основа. Из экономии фабрикант выдает плохую основу, нитки беспрестанно рвутся, их приходится связывать, а время уходит, станок стоит, да еще за каждый узел приходится платить штраф. Все эти притеснения особенно усилились к весне этого года, так как Прохоров хотел уменьшением скудного заработка рабочего покрыть уменьшение своих доходов, происшедшее благодаря вздорожанию хлопка. Терпелив русский рабочий, но и он не выдержал, слишком уж, зная, туго пришлось ему, и вот задумали они просить прибавки. Хотели заявить об этом в субботу 20 мая, но раздумали: «Подождем, мол, более удобного времени». Какого еще более удобного времени затеяли они ждать? Просто робость да забитость сделали тут свое дело, некому было начать, всякий боится: «А ну как другие не поддержат?» Это отсутствие сплоченности видно и дальше. Проходит воскресенье, понедельник. Что же делают ткачи? Надумали ли они, как им действовать? Ничуть не бывало. А между тем среди них нашлись и такие, что поспешили все передать хозяину, и он приготовился действовать.

Во вторник в 11 час. пошла на работу мужская смена. Идут ткачи и рассуждают о своей собачьей жизни, выражают свое недовольство, свои желанья. В ответ на это мастер велел сторожам запереть фабрику и крикнул ткачам: «Ну вот, вы просили надбавки, ступайте, кому мало, хозяин в конторе». Стоят ткачи, никто не трогается. Наконец, пришли в контору. Нужно заметить, что и Прохоров разыгрывает из себя либерального фабриканта, отца-благодетеля для своих рабочих, дает деньги на устройство фабричной школы, библиотеки (которая после стачки закрылась). Устраивает гулянья, что-то вроде театра, все это, конечно, грошовые расходы при его огромной фабрике. Когда к нему пришли рабочие, ему захотелось и тут «и капитал приобрести и невинность соблюсти». Он попытался отделаться грошовой подачкой и повысил расценку на три сорта. Он надеялся этой мерой поселить разлад среди рабочих. Но не удалось это средство: «Прибавлять, так прибавлять всем», — заявили они. Тогда Прохоров предлагает другое

средство: «Коли хотите, так работайте в ночь на воскресенье», т. е. иными словами, коли мало получаете в обычное время, работайте больше, я не мешаю. Но ткачи не согласились и на это. Прохоров велел им идти, они вышли, но на работу уже не пошли, не пуская и тех, кто хотел идти, в последнем и заключалось все их буйство, так тихо вели себя ткачи, что, проходя мимо фабрики, никто бы и не подумал, что на фабрике бунт. Из конторы дали знать фабричному инспектору г-ну Никитинскому. Тот приехал, но не принял от рабочих ни одного заявления, обрывал всякого, кто хотел сказать ему слово. Он, между прочим, прочел рабочим речь, в которой убеждал рабочих прекратить стачку, так как де Прохоров хозяин на редкость и делает для рабочих массу добра, устроил им гулянья, а они такой неблагодарный народ, и, наконец, стал угрожать им в случае их дальнейшего упорства Архангельской губернией. Эта речь возмутила рабочих, и они совершенно основательно заметили, что вместо этих гуляний Прохоров лучше бы накинул несколько копеек, а то «легко ему гулянья на наши деньги устраивать». «Не согласны»,— кричали они, недовольные речью фабричного инспектора. Да и что могли ждать они от человека, который назначен будто бы для охраны прав рабочих правительством, которое благодарит офицеров и солдат за гнусное насилие над рабочими⁴⁷. И здесь были вызваны казаки и войска для усмирения этого «небывалого» бунта. Ночью во время сна спальни рабочих были окружены несколькимистами городских и казаков. Звали их усмирять бунт, а они увидали только фабрику, которую никто не трогал, да мирно спящих рабочих. Утром часов в 6 началось наступление. Стали ткачей будить и выгонять из спален на двор. На дворе расставили в ряды. По этим рядам стали расхаживать мастера, управляющий и Прохоров, отобрали человек 50, раньше кем-нибудь из них замеченных в какой-нибудь провинности, кого и просто по злобе, а кого так и просто потому, что показался он подозрительным, и отправили их в участок. Затем вынесли для чего-то икону, объявили: «Желающие идти работать — идите, а не желающие — заявите». Все, кто требовал расчета, немедленно забирались и отправлялись в участок. Так надеялся Прохоров отделаться от беспоконного элемента. Ткачи поддались на эту удочку, но скоро поняли, в чем тут дело, и немногие из них заявили о своем желании получить расчет. Всего было арестовано до 70 человек.

Так был усмирен этот бунт. Началось разбирательство, стали искать зачинщиков. Следователь решил задержать лишь 18 человек из 70 арестованных, остальных же выпустил. Невинно пострадавшие, потерявшие почти целый месяц, ткачи явились сущим пугалом для Прохорова, который все подумывал: «А ну, как вздумают они потребовать с меня возмещения их убытков». Скоро, однако, он решил, что тут легко будет ему вывернуться, благо рабочие

разорены окончательно месячной безработицей, благо плохо они понимают свои интересы, свое отношение к фабриканту. Милостливо встречает он одних, жалуется им по рублю, принимает их опять на работы, других же выгоняет и, таким образом, старается разъединить рабочих. После петрова дня, когда кончается срок найма, Прохоров рассчитал и тех, кого принял. Пошли они по московским фабрикантам искать работы, да никто им ее не дает — фабрикантам легко устраивать стачки, они дружно отстаивают свои толстые карманы против справедливых требований рабочих. Из 18 задержанных троих отобрали в качестве зачинщиков и отправили в Петербургскую тюрьму*, где им придется, конечно, очень плохо, а остальных выслали без суда (административным порядком) на родину под надзор полиции на два года, а тем, кто из Московской губ., запретили жить в ней.

Стачка у чаеоторговцев К. и С. Поповых

Все описанные выше стачки на хлопчатобумажных фабриках очень похожи одна на другую. Везде стачечники проявляли мало твердости и стойкости и действовали далеко не все время дружно. Несколько иначе началась стачка сортировщиков и развесчиков чая в складах Т-ва К. и С. Поповых. Фирма эта занимает одно из первых мест в чайной торговле, и она с каждым годом еще расширяет свое дело. За последние 10 лет ею было продано 50 миллионов фунтов чая на сумму 91 миллион руб., чистая прибыль за [18]94 год равнялась 800 тысяч руб., в [18]95 г. рассчитывали выручить около миллиона, а в дело, по слухам, вложен капитал всего 1½ миллиона руб., т. е. ежегодно каждый рубль капитала давал 51 коп. прибыли. Число магазинов доходит теперь до 60, и постоянно открываются еще новые. Понятно, что рост торговли ведет к увеличению числа рабочих, занятых в складе развеской и бандероливанием чая, число их в последнее время равнялось** ...***, а между тем фирма эта старается сохранить старые «елейные» отношения хозяев к рабочим. Держит она их в страхе божьем, и, чтобы обезопасить их от влияния «дурных» людей, которые мутят рабочих и натравливают их на хозяев, Поповы почти не выпускают своих служащих со двора, работа в складе кончается в 7 час. вечера, а к 9 час. все должны быть дома на проверке. Опоздавший немедленно получал расчет. На побывку к родным тоже почти не пускают. Чтобы рабочим не было скучно сидеть взаперти, Поповы

* Туда же отправлены рабочие и из других забастовавших фабрик.— *Примеч. документа.*

** Цифра стерта.

*** Кроме того, при складе состоит 200 с лишним чернорабочих, типографчиков и проч.— *Примеч. документа.*

обучают их музыке (для чего ходит по воскресеньям особый учитель) и устроили для них небольшую библиотеку. Таким образом, хозяева думали сохранить добрые отношения с рабочими, на деле же надежды хозяев совершенно не осуществились. Такая совместная и почти монастырская жизнь должна была сплотить рабочих, научить их сообща отстаивать свои интересы и стойко противодействовать хозяйским притеснениям. Поводов к столкновениям с хозяевами представлялось немало. Начать с того, что заработная плата у Поповых гораздо ниже, чем у других чаеоторговцев. Всякий новый рабочий поступает на *пять руб.**, затем плата понемногу растет и лет через 5 доходит до 15 руб., после чего рост ее уже прекращается. Но рабочих с таким жалованьем почти не бывает, потому что хозяева стараются всеми правдами и неправдами от них избавиться; придравшись к чему-нибудь, они рассчитывают их и заменяют дешевыми, хотя и неумелыми новичками. Чтобы такая частая перемена служащих не вредила делу, для которого нужна известная сноровка, в складе заведен такой порядок: рабочие распределены по столам, каждому столу задается ежедневно урок, который он непременно должен исполнить, хотя бы для этого пришлось работать и в нерабочее время. Таким образом, хозяева благодаря такой «круговой поруке» ничего не теряют от замены опытного рабочего новичком, рабочий же день удлиняется без всякой доплаты за это рабочим, превращаясь из положенного десятичасового (с 7 час. утра до 7 час. вечера) с перерывом на обед...** заменились новичками, не привыкшими к данной жизни.

Немудрено, что достаточно было малейшего повода для того, чтобы начать стачку. Два года назад в складе пропали бандероли, за что отказали всем рабочим, работающим за одним столом. Их сторону приняли развесчики, они все потребовали, чтобы или вернули рассчитанных, или разочли бы всех. Их разочли, но холод и голод принудили рабочих покориться. Рабочие увидели, что нужно выжидать для предъявления требований более удобной минуты. Такой случай представился теперь. Чай в складе весь вышел, спрос был большой, в Одессу только что пришли пароходы с новым чаем. Словом, спрос на умелых развесчиков был очень велик, и вот, приняв это во внимание, рабочие в пятницу 21 июля заявили управляющему Смешневу, что они будут работать лишь в том случае если 1) им прибавят по два руб. на человека и 2) отменят все стеснения их свободы. Смешнев доложил об этом 26-го на собрании членов товарищества. Большинство было склонно исполнить требования рабочих, меньшинство же восстало против этого.

* Квартира полагается от хозяина, и, кроме того, выдаются харчевые в артель по 7 руб. на душу. Остатки от артельных расходов идут не рабочим, а застревают у управляющего.— *Примеч. документа.*

** Несколько слов стерто.

Некто Мальмберг сказал по этому поводу целую речь, где говорил, что требованиям рабочих не будет конца, если им уступят хоть раз, что неудачная стачка, бывшая два года тому назад, доказала бессилие рабочих. Решено было требование рабочих отвергнуть, что им и было заявлено 27-го, а 28-го все они потребовали расчета. Управляющий дал знать полиции о «бунте» рабочих, но немедленно явившийся пристав не нашел никакого повода для вмешательства полиции, до того смиренно вели себя «бунтовщики». Рабочие получили расчет и разошлись почти целиком по другим чаоторговцам (Вогау, Боткин и Перлов), где временно набралась масса работы и где поэтому охотно брали опытных развесчиков. 29 июля правление пригласило к себе выборных от рабочих, но переговоры ни к чему не привели. Лишь тогда, когда окончилась временная работа у других чаоторговцев, рабочие согласились поступить опять к Попову, т. е. прекратить стачку. Они не добились, правда, повышения заработной платы, но им обещано изменить условия их жизни. Исполнит ли только фирма свое обещание?

З а к л ю ч е н и е

Из пяти стачек, описание которых мы даем здесь, видно, что все они, в сущности говоря, окончились неудачей (обещание, данное фирмой К. и С. Попова, нельзя же считать за удачное окончание стачки). Правда, во все стачки вмешивалась полиция или войска (кроме поповской), разгоняла стачечников и, таким образом, мешала эта внешняя сила проявлению результатов свободной борьбы предпринимателей и рабочих. Но каковы были бы результаты, если бы ни полиция, ни войска не вмешивались? Да, по всей вероятности, столь же плачевны для рабочих; ведь они в борьбе за свое хоть сколько-нибудь сносное житье находятся в гораздо худшем положении, чем их противники. Рабочий не может долго ждать работы, голод заставляет его быть уступчивее; найти же работу ему нелегко, а тут еще армия безработных, всегда готовая выхватить кусок хлеба, брошенный ей щедрой рукой предпринимателя.

Несмотря на неудачу этих стачек, они имеют громадное значение тем, что 1) показали лишний раз, что и у нас в России далеко не «все обстоит благополучно», что недовольство существует и 2) многие фабриканты (например, Даниловская мануфактура, фабрика Гилля и др.) поспешили, не ожидая у себя стачки, поднять расценку.

Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1961, т. 4, ч. 1, с. 72, 82—89.

**ЛИСТОВКА К РАБОЧИМ С ПРИЗЫВОМ
ОБЪЕДИНИТЬСЯ ДЛЯ БОРЬБЫ С КАПИТАЛИСТАМИ
ЗА УЛУЧШЕНИЕ УСЛОВИЙ ТРУДА ⁴⁸**

1895, ноябрь, не позднее 28-го

Товарищи, мы спим и не видим, как нас капиталисты грабят. Нашу кровь пить довольно: потрудились, пора и честь знать. Итак, товарищи, последуем примеру наших товарищей, братьев по труду, заграничных рабочих. У них такие законы, и они добились своего и теперь блаженствуют, а мы, как рабочий скот, работаем по 15 и 16 часов в сутки, набиваем карманы богачей нашей кровью, нашим трудом. Товарищи, вся трудовая кровь наша у капиталистов. Неужели они сильнее нас? Их горсть, а нас миллионы. Товарищи, ведь мы братья между собой. Забудем ссоры и вздоры, будем соединяться, оснуем * кассы и сообщаем на врага! Беремся за руки и просим короткого рабочего дня. Товарищи, просыпайтесь, пора начинать мстить кровь за кровь. Рабочие всех стран, соединяйтесь!

Литература московского «Рабочего союза»,
с. 71—72.

**ЛИСТОВКА «ПРИВЕТСТВИЕ МОСКОВСКИХ РАБОЧИХ
РАБОЧИМ ФРАНЦИИ» ПО ПОВОДУ 25-ЛЕТИЯ
ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ ⁴⁹**

*1896, февраль, не позднее 27-го ***

**ПРИВЕТСТВИЕ МОСКОВСКИХ РАБОЧИХ РАБОЧИМ
ФРАНЦИИ *****

В памятный для мыслящего пролетариата всех стран день провозглашения Парижской коммуны московские рабочие шлют сердечный привет своим старшим братьям — рабочим Франции. Франция является той страной, в истории которой борьба классов всегда выражалась в самых резких чертах. Все могучие общественные перевороты новейшей истории теснейшим образом связаны с ее именем. Париж справедливо может быть назван «матерью городов революции». Но ни великая революция 1789 г., разрушившая феодальный (дворянский) мир и создавшая на его месте капитали-

* Так в документе.

** Датируется по отношению и. д. московского обер-полицеймейстера в департамент полиции.

*** Листовка подписи не имеет: принадлежность ее московскому «Рабочему союзу» устанавливается по отчету Центрального комитета московского «Рабочего союза».

стический, ни февральская 1848 г., столь богатая своими последствиями для всей Западной Европы, не оказали влияния на крепостную Россию с ее самовластным правлением...* знамя, обошедшее весь мир, остановилось у ворот России. Более того, в 1848—1849 гг. русское правительство сыграло роль палача в западноевропейской революции.

Коммуна 1871 г., удивившая своим геройством весь мир, вызвавшая сочувствие пролетариата всех стран, тем менее могла отразиться в России, только что вступившей на путь капиталистического производства, что пролетариат других европейских стран, развитых капиталистически, был еще слаб, да и во Франции Париж стоял одиноким. Теперь не то. «Нет страны,— заявил в 1893 г. Энгельс,— нет такого великого государства, где социал-демократия не была бы силой, с которой все должны считаться. Все, что совершается во всем великом мире, совершается со взглядом на нас. Мы — могучая сила, которой нужно бояться, которая значит больше, чем все другие могучие силы». И Россия с 1861 г. все больше и больше вступает в круг европейских стран. Под могучим напором капитализма трещат и разрушаются в ней все ее «вековые» устои. Буржуазия с каждым днем становится все сильнее и сильнее, растет, с ней теперь считается абсолютизм **, осыпаящий ее обильным дождем привилегий. Но наряду с буржуазией еще быстрее развивается пролетариат. Самые новейшие усовершенствования, пускаемые в ход молодой русской буржуазией, кровительство послушного ей правительства делают особенно болезненным непосредственный переход от натурального хозяйства к капитализму. Антагонизм (борьба) классов становится все более и более явственным. Пролетариат все более и более проникается все более и более *** классовым самосознанием. Многочисленные стачки в различных местах империи, ставшие почти периодическими, стачки, которых русское правительство не в состоянии ни скрыть от общества, ни подавить силою оружия, являются лучшим доказательством пробуждения молодого русского пролетариата. Из рядов его каждый день вырываются беспощадным деспотизмом лучшие борцы, и за последнее пятилетие русский рабочий класс насчитывает не одну сотню жертв. Но ничто не в силах остановить раз начавшегося движения. Русские рабочие, поднявши старое революционное знамя, обогренное кровью стольких мучеников из их среды и геройской интеллигенции, вооружившись идеями научного социализма, стали под общее красное знамя пролетариата всего мира. Они горды сознанием, что первый бастион европейской реакции, который предстоит взять пролетариату всех стран — ца-

* Далее несколько слов стерты.

** Неограниченная власть.— *Примеч. документа.*

*** Так в тексте документа.

ризм — должен быть *ими* разрушен, что последний оплот буржуазного господства, без уничтожения которого немислима победа всего пролетариата, должен быть *ими* свергнут.

Пусть рабочие Франции будут уверены, что в тот момент, когда призыв революции раздается со стороны рабочих Запада, русские рабочие откликнутся, чтобы принести ей свою посильную помощь.

Мы питаем надежду, что недалеко та минута, когда будут разорваны оковы абсолютизма и русский пролетариат сможет открыто выступить на арену всемирной истории.

Да здравствует рабочая революция, славной предвестницей которой была Коммуна 1871 г.!

Да здравствуют рабочие Франции, впервые выступившие в истории как самостоятельный класс за свои собственные интересы в 1831 г., защищавшие их геройски на баррикадах в июне 1848 г. и явившиеся пионерами * нового общества 18 марта 1871 г.

Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4, ч. 1,
с. 338—340.

ЛИСТОВКА К МОСКОВСКИМ РАБОЧИМ С ПРИЗЫВОМ К СТАЧКЕ СОЛИДАРНОСТИ С БАСТУЮЩИМИ РАБОЧИМИ ПЕТЕРБУРГА

*1896, июнь, не позднее 15-го ***

Товарищи!

27 мая в Петербурге забастовали рабочие Екатерингофской бумагопрядильни. Затем к ним присоединились Новая бумагопрядильня, Максвеля ***, Кенига, две Штиглица и другие, всего 17 фабрик с 30 тысячами рабочих.

Фабрики сообща требуют:

- 1) *Сокращения рабочего дня.*
- 2) *Повышения расценок.*
- 3) *Чтобы по субботам везде шабашили в два часа.*
- 4) *Заработок выдавался без задержки и в 2-недельный срок.*
- 5) *Чтобы им заплатили за коронационные дни.*

Кроме того, каждая фабрика выставила ряд своих требований, например: уничтожение штрафов за прогул и опоздание, улучшение хозяйских квартир, вежливое обращение с рабочими и т. д.

Забастовщики держатся упорно уже третью неделю. Ни хозяева, ни правительство ничего не в силах с ними поделать. Вызваны

* То есть передовыми борцами.— *Примеч. документа.*

** Датируется по дате обнаружения в Московских мастерских Московско-Курской ж. д.

*** В листовке здесь и далее ошибочно: Мекселя.

были войска для усмирения, но усмирять было некого, так как рабочие ведут себя очень мирно.

На тех заводах и фабриках, где еще продолжается работа, идут сборы в пользу стачечников. Чем кончится стачка и долго ли еще протянется — неизвестно. Но несомненно, что хозяева долго ее не забудут, так как они терпят громадные убытки.

Нам живется ничуть не легче, чем нашим петербургским товарищам. И нас, подобно им, за ничтожную плату хозяева заставляют работать до полного изнеможения сил. Они пускают в ход всякие уловки, чтобы урвать что-нибудь и из этого скудного заработка. Жаловаться нам на них некуда — инспектора нас не хотят и слушать!

А как заботится о нас правительство, видно хотя бы вот из чего: на фабрике Максвеля инспектор, убеждая рабочих прекратить стачку, сказал, что правительство уже обсуждало закон о сокращении рабочего дня и что осталось только подписать его. На вопрос же рабочих — когда же его подпишут — отвечал: «Не раньше чем года через два». И так всегда.

Облегчить свою тяжелую участь мы можем только сами, собственными силами. Теперь для этого самое удобное время. Если бы и в Москве устроилась такая общая стачка, как в Петербурге, то хозяева, напуганные питерской стачкой, скорее, чем в другое время, могут нам уступить. Да и питерским товарищам, когда к ним присоединимся мы, легче будет добиться своего.

Товарищи! Не забывайте, что у нас с петербургскими рабочими, как и с рабочими всего мира, один общий лютей враг — нена сытные и безжалостные эксплуататоры-капиталисты! А с общим врагом надо и дело вести сообща. Так протянем же братскую руку помощи нашим товарищам, нестерпевшим ненавистного гнета хозяев!

Московский «Рабочий союз».

Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4,
ч. 1, с. 343—345.

**ЛИСТОВКА О СТАЧКАХ МОСКОВСКИХ РАБОЧИХ
В ПОДДЕРЖКУ ПЕТЕРБУРГСКИХ СТАЧЕЧНИКОВ С ПРИЗЫВОМ
ПРОДОЛЖАТЬ БОРЬБУ И ОКАЗАТЬ ПОМОЩЬ СЕМЬЯМ
АРЕСТОВАННЫХ ЧЛЕНОВ МОСКОВСКОГО «РАБОЧЕГО СОЮЗА»**

1896, август, 8-е

Товарищи!

24 мая в Петербурге забастовало 17 крупных заведений, до 30 тысяч рабочих бросило работу. Впервые в России стачка охватила такое громадное число рабочих; немудрено, что о ней заго-

ворили по всей России. Мы, московские рабочие, отлично поняли, какое удобное время наступило для нас. Хозяева и правительство, запуганные петербургской стачкой, могли легче, чем когда либо, уступить нам. Те из нас, которые были на июньских сходках, помнят, что нами было решено начать стачку в Москве. Этой стачкой мы хотели, во-первых, поддержать наших петербургских товарищей, во-вторых, добиться улучшения нашей собственной участи. И нам, товарищи, почти удалось сделать это. В конце июня бросили работу рабочие Московско-Курской ж. д., требуя платы за коронационные дни. Управление дороги испугалось дружных действий рабочих и тотчас же уступило им. Через несколько дней встала Смоленская дорога и тоже добилась своего. Фабрика Гресара, заводы Перенуда, Гужона и Измайловская мануфактура готовы были уже начать стачку... Вся московская полиция поднялась на ноги, боясь, как бы над московскими фабрикантами не стряслась такая же беда, как над петербургскими. Было арестовано человек 50 рабочих. Теперь уже некоторые выпущены.

Видя это, некоторые из нас, рабочих, могут сказать: «Вот-де на что мы шли, ничего не добились, а только пострадали». Нет, товарищи, неправда это. Далеко не даром проработали мы целую зиму и часть лета. Теперь в Москве стало среди нас гораздо больше сознательного народа, особенно благодаря летним сходкам. Гораздо больше рабочих заговорило теперь о рабочем деле. Иной совсем серый человек прежде и слушать не хотел, когда ему говорили, что его притесняют хозяева, а побывал на сходке раз-другой — совсем человек переродится и думы у него другие пойдут. Да как же и не думать: кругом весь народ волнуется, обсуждает — вот и он сам станет посмелее и сам заговорит. Другое, чего мы добились, это что мы впервые с такой силой показали хозяевам и правительству, что и мы, русские рабочие, можем дружно действовать, а это очень важно. Теперь хозяева не так уж смело будут нас теснить. Правда, некоторые из наших братьев пострадали, но ведь без этого не обойдешься. Страдали и рабочие других стран, пока не добились своего. Рабочие должны помнить, что они могут рассчитывать только на самих себя. Хозяева и правительство о нас не позаботятся, а питерская стачка и московская заставят скорее правительство обратить внимание на горькую участь рабочих.

Нужно только, товарищи, не падать духом, нужно не бросать дела. Касса наша цела, московский «Рабочий союз» по-прежнему будет действовать. Пока нам не придется собираться на сходки, чтобы не потерять еще несколько человек, пусть каждый лучше действует у себя на заводе или фабрике, пусть привлекает новых товарищей к общей московской кассе. Где арестованы кассиры — назначим новых, будем по-прежнему продолжать взносы. Больше духу, товарищи, и мы выиграем наше дело. Правда на нашей сто-

роне, а пока, братья, постараемся облегчить участь и наших арестованных, и лишившихся места товарищей. Соберем среди себя сколько будет можно, и поможем семьям, а если можно будет — передать и им самим.

Московский «Рабочий союз».

8 августа 1896 г.

Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4,
ч. I, с. 359—361.

**ЛИСТОВКА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА МОСКОВСКОГО
«РАБОЧЕГО СОЮЗА» К МОСКОВСКИМ СТУДЕНТАМ
С ПРИЗЫВОМ ПРИМКНУТЬ К РАБОЧЕМУ ДВИЖЕНИЮ**

1896, ноябрь, 3-е

В первый раз после своего возникновения Центральный комитет «Рабочего союза» считает нужным обратиться к вам, московские студенты. Поводом к этому являются слухи о готовящихся беспорядках в университете.

Нам нет надобности входить в подробное рассмотрение причин, побуждающих вас к такому шагу. Достаточно знать, что правительство с воцарения Александра III вплоть до настоящего времени систематически душит все живое и мыслящее в России, уничтожает всякую тень проявления свободы с чьей бы то ни было стороны. Университеты лишь разделяют общую участь.

Московское студенчество всегда стояло во главе русской учащейся молодежи, оно смело отстаивало ее интересы. Но все ее попытки в этом направлении не имели до сих пор никакого успеха. И немудрено. Интеллигенция вообще, а студенчество в частности никогда и нигде не были самостоятельной общественной силой. Она терпела всегда поражения, коль скоро мнила себя таковой. Интеллигенция 70-х годов самоотверженно шла «в народ». Старые экономические отношения крепостного права были уничтожены, новые не установились тогда еще окончательно. Нарождавшиеся общественные классы не вполне сформировались, противоречия их интересов были слабы и замаскированы. Революционная молодежь поэтому являлась защитницей не отдельного класса, а всего «народа». Теперь дела изменились. Капитализм в последние 30 лет быстро идет вперед, подчиняя все своим неумолимым законам. Развивается и крепнет у нас буржуазия, но рядом с нею растет и концентрируется ее антипод — пролетариат. Для того чтобы интеллигенция могла влиять на экономическую, политическую и духовную эволюцию страны, она должна раз навсегда стать на сторону того или другого класса. Только тогда, являясь выразитель-

ницей его политических и социальных стремлений, она может способствовать или препятствовать общественному прогрессу.

Никогда еще в России не чувствовалась такая потребность в интеллигентных силах со стороны массы, как теперь. Городской пролетариат призывает к себе интеллигенцию, и было бы иронией судьбы, если бы она, так самоотверженно борющаяся в недавнем прошлом за свободу, в настоящее время повернулась спиной к тем, опираясь на мощную руку которых она только и может достигнуть ее.

Что же делало студенчество за последние годы? Оно совершенно оторвалось от общественной жизни, замкнулось в узкий круг своих университетских интересов и главною своею задачей поставило бесцельное объединение студенчества. Бесцельное, повторяем, потому, что не объединение студенчества возможно и необходимо в настоящее время, а его разъединение. Что общего между студентом социалистом и студентом буржуа? Что общего между умственным пролетариатом и умственной буржуазией? Студенческие истории никогда ни к чему не приводили. Они лишь вырывали лучших представителей из вашей среды. Пусть те, которые тратят все свои силы на бесплодную борьбу за студенческие интересы, отдадут хотя часть их за рабочее дело.

Пусть они смело идут рука об руку с нами в борьбу. Ведь только в единении с нами они достигнут осуществления своих идеалов, они добьются и свободы науки, к которой тщетно стремились до сих пор.

Центральный комитет «Рабочего союза».

3 ноября 1896 г.

Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4,
ч. 1, с. 373—374.

**ЛИСТОВКА С ПРИЗЫВОМ К РАБОЧИМ ОБЪЕДИНЯТЬСЯ
И ПРОДОЛЖАТЬ БОРЬБУ ПОД РУКОВОДСТВОМ
МОСКОВСКОГО «РАБОЧЕГО СОЮЗА»**

1896, ноябрь, 14-е

Едва успел изгладиться из нашей памяти июльский погром⁵⁰, как появились вести о совершившихся в ночь с 10 на 11 ноября новых арестах среди рабочих и интеллигентов⁵¹. Где причина того, что правительство так беспощадно отрывает кормильцев от семьи, детей от родителей, мужей от жен, учащихся от науки? В чем провинились они? Они решились вступить в борьбу против тех убийственных условий, в которых они находятся, против того гнета, который их так давит. Правительство думает, что оно искоренит рабочее движение, уже наделавшее ему столько хлопот. Но оно

ошибается; рабочее движение создано жизнью, и никакая сила в мире его не остановит. Рабочий класс, начав борьбу за лучшую жизнь, не сложит оружия, пока не добьется ее. Пусть вырываются из его среды борцы. На место одного выступают десятки и сотни, которые еще с большим одушевлением и энергией будут бороться за правое дело и продолжат начатое товарищами, пожертвовавшими собой из-за любви к ближнему. Их не остановит тюрьма, ибо их жизнь хуже тюрьмы; их не остановит и забота о родных, ибо они уверены, что уцелевшие товарищи окажут поддержку пострадавшим их семьям. Военная сила, употребленная на усмирении стачек, постоянные аресты лишь открывают глаза тем, которые слепо верили в попечительство правительства о благе подданных. Рабочие, наконец, поймут, что наряду с капиталистами существует другой враг — правительство, являющееся верным защитником господствующего класса. Наша победа невозможна до тех пор, пока силен этот враг, и наша ближайшая цель — уничтожить его. Трудна эта борьба. Но разве с неба свалилось фабричное законодательство, право союза и стачек, свобода слова и участие в управлении страной наших зарубежных товарищей? Они давно и упорно боролись и добились своего. Горьким опытом убедились они, что их спасение в их собственных руках. Должны, наконец, понять это и мы. Недавно начали мы борьбу, но уже можем гордиться успехом. Несколько лет назад ни правительство, ни фабриканты и слышать не хотели о сокращении рабочего дня. Теперь читаем в газетах, что в Министерстве финан[ов] уже разрабатывается проект закона о сокращении рабочего дня. Правительство напугано рядом стачек. Но, боясь, как бы не разорились наши капиталисты, получающие только 40—50% прибыли, оно сочло нужным оттянуть дело на 5 лет. Нам необходимо настаивать на возможно скором издании этого закона. Нам необходимо добиваться государственного страхования рабочих. Нигде мы не видим столько несчастных случаев на фабриках и заводах, как у нас в России, и за них лишь очень редко получаем мы вознаграждение. Нам необходимо право союзов и стачек, так как это единственные средства улучшить наше положение.

И всего этого, товарищи, мы достигнем, если будем действовать сплоченно, дружно. Чего не в силах добиться один завод или одна фабрика, того добьется объединенный рабочий класс. Наш союз, насчитывающий своих членов почти на всех фабриках и заводах Москвы, не может быть разрушен никакими преследованиями и погромами. Он пустил достаточно глубокие корни в рабочую массу, чтобы мочь смело и непрерывно продолжать свою деятельность.

Товарищи рабочие! Не смущайтесь никакими арестами, продолжайте делать взносы в боевую кассу, пользуйтесь всяким удоб-

ным случаем, чтобы вступить в открытую борьбу с своими эксплуататорами и их прислужниками — правительством. Открывайте глаза своим товарищам на их положение и указывайте им выход из него. Учитесь сами и учите других. Будем, друзья, бороться под знаменем и руководством «Рабочего союза», уверенные, что он приведет нас к победе.

Рабочий союз.

14 ноября 1896 г.

Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4,
ч. 1, с. 381—382.

**ЛИСТОВКА К РАБОЧИМ С ПРИЗЫВОМ
БОРЬТЬСЯ ЗА СОКРАЩЕНИЕ РАБОЧЕГО ДНЯ ***

1897, январь, 3-е

Товарищи!

Вы помните, что по всем московским заводам сокращают рабочий день. С 1 января сократили день у Старого Бромлея и Фогельзанга; не сегодня-завтра его сократят и у Листа. Того же самого добились рабочие у Дангауэра, Гакенталья и Гужона. Только у нас еще продолжают работать 11 час. Правда, перед праздниками хозяин, напуганный бромлеевской стачкой, обещал нам сократить день с нового года, но вы сами знаете, как можно полагаться на хозяйские слова! Теперь уж он откладывает свое обещание до 13 числа. Кроме того хочет, чтобы мы работали либо с 7 и до 7 и 2 часа на обед, либо с половины 8 и до 7 и на обед 1½ часа; между тем есть много заводов, например, в Петербурге, которые работают только 9 час., и хозяева их не терпят от этого никакого убытка, того же начали добиваться рабочие и на московских заводах. Давайте и мы требовать: 1) чтобы работа продолжалась с 7 и до 6, причем давалось бы полчаса на завтрак и 1½ на обед, 2) чтобы срок найма был, как на других заводах, неопределенный и деньги выдавались два раза в месяц. Если мы потребуем этого дружно, хозяин уступит нам; только начались промеж нас перед рождеством разговоры, и он сейчас же пошел на уступки. Поэтому встанем и все, как один человек, будем добиваться 9-часового рабочего дня! Будем стоять, братья, все за одного и один за всех! В дружных действиях наша победа!

Рабочий союз.

3 января 1897 г.

Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4,
ч. 1, с. 619—620.

* 3 января несколько экз. листовок было обнаружено на чугунолитейном и машиностроительном заводе Т-ва Добровых и Набольц.— *Примеч. источника.*

**ЛИСТОВКА «КО ВСЕМ МОСКОВСКИМ РАБОЧИМ» С ПРИЗЫВОМ
К БОРЬБЕ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА, ПОВЫШЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ
ПЛАТЫ И СОКРАЩЕНИЕ РАБОЧЕГО ДНЯ ***

1897, июль

**КО ВСЕМ МОСКОВСКИМ РАБОЧИМ
Товарищи!**

С 1 января 1898 г. по новому фабричному закону⁵² рабочий день на фабриках и заводах не может продолжаться больше 11½ час. в обычные дни и больше 10 час. ночью и перед праздниками. Тогда как прежде приходилось работать 12, 14 и даже 16, теперь ни один хозяин не имеет права заставить работать больше 11½ час. в день. Особенно важен этот закон, товарищи, потому, что мы одни, своими собственными силами, заставили правительство издать его. В продолжение двух последних лет при всякой стачке, в каждой прокламации, рабочие всех крупных промышленных городов России, кроме и отдельных требований, всегда выставляли одно всеобщее неизменное требование — сокращение рабочего дня.

Прошлогодня июньская 30-тысячная стачка петербургских рабочих впервые показала русскому правительству, как велика сила рабочего класса, дружно и сознательно отстаивающего свои интересы и права. Испуганные хозяева-капиталисты и прислужник их — правительство думали отделаться одними обещаниями, уверяя рабочих, что их требования будут исполнены. К новому [18]97 г., когда срок обещания истек, а требования не были исполнены, то рабочие снова решили забастовать. Новый наступивший год ознаменовался рядом стачек, начало которому положила почти 30-тысячная стачка петербургских александровских рабочих. Уже одна возможность громадной всеобщей забастовки стала такой страшной угрозой для капиталистов и правительства, что хозяева-капиталисты пошли на уступки, а их прихвостень — правительство после нескольких мелких циркуляров в пользу рабочих издало теперь новый фабричный закон об 11½-ч[асовом] рабочем дне. Этот, новый закон правительство издало после того, как мы добились уже 10-ч[асового] рабочего дня на многих фабриках. Поэтому, товарищи, мы смело можем сказать, что этого закона добились мы сами. Если бы мы не стояли друг за друга да не устраивали стачек, не видать бы нам этого закона. Но этот закон — только начало наших дальнейших побед. Мы требуем еще большего сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы. Мы требуем, чтобы правительство не мешало нам обсуждать свои рабочие дела,

* В декабре 1897 г. данная листовка наряду с другими листовками и нелегальными брошюрами была обнаружена у рабочего цементного завода акц. об-ва в Серпуховском уезде Ланкялиса. — *Примеч. источника.*

не препятствовало бороться с капиталистами и отстаивать интересы рабочего класса. А ввиду этого требуем свободы печати, свободы собраний и права стачек, как единственного средства и оружия, которым мы можем заставить наших эксплуататоров хозяев уступить. Ведь имеют же право русские фабриканты и заводчики свободно защищать свои интересы в газетах и журналах, собираться на съезды и устраивать свои союзы и стачки (напр., союз сахарозаводчиков, керосинозаводчиков и пр. пр.). Почему же рабочие лишены этих прав?..

И чем дружнее, товарищи, мы будем стоять друг за друга, чем настойчивее требовать, тем скорее добьемся.

Рабочий союз.

Июль 1897 г.

Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4,
ч. 1, с. 646—648.

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА МОСКОВСКОГО «РАБОЧЕГО СОЮЗА»

1. Начало московского социал-демократического движения

Социал-демократическое движение среди московских рабочих началось сравнительно недавно. Только в 1894 г. объединяются действовавшие до тех пор разрозненно интеллигентские кружки, и в то же время группа наиболее сознательных и энергичных рабочих образует центр нового движения.

Зимой 1894—95 гг. пропаганда принимает более широкие размеры, затрагивая все новые заводы и фабрики. В то же время начинаются первые жертвы: в декабре арестован некто Мидкевич; за этой первой жертвой вскоре последовали и другие.

Между тем движение настолько расширилось, что явилась возможность *отпраздновать Первое мая*. В этот день впервые собрались московские рабочие в числе 200 человек, чтобы участием во всемирном рабочем празднике пролетариата выразить свою солидарность с рабочими всех стран и принадлежность к социал-демократическому движению. В речах, сказанных на этой сходке *, выражалась надежда, что русские рабочие, выступившие позже других на борьбу с капиталом, воспользуются примером своих зарубежных собратьев, преодолеют все препятствия на своем пути и скоро займут надлежащее место во всемирной армии пролетариата. Здесь уже впервые для Москвы открыто была высказана мысль о необходимости организации и боевой рабочей кассы. Собрание

* Многие речи говорились рабочими.— *Примеч. документа.*

произвело такое впечатление на присутствующих, что единогласно было решено ежегодно устраивать собрания в день Первого мая*.

Вскоре после этой сходки состоялось собрание представителей отдельных заводов и фабрик. На этом собрании был выработан устав общей московской рабочей кассы, и для окончательного принятия его было решено созвать в середине июня большую сходку, числом в 500. Но уже близился конец этого первого блестящего периода московского рабочего движения: 9 июня, почти накануне сходки, было произведено много арестов среди интеллигенции.

Этот погром, конечно, повлиял на успех движения; сходка не состоялась; уцелевший рабочий центр, лишившись почти всех связей и интеллигенции и не имея литературы, должен был сократить свою деятельность. Этим мы, конечно, не хотим сказать, что московское рабочее движение — движение еще очень молодое — можно остановить какими бы то ни было погромами; напротив, со времени маевки 1895 года оно приняло настолько широкий характер, что ни многочисленные аресты, ни преследования сознательных рабочих со стороны фабричной администрации, одним словом, ничто уже не может его заглушить.

Почти одновременно с погромом происходили стачки ткачей на Прохоровской фабрике и бумагопрядильщиков на Мазуринской мануфактуре, а несколько позже стачка развесчиков в чайных складах К. и С. Поповых (об этих стачках см. №№ 1—2 сборника «Работник»⁵³). Несмотря на свое затруднительное положение, рабочий центр сравнительно скоро оправился, и с половины июля начал целый ряд сходок, как вдруг в половине августа последовал новый погром, коснувшийся на этот раз исключительно рабочих. Сношения между отдельными фабриками и заводами порвались, и на время движение затихло.

2. Пропаганда зимой 1895—96 гг.

Затишье, наступившее после августовского погрома, продолжалось недолго. Уже в октябре того же года возникает новый интеллигентский кружок, который старается восстановить дело своих предшественников. Первое время деятельность его была сильно ограничена: особенно сильно сказывался недостаток в нелегальной литературе.

Но мало-помалу кружку удалось улучшить положение дел; завелись новые знакомства, было разыскано много спродигандированных раньше рабочих, и с их помощью восстановлены старые связи. К рождеству удалось получить достаточное количество из-

* К сожалению, обстоятельства не позволили своевременно опубликовать отчет об этом собрании.— *Примеч. документа.*

даний народовольческой типографии и заграничных, и, кроме того, выпустить ряд собственных гектографированных изданий по поводу разных текущих событий и назревших вопросов *. Это дало возможность упорядочить дело снабжения рабочих литературой и в то же время облегчило сильно расширявшуюся пропаганду. Несомненно, что ограничивать все рабочее движение одной пропагандой кружок не имел ни малейшего намерения. Он прекрасно сознавал, что лишь активная борьба за лучшую жизнь может дать реальную основу движению, что лишь она может привлечь к нему массы, развивая в них классовое самосознание, приучая их дружно отстаивать свои интересы. Если, несмотря на это, кружок в начале своей деятельности выдвигал на первый план пропаганду, то обусловливается это тем, что 1) имея мало связей с рабочими, он только ею и мог заниматься и 2) после августовского погрома чувствовался такой недостаток в опытных и энергичных руководителях из среды самих рабочих, что вопрос о пропаганде поневоле приобретал чрезвычайную важность. Вот почему кружок старался создать среди рабочих каждого завода или фабрики группу, с которой вели правильные занятия. Целый ряд неблагоприятных обстоятельств, как-то: недостаток интеллигенции, масса желающих заниматься рабочими, при крайней ограниченности удобных для этого квартир, затруднял ведение правильной пропаганды. Почти на всех заводах состав участвующих в занятиях рабочих постоянно менялся, так что поневоле занятия начали принимать скорее агитационный характер: на них старались быстро создать активного участника в движении, хотя бы это и шло в ущерб его основательности.

Январь и февраль 1896 г. сильно подвинули дело возникавшей организации. Уже в конце февраля явилась возможность послать адрес французским рабочим по поводу 25-летия Парижской коммуны от имени 605 рабочих 28 крупных заведений, посылка его возбуждала сильные толки среди сознательных рабочих **. Наконец, в марте руководителями движения была сделана попытка приступить к устройству организации и боевой кассы. С этой целью решено было созвать собрание представителей отдельных заводов и фабрик. Недостаток подходящего помещения заставил собрать порознь представителей заводских и фабричных рабочих. На этих собраниях выяснялись результаты зимней работы и имеющиеся в настоящее время связи, а главным образом, обсуждался план устройства организации. План этот, в общих чертах, представлялся

* Описание пяти стачек: «Почему хозяева сокращают рабочий день»; «Октябрьская стачка в Иваново-Вознесенске»; «По поводу еврейской стачки в Вильне»; «Для чего рабочим нужна касса и как ее устраивать» и некоторые другие.— *Примеч. документа.*

** О Коммуне кружком была выпущена особая брошюра и листок, объяснявший цели посылки приветствия.— *Примеч. документа.*

в следующем: организация состоит из *собрания представителей* по одному от каждого заведения и из *Центрального комитета*. В состав Центрального комитета входят несколько интеллигентов и человек 6—7 наиболее сознательных, развитых и энергичных рабочих, приблизительно по одному от каждого района, на которые, для быстроты сношений, разделяется Москва. Центральный комитет руководит всем московским движением, распоряжается средствами организации, доставляет и печатает нелегальную литературу и ведет сношения как с другими городами, так и с заграницей. Собрания его происходят правильно от одного до двух раз в месяц.

Представительское собрание состоит при Центральном комитете в качестве совещательного органа и своевременно доставляет центру известия о всем, что делается в их мастерских. Таким образом, является возможность для непрерывной и широкой агитации.

Организация имеет свою кассу и библиотеку.

Вопрос о кассе вызвал сильные споры среди присутствовавших; споры эти шли, главным образом, не о задачах кассы, которые все понимали одинаково, а о способах ее устройства. На собрании заводских представителей возник вопрос: ставить ли сразу общую центральную кассу или дойти до нее путем организации и объединения местных касс. Большинство стояло вначале за второй план, но в конце концов было решено все-таки приступить сразу к устройству общей кассы, отложив, однако, его ввиду коронационного периода до лета; пока же, где можно, ставить частные кассы по общему плану, чтобы летом не представилось затруднений их объединять. Собрание же фабричных представителей единогласно высказалось за немедленное устройство общей кассы хотя бы с необязательными на первое время взносами. Средства общей кассы образуются из вступительного рублевого взноса и ежемесячных взносов в размере двух копеек с заработанного рубля. Лица, ежемесячная выработка которых не достигает 15 руб., от вступительного взноса освобождаются. Сюда же идут пожертвования сочувствующей интеллигенции. Касса должна быть почти исключительно боевою (т. е. поддерживать стачки, раз они начаты с согласия организации) и оказывать помощь пострадавшим за рабочее дело и их семьям. Кроме того, часть денег уделяется на литературу. Выдача ссуд и пособий допускается в крайних случаях*. Этим собранием заканчивалась подготовительная работа по устройству организации. Дальнейшие шаги в этом направлении были бы затруднительны, так как приближалась пасха, а вместе с тем и коронационный период. В это же время случилось событие, давшее возмож-

* Этот проект в общих чертах совпадает с уставом, выработанным впоследствии на сходке представителей.— *Примеч. документа.*

ность впервые за этот год приступить к агитационной работе. Этим событием была стачка на машиностроительном заводе Карла Вейхельта.

Волнения начались по следующему поводу. Недели за три до пасхи на Новом заводе* было объявлено о понижении расценок и отмене платы за брак**. Рабочие, уже давно недовольные целым рядом крупных и мелких злоупотреблений, окончательно потеряли терпение и решили забастовать. В тот же день они обратились к интеллигенции с просьбой выпустить им листок, в котором были выставлены следующие требования.

1) Чтобы снова была введена и утверждена фабричными инспекторами плата за брак;

2) Чтобы при сдельной расценке был введен и поденный оклад, как на других заводах;

3) Срок найма должен быть неопределенный (двухнедельный), а не двухмесячный, как теперь.

Кроме этих главных требований были еще другие, более мелкие.

Чтобы не обращать внимания полиции, решено было не пускать на завод печатных воззваний, а ограничиться рукописными, которые на другой день и были расклеены по мастерским. Несмотря на срочные заказы, хозяин отказался удовлетворить рабочих и грозил им увольнением; те ответили на это требованием паспортов и расчета, что и было исполнено. В то же время Старый завод, которого хотя и не касались хозяйские нововведения, но который отлично понимал, что рано или поздно они отразятся и на нем, сделал попытку подняться в свою очередь. Но тут К. Вейхельт поспешил пойти на уступки: он ввел поденную плату и срок найма с двухмесячного понизил до двухнедельного, т. е. удовлетворил все главные требования***.

В одно время с этой забастовкой начались сильные волнения на шерстяной фабрике Филиппова. Здесь недовольствие рабочих было вызвано слишком низкой и не утвержденной инспектором расценкой, задержками в выдаче основ и чередами. Вначале рабочие думали держаться на законной почве; они несколько раз посылали своих ходоков к инспектору, к полицмейстеру и даже к генерал-губернатору с просьбой разобрать это дело. Инспектор два раза был в хозяйской конторе, но к рабочим не выходил. Когда же рабочие спохватились и заметили, что их надувают, то начинать

* Завод Вейхельта состоит из Старого завода, где работает человек 300, и Нового, где работает человек 100.— *Примеч. документа.*

** Отмена платы за брак тем сильнее раздражила рабочих, что на этом заводе не существует, как на большинстве других, при сдельной расценке, поденной платы.— *Примеч. документа.*

*** Эти уступки являются тем более важными, что еще два года тому назад рабочие устроили забастовку и требовали того же, но тогда дело окончилось не в их пользу.— *Примеч. документа.*

стачку было уже поздно: наступила страстная неделя, и народ стал разъезжаться по деревням.

Этими двумя событиями закончился зимний период. Все условия, казалось, благоприятствовали возникшей организации. После августовского погрома список жертв более не пополнялся. Два-три чисто случайных ареста среди рабочих — вот все жертвы, которые московское рабочее движение понесло за все это время. Правда, в марте начались преследования рабочих со стороны самих хозяев; но это были единичные случаи, не имевшие никаких серьезных последствий ни для движения, ни для самих пострадавших. Так, после вейхельтовской стачки было рассчитано несколько человек с этого завода. Найдена была нелегальная литература при обыске на заводе Лемана; случайно попались несколько книжек на Гопперском заводе и на Прохоровской мануфактуре. На этой последней хозяин устроил «правильное» следствие: все ткачи поочередно вызывались в контору, где сам г. Прохоров, в присутствии директора и мастеров, делал им «правильный» допрос, стараясь узнать что-либо по поводу найденной литературы. Хотя из рабочих никто не проболтался, тем не менее человек до 50, бывших на замечании, были рассчитаны. С приближением коронации между рабочими начались обыски, правда, не давшие никаких результатов, несколько человек было вызвано на допрос в жандармское отделение; наконец, в начале мая человек 30—40 рабочих было выслано из Москвы до 1 июня. Та же участь постигла и большинство интеллигенции; другие предпочли удалиться сами и провести май месяц в провинции. На время коронации всякая работа в Москве прекратилась.

3. Июньский агитационный период

С наступлением июня московское рабочее движение вступает в новый период. Подобно тому, как зимой велась исключительно пропаганда, так летом наступило время агитации в самых широких размерах. Кружковые занятия заменились сходками, легальная и нелегальная литература — воззваниями и прокламациями. Зимой народ подготавливался к организации «Союза» и боевой кассы, летом приступил к их устройству. Этот период открылся сходкой 2 июня. Несмотря на постановление, сделанное еще в мае месяце 1895 г., отпраздновать маевку не удалось: приближение коронации поставило Москву в исключительно неблагоприятные условия. Сходка 2 июня, созванная самими рабочими, была немногочисленна: число присутствовавших не превышало 60 человек, и только 10 из 40 затронутых пропагандой заведений имели на ней своих представителей. Тут был окончательно решен вопрос о кассе, отложенный, как мы видели выше, мартовскими собраниями до лета. Устав ее, выработанный на тех же собраниях, был принят почти

без изменения. Сходка подтвердила, что касса должна быть боевая, общая, центральная, но никак не частная, заводская или фабричная. Кроме того, на сходке говорилось еще о предстоящем международном рабочем съезде и обсуждался вопрос о посылке на него представителя от московских рабочих⁵⁴. Вскоре после этой сходки произошло первое собрание лиц, намеченных в марте месяце в члены Центрального комитета. Это собрание сейчас же обнаружило некоторые слабые стороны выработанного раньше плана организации. Так как в члены центра входили наиболее выдающиеся рабочие, т. е. наиболее энергичные и деятельные, то весьма понятно, что они были на дурном счету у хозяев, а потому редко уживались на одном месте. Но в таком случае, очевидно, они не могли быть представителями известных районов, потому что часто случалось, что член центра, работавший в одном конце Москвы, через неделю оказывался в совершенно противоположном. Пришлось бы, следовательно, заменять его другим, а это было прямо невозможно, так как на членов комитета возлагаются очень серьезные обязанности, с которыми они должны были основательно ознакомиться, чтобы деятельность их была плодотворной, подобные же частые замещения одних лиц другими не позволяли бы этого достигнуть. Вторая причина заключалась в том, что не всегда было удобно вводить новых лиц в такой орган, который стоял во главе всего движения и у которого, следовательно, была масса обязанностей и сведений, не подлежащих оглашению. Наконец, очень часто могло не найтись подходящего человека для замены выбывающего. Поэтому на первом же собрании было решено, что рабочие члены Центрального комитета должны быть не представители известных районов, а просто наиболее энергичные и самостоятельные из московских рабочих.

На этом же собрании было решено созвать новую сходку, так как на первой присутствовало слишком мало народа. Она состоялась 9 июня. На этот раз сошлось до полутора десятка человек с 20 различных заведений. Собравшимся было повторено все сказанное на предыдущей сходке и сообщен предлагаемый устав кассы. Этот устав не вызвал никакого возражения со стороны вновь присутствовавших, кроме рабочих одного завода...

В двадцатых числах того же месяца предполагалось устроить сходку человек в 800. На этой сходке Центральный комитет думал дать отчет о кассе за первый месяц ее существования и указать на успехи рабочего движения в Москве за зимний и летний период.

В 20-х числах июня пришлось снова устроить сходку, главным образом, для фабричных и вновь присоединившихся, так как на первых двух собраниях были почти исключительно одни заводские рабочие. Она состоялась 23 числа, и собралось на нее до полутора десятка человек. Несмотря на то, что тут присутствовало много но-

вого народа, предложенный устав кассы не вызвал никаких возражений. В это же время была сделана попытка наметить представителей отдельных заводов и фабрик, первое собрание которых предполагалось сделать в конце того же июня. Таким образом было положено начало московской рабочей организации; оставалось только дать ей несколько окрепнуть, чтобы затем приступить к самой широкой деятельности среди рабочей массы. Но петербургская стачка несколько видоизменила этот план, побудив Центральный комитет приступить к агитации ранее, чем это предполагалось.

Слухи о стачке ходили среди московских рабочих еще в первых числах июня, но отсутствие правильных сношений с Петербургом, прерванных высылкой работавшей интеллигенции, не давало возможности проверить их. Когда же, наконец, 11-го числа были получены более точные сведения о положении дел в Петербурге, то Центральный комитет решил начать широкую агитацию на почве этих сообщений. Несмотря на полнейшее отсутствие каких бы то ни было приспособлений для печатания, несмотря на недостаток интеллигенции, ему удалось к 15 июня приготовить до 600 с лишком воззваний; в них московский «Рабочий союз» извещал московских рабочих о петербургских забастовках и о выставленных петербургскими товарищами требованиях, тут же указывалось на необходимость поддержать их каким бы то ни было способом. Того же числа состоялось собрание Центрального комитета, которое постановило в субботу 15-го выпустить эти воззвания одновременно ко всем московским фабрикам и заводам, в воскресенье 16-го собрать сходку, чтобы выяснить произведенное воззваниями впечатление и обсудить, чем мы можем помочь петербургским рабочим.

Вся суббота 15-го числа прошла в беготне по рабочим кварталам, а 16 состоялась предполагавшаяся сходка. На ней присутствовало до 300 с лишним человек, кроме того, человек 200 заблудилось и не дошло до назначенного места. На этой сходке, под развернутым впервые у нас после демонстрации у Казанского собора⁵⁵ красным знаменем, было торжественно объявлено об основании московского «Рабочего союза»⁵⁶. Потом были прочитаны петербургские прокламации и поднят вопрос, чем может Москва поддержать забастовщиков. Мнения разделились. Одни, более осторожные, предлагали денежную помощь, так как на большую забастовку, по их словам, рассчитывать теперь очень трудно. Другие же, возражая им, указывали, что для поддержки петербуржцев нужно не менее 3000 руб. ежедневно, и что, следовательно, та денежная помощь, которую может в данном случае дать Москва, будет каплей в море. «Уж если оказывать поддержку,— наставляли они,— так только забастовкой: поводов для нее найдется всегда достаточно. Стоит только сознательному народу начать в пользу нее усиленную агитацию, и всегда есть надежда обострить существую-

щее уже недовольство». Последнее мнение одержало верх, и сходка постановила: выпускать общие, и главное, частные воззвания на почве местных требований и начать в то же время в пользу забастовки устную агитацию.

Следующая неделя была целиком посвящена выполнению этого решения. Центральный комитет снова выпустил общее воззвание, в котором доказывал необходимость поддержать петербургских товарищей именно забастовкой. Он указывал на весьма благоприятное для нее время * и на те требования, которые можно бы было выставить. Затем на этой же неделе были выпущены два частных воззвания: к рабочим шерстяной фабрики Михайлова по поводу бывшего там истязания мальчика, и к рабочим Измайловской мануфактуры.

Небывалое до тех пор в Москве количество прокламаций сильно взволновало московских фабрикантов и заводчиков и вызвало с их стороны преследование рабочих. Так, было рассчитано несколько человек с Измайловской мануфактуры и с завода Вейхельта, были увольнения на заводах Фосса и Грачева.

Между тем, агитационная работа продолжалась и стала давать уже результаты. Так, на вышеупомянутой сходке 23 июня рабочие Измайловской мануфактуры заявили о своем намерении начать на следующей же неделе забастовку, а рабочие Прохоровской фабрики обещали их поддерживать. На той же сходке были произведены опросы о злоупотреблениях, существующих на различных фабриках и заводах. Собранные сведения должны были послужить материалом для частных воззваний.

В конце 20-х чисел июня были выпущены: прокламация к рабочим мастерских Смоленской ж. д. и листок по поводу обращения министра финансов к петербургским забастовщикам. В то же время Центральный комитет с понятным нетерпением ожидал известий с Измайловской мануфактуры **. Наконец, в форме неясных слухов дошли первые сведения, говорилось что-то об арестах и обысках. Через несколько дней слухи эти подтвердились: почти накануне стачки было арестовано несколько человек: аресты так повлияли на остальных, что стачка не состоялась; это тем более понятно, что в Москве на фабриках движение никогда не было глу-

* То есть на панику, вызванную среди хозяев и правительства петербургской забастовкой, на возможность выставить для Москвы общие требования, как, напр., уплату за коронационные дни, и на то обстоятельство, что совместное действие Москвы и Петербурга окажет сильнейшее влияние на эксплуататоров и тем самым облегчит борьбу забастовщиков того и другого города.— *Примеч. документа.*

** Измайловская мануфактура, или фабрика Гиля, находится в нескольких верстах от Москвы в селе Измайлове; это, конечно, особенно при недостатке интеллигенции, сильно затрудняет своевременную доставку сведений.— *Примеч. документа.*

боко. Впрочем, эти аресты не повлияли, да и не могли повлиять на общий ход дел. Агитационная работа продолжалась своим порядком, и почти ежедневно в разных концах Москвы происходили частные сходки.

Наконец, 2 или 3 июля забастовали мастерские Курской ж. д., требуя уплаты за коронационные дни и отмены некоторых злоупотреблений*; на другой же день к ним присоединились мастерские Смоленской ж. д., выставя те же требования. Начальство не решилось затягивать дела, а потому рабочие как в том, так и в другом месте были удовлетворены. Не успели затихнуть эти вспышки, как поднялась шелковая фабрика Грессера и чугунолитейный завод Перенуда, требуя повышения расценок и уплаты за коронационные дни. Сильно заволновался народ в мастерских Рязанской и Ярославской ж. д., на заводе Нового Бромлея и Гужона. Еще несколько дней, и в Москве разразилась бы всеобщая забастовка, но 6 июля были произведены большие аресты.

После июльского погрома дела московского «Рабочего союза» несколько пошатнулись; это тем более понятно, что московское движение еще впервые понесло такие многочисленные утраты. Те интеллигенты, которые уцелели от погрома, принуждены были направить всю свою деятельность на оказание помощи пострадавшим и их семьям, а также на восстановление порвавшихся кое-где связей. На эту работу ушел весь июль месяц.

Теперь мы постараемся дать общий очерк результатов, достигнутых за этот короткий летний период.

Под отправленным в марте месяце приветствием французским рабочим подписалось 28 крупных заведений, в конце же июня их насчитывалось до 55. Не надо при этом забывать, что по случаю коронации всякая работа была прервана почти на два месяца. В июне Центральным комитетом «Союза» был отправлен мандат на имя В. И. Засулич для представительства на лондонском рабочем съезде. Этот мандат был послан от имени тысячи членов «Союза», на самом же деле число их простиралось до 2000. К результатам широко развившегося движения мы относим также сильно увеличившийся спрос на легальную и нелегальную литературу**. За зимний период с октября по апрель, т. е. за шесть месяцев, было распущено до двух тысяч экз. нелегальной литературы и до пяти тысяч легальной. В июне же месяце, по расчету Центрального комитета, за одну только неделю должно было бы разойтись не менее 1000 экз. одних только нелегальных книжек.

Кроме того, на развитие движения сильно повлияли описанные

* См. выпущенное «Рабочим союзом» описание курской стачки.— *Примеч. документа* (см. док. в приложении).

** Кстати, заметим, что этой последней в Москве за весь июньский период было не более 200 экз.— *Примеч. документа*.

выше сходки. На них рабочие с разных концов Москвы перезнакомились друг с другом, и благодаря этим знакомствам завелись более прочные связи между сознательным народом отдельных заведений. Сходки приучили рабочих различных отраслей промышленности сообща обсуждать свои интересы и таким образом развили и укрепили в них чувство солидарности и усилили способность к сопротивлению. Мы увидим далее, как благодаря этому московское движение приняло массовый характер.

4. Деятельность «Союза» за осень 1896 г.

С начала августа московский «Рабочий союз», оправившись от нанесенных ему поражений, снова начал усиленную работу. В прокламации от 8-го числа он извещал московских рабочих о том, что, несмотря на июльские аресты, «Союз» будет продолжать свою деятельность; он приглашал участников кассы по-прежнему делать в нее взносы и тут же старался выяснить роль русского правительства.

Так как среди рабочих чувствовался большой недостаток в энергичных и знающих агитаторах, то Центральный комитет обратил особое внимание на пропаганду. Были устроены в разных местах кружки для занятий и приняты меры к усиленному распространению легальной и нелегальной литературы. Параллельно с этой организованной работой шло и развивалось чисто массовое движение; само собою разумеется, что «Союз» принимал в нем более или менее деятельное участие. Так, когда в августе рабочие Курских мастерских снова поднялись и потребовали от начальства исполнения данного в июле обещания, «Союз» выпустил к ним воззвание. Эти волнения продолжались почти целый месяц; в конце концов некоторые требования рабочих были удовлетворены, но управление дороги воспользовалось бывшим в октябре сокращением штата и разочло до 300 чел. В это число, конечно, попали наиболее энергичные и способные к сопротивлению люди.

В начале сентября произошло столкновение на машиностроительном заводе Нового Бромлея. Здесь хозяин оттягивал полочки и допускал, по соглашению с фабричным инспектором, как потом выяснилось, некоторые злоупотребления в расценках. Во время этой забастовки начальство, находившееся еще под влиянием петербургской стачки и московских волнений, стало на сторону рабочих. По приказу обер-полицмейстера, к которому рабочие обратились с жалобой, хозяин принужден был немедленно выдать полочку и уничтожить бывшие злоупотребления. Теперь отметим здесь все усиливающиеся в Москве стремление заводских рабочих сократить продолжительность рабочего дня. Еще в июле было уменьшено на целый час рабочее время в арматурном и механиче-

ском заводе Ганенталя *; то же самое было сделано в сентябре на железоделательном заводе Гужона. В ноябре и декабре произошел целый ряд стачек на почве того же требования. В начале сентября забастовали литейщики в мастерских Рязанской железной дороги, требуя повышения расценок, увольнения мастера и отмены сверхурочной и прибавочной работы. Правление дороги вначале наотрез отказалось удовлетворить рабочих и пригрозило им увольнением; но тогда заволновались остальные цехи, обещая поддержать своих товарищей, и начальство, испуганное призраком общей забастовки, обещало удовлетворить литейщиков.

Наблюдалось сильное движение в пользу уничтожения сверхурочной и праздничной работы и в мастерских Ярославской ж. д. Одновременно со стачкой рязанских литейщиков произошло крупное столкновение, грозившее перейти в забастовку, в Смоленских мастерских. Здесь управление дороги отказалось выдать в срок получку. Рабочие заволновались; они собрались во дворе мастерских и грозили двинуться по Тверской к Страстному монастырю, где помещается управление дороги. Понятно, что появление тысячной взволнованной толпы в самом центре города не могло быть приятно для правления, и поэтому начальник мастерских, только что перед этим пугавший собравшихся рабочих жандармами, сейчас же поспешил выдать задержанные деньги. В середине ноября начались волнения на механическом заводе Данглера **: рабочие потребовали сокращения на час рабочего времени. Возвания, выпущенные Центральным комитетом на этот завод, и боязнь забастовки заставили хозяина исполнить это требование.

30-го ноября на заводе Старого Бромля началась крупная забастовка, к сожалению, не обошедшаяся без жертв. Рабочие этого завода потребовали введения 10¹/₂-часового дня и выдачи получки два раза в месяц. Хозяин обещал ввести то и другое с 1 января; но рабочие, которым он уже раньше давал такое же обещание и, как водится, не исполнил, на этот раз не поверили хозяйским словам и прекратили работу. Целых два дня забастовщики простояли густыми толпами вокруг завода, не пропуская никого, желавшего туда пройти; при этом несколько лиц, заподозренных в шпионстве, были сильно избиты озлобленной толпой. На второй день забастовки в дело вмешалась полиция: ночью было арестовано 21 чел., а на другой день остальных чуть ли не силой заставили войти в завод и приняться за работу. И тут, следовательно, как и во многих случаях, мы видим вмешательство полицейского государства в экономическую борьбу рабочих за лучшую жизнь. Впрочем, г. Трепов *** приказал вывесить на заводе объявление следующего содер-

* Искажено, правильно: Гакенталя.

** Искажено, правильно: Дангауэра.

*** Новый московский обер-полицеймейстер.— *Примеч. документа.*

жания: «По распоряжению обер-полицмейстера требования рабочих будут к 1 января удовлетворены». Таким образом, прямые обязанности фабричного инспектора принял на себя представитель московской полиции.

В первых числах декабря сильно заволновался народ на котельном и меднолитейном заводе Фогельзанга, требуя повышения поденной платы и сокращения на два часа рабочего времени. По просьбе тамошних рабочих Центральный комитет выпустил к ним воззвания. После них хозяин с 1 января обещал исполнить требования рабочих.

7 декабря снова поднялись литейщики Рязанских мастерских, так как, несмотря на данное начальством в ноябре обещание, главные из их требований не были исполнены. К ним хотели присоединиться и маляры той же дороги; с этой целью «Союз» выпустил к ним листок. Результаты этих волнений пока еще не выяснились, так как они продолжаются еще до сих пор. Известно только, что после листков маляры работали целый день под присмотром жандармов.

Из этого краткого перечня последующих событий легко заметить, какую форму приняло московское движение. Ни частые и многочисленные погромы, ни преследования сознательных рабочих уже не могут оказать на него сильно задерживающего влияния. Таких погромов после 6 июля было еще два. Один из них в ночь с 10 на 11 ноября, когда были арестованы 23 интеллигента и тридцать с лишним рабочих. Второй погром, хотя и меньший по размерам, произошел ровно через месяц, с 9 на 10 декабря. Кроме того, между этими двумя погромами был целый ряд единичных арестов*. Несмотря на эти погромы, московское движение растет и развивается, требуя все более и более интеллигентных сил. К сожалению, в Москве в них чувствуется большой недостаток. Чтобы обратить внимание интеллигенции на все растущее движение, «Союз», воспользовавшись студенческими беспорядками, выпустил к ним два воззвания. На этом мы пока что и заканчиваем настоящий отчет.

5. Декабрь 1896 г. и январь 1897 г. **

Московское рабочее движение за последние месяцы отличается двумя особенностями. Первая — это почти полное отсутствие вмешательства в него интеллигенции; вызвано оно отчасти тем, что бесперывные аресты не дают ей возможности слиться с движе-

* Об этих погромах Центральным комитетом выпущена особая прокламация.— *Примеч. документа.*

** Настоящая глава прислана нам, когда первые четыре главы были отпечатаны (см. отд. второй, с. 33—52), а потому она и печатается отдельно (ред. сб «Работник»).

нием, отчасти же тем, что, желая держаться старого, узкого способа действий, она оказывается бессильной руководить движением и принуждена постоянно идти в его хвосте. Вторая особенность, о которой мы уже упомянули выше,— это борьба за сокращение рабочего дня, охватившая все московские заводы и переходящая в последнее время на фабрики.

На большинстве московских заводов работа продолжалась 11—11½ час.; теперь рабочие настойчиво требуют 10-часового, местами даже 9-часового рабочего дня. Многие хозяева идут навстречу этой назревшей потребности и добровольно сокращают у себя рабочее время. Так, еще прошлой зимой один из крупных литейных и машиностроительных заводчиков, Гоппер (работает около 1000 чел.), сократил для модельной мастерской рабочее время с 11 до 9 час.; нововведение понемногу распространилось и на другие мастерские завода. Прошлой осенью было сокращено до 10 час. рабочее время на арматурном заводе Ганенталья* (работает чел. 100) и до 11 час. на громадном железодельательном заводе товарищества «Гужон» (работает около 3000 чел.). Администрация последнего объясняет эту меру благодарностью за герб, полученный товариществом на Нижегородской выставке; но, вернее, «благодеение» хозяина вызвано некоторой заминкой в делах,— следствие конкуренции с новым гвоздильным заводом в Рязани. Но как бы то ни было, приведенные случаи показывают, что хозяева, без всякого ущерба для себя, могут сократить рабочее время; если они противятся этому, то только из-за того, чтобы не делать уступок рабочим и не дать им почувствовать свою силу. Поэтому рабочим, в большинстве случаев, с трудом приходилось добиваться желанного нововведения. Так, на механическом заводе Дангауэра (работает до 400 чел.) рабочие только после долгих переговоров и волнений и с помощью «Союза», выпустившего к ним воззвание, добились 10-часового дня. Заметим, кстати, что этот завод еще прошлой зимой пытался подняться, выставляя, между прочим, и требование о сокращении рабочего дня, но тогда дело кончилось ничем.

Вслед за этой историей началась стачка на котельном и машиностроительном заводе Старый Бромлей (о ней мы уже упоминали выше), насчитывающем до 800 чел. рабочих. Стачка эта произвела в Москве сильное впечатление как на рабочих, так и на хозяев, т. к. завод этот всегда отличался неподвижностью и отсталостью работающего на нем народа. Теперь и он не выдержал и дружно, как один человек, потребовал 10-часового рабочего дня. Хозяин обещал им уступить сначала с пасхи, затем с Нового года; но забастовщики, зная хорошо ненадежность подобных обещаний, настаивали на немедленном сокращении. Добились ли бы своего рабо-

* Правильно: Гакенталья.

чие, — неизвестно, так как в-стачку вмешалась правительственная власть: с одной стороны, было арестовано 21 человек из среды забастовщиков*, с другой — обер-полицмейстер вывесил на заводе объявление, в котором ручался, что с 1 января хозяин исполнит свое обещание, что и действительно было исполнено. После четырехдневного перерыва работы возобновились. Другие требования рабочих были: двухнедельный срок найма и, стало быть, двухнедельная получка. С нового года все эти требования были удовлетворены. После этой стачки хозяева, увидевшие, как дружно умеют рабочие отстаивать свои интересы, стали уступчивее. Когда после выпущенных «Рабочим союзом» воззваний началось брожение на котельном и меднолитейном заводе Фугельзанга (число рабочих 450 чел.), хозяин обещал с 1 января сократить рабочий день с 11 до 9½ часов, что в настоящее время уже и исполнено.

Начало нового 1897 г. ознаменовалось сокращением рабочего времени на двух наиболее крупных, дающих тон мелкоте**, машиностроительных заводах: Густава Листа (работает около 800 чел.) и Доброва и Набольца (число рабочих — тысяча с лишним человек). Введение новых порядков на этих заводах произошло под напором рабочих. Дело было так. В прошлом году, когда вышеупомянутый заводчик Гоппер сократил рабочее время, то и Густав Лист, желая узнать настроение рабочих, приказал опросить наиболее видных из них, что они думают о сокращении рабочего дня. Но опрос не пошел дальше монтеров, те же, лично в этом не заинтересованные, высказались против. В минувшем декабре, во время стачки у Бромля, пошли толки и среди листовских рабочих о желательности более короткого дня. Толки эти привели к неофициальным переговорам через мастеров с хозяином, который неофициально же обещал удовлетворить рабочих с 1 января. Но прежде приказал произвести вторичный опрос. На этот раз монтеры, под давлением молодежи, не решились высказаться против сокращения. В результате рабочее время с 1 января сокращено. Но этим дело не кончилось. По новым правилам работа начинается с 7 час. утра, вместо прежних 6 час., и кончается в половине седьмого, вместо семи, перерыв на обед остался по-прежнему полтора часа, но получасовой перерыв на завтрак (чай) был уничтожен. Такое распределение времени было рабочим не по сердцу; они еще раньше, при опросе, высказались за рабочий день с половины восьмого утра до 7 вечера с полуторачасовым перерывом на обед и получасовым

* Уже по написании этого отчета дело о бромлеевских стачечниках, направленное через Особое совещание, закончилось высылкой арестованных из Москвы административным порядком.

** Характерно заявление одного небольшого заводчика, заведение которого находится рядом с заводом Доброва. Когда у него рабочие тоже заволновались и просили сократить рабочее время, он ответил: «Как только сократит Добров, так сейчас сокращу и я». — *Примеч. документа.*

на чай; теперь они снова заявили хозяину о желаемом распределении времени. Тот соглашался дать им время на чай, но с тем только, чтобы они приходили на полчаса раньше, причем обещал выдавать от себя чай и сахар. Но это вызвало смех среди рабочих. В конце концов им пришлось отказаться от своих требований, хотя чай они все-таки пьют,— правда, без разрешения.

Волнения на заводе Доброва были вызваны требованием рабочих сократить рабочий день не до 10, а до 9 ч. На заводе по этому поводу несколько раз расклеивались воззвания; одно из них, написанное самими рабочими, кончалось следующими энергичными словами: «Кто из вас пойдет на работу, тот будет от «Рабочего союза» анафема — проклят!» Такой нравственной силой в глазах московских рабочих успел стать «Рабочий союз»!

На помощь хозяину поспешило Охранное отделение, арестовавшее в два приема 10 чел.*... С 13 января у Доброва введен десятичасовой день. Остальные требования рабочих — двухнедельный срок найма и выдача денег два раза в месяц — исполнены не были.

В то же самое время происходила стачка на шелковой фабрике Сапожникова. Рабочие требовали сокращения дня до 11 часов и соответствующего повышения расценок. Стачка кончилась удачно: рабочие добились сокращения рабочего дня и обещания от хозяина «повысить в самом непродолжительном времени расценку», хотя время введения повышенной расценки хозяином не указано.

Кроме того, происходил целый ряд более мелких забастовок на парфюмерной фабрике Келлера (женщины), на литейном заводе Кудлина, в экипажном заведении Иванова и др. и сейчас происходит стачка на чугунолитейном заводе Мейера. Везде главным и почти единственным требованием выставляется сокращение рабочего дня, и почти везде рабочие добились его. Из упомянутых лишь на заводе Кудлина хозяин не исполнил обещания сократить рабочий день с 1 января.

В заключение упомянем о беспорядках на большой хлопчатобумажной фабрике Коншина (работает около 7000 чел.) в Серпухове. Рабочие требуют сокращения рабочего времени, повышения расценок и ослабления штрафной системы. К сожалению, буйное поведение забастовщиков вызвало вмешательство казаков, в результате которого оказалось около 80 раненых. Произведены по обыкновению аресты. По ходящим в Москве слухам, рабочие выигрывают стачку, если продержатся неделю-другую.

Работник, 1897, № 3—4, с. 33—52, 94—99; Первый съезд РСДРП. Март 1898 года: Документы и материалы, М., 1958, с. 139—155. Печатается с незначительным сокращением.

* Вот имена их: Григорий Малахов, Александр Воронцов, Дмитрий Хламеев, Поляков, Николай Кириллов, Михаил Моргунов, Алексей Мешков.— *Примеч. документа.*

МОСКОВСКИЙ «СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»

ПРОГРАММА

Московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» считает себя лишь отрядом русского рабочего движения, которое в свою очередь является отрядом всемирного движения пролетариата против общего их врага — капиталистического строя.

Московский союз рабочих считает себя социалистической рабочей группой и в качестве таковой видит окончательную цель как европейского, так и русского рабочего движения — в передаче рабочим орудий труда (фабрик, заводов) и земли, в основании всемирного социалистического государства, считая капиталистический строй, — с его эксплуатацией рабочего и безумной роскошью привилегированных сословий, с бесправным положением в нем трудящегося и господством туенядцев, с проституцией, нищенством и преступлениями, — считая этот бесчеловечный, проклятый строй главным врагом трудящегося человечества и главной причиной его бедствий, московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» объявляет себя непримиримым врагом капиталистического строя. В борьбе московских рабочих с капиталистами мы будем всегда впереди, отстаивая интересы рабочих и руководя их движениями. Разделяя цели и надежды всемирного рабочего движения, московский «Рабочий союз» вместе с своими европейскими товарищами признает, что освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса. Опыт истории всех стран и народов ясно говорит, что всякое право завоевывалось борьбой, что сила угнетателей и эксплуататоров с успехом можно противопоставить только силу же. Наши товарищи, европейские рабочие, пятидесятилетнюю кровавую борьбу завоевали себе неизмеримо больше прав, чем имеем мы, русские рабочие. В Европе рабочая партия — это союз, признанный законом; через своих депутатов (в парламентах и рейхстагах) рабочие имеют уже там сильное влияние на законодательство и правительство. В европейских странах существует повсеместно конституционное правление (в некоторых государствах, например в Германии, со всеобщей подачею голосов). Опыт же русского рабочего движения показал, что русские рабочие в своих попытках соединиться для улучшения своего положения всегда встречали преграду со стороны верного защитника капиталистов царского правительства. Царский деспотизм — всегдашний враг рабочих; в своих судах, в законах, издаваемых им, он явно становится на сторону эксплуататоров-капиталистов; трудящемуся же народу вместо справедливости царское правительство посылает свинцовые пули; вместо защиты оно посылает рабочего в тюрьму,

как бунтовщика. Если так, то долой царский деспотизм и да здравствует народное правление!

Принимая во внимание все сказанное выше, московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» ставит себе задачей объединение московских рабочих в союз для борьбы с капиталистической эксплуатацией и угнетением; ввиду же того, что ни широкое объединение рабочих, ни серьезная победа труда над капиталом не будет возможна, пока существует гнилое здание царского деспотизма, подпертое солдатскими штыками, московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» ставит себе вторую задачу: подготовить рабочий класс к политической революции — к восстанию против неограниченного царского правительства с целью замены его конституционным (правительством народа); Московский рабочий союз знает, что в среде московских рабочих просыпается уже сознание их бесправности и угнетенности, просыпается желание бороться с их врагами — капиталистами.

Мы будем в этой борьбе всегда впереди. В этой борьбе сплотятся московские рабочие, и когда наш союз вырастет в грозную силу, мы нанесем нашему непримиримому врагу — царскому деспотизму — окончательный удар в самом сердце его — в первопрестольной его столице!

1 января 1898 г. *

ЦГАОР СССР, ф. 102, ОО, 1898 г., д. 2, ч. 1,
лит. А, л. 33—34 об.

УСТАВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ КАССЫ МОСКОВСКОГО «СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»

*1898, апрель, не ранее 2-го ***

Центральная рабочая касса с ее отделениями преследует как общую цель объединение рабочего класса на почве борьбы с капиталом. Но, стремясь к объединению, русский рабочий необходимо сталкивается с царским деспотизмом, с этим верным защитником, [который], будучи тайным и явным врагом рабочего класса, создает целую систему надзора за рабочими — через своих шпионов и полицию. Царское правительство — это сила, с которой рабочему классу предстоит вступить в борьбу для замены его народным правительством, где будут не одни аристократы и богачи, но и представители трудящегося класса — рабочие.

* В сборнике «Рабочее движение в России в XIX веке» (М., 1963. Т. 4. 1895—1900. Ч. 2. 1898—1900, с. 47—49) опубликована копия этого документа, который датируется 15 января 1898 г.

** Датируется по дате обнаружения устава 2 апреля у рабочих Иваново-Вознесенска.

Сказанным определяется программа русского рабочего движения с его особенностями: 1) рабочий класс может освободиться от угнетения капитала не иначе, как сплотившись, противопоставив своим объединением царской полиции и царской армии рабочую армию с одним знаменем, на котором будет написано равенство, братство и свобода. Объединение рабочего класса может происходить при наших руках* не иначе, как путем тайных кружков и союзов — для широкого же распространения мысли объединений рабочих в одно целое, в рабочую армию с одним знаменем очень важным средством являются стачки рабочих. Капиталисты всегда и везде стремятся выжать как можно больше соку из рабочего; в своем жадном стремлении к прибыли они готовы всегда отнять у рабочего те жалкие крохи, которые он получает за свой труд в виде заработной платы. В среднем рабочий получает не более $\frac{1}{4}$ из того, что он производит своим трудом; $\frac{3}{4}$ достается капиталисту, нечего сказать — львиная доля!

Единственным способом для рабочих защищать свои права и свои интересы являются стачки. Но значение стачки далеко не исчерпывается только что сказанным: стачка, во-первых, показывает рабочим, что они сила и что они тем сильнее, чем лучше понимают свое положение и чем сплоченней действуют. Во-вторых, стачка приучает действовать сообща. В-третьих, она на деле ясно как день показывает большинству рабочих, что царский деспотизм с его судами, полицией и армией — беспощадный враг рабочего и верный друг капиталиста.

Итак, перед русским рабочим движением стоит задача — соединить развитых, преданных рабочему делу людей в союзы и кружки, чтобы эти кружки и союзы распространяли между рабочими мысли о рабочем движении, о единении рабочих, о борьбе с капиталистами и их защитником — царским правительством. Эти кружки и союзы могут действовать словом и книгою, где же явится возможность, рабочий союз организует стачку и ведет ее; это будет тоже пропаганда рабочего движения, но только не одним уже словом, но и делом. Для всех сказанных действий необходимы деньги, а поэтому цель устройства рабочих касс делается сама собой ясна. Московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» имеет в своем распоряжении кассу с нижеследующим уставом. Он берет на себя через свой рабочий комитет создавать отделения этой кассы между рабочими (фабричные кассы, кружковые кассы) Московского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, помогает этим фабричным и кружковым кассам советом, людьми и деньгами. (В свою очередь он пользуется денежной помощью от этих касс.)

* Так в документе.

Устав

Центральной раб[очей] кассы Моск[овского] Сою-
юза борьбы за освобождение раб[очего] класса

§ 1. Капитал кассы создается из пожертвований и взносов.

§ 2. Члены ежемесячно вносят 50 коп.

§ 3. Рабочая касса имеет своего кассира, кассир отдает отчет по требованию комитета в приходе и расходе кассовых сумм. Кассир может быть сменен с заменением другим лицом тем же комитетом.

§ 4. Два раза в году Рабочий комитет союза выпускает для всеобщего сведения краткий отчет прихода и расхода кассовых сумм.

§ 5. Суммы расходуются по усмотрению Рабочего комитета союза (имеющего свою особую организацию).

§ 6. Рабочий комитет союза должен расходовать эти суммы на следующие цели: а) на организацию рабочего класса; образование рабочих кружков и союзов; доставку им книг; наем квартир для кружковых собраний; в) на агитацию среди рабочего класса, возбуждение рабочего движения, руководство стачками и издание необходимых брошюр и листов для стачечников; е) на помощь пострадавшим за дело рабочего и их семьям; д) на помощь стачечникам.

Рабочее движение в России в XIX веке. М.,
1963, т. 4, ч. 2, с. 70—72.

МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

**ЛИСТОВКА «МЕМЕНТО» К МОЛОДЕЖИ С ПРИЗЫВОМ КРЕПИТЬ
СВЯЗЬ С ПРОЛЕТАРИАТОМ, ОКАЗЫВАТЬ СОДЕЙСТВИЕ
МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП⁵⁷**

1900, сентябрь

МЕМЕНТО*

Старый вопрос «что делать» до сих пор еще время от времени возникает среди той части молодежи, которая ежегодно является в большой город с массой умственных и нравственных запросов и с естественным избытком молодых сил, требующих приложения к настоящему делу.

Ответ на знаменитый вопрос существует не со вчерашнего дня и хорошо известен во всех организациях учащейся молодежи, как

* Memento — напоминание (франц.).

мужской, так и женской. Мы имеем в виду тот ответ, научную обосновку которого мы получили еще от величайших гениев XIX века — Маркса и Энгельса.

Заметим, кстати, что следует с большою осторожностью относиться к современным критикам марксизма. Само собою разумеется, что мы не думаем отрицать важности критического отношения к какому бы то ни было учению, в том числе, конечно, и к научному социализму, а хотим только рекомендовать критическое же отношение и к самой критике его, в особенности же к таким удивительно неудачным критическим опытам, каков, например, опыт Эд. Бернштейна.

Итак, ответ существует давно. Чем же объясняется относительная живучесть знаменитого вопроса? Не чем иным, как тем, что на пути к осуществлению великого социалистического идеала находится нелепое, уже всюду отжившее, неуклюжее, вносящее путаницу во все жизненные отношения и невыносимо унижительное бесправие всего нашего общества, бесправие, лишаящее людей возможности собираться для свободного обсуждения своих интересов, соединять свои силы в борьбе за человеческое существование, пользоваться свободой печати и т. д. и т. д.

Это бесправие большинства выгодно для класса эксплуататоров, а в особенности для российского правительства — этого паразита на теле всего русского общества, не исключая даже и буржуазной его части. Однако близорукие эксплуататоры живут в дружбе с самодержавцами: они друг другу нужны, потому что все-таки «рука руку моет». Все это давным-давно известно, но от одного того, что все это известно, ни мыслящему русскому человеку вообще, ни русскому пролетарию в частности их великая задача всеобщего освобождения не облегчается: недостаточно знать и чувствовать — надо действовать: чтобы жить, надо бороться, так как в наше время жизнь сводится к борьбе. За кого? За что? За самих себя, за лучший строй жизни, за счастье в самом широком смысле слова. Пусть же растет и крепнет союз пролетариата с лучшей частью интеллигенции.

На первом конгрессе Российской социал-демократической рабочей партии была объявлена полная солидарность с социал-демократическими партиями остальных европейских стран в их стремлении к осуществлению общих и главных задач социализма ввиду особенности русских политических условий, т. е. русского бесправия, связанного с тормозящим всякий прогресс самодержавием, было постановлено, что ближайшей задачей Российской демократической рабочей партии должно быть завоевание политической свободы. Эта ближайшая задача является в высшей степени важным средством для осуществления главной задачи современного общества.

Напомнив постановление I съезда партии *, нам остается только сказать еще, что социал-демократическая деятельность «интеллигенции», т. е. содействие развитию классового самосознания пролетариата (считаем лишним распространяться о том, что это содействие может принимать самые разнообразные формы), требует в большинстве случаев строгой организованности, а потому приглашаем передовую часть молодежи организовать свое содействие работающей в Москве группе Российской социал-демократической рабочей партии.

Русский рабочий не может не сознавать, что в политической свободе заключается важное условие осуществления великой общественной задачи и что в единении и организации его сила.

Итак, пусть знает молодежь, что особенно драгоценным будет ее организованное систематическое содействие общему делу. Сентябрь 1900 г.

Оттиск круглой мастичной печати:
*Московский комитет Российской
социал-демократической рабочей партии.*

Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4,
ч. 2, с. 491—492.

СООБЩЕНИЕ О РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ В МОСКВЕ С ОСЕНИ 1898 г. ДО 1900 г.⁵⁸

Статистические данные показывают, что рост промышленности в Москве и ее округе происходит в настоящее время чрезвычайно быстро, перегоняя рост Петербурга. Этому способствует главным образом ее центральное положение, близость ее ко всему тому району, который является уже промышленным по преимуществу и рост которого за последние годы, пожалуй, быстрее, чем где-либо. Недаром называют Москву русским Манчестером и ожидают от нее гораздо большего значения для промышленной жизни России, чем от Петербурга. Соответственно с этим большее значение будет иметь она и в рабочем движении. До сих пор первенствующее значение было и в этом отношении за Петербургом. Он положил начало рабочему движению в России, в нем пропаганда среди рабочих началась еще 20 лет тому назад, и теперь в нем существует уже порядочный контингент развитых даже в западноевропейском смысле сознательных рабочих. Давно уже началась пропаганда и на нашем Западе и Юго-Западе, где сыграли, кроме того, славную роль традиции польского революционного движения, а также имел большое значение еврейский состав населения, привыкший уже с незапамятных времен сплачиваться и бороться против

* В документе ошибочно — II съезда партии.

своих угнетателей и огражденный к тому же от происков полиции своим жаргоном.

Ни одной из этих выгодных сторон нет в Москве. Пропаганде, начавшейся здесь около половины 90-х годов, пришлось иметь дело прямо с серой деревенской массой, к тому же постоянно отливающей назад в деревни и заменяющейся новым составом. Это постоянное тасование рабочих, введенное у нас почти в систему и облегчаемое центральным положением Москвы, а также характером ее промышленности (Москва по преимуществу центр текстильной промышленности, не требующей, как известно, обученных рабочих), является главной помехой делу организации и пробуждения сознания рабочих. На некоторых наших фабриках и заводах (кирпичных, цементных, требующих совсем необученную массу) существует прямо-таки система менять почти всех рабочих в течение года — оно и выгоднее тянуть соки из самого свежего живого материала, да и безопаснее иметь дело с робкими, неприхотливыми людьми.

Эти новые пришельцы почти не встречают здесь даже тех общедемократических условий развития, которые есть в других городах. У нас почти нет мужских воскресных школ (женские разрешаются легче); кое-где на фабриках влачат еще свое существование школы с платными учителями и строжайшим надзором, но в такие школы сами рабочие идут неохотно. Не так давно в Москве был случай бунта рабочих против учительницы, не удовлетворявшей их требованиям: они порвали тетради, поломали ручки и ушли. У нас не разрешаются библиотеки, читальни и полицейский гнет вообще гораздо сильнее, чем в других городах.

Чем же объясняется это? А тем, что мы живем не только в самодержавной России, но еще в вотчине князя Сергея⁵⁹. Князь Сергей — хозяин в Москве, как было недавно разъяснено министерством по поводу одного несогласия с департаментом полиции, и все мы, московские жители, чувствуем эту хозяйскую лапу. Разрешают нам газету, журнал — «великий князь» говорит: «У меня в Москве газет довольно», и редакцию приходится перенести в другой город. Лицо, упорно высылаемое из Москвы, получает право жительства в Петербурге, так что получается курьезный случай высылки из Москвы в Петербург. Просят о разрешении Общества помощи в чтении, общества, функционирующего широко в Петербурге на фабриках и заводах, — «великий князь» говорит: «У меня в Москве общественных читален довольно». А между тем именно вследствие серого состава рабочих более широкое распространение школ, читален было бы особенно необходимо в Москве. У нас были случаи, когда при нелегальных занятиях с рабочими приходилось начинать чуть ли не с азав.

Конечно, роста сознания рабочих всем этим не задержать, и, несмотря ни на что, он происходит очень быстро: это констатируют

все, кому приходится иметь дело с ними: фабричные инспектора, санитарные врачи, учителя и т. п.

Кроме общего поднятия уровня появляются и отдельные выдающиеся личности, и это, несмотря на массовые аресты и высылки, практикуемые начальником охранной полиции Зубатовым. Этому «бывшему» провокатору очень привольно действовать за ширмой бесконтрольной власти «высочайшего генерал-губернатора». Начальство его доходит до того, что, не довольствуясь погромами в Москве, он начинает вмешиваться в дела других губерний. По его инициативе были погромы в западных губерниях, Твери, Тамбове, Саратове. Этой осенью он вышел даже окончательно из своих полномочий, настояв на возвращении в Тульское жандармское управление для дополнительного расследования дела, оконченного уже и переданного управлением в Московскую палату.

Таков фон, на котором приходится развиваться нашему рабочему движению. Так как отчеты о нем за прежние годы уже печатались, то ограничимся несколькими краткими замечаниями о минувшем годе. Они должны быть по необходимости кратки и общи, как по общим условиям революционной работы в России, так и потому, что работа текущего года составляет прямое продолжение прошлой годней, а также отчасти и по условиям настоящего момента.

Зимой 1898—99 г. в Москве образовался комитет рабочей социал-демократической партии, первоначальный состав которого был избран группой работающей интеллигенции. Комитет этот занялся восстановлением старых и образованием новых связей среди рабочих, распространением литературы, пропагандой и агитацией. Им были составлены вопросные пункты, на основании которых собирались сведения о положении на разных фабриках и заводах, были выпущены на некоторых заводах листки, следствием которых были уступки со стороны хозяев: в одном случае сокращение рабочего дня на $\frac{1}{2}$ часа, в других отмена разных прижимок со стороны администрации.

Комитет имел при этом случай убедиться, что работа прежних лет не прошла бесследно для Москвы, что в ней образовались, несмотря на частые высылки, опытные и умелые агитаторы среди рабочих, которые часто сами, без всякой помощи интеллигентов организуют стачку и руководят ею, сами составляют листок, так что комитету приходится лишь несколько редактировать его; а порою даже написанным просто карандашом, но вовремя вывешенным листком рабочие добиваются исполнения своих требований. Есть между ними люди, составляющие такие вещи, как «Письмо к наборщикам», изданное редакцией «Рабочего дела», корреспонденции (см. корреспонденцию о заводе Бромлея во 2-м номере «Рабочего дела»), письмо к 1 Мая (см. там же). Кое-где теперь есть даже опытные агитаторы, которые просят лишь снабжать их литерату-

рой, с помощью которой они ведут и без интеллигентов пропаганду и агитацию среди товарищей.

Соответственно с этим более широкое распространение литературы, особенно мелкой, агитационной, было одной из главных задач комитета. Особенно шли такие вещи, как «Что нужно знать и помнить...», «Рабочий день», «О штрафах», «О фабричном законе», «Как бельгийские рабочие боролись...»; но требовались также и более серьезные теоретические вещи, как «Эрфуртская программа», «Манифест Коммунистической партии», и вообще материал по истории движения и его теперешнему положению на Западе. Потребность в чтении вообще сильно растет. Кроме Москвы приходится снабжать довольно широко литературой и окрестный промышленный район.

Вследствие некоторого застоя в промышленной жизни стачек или каких-нибудь внешних выражений протеста в истекшем году было немного, но крепнувшее сознание рабочих масс заставляет надеяться, что при первом крупном поводе всякая форма протеста будет еще гораздо дружнее и выдержаннее, чем прежде, и гораздо быстрее встретит сочувствие не только в Москве, но и в районе ее.

Со времени образования комитета были аресты: в феврале, апреле, мае, июне, октябре и декабре 1899 г. и в январе 1900 г.— 3-го и 17 января. Тюрьмы переполнены.

Рабочее дело, 1900, № 6; Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4, ч. 2, с. 287—290.

ИСКРОВСКИЙ ПЕРИОД В МОСКВЕ

ПЕРЕПИСКА В. И. ЛЕНИНА И РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «ИСКРА» С СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Н. Э. БАУМАН⁶⁰ ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

6(19) февраля 1901 г.

6/19 февраля 1901 г. Несколько слов о студенческих беспорядках в Москве *.

29 января (в понедельник) студенты университета в количестве 317 человек устроили сходку в актовом зале. Вызывали ректора, но он отказался явиться по болезни. После прений решено было послать депутацию к ректору с требованием освобождения от солдатчины киевских товарищей⁶¹, причем выставлялись остальные стереотипные требования студенчества, как-то: устава 1863 года, права сходок и тому подобное, т. е. все, чего добивались в Киеве. (Ректор отказался разговаривать с депутатами, не видя в них представителей студенчества; по его мнению, они только шайка возмутителей.) В ответ на это начальство переписало «бунтовщиков».

Вторая сходка была назначена на субботу. В назначенный день являются студенты в университет, но не могут попасть в него. Все двери на запоре, даже входная. Что делать? Пошли толпой по Никитской улице с пением студенческих песен и похоронного марша (вероятно, по поводу слуха о расстрелянных товарищах в Киеве). Масса любопытных прохожих быстро стала окружать студентов, но — увы! — нигде ни околодочного, ни полицейского; как будто в сердце русского деспотизма вывелись вдруг все охранители престола. Демонстранты повергнуты в недоумение, не знают, что предпринять дальше; нельзя же петь без конца? Некому разгонять, некому отвозить в кутузку! В конце концов пришлось по своей собственной доброй воле разойтись. Студенты в страшном унынии; их игнорируют. Все переписанные студенты преданы суду. Началь-

* См.: Искра № 3, 1901, апрель.

ство старается изобразить все происшедшее в виде мальчишеских выходок. Большинство все-таки не ходит на лекции.

К сожалению, в данный момент не могу прислать Вам прокламаций, вообще весь материал по поводу этих беспорядков. Получу его только через несколько дней. Пока мне очень трудно что-либо сообщить Вам. Я оторван от мира. До сих пор еще ничего не имею в руках...

Крепко жму Ваши руки.

Макс.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг. М., 1969. Т. 1. Сентябрь 1900 г.—май 1902 г., с. 40—41. Печатается с сокращением.

И. В. БАБУШКИН⁶² ИЗ ПОКРОВА — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

*Март 1901 г. **

От Богдана:

1 и 2-й №№ отезены в Иваново-Вознесенск, попадет в Павлово, будет подброшено на дрезине.

Положение местных организаций плохое, а [в] Возн[есенске] теперь положительно ничего нет. В Иваново-Вознесенске нужно 1—2 интеллигентных человека, потому что <Окул[ову]> наверное, скоро возьмут. Делать гектографированные листки некому, и не у кого, и не на что. В З[уеве] было бы можно распространить листки, но их негде и некому сделать, нелегальной литературы нет положительно никакой, тогда как почва тут подходящая...

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 48. Печатается с сокращением.

И. Г. ЛЕМАН⁶³ — Н. Э. БАУМАНУ В МОСКВУ

23 марта (5 апреля) 1901 г.

5-го апреля. Графачуфу.

Теперешний адрес *Бабуш[кина]*: город *Покров*, улица *Дворянская*, дом *Чапыгиной*, *П. Н. Рыбась*. Адрес, который Вы даете, нельзя разобрать. Теперь Вы, вероятно, уже получили письмо с известием, что все доставленное Эрнстом ** рухнуло⁶⁴... Теперь пришла маленькая поправка к этому известию — рухнуло не все, 2 пуда где-то лежат в сохранности. Но как раздобыть их, в настоя-

* Датируется по времени выхода 2-го и 3-го номеров «Искры».

** Э. Х. Ролау.

щее время сообщить Вам не можем. Спешимся с Эрнстом и постараемся узнать все, что возможно. Напишите, сколько экземпляров и чего привезла Вам Екатерина Павловна * и получили ли Вы наконец хотя бы экстренную посылку от Леопольда ** и как Вы со всем этим распорядились, куда и сколько доставили. Вообще, сколько у Вас в руках оказалось?

Есть ли у Вас теперь ходы в Московский комитет?

Из «склада *Разоренова*» в Москве нужно добыть 1 чемодан. Он должен был попасть к *Марье Ильин[ишне]****, но пришел уже после ее исчезновения, так что наверняка цел. Постарайтесь достать.

Дела кассы таковы, что крайне необходимы пополнения. Приложите все старания, чтоб добыть денег, их можно прислать на тот же адрес, на который Вы пишете.

«Заря» уже вышла, несколько десятков экземпляров скоро должны быть в России. «Искра» № 3 уже набирается, весь посвящен последним событиям. Вслед за ним без перерыва будет набираться 4-й номер, но нужны деньги, деньги и деньги. Пришлите адреса, чтобы я могла Вам прислать новые номера «Искры» немедленно по выходе или в конвертах, или в переплетах.

Пишите, что Вы делаете, что думаете предпринять? Отсутствие всяких известий относительно этого тревожит и смущает всех.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты
«Искра», т. 1, с. 49—50.

И. Г. ЛЕМАН — И. В. БАБУШКИНУ В ПОКРОВ

23 марта (5 апреля) 1901 г.

5-го апреля. Бафубуфушкифуну.

Корреспонденции получены. Из Орехова с некоторыми изменениями и сокращениями будет помещена в «Искре». Из Иваново-Вознесенска конец остался неразобранным, а поэтому воспользоваться ею мы не можем. За присланные очень Вам благодарны, присылайте еще. Адрес заграничного человека: *Москва, Бойни, ветеринар[ный] врач...* а у него спросить Николая Петровича Орлова****, — это и будет заграничный человек.

Крепко жму Вам руку, пишите скорей.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты
«Искра», т. 1, с. 50.

* К. П. Медведева.

** Наименование Северо-Западной транспортной группы.

*** М. И. Ульянова.

**** Н. Э. Бауман.

3(16) апреля 1901 г.

16-ое апреля. Графачуфу.

1) Разноцветов жалуется, что Вы исчезли с его горизонта. Вот его адрес: *Петербург, Новая Казанская аптека, Я. П. Гаухману. Казанская улица.* Спишитесь с ним и попробуйте с его помощью извлечь те два пуда от Эрнста, которые, по нашим известиям, остались целы.

2) Если у Вас еще есть литература, то завезите ее в Питер и главную часть ее ($\frac{2}{3}$) отдайте группе «Социалист»⁶⁵, соединившейся с «Рабочим знаменем»⁶⁶. Эта группа старается войти с нами в более тесную связь, и это нам тоже желательно, ибо по направлению она стоит к нам ближе других. Если у Вас хватит литературы, дайте и «Союзу борьбы», но ему только за деньги. Спросите у «Социалиста», получает ли он письма на Дедушку*? В Пскове скажите, чтоб они таким же образом распределяли литературу в Питере, т. е. $\frac{2}{3}$ «Социалисту» и $\frac{1}{3}$ остальным.

3) Что касается образования у Вас отделения кассы, то это отделение должно наполняться деньгами, которые Вы можете добыть за литературу. Желательно, чтоб о движении сумм у Вас Вы посылали периодические отчеты для ведения здесь общего отчета. Отсюда *in absehbarer Zeit*** денег не можем посылать.

4) *Майский листок готов, будьте готовы к его получению.*

Кажется, ничего не забыла. Пишите чаще и посылайте более подробные сведения о Вашей деятельности — это крайне необходимо, и мне поручили написать Вам об этом понастойчивее. У нас нет в Москве адресов для посылки нелегалыцины в конвертах, так что даже Вас я не могу снабжать вновь выходящими вещами. Для Вас, думается мне, было бы важно одним из первых ознакамливаться с вновь выходящей литературой. Нет у нас в Москве ни адреса для переписки с комитетом, ни адреса для явки. С «Социалистом» в Питере также надо условиться относительно адресов для явки и адресов для посылки нелегалыцины в конвертах. На всякий случай вот Вам адрес для явки: *Псков, Завеличье, дом Ветровой, на берегу около больницы.* На дверях карточка *Лепешинского.*

Скоро готов 3-й номер с последними событиями.

Сюда приехала жена Петрова*** и Artus, последний Вам шлет привет. Вероятно, в ближайшем будущем куда-нибудь уедем. Всего лучшего.

Это было уже написано, когда мы получили письмо от Дирек-

* Адресат в Петербурге для присылки писем группе «Социалист».

** В недалеком будущем (нем.).

*** Н. К. Крупская.

тора*. Он пишет о Ваших разногласиях насчет способа распространения литературы. Здешние вполне одобряют способ Директора и рекомендуют Вам без денег литературы никому не давать. Касса нуждается в деньгах, и необходимо принять все меры, чтобы пополнять ее.

Конец.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 58—60.

Н. Э. БАУМАН ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

23 мая (5 июня) 1901 г.

...Своему сидению здесь я придаю громадное значение. Не говоря уже о том, что самое распространение не может быть поставлено более или менее сносно без своего человека, мы будем всегда нуждаться в солидных связях и будем страдать от неправильного направления финансов, если здесь не установится контролирующей и организующий центр.

Если бы мы вздумали положиться на местные силы, то я уверен, что большая часть наших «трудов» пропадет зря, так как на всех линиях царит полнейшая дезорганизация и бывают моменты, когда ничего и никого не найдешь. Вот почему я в своих прежних письмах жаловался, что разрываюсь на части; пришлось в своей персоне соединять функции, которые обязательно должны быть разделены.

В настоящее время мое положение значительно улучшилось, и я начинаю видеть кое-какие результаты от своей деятельности: связи растут, и можно надеяться в скором времени на организацию и разделение труда. Благодаря полнейшей дезорганизации и новизне нашего дела случались такие печальные курьезы: деньги, предназначенные нам, попадали в руки «Рабочего дела»⁶⁷, может быть, кое-куда и в другие места, по наивному неведению некоторых наших новых почитателей. Однако меня крайне удивило Ваше заявление, что Россия ничего не дает. Между тем как в Питере, например, мне говорили, что для нашего дела было собрано одним только человеком более 600 руб., а также из моей резиденции до моего приезда было послано не менее этой суммы. А ведь сборы были помимо этого во многих других местах. Необходимо урегулирование финансового дела. В будущем я постараюсь собирать точные данные, кто и когда послал Вам деньги, и буду своевременно об этом сообщать. Мелкие же суммы, если разрешите, будут направляться ко мне и по мере накопления отсылаются Вам. До

* С. И. Радченко.

сих пор я не мог делать этого, так как у меня были слишком случайные связи и я был занят другим.

Вы высказываете неудовольствие, что я слишком мало сообщаю о своей деятельности. Что ж поделаешь?! Ведь я могу, и имеет смысл, писать Вам только о конкретных, положительных и конечных результатах, но таковых до сих пор было мало. Только теперь начинают появляться видимые результаты моего пребывания здесь. Вообще же поверьте, я забочусь обо всем и добиваюсь буквально всего, что требуется нашему делу. Мне кажется, Вы не должны бы сомневаться в моем знании потребностей и нужд нашего дела. Об этом мы слишком много говорили с Вами, чтобы я мог забыть так скоро все. Смею уверить, что я не упускаю ни одного случая, чтобы не извлечь ту или иную пользу для нас. Вы скажете, мы этого не видим. «Не моя в том вина!» Результаты при наших условиях работы даются слишком туго, если принять во внимание еще, что я был здесь совершенно неизвестным человеком, так сказать, без роду, без племени... Между прочим, мне даны обещания доставить нечто ценное для нашего самого больного места, дан целый ряд других обещаний, но о них не стоило писать раньше, нежели они осуществляются. В заключение скажу, моя деятельность сводится к расширению и систематизации связей и эксплуатации этих связей для самых разнообразных наших потребностей. К сожалению, при всем моем желании я не могу избежать абстрактности в этом пункте.

Отчеты я буду посылать ежемесячно...

Почему вы не сообщаете мне, куда, сколько и когда направляется товар, по крайней мере в моем районе? Мне было бы очень важно знать, где уже есть товар, чтобы рациональнее распорядиться своим. Не менее важно связаться мне со всеми людьми в моем районе, с которыми вам удалось вступить в сношения. Только таким образом мы достигнем единства действий. А то во имя нашего дела действуют люди совершенно независимо друг от друга, о чем я узнаю только случайно и косвенным путем. Вначале, конечно, это неизбежно. Но желательно постепенно урегулировать отношения.

Громадное значение имело бы, если бы Вы наиболее важных и конспиративных людей, с которыми Вы вступили в сношения и которые намереваются работать для нас, направляли ко мне, дабы мы имели возможность уговориться о наших внутренних, спешных отношениях. Вообще связывайте, пожалуйста, тем или иным путем всех Ваших новых сотрудников со мной...

Ваш Мах.

30 мая (12 июня) 1901 г.

30 мая (12 июня). Оказия задержалась, поэтому мой ответ запоздал. Получил Ваше письмо на новый адрес.

1) У меня есть человек, который желает посвятить все свои силы и средства на постановку типографии («Чайная фирма»). Есть очень удобная земля для дома и средства на постройки.

Дело стоит пока из-за отсутствия человека, знающего последнее слово науки в этой области и практически сведущего. Без предварительно выработанного плана и необходимых первоначальных сведений нельзя начинать. Не может ли Цветков* при первом удобном случае в летние месяцы посетить меня, дабы не откладывать дело в долгий ящик? Обсудите и ответьте немедленно. Здесь пока не подвертывается подходящий человек. Цветков нужен только для совета. Предупреждаю: окончательных результатов можно ждать только через год. Иначе этот человек (Баранов) не берется. Это его давнишняя мечта, и ни на что другое он свои средства и силы не желает тратить. Баранов — субъект очень выдержанный и упорный и с положением. Можно ожидать солидной постановки. Баранова я знал лично прежде и думаю, что для постановки и заведования чайной фирмой он очень подходящий человек.

2) Мне кажется, Вы недовольны моею деятельностью, которая не принесла до сих пор солидных видимых результатов. Поэтому у меня явилось сомнение, считаете ли Вы меня способным быть Вашим представителем? Если же мои предположения ложны и Вы по-прежнему поручаете мне представлять, то я прошу настоятельно сообщать мне о ходе дел (действительные сроки выхода новинок) и связывать меня на севере со всеми, с кем Вам удалось вступить в деятельные сношения.

Мне часто приходилось слышать, что у того или иного лица есть связь с границей, и, так как я не уверен, что Вы сообщаете мне о своих новых связях, мне трудно бывает определить, каким образом образовалась эта связь: дали ли Вы адрес и, судя по человеку, сочли нужным только этим ограничиться, или же кто-нибудь из «содействующих» нам за границей самостоятельно ведет сношения? Если я буду уверен, что Вы всякий раз осведомляете меня о новых связях, то мне будет легче разбираться, откуда в каждом отдельном случае дует ветер. Было бы желательно, насколько это только возможно, чтобы «содействующие» организации осведомляли Вас о более существенных «завоеваниях» в России, а Вы в свою очередь доносили мне, чтобы ввести большее

* И. С. Блюменфельд, заведовал транспортной частью «Искры».

единство действия. Мне кажется, теперь частенько (по неведению молодых людей, вернее, новых почитателей разницы между отдельными частями заграницы) деньги и, быть может, даже материал попадают не в наши руки. И это происходит тем легче, что адреса «дорогих товарищей» более доступны массе. Поэтому необходимо в видах контроля как можно лучше осведомлять меня о здешних сотрудниках. До сих пор мне было очень трудно подходить самостоятельно к людям, если я даже слышал, что они имеют связь с заграницей, так как, во-первых, моя личность покрыта в большинстве случаев мраком неизвестности и, во-2-х, не всегда удается документировать подлинность своего представительства, в особенности в два последних месяца, когда в руках самого простого смертного было больше конкретных доказательств о своем отношении к Вам (т. е. новинки), нежели у меня. Мне приходилось частенько краснеть, когда меня уличали в неимении и незнании того, что давно уже имеют и знают даже некоторые уездные жители.

3) К сожалению, и сейчас еще не могу выслать Вам адреса для новинок. Это одно из самых щекотливых мест. Но прислать Вы можете мне, как это делаете с Полем* и Паулиной**. Адрес для явки у Вас есть. После 10 июня ст. стилия (числа 12 или 13) по указанному Вами адресу явится субъект за литературой. Чтобы не задерживать его, приготовьте, пожалуйста, 1 *чемодан* текущей литературы (послезавтра я получу наконец (послал Богдана)*** от Паулины, но, вероятно, очень мало) и 1 — рабочей литературы, т. е. новых брошюр: «Красное знамя», «Манифест» и другие. Кроме того, прошу Вас достать «Объявление» (20 экземпляров) и, если можно, несколько экземпляров 1-го № «Искры»...

...Ответьте немедленно о получении этого письма. Жму Ваши руки. Если бы Цветков мог посетить меня, то дело чайной фирмы можно было бы начать.

Ваш Макс.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 118—122. Печатается с сокращением.

В. И. ЛЕНИН — Н. Э. БАУМАНУ В МОСКВУ

12(25)—13(26) июня 1901 г.

Грачу.

Сейчас получили известие от Николая (= Эрнста), что у него перезезено и лежит в надежном месте 4¹/₂ пуда; это первое. Второе —

* Псков.

** Полтава.

*** И. В. Бабушкин.

что всегда есть возможность у него переходить границу нашему человеку вместе с контрабандистом и что такие люди нужны. Итак, вот какое предложение мы Вам делаем: поезжайте тотчас на место, съездите с одним из Ваших паспортов к Николаю в Мемель, узнайте от него все, затем перейдите границу по Grenzкарте* или с контрабандистом, возьмите лежащую по сю сторону (т. е. в России) литературу и доставьте ее повсюду. Очевидно, что для успеха дела необходим на помощь Николаю и для контроля за ним еще один человек с русской стороны, всегда готовый тайно перейти границу, главным же образом занятый приемом литературы на русской стороне и отвозом ее в Псков, Смоленск, Вильно, Полтаву. [Мы совершенно изверились в Николая и его К⁰, решили не давать им больше ни гроша и только при непосредственном участии в транспорте вполне нашего человека можем надеяться на утилизацию этого пути.] Вы для этого были бы удобны, ибо (1) были уже раз у Николая и (2) имеете два паспорта. Дело трудное и серьезное, требующее перемены местожительства, но зато дело самое важное для нас. Обдумайте хорошенько и отвечайте немедленно, не откладывая ни одного дня. Если Вы не берете этого поручения на себя, мы должны немедленно передать эту должность другому. Поэтому еще раз настойчиво просим ответить тотчас же.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 119—120.

Н. Э. БАУМАН ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

28 июля (10 августа) 1901 г.

28 июля (10 августа). Повторите адрес для знакомства. Я уже пишу Егорову**, что страшно нуждаюсь в «Заре» и «Записке»⁶⁸. Осенью у меня будет большой спрос, а в запасе ничего нет. Нет также брошюр, кроме «Женщины-работницы».

Как я уже писал, деньги буду высылать с осени. Теперь страшная нужда. Перебиваюсь кое-как. У меня большая потребность съездить в некоторые места, но денег пока нет. А также я мечтаю повидаться с Вами, дабы поговорить о предстоящих делах и поделиться опытом. Главным образом необходимо установить взаимопонимание и доверие, которых у нас за последнее время не существует. Боюсь, что эту мечту придется отложить опять-таки за неимением денег. Кроме того, было бы очень важно отдохнуть недельки 2. Сообщите, в каком положении транспортное дело? Неужели до сих пор еще ничего не добыли? Насколько конкретны обещания Егора?

* Пограничному удостоверению (нем.).

** М. Г. Вечеслов, возглавлял Берлинскую группу содействия «Искре».

С X* я связался. Он обещал поставить дело к осени. Сегодня посылаю ему литературу по его заказу. К сожалению, «Зари» и «Записки» pošлю только по одному экземпляру. Газеты же достаточно. В последней распакованной штуке оказался только 3 №.

Пожалуйста, печатайте в отчетах по пунктам мой приход, в особенности инициалы, даже в том случае, когда из этого прихода я Вам ничего не присылаю. Мне кажется, что мои расходы должны быть отнесены к расходам организации, а следовательно, приход, идущий на эти расходы, должен непременно заноситься в отчетах. Иначе как публика будет меня контролировать. По крайней мере в Ваших отчетах я не узнаю моих отчетов. Пока всего хорошего.

Недавно появился в Москву агент австрийского общества, собирающего сведения о кредитоспособности купцов или вообще торговых фирм. Не знаю точного наименования этого общества. Такие общества есть и в Германии. Как только московские Тит Титычи узнали, что над их капиталами хотят учинить контроль иностранцы, они страшно возмутились и сейчас пошли бить челом к Сергею Александровичу, чтобы он охранил их от нескромных притязаний чужеземцев. В 24 часа агент австрийского общества должен был выехать из России. Факт достоверный.

До меня дошли слухи, будто бы у Вас есть кое-какие сведения о московском собеседовании рабочих под руководством Езерского, Вормса и других. И, как мне передавали, в этих новшествах Ваш корреспондент видит новую форму зубатовской тактики. Лично я еще не имею определенного взгляда на этот предмет и предпринимаю поэтому тщательное изыскание. Часть моих знакомых, безусловно, отрицают возможность какого-либо даже косвенного, самого отдаленного воздействия Зубатова и обещали мне дать самые точные [сведения] из первоисточника. Было бы очень печально, если бы в печати появились крайние суждения об этих собеседованиях на основе поверхностных сообщений. Если еще ничего не напечатано по этому вопросу, то я прошу Вас на время воздержаться. Обещаю при этом прислать подробные сведения.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 181—182.

Н. Э. БАУМАН ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

6(19) — 8(21) августа 1901 г.

Г р а ч а.

За последнее время я получил: № 1—30, № 3—420, № 4—500, № 5—376, № 6—170, «Зари»—15, «Самодержавие и земство»—18, «Женщина-работница»—100, «Красное знамя»—35, «Потребни-

* Здесь — В. А. Носков.

тельские товарищества»—12, «Манифест»—10, «8-часовой рабочий день»—10. Послана литература в Москву, Богдану, Саратов, Самару, Казань, Астрахань, будет в Нижнем, Вятке, Малмыже, Елабуге, Твери и по мелочам в другие города и провинции. Цифровые данные в месячном отчете. Откуда можно получить «Красное знамя»?

Ваши жалобы основательны, но несправедливо обвинять меня в бездеятельности. У меня нет даже времени читать нашу, только нашу литературу, не говоря о другой. Сложна ручка не сию ни одной минуты. В своих суждениях Вы уподобляетесь теперь вполне Dreck Genoss'am*, которые с высоты своего настоящего величия судят о меньшем своем брате. Вы уже, по видимому, начинаете забывать условия, в которых жили года два тому назад. Вы указываете на других агентов, но я думаю, что эти агенты живут не в Питере и в Москве, а, вероятно, там, где есть ссыльная братия. Я уже не раз писал Вам, что здесь буквально ничего и никого не было благодаря погромам и лету. Мне приходится ставить все снова. И на первых порах я один с женой исполнял все функции. Понятно, что мне некогда было ходить на собрания Вормса, Езерского, если бы даже на них и пускали. Имейте в виду, что туда очень и очень трудно попасть. Теперь у меня есть знакомства подходящие, и потому я обещаю Вам отчеты об этих собраниях. Ваши упреки вначале расстраивали меня, а теперь я смотрю на Вас как на Dreck-Genoss'ов. Вот почему я хотел съездить к Вам и поговорить с Вами. Вы совершенно не представляете здешних условий. Но на деньги «кассы» я никогда бы не поехал и не поеду. Мне достаточно прошлогодних трат казенных денег. Согласно Вашему принципу, я не поклонник кустарничества и стараюсь поставить солидную организацию. Придерживаясь этого принципа, нельзя добиться чего-нибудь быстро. Результаты моей работы Вы увидите в октябре, ноябре и т. д. Писать же Вам, каким образом я добиваюсь того или другого, считаю совершенно лишним и невозможным... Здесь нам никто на шею не бросается. Нужна 4—5-месячная борьба, чтобы сделаться хозяином. Не завтра-послезавтра я буду хозяином и тогда буду сообщать Вам все нужное...

Простите, что я никогда не высказываю своего мнения о наших изданиях. В общем они мне очень нравятся и с каждым № делаются все интереснее. № 6—восхитителен, таково общее мнение. Мне кажется, Вам бы следовало пропагандировать, чтобы все Ваши представители устраивали организации (местные), именуемые отделами «Искры». Я постараюсь провести эту идею

* Дрянным товарищам (нем.).

здесь. Организую весь активный элемент в организацию «Московский отдел Искры»⁶⁹, она же хозяйин.

С Северным Союзом я связался после долгих стараний самостоятельно, незадолго до присылки Вами его адреса. У меня был их представитель*. Думаю с ними вместе работать. Мне было предложено через Апполинарию** устройство самостоятельного центра в Поволжье. Я ответил положительно, сами они будут связывать каждую группу и каждый город непосредственно с Вами. Ответа от них еще не было. Адреса для корреспонденций моими агентами раздаются в различных местах...

Несмотря на то что особых поездок не было, разъезды сравнительно велики, потому что большинство публики живет на дачах. Распространено всего 1—3 экз., 2—12, 3—74 (из них 35 экз. в центре Богданом), 5 экз. «Зари».

За посылкой из М[юнхена] я посылал Яблочкова***. Он привез 4 [«Записки»] и около 100 экз. 4 и 5 №№. Связи пока проблематичны. Народу там не нашел порядочного. Обещания, однако, дали. Деньги обещали высылать с сентября. Пока сборы жалки, едва хватает на местные расходы, занимаю и закладываю.

У меня обязательное правило — связывать отдельные группы и каждый город непосредственно с Вами. Теперь уехало несколько лиц в провинцию для установления связей.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 196—200. Печатается с сокращением.

**К. И. ЗАХАРОВА ИЗ БРЮССЕЛЯ — И. Г. ЛЕМАН
В КЕНИГСБЕРГ**

7(20) августа 1901 г.

...Теперь дело с Москвой. Грач рассказал мне, что он много разъезжал, но что из таких «набегов», когда приходилось брать первого попавшегося человека, который от сохи на время соглашается вести дело, или даже приезжать и не находить данного лица, совершенно ничего не выходило, сегодня связан, а завтра лицо, с которым ведешь дело, свернется, уедет в другое место, и вот пропало, не-то пишешь, пишешь, и ответа нет. Теперь Грач думает, что самое лучшее остаться в Москве, завести прочную основу своему делу, найти преданных людей, найти материальный источник, а также получить и себе материальные средства на

* Возможно, М. А. Багаев.

** К. И. Захарова, по поручению редакции «Искры» приезжала в Россию с транспортом литературы.

*** В. П. Ногин.

существоваше — это самое разумное. Раньше, когда ему приходилось жить на средства товарищей, часто он слышал замечания на большие издержки, но при его положении совершенно нового лица это и не могло быть иначе. Жить под открытым небом не станешь, без обеда тоже не согласишься (я говорю его слова, которым отчасти и сочувствую). Хорошо приезжать человеку с «прошлым», к тому и отношение иное, тут же вечно приходилось наталкиваться на недоразумения, иногда даже печальные (его раз сочли даже за шпиона). Все это заставляло тратить много средств, а так [как] это вело к замечаниям очень прозрачным, то он и отказался от помощи. Теперь он думает устроиться в каком-то торговом предприятии и, во-вторых, достать деньги на дело. Его звали до последнего времени на другое дело, именно на границу. Он отказывается потому, что это потребовало бы больших средств. Теперь у него есть уже люди, и с августа он думал, что у него выйдет все прекрасно и прочно.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты
«Искра», т. 1, с. 202. Извлечение из письма.

Н. Э. БАУМАН ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

18(31) августа 1901 г.

18/31. Третьего дня я писал Вам письмо. Позабыл указать, что посылку из М[юнхен]а я давным-давно получил. Ездил туда Яблочков. Он привез оттуда по 4 экземпляра «Зари» и «Записки» и 80 экземпляров 4-го №. Остальное они оставили у себя. Людей там дельных он не встретил. С кем виделся, уговорился насчет урегулирования отношений. Они обещали, но до сих пор еще ничего не присылали и не пишут. Придется туда еще раз съездить или найти здесь человека, который имеет связи с этим городом. Об этом я тогда еще сообщал. Вообще меня удивляет, что в Ваших письмах очень редко бывают ответы на мои запросы, хотя, по-видимому, Вы все письма получаете. С Семен Семеновичем * я наконец связался прочнее. У нас теперь будет живой обмен. Я ему доставил литературу и обещал в будущем это делать, так как Семен Семенович дал способ, по которому мне легко им доставлять.

На днях я получил 2 штуки, в одной оказалось 98 экземпляров № 6, 2 экземпляра № 5, 16 экземпляров «Записки», 3 экземпляра «Зари», 15 экземпляров «Десятилетие Морозовской стачки», 6—«Революция и контрреволюция», 5—«8-ми часовой рабочий день», 4—«Потребительские товарищества», 10—«Крас-

* Северный союз РСДРП.

пое знамя», 5— «Манифест». В другой — все № 4. Ее не распаковывал, так как этого у меня очень много. Я все еще сижу без «Зари», без «Записки» и без брошюр. А через неделю публика меня будет теревить. Съезжаются очень сильно, и скоро начнется сезон. Упомянутые вещи мне очень нужны. Надеюсь вскоре прислать Вам деньги. У меня предстоят расходы на добычу бумажек Богдану и еще кое-кому.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 213.

Н. К. КРУПСКАЯ — Н. Э. БАУМАНУ В МОСКВУ

20 августа (2 сентября) 1901 г.

Грачу.

Отчего от Вас так давно нет писем? Богдан жалуется, что у него нет литературы, неужели Вы не снабдили его! Ведь у Вас теперь достаточное количество.

Корреспонденции о собеседованиях с рабочими механического производства все нет, между тем в газетах появляются такого рода сообщения, что нам невозможно долее молчать. В 8-м номере будет статья*. Очень грустно, что Вы не даете нам возможности судить о положении дела не по одним только газетным отчетам...

Передайте, пожалуйста, Богдану 26 рублей в стачечный фонд, эти деньги получены нами из Америки. Ждем письма.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 219.

Н. К. КРУПСКАЯ — Н. Э. БАУМАНУ В МОСКВУ

22 августа (4 сентября) 1901 г.

Грачу 4/IX.

Третьего дня отправили Вам письмо, а вчера получили от Вас целых три. Из отчетов видно, что Вы даете слишком мало литературы Богдану, тогда как у него страшная нужда, старайтесь распространять в центральном районе, нам интересен главным образом читатель-рабочий, в Астрахани же, Вятке и пр. читать будут лишь поднадзорные... В Астрахань, между прочим, посылает еще Саратов. ...

Вы взяли на себя слишком большую задачу — организовать заново дело в Москве. Это дело слишком сложное и большое, и

* Имеется в виду статья Л. Мартова «Буржуазная наука перед московскими рабочими» (см.: Искра № 8, 1901, 10 сентября).

мы верим, что Вам некогда вздохнуть. Вы жалуетесь, что Вам приходится начинать все сызнова, но ведь Москву Вы выбрали сами. Пока у «Искры» в распоряжении слишком еще мало людей, чтобы она могла ставить себе задачей создавать организации; пока ее задача более скромная — снабжать как можно правильнее и как можно в большем количестве организации уже существующие. Это для нас стоит пока на первом плане. Если Вам удастся создать что-нибудь в Москве, это, конечно, в последнем счете будет выгодно «Искре», но пока что эта созидательная работа мешает Вам работать для «Искры», у Вас нет времени писать отчеты, и Ваши письма лишь наполнены жалобами на Ваше тяжелое положение. Ведь и после Ваших 3-х писем мы также смутно представляем Вашу деятельность, как раньше...

Отделы Русской организации «Искры» мы заводим всюду...

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 220—221. Печатается с сокращением.

Н. Э. БАУМАН ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

12(25) сентября 1901 г.

31/X*. Мы сидим без всего, ни одного № 7, ни 8; 7-го было только 40 экземпляров.

Связей здешних благодаря арестам передать не могу. Удовлетворяйтесь сношениями со мной. На случай провала есть наследники.

Получили ли корреспонденцию, посланную на Fürth?

От местных людей различных городов пока очень мало толку. Все они мечтают о местных предприятиях, а нашему делу оказывают мало услуг. Все больше обещают. У меня установились сношения с Нижним, Казанью, Самарой и Саратовом. Пересылать литературу могу туда аккуратно, если она будет доставляться мне. Везде страшная нужда в № 7 и 8. Также усиленно требуется «Заря» и «Записка». «Заря» распространена в очень ограниченном количестве. Когда будет № 2?

Не можете ли прислать какую-нибудь хорошую тенденциозную картину или карточку.

12/IX. ст. ст.

На Цв[етова].

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 237.

* Дата получения письма.— *Примеч. источника.*

В. И. ЛЕНИН — Н. Э. БАУМАНУ В МОСКВУ

19 сентября (2 октября) 1901 г.

2/Х.

Почему от Вас так давно нет писем? Ни от Вас, ни от Богдана, это начинает сильно беспокоить. Были ли у человека, о котором я писал, познакомьтесь с ним непременно. Пароль: «Давно ли видали Машу?» Это человек, прочитавший первый немецкий журнал. Как дела? Нет ли у Вас связей в Х*. Если есть, сообщите немедленно.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты
«Искра», т. 1, с. 256.

Н. Э. БАУМАН ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

21 сентября (4 октября) 1901 г.

21/IX. Ваши два последних письма получил только что. У Богдана не было литературы, когда и у меня не было. Теперь я даю ему, сколько он просит. Для меня интересен также более всего читатель-рабочий. В Астрахань я самостоятельно ничего не посылал. Туда шло через Саратов.

Отвечу на письма скоро. Теперь прошу некоторое время писать на адрес, данный Вам Яблочковым, только в 2-х конвертах. По старому адресу больше не посылайте писем.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты
«Искра», т. 1, с. 261.

Н. К. КРУПСКАЯ — Н. Э. БАУМАНУ В МОСКВУ

25 сентября (8 октября) 1901 г.

Грачу.

1) Послали на адрес Фидек книги с листками для Богдана. Надо возможно скорее передать их Богдану, размочите сами или научите его.

2) Яков** извещил, что бумажка, которую мы хотели послать Богдану, не годится.

3) В каком деле собирается Вам помочь С[емен] С[еменович]? Какие отчеты просит С[емен] С[еменович]?

Видались ли Вы с рабочим, о котором мы Вам писали?

* Где, не установлено.— *Примеч. источника.*

** С. О. Цедербаум, занимался транспортировкой искровской литературы в Вильно.

Очень хотелось бы получить от Вас обстоятельное письмо, в котором конкретно бы излагалось, какие у Вас есть связи, где и т. п. Советуем познакомиться с следующим субъектом * — с него можно получить деньги.

Теперь вот что, Лига будет издавать ряд брошюр.

Получили ли журналы? Не забудьте, что один (с брошюрами) предназначен специально для Богдана.

Х* уже посланы заказанные Вами листки для Орехова, также много брошюр специально для Вас. Все посылаемое Вами получаем аккуратно; но иногда приходится откладывать за неимением места. О Мор[озове?] пришлите дополнение.

Во избежание недоразумения с С[емен] С[еменовичем] предлагаем под программой написать: «Орехово-Богородская рабочая организация, прим[кнувшая] к «Искре». Согласны ли? Простите за краткость письма. Большая спешка, подробно напишу вскоре. Всего хорошего.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты
«Искра», т. 1, с. 264—265.

Н. Э. БАУМАН ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

Позднее 28 сентября (11 октября) 1901 г.

...3. Если у меня будет в достаточном количестве товара, то я могу удобно доставлять (без значительных проволочек) в Нижний, Казань, Самару, Саратов, Астрахань, Вятскую губернию, Тамбов, Центральный район, Ярославль, Кострому и Воронеж, Тверь, Орел. Со всеми этими пунктами установлены способы доставки. Конечно, раз я долго не буду в состоянии посылать им новинки, то все мои труды пропадут даром. Они, потеряв терпение, будут искать опять новых путей. И таким образом никогда не рассчитаешься с царящей здесь анархией.

4. Я не могу присылать Вам ежемесячные отчеты распространения литературы, ибо этим делом заведует несколько лиц, кроме того, некоторые конспиративные условия не позволяют вести правильный подсчет аккуратно. Имейте только в виду, что при достаточной доставке товара мне все упомянутые пункты будут своевременно снабжаться. Таким образом, по количеству полученной мною литературы Вы можете судить, будут ли удовлетворены эти города. О приблизительном же количестве полученной мною литературы я буду немедленно сообщать Вам. В данный момент у меня, кроме старых №№ «Искры» (до № 6), ничего нет. И ни один из упомянутых городов не снабжен в достаточной мере.

* О ком идет речь, не установлено.

5. Постепенно я надеюсь поставить на должную высоту корреспондентскую часть в упомянутых городах, включая сюда еще Тулу, Калугу и др. города этого района...

7. Сейчас получил письмо от Егорова: он пишет, что пути действуют превосходно. Я же от Вас не имею никаких указаний, каким образом и от кого получать товар? Сообщите немедленно кому следует, чтобы не забывали меня, а также научите меня, каким образом сноситься с путями.

Повторяю: у меня ничего нет нового.

Адрес для писем у Вас есть хороший, адрес для явки имеется у Егорова. Вам я также его посылал...

Жму руку. *Ваш Григор[ьев].*

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. I, с. 268—269. Печатается с сокращением.

Н. Э. БАУМАН ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

10(23) октября 1901 г.

В Москве в последних числах сентября были аресты: взяты ветеринарный врач губ. зем[ства] Никифоров, помощник присяжного поверенного Шанцер, Руднев, Петров и другие. Около 10 человек. Все фамилии еще не решаюсь писать. В половине сентября был взят инженер городской управы Попов* и другие.

Ваш Григорьев.

10 сентября**

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. I, с. 280. Выдержка из письма.

Н. К. КРУПСКАЯ — Н. Э. БАУМАНУ В МОСКВУ

Позднее 16(29) октября 1901 г.

Можете ли Вы устр[оить] у себя б[ольшой] склад, тогда к Вам аккуратно будет приходить литература с Кавказа (там налаж[ен] новый, скорый путь, есть своя типография, где печ[атается] «Искра» и брошюры), народ очень надежный. Надо будет брать все привозимое. Пишите по к о н к р е т н е е о своих связях.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. I, с. 287. Выдержка из письма.

* Сведения об арестах использованы в «Искре» № 9, октябрь 1901 г.—*Примеч. источника.*

** Описка, следует читать: 10 октября.—*Примеч. источника.*

Ранее 16(29) ноября 1901 г.

...Недели три тому назад я вступил в соглашение с одной местной группой, имеющей порядочные связи с рабочими. Мы решили — вместе. Проектировали организовать здесь комитет. Но вот недели 1½ тому назад приезжает союзник* с документами о расколе с «Искрой» и т. п. Надо сказать, что до появления союзника здесь при самых тщательных изысканиях ничего нельзя было найти, кроме упомянутой группы. Союзник кликнул клич, и вдруг на собрании оказались два «комитета»! «Комитеты» эти ничем себя не проявили. На собрании союзник при помощи резолюции и отчетов последнего съезда внушал неприязнь... требовал прекращения сношения с «Искрой». Буквально группе, которая согласилась работать со мной, грозили бойкотом, раз она будет иметь сношение с «Искрой». Союзник говорил, что они не имеют права бросать «Рабочее дело», так как оно одно в течение нескольких лет снабжало Россию литературой. Грозил, что, соединяясь с «Искрой», москвичи будут оторваны от всех комитетов, так как все комитеты признают только «Рабочее дело». Новоявленные 2 комитета вполне сочувственно отнеслись к речам союзника и уже объявили в опале группу, союзную с нами. Никто из наших по конспиративным соображениям не был на этом собрании. На днях я буду иметь переговоры с 2-мя комитетами. Посмотрим, что это за птицы! Пока же очень важно для упрочения связей с упомянутой группой сделать что-нибудь с материалом (АВСД) и Е, который будет выслан завтра. АВСД я послал по 4-м адресам. Получили ли Вы его? Поместите, что возможно, в «Искре», так как рабочие будут очень рады этому**. Они очень любят «Искру». Если же среди АВСД очень мало годного для «Искры», то напечатайте в виде летучего листка или приложения специально для Москвы. Здешние рабочие жаждут увидеть напечатанным что-нибудь и об их жизни. До сих пор ведь ничего не было. 8-го № у нас еще нет. Я Вас убедительно прошу что-нибудь сделать из материала АВСД, и скорее. Это мне поможет бороться с комитетами и «Рабочим делом». У здешних «печататься» большой пункт. Между прочим, возьметесь ли Вы печатать маленькую местную газету или летучие листки, если будет подходящий материал, и на каких условиях?

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 313—314. Печатается с сокращением.

* М. Г. Коган-Гриневич.

** Вероятно, речь идет о корреспонденциях из Москвы, помещенных в «Искре» № 11 и 12 от 2 ноября и 6 декабря 1901 г.

Ранее 1(14) декабря 1901 г.

- 1) Якова
- 2) Московский комитет
- 3) СПб. + Нижний
- 4) Бакунина?
- 5) «Письмо в русские социал-демократические органы»⁷⁰.

Мы узнали только что, что союзники налаживают конференцию важнейших комитетов для решения вопроса о заграничном конфликте⁷¹.

Необходимо приложить *все* усилия, чтобы провести в возможно большем числе комитетов и групп такие меры:

1) Конференцию обязательно отложить *минимум* до весны (до пасхи и т. п.). Мотивы: а) необходимо иметь делегатов *и* от «Искры» *и* от заграничной Лиги, а это требует времени и денег. Конференция же без делегатов от «Искры» и Лиги незаконна и не имеет смысла. б) Необходимо дожидаться выхода в свет брошюр обеих сторон с изложением сути разногласий. До выхода этих брошюр конференция не может судить с знанием дела, и потому ее совещания висели бы в воздухе. «Искра» в № 12 (5 декабря 1901 выходит в свет) положительно обещает выпустить эту брошюру очень скоро (месяца через полтора)⁷². Там очень подробно будут разобраны все разногласия. Мы покажем там *всю зловредность* направления «Рабочего Дела», вскроем всю их позорную шаткость и беспомощность пред бернштейнианством и экономизмом. Брошюра эта уже частью готова и быстро подвигается к концу. Затем в настоящее время (1/2 декабря н. ст.) за границей читаются рефераты о разногласиях: один — представителя «Рабочего Дела», другой — представителя Лиги. Эти рефераты тоже очень скоро появятся в печати и, не дождавшись их, созывать конференцию значит даром бросать деньги и приносить жертвы.

2) Мы пошлем на конференцию, если она состоится, *специального* представителя. Поэтому *обязательно* тотчас же сообщить нам, (1) назначена ли конференция; (2) где; (3) когда и (4) пароль и явку на конференцию. Надо *формально* требовать от комитетов и групп сообщения этих сведений под угрозой объявления конференции незаконной и немедленного опубликования того, что хотят решать дела, не выслушав обе стороны.

3) Если комитеты или группы будут выбирать на конференцию представителей, настроенных в пользу «Рабочего Дела», — необходимо немедленно *формально* протестовать против этого и требовать представителей *и* из сторонников «Рабочего Дела» *и* от

сторонников *«Искры»* (respective *: от большинства и от меньшинства).

4) На случай, что конференция выскажется против *«Искры»* необходимо будет *выйти* из комитетов и групп, которые не согласятся протестовать публично против этого,— выйти и тотчас опубликовать в *«Искре»* об этом выходе и о мотивах. О таком шаге свои люди должны сейчас же начать сговариваться.

5) Немедленно известить нас о результате и извещать о *всех* шагах тотчас. Приложить *все усилия*, чтобы сторонники *«Искры»* повсюду спелись и действовали единодушно.

ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 161—163.

И. Г. ЛЕМАН ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

21 декабря 1901 г. (3 января 1902 г.)

О здешних делах сейчас тоже уже нет времени писать, но несколько слов все-таки не могу не написать. Из всех мест, где я была, по-моему, лучше всего, разумнее всего и основательнее всего дело ведется и поставлено у Грача. Гораздо более правильное понимание общих организационных задач, чем у Красавца **. И действительно, поставлено более или менее солидно, так что можно рассчитывать на будущее. То, о чем мы говорим с Вами, уже находится на мази и, так сказать, близится к концу. Мой подарочек пришелся как раз ко времени. Одним словом, все идет к тому, что «мы» здесь будем господами положения.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 373. Извлечение из письма.

Л. О. КАНЦЕЛЬ *** ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

21 марта (3 апреля) 1902 г.

Здесь дела хороши, после провала помаленьку завязываются все связи. Комитет вполне сочувствует Фекле ****. Майских просят 10.000. Решила здесь оставаться. Напишите, как войти в сношения с Псковом?

Узнали стороной, что сюда пришел транспорт, напишите, как его получить. Мы здесь открыли подписку на «Искру» — 25 рублей в год, с гарантией, что редакция будет высылать, за доставку же не ручаемся...

* Соответственно (англ.).

** В. Н. Крохмаль, агент «Искры» в Киеве.

*** Агент «Искры» в Москве.

**** «Искра».

Тут будут нужны прокламации общего содержания: о политической свободе, рабочем дне, значении профессиональных союзов. Так как все эти листки не спешны, то хорошо было бы, если бы они вами были составлены и у вас отпечатаны...

В прокламациях внизу должно быть «типография «Искры»», а сверху — «Московский комитет рабочей партии».

Грач сидит в Киеве, всех москвичей ташут туда же...

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 461. Печатается с сокращением.

Л. М. ХИНЧУК * ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

30 марта (12 апреля) 1902 г.

30/III, с оказией.

Прокламация майская написана хорошо, чрезвычайно выдержана со стороны направления, но малопопулярна и в ней отсутствуют последние события. Вообще Ваши прокламации очень талантливы, но малопопулярны.

Комитет Московский постановил ежемесячно отчислять 50 рублей в пользу «Искры». Как обстоит дело с корреспонденциями из Москвы? Я Вам их много послал. Получаете ли Вы их? Адрес для писем **.

Федоров.

В Шлиссельбургской крепости Карпович *** — на 20 лет.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 475.

Л. О. КАНЦЕЛЬ ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

*Позднее 21 апреля (4 мая) 1902 г. *****

Получено 21/V—02.

Здесь гигантский провал. Провалился, между прочим, и Федоров *****. Список арестованных посылаю отдельно. Собственно, все осталось на мне. Не могу решить, что делать: складывать ли все здание по кирпичику или бросить все? Это очень жалко. Напишите свое мнение...

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 511. Печатается с сокращением.

* Член МК РСДРП.

** Адрес не указан.— *Примеч. источника.*

*** П. В. Карпович — эсер, стрелявший в министра просвещения Н. П. Боголепова в знак протеста против сдачи 183 студентов в солдаты.

**** Датируется по времени арестов в Москве в ночь с 20 на 21 апреля 1902 г. См.: Искра № 21, 1 июня; № 23, 1 августа 1902 г.

***** Л. М. Хинчук.

Н. К. КРУПСКАЯ — Л. М. ХИНЧУКУ В МОСКВУ

22 апреля (5 мая) 1902 г.

...За корреспонденции большое спасибо. Очень были бы благодарны, если бы вы познакомили нас с внутренней жизнью комитета. Сообщите, как идет работа, с какими трудностями приходится сталкиваться, каково настроение среды и т. д.? Для нас подобного рода сведения крайне важны; кроме того, они, несомненно, послужат к более тесному сближению.

Кстати, в иностранных газетах сообщается, что вся местность от Москвы до Владимира охвачена восстанием. Правда ли это?

На конференцию были приглашены лишь сторонники «Рабочего дела»; ни вас, ни Киева, ни Северного Союза, ни Волжского Союза, ни Кавказа не было. Заграничная организация «Искры» получила приглашение, но ей не было сообщено ни место, ни пароль. Ее представитель* в конце концов после долгих мытарств попал на конференцию, но тотчас после конференции был арестован. Ни к каким определенным решениям не пришли, за исключением постановления праздновать 1 Мая по старому стилю. Проект майского листка, представленный «Искрой», видоизменен. К сожалению, мы слишком поздно получили видоизмененный проект, так что вряд ли что успеем предпринять. Листок в первоначальной редакции давно уже отправлен в Россию, не знаем, получен ли? Получили ли 4000, отправленных с оказией?..

Красный архив, 1940, № 6(103), с. 12—13; Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 512—513. Печатается с сокращением.

Н. К. КРУПСКАЯ — Л. О. КАНЦЕЛЬ В МОСКВУ

9(22) мая 1902 г.

22/V—02. Ответ.

Все Ваши письма и корреспонденции получены. Мы писали и Федорову, и Вам (на его же адрес Шулятикову), но письма, очевидно, пропали.

1) Очень печально, что все провалилось, но теперь такие уж времена. Если есть хоть какая возможность, оставайтесь в Москве, нам важно иметь там хоть одного своего человека.

2) Дайте адрес для: а) явки, б) конспиративных писем и с) писем личных. Для тех и других надо непременно 2 различных адреса.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 533.

* Ф. И. Дан.

6(19) июля 1902 г.

От Лины (из Москвы на Шге, адрес неверен, получено 19/VII).

Вам пишет Ваш бывший рижанин: арестован Бомер, по всей вероятности с документами, арестованы Шулятиков (секретарь редакции «Курьера»), Сирмунт, Боголепов (статистик), Хинчук; 1-го Мая было арестовано рабочее собрание в 25 человек. Более подробно напишу после того, как получу от Вас ответ...

Мы не получили «Искры» с 16 №. Почему до сих пор не было обещанного Вашего представителя петербуржцем? ** Можно ли присылать корреспонденцию по этому адресу? Куда и как адресовать деньги?

Напечатайте, что Московский комитет постановил отчислять в кассу «Искры» 20% со всех доходов; сообщите, что им же для вас получено 20 руб. от Сурджанова, 25 руб. от слабой женщины, 10 руб. через рабочего от лавочника (полугодовая подписка) ***.

Комитет выражает товарищу Ленину горячую благодарность за «Что делать?».

Посылайте «Искру» в конвертах по адресам:

1) Курск (подчеркнуть одной чертой), Банкирская контора Эдуарда Швейцера (2-мя чертами).

2) Москва, Цветной бульвар, дом Торопова, зубному врачу Хволес.

Для писем: Москва, Императорская консерватория, Вере Матвеевне Осиповой.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг. М., 1969. Т. 2. Июнь—декабрь 1902 г., с. 81.

Н. К. КРУПСКАЯ — В МОСКВУ Л. И. БИРОНТ

9(22) июля 1902 г.

Ваше сообщение об отчислении 20% и выражении благодарности очень порадовало нас. За последнее время после выхода книги Ленина с Петербургским комитетом у нас установились самые дружеские отношения. Очень бы хотелось, чтобы такие же отношения установились и с Московским комитетом. Очень просим Вас (и дру-

* Л. И. Биронт, примыкала к искровцам, участвовала в восстановлении МК РСДРП.

** Очевидно, Радченко.

*** См.: Искра № 22, 1902, июль.

гих товарищей) побольше писать нам, просим писать не только о текущих делах, но и так, для обмена мыслями, для установления взаимного понимания и тесной связи.

Напишите побольше о Московском комитете, чем конкретнее, тем лучше: как идут у него дела, широки ли связи с рабочими, какова организация комитета? Дается ли рабочим «Искра» и «Что делать?» Как относятся к последнему? Каково настроение комитета? Вполне ли дружелюбно он относится к нам? Если да, то чем объяснить то, что Заграничный Союз⁷³ на одной из брошюр, вышедших недавно, поставил: «Издание Московского комитета». Заграничный Союз и группа «Борьба»⁷⁴ утверждают, что все комитеты отнеслись с негодованием к брошюре Ленина и все комитеты против «Искры» и ее организационных планов. Если Московский комитет, как мы имеем основание думать, судя по выраженной им благодарности Ленину, относится к нам дружелюбно, хорошо было бы, чтобы он как-нибудь печатно заявил* это, это имело бы большое значение в настоящее время. Много еще хотелось бы сказать Вам, но приходится отложить до другого раза.

Шлем привет товарищам и надеемся работать с ними вместе.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 2, с. 88—89. Печатается с сокращением.

В. И. ЛЕНИН — МОСКОВСКОМУ КОМИТЕТУ РСДРП

11(24) августа 1902 г.

Моск. к-ту. Письмо Ленина

Дорогие товарищи! Мы получили Ваше письмо с выражением благодарности автору «Что делать?» и постановлением об отчислении 20% в пользу «Искры». В свою очередь, я горячо благодарю Вас за выражение сочувствия и солидарности. Для нелегального писателя это тем ценнее, что ему приходится работать в условиях необычного отчуждения от читателя. Всякий обмен мыслей, всякое сообщение о том впечатлении, какое производит та или иная статья или брошюра на разные слои читателей, имеет для нас особенно важное значение, и мы очень благодарны будем, если нам будут писать не только о делах в узком смысле слова, не только для печати, но и для того, чтобы писатель не чувствовал себя оторванным от читателя.

В № 22 «Искры» мы опубликовали Ваше постановление об от-

* См.: Искра № 26, 1902, 15 октября.

числении 20% в «Искру». Вашу же благодарность Ленину мы не решились опубликовать, ибо, во-1-х, Вы ее поставили особо, не упомянув о своем желании видеть ее в печати. А во-2-х, и форма этой благодарности как будто не подходила для печати. Но не думайте, пожалуйста, что нам не важно опубликовывать заявления комитетов об их солидарности с такими-то взглядами. Напротив, именно теперь, когда мы все думаем о соединении революционной социал-демократии, это особенно важно. Было бы весьма желательно, чтобы свою солидарность с моей книгой Московский комитет облек в форму заявления, которое бы и появилось в «Искре» немедленно. Давно пора комитетам выступать с открытым провозглашением своей партийной позиции, порвать с той тактикой молчаливого согласия, которая преобладала в «3-ем периоде». Это — общее соображение в пользу открытого заявления. А в частности, меня, например, печатно обвиняли (группа «Борьба» в своем «Листке») в желании сделать редакцию «Искры» — русским Центральным Комитетом, «командовать» над «агентами» и т. п. Это — явное извращение того, что сказано в «Что делать?», но у меня нет охоты печатать еще и еще раз: «вы извращаете». Я думаю, что должны заговорить те действующие в России практики, которые досконально знают о том, что «командование» «Искры» не идет дальше советов и высказывания своего мнения, и которые видят, что излагаемые в «Что делать?» организационные идеи выражают насущную злобу дня, больной вопрос действительного движения. Я думаю, что этим практикам следует самим потребовать себе слова и громко заявить о том, как они смотрят на вопрос, как они опытом своей работы приходят к солидарным с нами взглядам на организационные задачи.

Ваше выражение благодарности за «Что делать?» мы поняли и могли, разумеется, понять только в том смысле, что в этой книге вы нашли ответы на ваши собственные вопросы, что вы сами из непосредственного знакомства с движением вынесли то убеждение в необходимости более смелой, более крупной, более объединенной, более централизованной, более сплоченной вокруг одного газетного центра работы, — которое сформулировано и в этой книге. А раз это так, раз вы действительно пришли к такому убеждению, — желательно, чтобы комитет открыто и громко заявил это, приглашая и другие комитеты работать вместе с ним в том же направлении, держась за ту же «ниточку», ставя себе те же ближайшие организационно-партийные цели.

Мы надеемся, товарищи, что Вы найдете возможным прочесть это письмо в общем собрании всего Комитета и сообщите нам Ваше решение по поводу намечаемых вопросов. (В скобках добавлю, что Петербургский комитет прислал нам тоже выражение солидарности и думает сейчас о таком же заявлении.)

Достаточно ли было у вас «Что делать?»? Читали ли рабочие и как они отнеслись?

**Жму крепко руку всем товарищам и желаю им полного успеха.
Ваш Ленин.**

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 221—223.

В. В. КОЖЕВНИКОВА * ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

7(20) сентября 1902 г.

...Вчера наконец удалось повидать генерала здешнего **; оказалось, тот самый, про которого вы мне писали еще давно; он посылал вам несколько раз корреспонденции и письма, но от вас очень редко имеет ответ, один раз, кажется, всего имел, где вы ему сообщали адрес; я думаю, что у него не совсем хороши ваши адреса, так что я ему дам, но у меня, к сожалению, тоже есть очень мало их и тоже, я думаю, не совсем хороши (я вам писала 4 раза, это, значит, 5-ый; получили ли все?). Было бы хорошо, если б вы прислали новых, хоть штуки 2. Этот господин произвел на меня хорошее впечатление, но не вполне. Он не очень юн, но и не вполне положительный, много говорит, больше болтает, совсем не слушает, что ему говорят, и очень высокого мнения о себе. Но все-таки производит хорошее впечатление своею преданностью нам и горячностью. ...И затем доказывает ненужность увеличения их компании новым способом ведения дел и организ[ации] здесь, при котором совершенно ненужно много публики руково[дящей] и она будет долго сохраняться.

Этот новый способ, выдуманный им, и оригинальный, как он говорил, во-1-ых, не нов, а во-вторых, не оригинален, заключается он в следующем: полное уничтожение кружков рабочих под руководством интеллигентов, а также и среди одних рабочих, действуют они лишь литературой, распространяя ее в большом количестве, понятно лишь искровской литературой, но надо заметить, здесь после 16 № не было совсем газеты, не было совсем «Что делать?», «Зари» не было даже 2—3 №, вообще же было ее мало и до февраля, а после, как видите, совсем не было. Затем они выпускают листки общего характера, впрочем ошиблась, собираются выпускать 2 раза в месяц. Сами они к рабочим не ходят, а ходит к ним подбираемая ими публика, большею частью студенты; последние не имеют никакого отношения друг [к] другу, даже не знают друг друга, имеют лишь отдельные сношения с рабочими, которые уже

* Агент «Искры» в Москве, член МК РСДРП.

** С. Л. Вайнштейн, входил в состав МК РСДРП.

распространяют данную им литературу. Генералы с этими агитаторами, назовем их так, не имеют сношений друг с другом, а сносятся через посредников, через которых дают им отчеты. Решающего значения эти агитаторы, которые только и имеют отношение к рабочим, не имеют, а решают все лишь генералы, получив отчеты от посредников. Сношения есть далеко не со всеми заводами, и хотя они говорят, что у них много рабочих, с которыми они имеют сношение, около 100, но я думаю, надо уменьшить по крайней мере в 5 раз. Этот господин производит впечатление такое, что он как будто много преувеличивает. Они находят, что таким образом они будут влиять на тысячи рабочих, которых потом будет легко организовать. Собираются издавать свои листки в 3—4 тысячи и что сбыт и распространение обеспечены. Поживем — увидим, каковы будут эти листки. Способ их действий я не нахожу оригинальным, ибо когда и где социал-демократы не распространяли свою литературу? Отрицание кружков, я думаю, произошло самым естественным путем, вследствие массы провокаторов и отсуствия интеллигентов, на что все решительно здесь жалуются; весною, говорят, вместе со студентами было выслано и сослано отсюда 22 тысячи человек. Так что полное безлюдие, ну, а при таком безлюдии широко не разойдешься. Но я думаю, что все-таки больше можно хорошей публики найти, чем они думают, а освежить этих генералов немножко нужно. Хотя, правда, публику находить очень трудно, вот и мне данные все рекомендации оказались никуда не годные. Просто не стоящая ничего публика. Что они таким способом ведения дел себя довольно хорошо застраховали — это так, но плохо то, что, по-моему, при таком способе ведения дел они очень плохо знают своих агитаторов, на них совсем не влияют, и один аллах ведает, что эти господа говорят рабочим при свидании, так как никаких общих собраний ни друг с другом, ни с генералами не происходит.

Я нахожу, что дела очень плачевны, раз в таком громадном городе в настоящее время ведется пропаганда и агитация лишь посредством литературы, которой даже нет еще в настоящее время и полгода не было, а раньше было очень мало. Но надеюсь, что скоро будет. Я приняла уже меры в этом отношении. Постараюсь, понятно, подыскать публику, но надо сюда очень много публики, чтобы поставить дело лучше, а особенно нужно сознательных рабочих, которые взяли бы сами, обещали в других местах кое-кого; здесь действительно таковы безобразные условия, при многочисленности провокаторов, что новые связи могут лишь сами рабочие заводить, а не интеллигенты, которые могли бы сами проверить и наблюдать за теми, с которыми есть сношения. Генералы очень гордятся этим новым способом ведения дел и говорят, что они написали об этом в другие города и в одном месте уже принят и

одобрен и план работы. При таком способе ведения дел, по-моему, нельзя знать общее настроение рабочих, ибо связей слишком мало и агитатор видит лишь одного рабочего и с ним только имеет дело. Они даже не имеют общего представления о рабочих на каждом отдельном заводе, ни общее настроение, ни какова публика, ни сколько каждый завод имеет за собой сознательных рабочих, а что делается на отдельных заводах, их нисколько не интересует, и генерал находит это неинтересным и ненужным.

Вероятно, такой тон имеют и агит[аторы], поэтому и корреспонденций с заводов никаких нет; как говорят они, положение рабочих на разных отд[ельных] фабриках и заводах приблизительно одинаково и не имеет общеполитического значения, так и не стоит на это обращать внимания. ...Я решительно против того, чтобы оказывать на рабочих влияние лишь распространением литературы, слишком ничтожна роль тогда интеллигенции, если она, кроме этого, ничего внести не может и непосредственно влиять на многих... Я думаю в этом отношении с ними бороться, ибо нахожу позорным, чтобы в таком громадном городе по количеству рабочих не было совсем орг[анизации] среди рабочих... Я ведь видала лишь один раз генерала и не знаю еще, как смотрят другие, но думаю, что и другие так же, так как он говорил и за других...

Между прочим, рабочедельцев, как я ни спрашивала, нигде решительно нет, их просто днем с огнем не найдешь... Ваши дела куда блестящее, чем думаете вы сами, везде относятся с большим интересом, ждут с громадным интересом вашей литературы, ждут, как вы отнесетесь к такому-то и такому-то факту. Только вашей литературы и ждут, только ее и читают, только на нее и смотрят как на руков[одящую]. Я думаю, что ваше влияние настолько уже широко и велико, что ваш успех зимний окончательно обеспечен, за здешнюю публику можно ручаться, как и во многих других местах; рабочеделец сюда не попадет, а если бы приехал, то его спустят с лестницы... Здешняя публика относится со скрежетом зубным к рабочедельцам; был случай, мне жаловались, что здешний генерал назвал их на собрании подлецами. Ну черт с ними, они этого и заслуживают. Я выяснила здешнему генералу всю важность откр[ытого] в газете заявления о своем полном согласии с вами в теор[етических], орг[анизационных] и т. д. вопросах; они под конец согласились, и я думаю, после еще одного свид[ания] такое заявление будет послано вам. Вероятно, это будет на днях или через неделю.

Есть у здешней публики маленькие недовольства вами, но они ничтожны... Есть несогласие одно более важное, как несогласие с аграрной программой, но, прочитав статью по поводу этого в № 4 «Зари», они убедятся и согласятся. Здесь еще никто не видал этого №. Просят литературу, здесь публики очень много, только присылайте скорее. Я обратилась уже в одно место за ней и думаю, что

оттуда получим скоро. Отчего так ленивы здешние генералы на письма. Черт их знает.

Ну, пока всего лучшего...

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 2, с. 252—256. Печатается с сокращением.

В. В. КОЖЕВНИКОВА ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

10(23) сентября 1902 г.

Ну, видалась еще два раза с публикой, получилось от нее довольно хорошее впечатление. Я уже писала, что у них есть маленькие недовольства *, но с ними не трудно было справиться, так как они скоро убедились, что в них виновата не редакция, а те же русские товарищи, которые мало пишут и плохо пишут и т. д. Это насчет корреспонденций и всяких сообщений, и в том числе, понятно, виноваты и здешние товарищи. Насчет аграрной программы пришлось с ними дольше толковать и, вероятно, еще придется. Я им рассказала подробно главные положения в статье из 4 нумера ** по этому поводу, во многом они согласились; мне теперь страшно хочется поскорее получить эту книжку, чтобы они сами прочитали. Несмотря на эти недовольства, я считаю их не особенно важными, они вполне наши. Об этом можно судить и из того, что, когда я им выяснила важность для «Искры» в настоящее время, чтобы хоть несколько групп высказались прямо и открыто в печати, что они разделяют взгляды, проводимые «Искрой», и считают ее своим руководящим органом, они согласились довольно скоро и на днях дадут мне на просмотр это заявление, так что дней через 5 вы должны будете это получить. Ко мне как к искровке они относятся, по моему, крайне хорошо, так как в продолжение пяти дней несмотря на то, что народ очень занятой, я у них отняла 3 вечера, затем вполне доверяют моей рекомендации. Был вопрос о том, что желательно пополнить их ряды, и они просили меня рекомендовать им публику, и моей одной рекомендации будет достаточно, чтобы ввести эту публику к ним. Так что теперь смело можете посылать сюда желающих работать, но только такую публику, которая могла бы быть в центре, так как сочувствующих и помогающих мелкими поручениями здесь и так много можно найти. Громадный недостаток именно такой сознательной публики.

Потом они просили меня от их имени вести сношения с вами, с другими городами и с русской нашей организацией, кроме того, я получила от них право говорить от их имени в небольших делах,

* См. с. 171 настоящего раздела сборника.

** Журнала «Заря».

которые здесь затеваю, и хочу их заинтересовать. Официально я еще не член их группы, но об этом я еще и не говорила, да мне пока и удобнее не быть таковым, так как и без этого я получу от них все, что будет нужно. Они для «Искры» готовы сделать все, что потребуется, и на это у них есть силы. От вас же хотят лишь одного — литературы, литературы и еще раз литературы. Прямо позор — уже полгода здесь еще ничего не было, с № 16 ни одного №. Они готовы приложить все усилия для ее получения, просили меня за это взяться, что, понятно, я и взяла на себя, но все услуги для этого будут с их стороны, т. е. и деньги и люди, если понадобится поехать, послать, привезти и т. д. Хранить тоже и получать — все это будут сами. От меня, значит, они хотят, чтобы я вела по этому поводу переговоры и переписку. Будут даже хранить литературу специально для меня и для других городов, которым я обещала доставлять. Не могут они выделить только ни больших средств, ни людей для перевозки ее из-за границы, но этого от них и требовать нельзя пока, так как у них нет ни того ни другого в настоящее время. Из себя они готовы выделить человека, который бы отказался от местной работы и посвятил себя общерусской для организации «Искры» работе...

К рабочедельцам эта публика относится более чем враждебно...
Наташа.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 2, с. 267—268. Печатается с сокращением.

В. В. КОЖЕВНИКОВА ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

13(26) октября 1902 г.

Посылаю вам текст заявления на всякий случай и сама, хотя вы, вероятно, уже получили или на днях получите для печати. Мне это заявление не особенно нравится, но таков текст прошел в комитете.

«Признавая за литературной деятельностью Лиги русской революционной социал-демократии исчерпывающее значение в деле теоретической борьбы с многочисленными течениями, стремящимися опозлить и исказить великие революционные принципы международной социал-демократии, разделяя и признавая вполне отвечающими насущным нуждам русского рабочего движения те организационные планы и ту боевую тактику, убежденным защитником которых являются издания Лиги и газеты «Искра», желая сблизить и объединить местную работу с общепартийными задачами и целями, Московский Комитет Р.С.Д.Р. Партии объявляет:

1. Лигу своим заграничным представителем.
2. Газету «Искру» своим руководящим органом».

Вот это комитет просит — чем скорее, тем лучше — напечатать в «Искре» *. Мы собираемся послать это во многие другие места с предложением присоединиться и поспешить послать подобные заявления...

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 2, с. 280—281. Печатается с сокращением.

Н. К. КРУПСКАЯ — В. В. КОЖЕВНИКОВОЙ В МОСКВУ

25 сентября (8 октября) 1902 г.

...Заявление также получено. Пришло оно очень вовремя. В последнем номере «Революционной России» социалисты-революционеры, ругая «Искру», между прочим, говорят, что их взгляды — взгляды всей партии, а то, что говорит «Искра», — мнение небольшой группы лиц, не имеющих права говорить от имени социал-демократов. Ужасно шумят эти социалисты-революционеры. Нет у них ни черта, все дутое большей частью, а шумят они и мутят ужасно. Боевая организация! А вот бежавшие искровцы захватили с собой социалиста-революционера Плесского ⁷⁵, сдали его по принадлежности социалистам-революционерам, а те пустили его окопачиваться по ночлежным домам в студенческой куртке. Ну его и взяли... Вот она боевая организация — квартиры найти человеку не могли.

Грачу передам сегодня же Вашу просьбу. Зайчика ** уговорите непременно остаться, надо, чтобы в Вашем городе образовалось нечто действительно прочное. Передайте ему это от нашего имени и просите его писать нам непременно. Как дело стоит по части корреспондентов? Корреспонденции нам очень нужны. Нельзя ли организовать это дело? Сообщите, с какими пунктами у Вас есть связи? Наши шлют привет и спасибо за письма. Привет Зайчику и другим товарищам.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 2, с. 316. Печатается с сокращением.

В. В. КОЖЕВНИКОВА ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

29 сентября (12 октября) 1902 г.

Страшно рада, что наконец получила от вас письмо, а то я было пришла в уныние, что мои письма пропадают. На днях напишу подробно. Получили ли вы заявление от Московского комитета, кото-

* Опубликовано в «Искре» № 26, 1902, 15 октября.

** Г. И. Окулова, агент «Искры» в Москве (см. в настоящей книге воспоминания).

рое я просила вас напечатать как можно скорее? Теперь я познакомилась с публикой ближе и ею довольна, по-моему, народ умный и толковый и с ними ладить вполне можно. Своим положением я тоже вполне довольна: они вполне доверяют моей рекомендации, поручили мне сноситься от их имени с вами, с другими городами, а также с Ольгой *. Будут оказывать полное содействие в моих делах, на все мои предложения и проекты согласны и т. д., так что их отношение к нам по-моему, вполне удовлетворительно. Беда в том, что до сих пор еще не получила литературы. Прямо бог знает что такое, если продолжится еще неделя так, то никуда носа своего нельзя будет показать. Если так это будет, то прямо бессмысленно работать — полнейший литературный голод во всем городе. Принуждена буду бросить тут некоторые дела и во что бы то ни стало достать сначала литературы. Очень тороплюсь, а потому кончаю.

Последние дни мы обсуждали план местной организации, теперь мне поручили написать, на днях я вам пришлю, чтобы вы ознакомились подробно с постановкой дела здесь, с тем планом, который уже в общих чертах выработан здесь и проводится на деле, и непременно прислали скорее свой отзыв на него. Ну, всего хорошего.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 2, с. 339.

В. В. КОЖЕВНИКОВА ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

13(26) октября 1902 г.

Вероятно, мой геноссе ** вам сообщал о нашем свидании с *Горьким*, он произвел на всех нас чудное впечатление. Свидание наше носило почти официальный характер, была Старуха *** и мы оба. Мне было крайне отраднo слышать, что все его симпатии лишь на нашей стороне, «Освобождение»⁷⁶ он читал один лишь 1-й номер и больше не желает видеть подобную пакость, социалистам-революционерам тоже не сочувствует, единственным органом, заслуживающим уважение, талантливым и интересным, находит лишь «Искру» и нашу организацию самой крепкой и солидной. Очень хочет познакомиться ближе с нашим направлением, нашими всеми изданиями и практической нашей работой, и так как его сочувствие лишь на нашей стороне, то он и хочет помогать нам чем может, во-первых, понятию, деньгами, а потом предложил даже, что не может ли он исполнить какое-нибудь поручение в тот город, куда он едет, но я категорически отказалась использовать его в этом

* О. Б. Лепешинская, член группы содействия «Искре».

** Г. И. Окулова.

*** С. Л. Вайнштейн.— *Примеч. источника.*

отношении — было бы очень неосновательно давать ему какое-нибудь рискованное дело. Наши издания и «Искру», понятно, мы будем ему доставлять. Что касается денег, то у нас с ним установлен договор на бессрочное время: он нам будет давать каждый год по 5000 рублей, из них пойдет во всяком случае не больше одной тысячи Старухе*, остальные 4000 нам, из них две тысячи можно будет получить в ноябре, так что вы на них вполне в это время можете рассчитывать, но это минимум, и если ему удастся устроить несколько предприятий, то этот минимум может увеличиться до больших размеров, я уверена даже, что этот минимум увеличится, на сколько, пока сказать не могу. Затем мы с ним уговорились, что он будет иметь дело только с нами, так что вы теперь никого к нему не посылайте. Соню** мы тоже просили об этом. Дело в том, что он сам хочет иметь дело только с одними лицами, для него это гораздо удобнее, и, кроме того, так как он нас знает теперь и познакомился через людей, которым он доверяет, он страшно рад, что гарантирован от самозванства, как он выразился, и с чем ему пришлось встретиться раньше. Сам он проживает не больше 30% всего, что зарабатывает, остальное он отдавал на всякие дела, и большей частью деньги эти тратились неосновательно, теперь же он очень рад, что все пойдет в хорошие и верные руки. Мы с ним уговорились паролем, так что он будет иметь дело лишь с людьми, присланными от нас, если вам понадобится этот пароль, я сообщу. Кроме того, он указал нам несколько лиц, с которых можно будет содрать что-нибудь, и всем им он скажет, кто придет и от кого, так что, наверное, в скором времени деньги у нас будут.

Ему очень хочется познакомиться ближе с нашими делами, понятно в общих чертах, и я ему обещала, что изредка к нему будут наезжать и рассказывать или встречаться, когда он будет приезжать сюда. Сделать это крайне легко и приятно, и он был очень рад этому обещанию, которое я дала не только от себя, но и от вас; я с большим наслаждением возьму на себя эту обязанность. Мы видались с ним один раз все вместе, потом я видела его еще раз, и он очень просил повидать нас еще раз, как только будет на обратном пути. Из этого я вижу, что мы произвели на него хорошее впечатление, чему очень обрадована. Он же произвел прямо чарующее впечатление, особенно тем, что все его симпатии лежат лишь на нашей стороне, его готовностью быть полезным всем, чем может, его задушевностью и прямоотой. Он думал, что может обеспечить вполне в денежном отношении все наше существование, но когда мы ему сказали, что для того, чтобы дело шло хорошо, нам нужно в месяц 3000, то он был огорчен, что такой суммы в год

* МК РСДРП.

** З. П. Кржижановская, секретарь Бюро Русской организации «Искры».

(36 000) он достать не может, но будет прилагать все усилия, чтобы минимум сильно увеличился. Пока он дал нам какие-то недоданные деньги 400 рублей не в счет 5000...

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 2, с. 372—373. Печатается с сокращением.

В. В. КОЖЕВНИКОВА ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

5(18) ноября 1902 г.

...Напишите, пожалуйста, нам две прокламации: одну по поводу крестьянских волнений и их значения и вообще ваш взгляд на них и наше отношение к ним в связи с нашей аграрной программой. 2-ую — «о политической свободе и для чего она нам нужна» в связи с нашей социалистической программой, подчеркивая наши разногласия в этом отношении со всеми другими партиями и противоречия со всякими оппозиционными элементами. Именно эти вопросы нам хотелось бы в популярном изложении распространить в тысячах экземпляров среди наших рабочих, так как они ими очень интересуются, и нам хотелось бы, чтобы листки были написаны хорошо, поэтому мы очень просим вас написать, и, чем скорее, тем лучше...

На днях к нам являлась «Свобода»⁷⁷ с предложением своей литературы и связи с нею. Так как это находится в моем ведении, то я от имени всех нас отказалась, заявив, что всем уже известно, что «Искра» — наш руководящий орган, а Лига — заграничный представитель, а потому связей с другими организациями не нужно...

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 2, с. 438—439. Печатается с сокращением.

В. В. КОЖЕВНИКОВА ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

5(18) ноября 1902 г.

Приехал к нам от вас новый товарищ*, мы очень этому рады, так как он мой учитель и я хорошо его знала, когда мне было всего лишь лет 15. Мне теперь очень, очень приятно вместе работать!..

Проект местной организации все еще редактирует Старуха**, просто беда с ней, чертовски все делает медленно. Последнее время она была очень встревожена; мне удалось узнать, что они имеют

* Н. Л. Мещеряков, представитель «Искры» в Москве.

** МК РСДРП.

дело с одним рабочим, который недавно поступил в охрану. По-
нятно, они прекратили с ним сношения, но нас это очень беспокоит,
так как в случае их провала мы, стоя от них сравнительно далеко,
не смогли бы восстановить все скоро, а потому мы с новым това-
рищем решили продолжать наши настаивания на полном нашем
слитии с ними: наше вступление с правом редакторского голоса.
Пока же все по-старому, и мы такого не имеем, хотя с нами сове-
туются и принимают наше мнение во внимание, так что мы имеем
лишь совещательный голос и являемся уполномоченными от них по
тем функциям и делам, которые взяли на себя. Обещают мне все
доставить материал для корреспонденций, но пока ничего еще не
доставили, так что вследствие преград, которыми обставляет себя
Старуха, мы все еще не можем быть настолько полезны, насколько
могли бы. Страшно досадно, что все приходится спорить по этому
поводу с ними...

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты
«Искра», т. 2, с. 441—442. Печатается с сокра-
щением.

В. В. КОЖЕВНИКОВА ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

6(19) ноября 1902 г.

Страшно прошу исполнить нашу просьбу относительно листков;
пришлите как можно скорее, и вообще мне хотелось бы, чтобы вы
постоянно нам их присылали, у нас довольно живое общение со
многими городами, и нам очень легко устроить, чтобы листки
одного содержания, написанные вами, распространялись во многих
местах. И печат[ание] и доставку мы вполне можем обеспечить.
Если бы вы присылали листки, мы бы распространяли только на-
писанные вами (кроме экстренных местных). Мы хотели бы не ме-
нее одного листка в неделю. Ручаюсь обеспечить доставку в дру-
гие города, у меня есть связи с севером и востоком, у моих дру-
зей — с югом и западом, и мы бы за это взяли с большим насла-
ждением. Передайте Бергу*, что жду от него листков через две
недели...

Что же это за наша газета, когда не присылаете нам ни строч-
ки и ни одного листка! Не нам же задавать вам темы, вы сами
знаете, что нужно писать, а мы доставим в другие места... Прямо
досадно, что распр[остраняются] бездарные листки...

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты
«Искра», т. 2, с. 445. Печатается с сокращением.

* Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум), член редакции «Искры», в последующем
один из лидеров меньшевизма.

Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

10(23) ноября 1902 г.

...Местные дела идут хорошо. Рабочие связи крепнут с каждым днем. Рабочие присоединяются целыми группами, денежные надежды также большие. В течение двух месяцев надеемся добыть две тысячи или три тысячи рублей. Листки продолжают выходить, и выход будет учащен.

Напишите, пожалуйста, для нас два листка: 1) солдатам, 2) к офицерам. Мы хотим закинуть удочку в эти сферы. Листки эти могут стать общерусскими. Пришлите только текст поскорее, мы сами закажем Юрию*: связи есть...

Литературы все нет... Почва здесь страшно благодарная, но без литературы сделать что-нибудь трудно...

Грибков.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 2, с. 455—456. Печатается с сокращением.

В. В. КОЖЕВНИКОВА ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

12(25) ноября 1902 г.

...Большая есть к вам просьба: напишите, пожалуйста, нам прокламацию к обществу по поводу судов, происходящих в настоящее время. К товарищам по этому поводу у нас на днях выйдет [листок], где мы приглашаем товарищей обращать эти суды в демонстрации, но нам надо еще по этому поводу к обществу. Нужно выяснить всем им всю возмутительность безобразий, предпринятых теперь над нами якобы на законных основаниях и что долг всех порядочных и честных людей поддержать наш протест по поводу вновь проводимого правительством безобразия. Ну, вы сами знаете, как писать. Ждем с нетерпением ваших листков, они нам крайне нужны.

Мы теперь организуем здесь ну хоть, назовем громко, «Боевую организацию», что ли, главная задача которой будет издавать в один день несколько тысяч экземпляров листов и в один же день их распространить по всему городу, во всех слоях населения, включая сюда даже способ расклеивания их на домах, столбах и окнах и т. д. Действовать мы тут, понятно, будем через посредников. Из этой организации выйдет, вероятно, ядро руководителей на буду-

* Е. Я. Левин, член Полтавской группы содействия «Искре», входил в редакцию «Южного рабочего» и группу того же названия, в Бюро ОК.

щих демонстрациях, если таковые к весне будут и которые посредством этого довольно многочисленного по числу людей аппарата смогут быть проведены более организованно, чем до сих пор было...

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 2, с. 460—461. Печатается с сокращением.

ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

5(18) декабря 1902 г.

Волей судеб я* попал в Москву и на юг еду завтра, т. е. 6/12.

Вот что сообщите куда следует: в Москве страшный погром. Социал-демократический комитет почти весь арестован, остался, кажется, один член организации. Вот фамилии арестованных: статистики Теодорович и Вайнштейн; студенты Покровский, Лунц, Сомов; слушательницы курсов Герье Петрова, Олигер, Гофштодт; педагогички Негурская, Яковенко, Биронт, Рожкова. Кроме того, работавшая на юге России Каменская, известная в Москве под фамилией Липшинской. Студент Покровский арестован в квартире Петровой, обыска у него не произведено, возможно, что он будет выпущен.

Факт провокации установлен. Указывают на рабочего Гузеева, который, растратив 140 рублей комитетских денег, с испуга предался московской охранке. Следует отметить, что Гузеев пользовался вполне заслуженным доверием комитета. Однако нельзя с уверенностью сказать, что погром — результат провокации. Аресты произведены не охранным отделением, а Московским жандармским управлением. Из вполне достоверного источника сообщаю, что жандармы деятелей комитета довольно продолжительное время «тропили». Взяли еще не всех. Захвачено много адресов, и продолжение погрома ожидается со дня на день.

Следует поставить на вид комитету недостаточную осмотрительность. Так, например, у лиц скомпрометированных хранились адреса и даже сочинение одного рабочего с его полной подписью и адресом. Вообще надо сказать, что многие из молодых деятелей комитета были недостаточно конспиративны. Дело дошло до того, что некоторые из лиц, более или менее причастных к делу, сейчас же после ареста отправились в охранный отдел за справками.

Настроение в Москве придавленное. Сыск посеял огромные корни, с трудом можно достать квартиру даже для небольшого собрания. Ощущается большой недостаток в литературе. Последний номер «Искры» явился 24.

* О ком идет речь, не установлено.

В Москве ходит гектографированная прокламация «К офицерам», издание социалистической группы «Борьба» и перепечатанная с [прокламации] Московского комитета Российской социал-демократической партии.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 2, с. 525—526.

А. Г. ОРЛОВ * ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

1(14) апреля 1903 г.

...Дела у нас разрастаются, и я завален работой. Прежде всего откопали зеленую, которая им[еет] связи на всех крупных механических заводах и железнодорожных мастерских. В этой группе сохранилось много пережитков экономизма, но нам удастся это выдохнуть и претворить их в себе. Свои связи с рабочими расширяются также, затем организована группа студентов социал-демократов, организующая лучшие части землячеств для доставления комитету пропагандистских и других сил, денежные дела, квартиры, местную печать, технику и проч. Намечаются широкие связи среди либеральной интеллигенции: профессуры, литераторов, группирующихся возле воскресных школ для рабочих. Связались с группой учителей, образовавшейся после учительского съезда и задающейся целью распространения революционной литературы. Эта группа обещала, если исполнят ее первые два-три заказа, помочь деньгами и расширить общий наш транспорт. Обо всем этом знает Костя**, будучи у вас, сообщит о всем подробнее.

Надеемся отпраздновать 1 Мая как все порядочные люди. Пожалуйста выслать на присланный вам адрес «Искру»...

Скоро пришлем манифесты группы студентов социал-демократов и группы учителей.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг. М., 1970. Т. 3. Январь — август 1903 г., с. 291—292. Печатается с сокращением.

Б. И. ГОЛЬДМАН* ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»**

Ранее 25 апреля (8 мая) 1903 г.

...Дорогие друзья! Пользуюсь случайной оказией, чтоб написать вам несколько слов.

* Агент «Искры» в Москве.

** Р. С. Гальберштадт, входила в состав Транспортного бюро в Вильне.

*** Кандидат в члены ОК по созыву II съезда РСДРП, агент ОК по Центральному району.

Во-1, по моему предложению одним из делегатов *Москвы* *выбран Бауман*. Объявите ему об этом, чтоб он оставался на месте. Другой будет местный⁷⁸...

Я в скором времени переселяюсь в *Питер*. Пишите мне туда, как я уже просил в прошлый раз...

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 3, с. 335. Печатается с сокращением.

А. Г. ОРЛОВ ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

26 мая (8 июня) 1903 г.

...Еще раз убедительно прошу прислать немедленно хоть двух товарищей, которые могли бы нас заместить, я думаю уехать из *Москвы* очень скоро. Если не удастся за границу, то поселюсь в деревне, затем рассчитываю опять работать в *Москве*, ибо с осени намечается так много связей и так интересно будет работать. Постарайтесь, чтобы посланные от Вас обязательно приняли меня с осени и знали обо мне.

Позор, что у нас все время не получалось и пуда литературы, а денег послано в ОК больше 800 руб. «Искра» имеется у нас только до № 29. Рабочим нечего давать читать. Вы пришлите специально нам пудов 10, мы обещаем Вам тогда послать сейчас же 600—700 руб., посылайте по почте «Искру» по всем Вам мною данным адресам.

На съезд попасть не удастся, 2 моих товарища во многом разошлись со мной. Сообщаю Вам две резолюции, которые я предложил и которые не были приняты. Напишите, согласны ли Вы с ними?

Вот они:

1) Признавая, что руководящий орган кроме разработки чисто теоретической программы и организационных вопросов может и должен давать освещение всем текущим событиям, имеющим общественный и агитационный интерес, наш комитет считает, что распространение руководящего органа (без всяких специальных газет для рабочих) достаточно для агитационного воздействия на массы при условии, если будет организовано правильное и быстрое распространение летучих листов, комментирующих самые факты, и брошюр популярной литературы.

2) Наш комитет признает необходимым существование двух центров: заграничного и русского, совершенно независимых и подчиненных только общему съезду.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 3, с. 399—400. Печатается с сокращением.

Е. И. ПОПОВА * ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

11(24) июня 1903 г.

11/VI. Дорогой товарищ! Ваше письмо от 4-го получено. К великому огорчению, не могу ответить на все вопросы, т. к. у нас страшный провал, в ночь с 7-го на 8-ое арестовано, как говорят, до 30 человек, точно фамилии неизвестны все, знаю про интеллигентов. Ваш товарищ взят **. Люди очень нужны. Пришлите скорее. Лицо, у которого все сведения, осталось. Вы только заранее напишите, что наша просьба исполняется. Это будет лучше. Все связи с рабочими и деньги остались. Пишите на адрес суда. Адрес контора Юнкера и Гавриков [пер.] отменяется безусловно. Получили ли вы об этом письмо?

За Руз[ова].

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты
«Искра», т. 3, с. 411—412.

Н. К. КРУПСКАЯ — Е. И. ПОПОВОЙ В МОСКВУ

27 июня (10 июля) 1903 г.

Дорогой товарищ! Ваше извещение о провале получено. Ну уж эта проклятая Москва! При первой возможности пришлем людей. Сообщите фамилии арестованных. Получено ли наше последнее письмо? Письмо товарища, извещавшее об отмене адресов, не могли разобрать. Пишите. Всего хорошего.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты
«Искра», т. 3, с. 422.

Е. И. ПОПОВА ИЗ МОСКВЫ — РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

5(18) июля 1903 г.

За Рузова. Очень удивляемся вашему молчанию. Получаете ли вы аккуратно наши письма? Пришлите скорее людей, это необходимо. Провал большой. Взятые интеллигенты и рабочие. Обысканных еще больше — все в одну ночь. Нужно продолжать работу, возможность есть.

«Искры» последний № 39.

На заводе Листа была поголовная забастовка, прекратившаяся в тот же день; все требования удовлетворены.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты
«Искра», т. 3, с. 433.

* Выполняла задания редакции «Искры» в Москве, была хранительницей связей МК РСДРП.

** А. Г. Орлов (Рузов).

Ранее 13(26) августа 1903 г.

...По просьбе Рузова сообщаю Вам, в чем состоит его заключение: в сношениях с «Искрой», в восстановлении разрушенной социал-демократической организации, в авторстве. У него найдена вещьца «Они пели».

Пошла партия в Сибирь, между прочим, К. Захарова — 5 лет Восточной Сибири, Канцель — 8 лет Восточной Сибири.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 3, с. 463. Печатается с сокращением.

ПО СТРАНИЦАМ ЛЕНИНСКОЙ «ИСКРЫ»

ИЗ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ «ПРОБУЖДЕНИЕ КИРПИЧНИКОВ» О СТАЧЕЧНОМ ДВИЖЕНИИ РАБОЧИХ КИРПИЧНЫХ ЗАВОДОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В МАЕ 1899 г.

ПРОБУЖДЕНИЕ КИРПИЧНИКОВ

...В начале мая на большом заводе Якунчикова (близ деревни Черемушки, в 15 верстах от Москвы) рабочие устроили стачку и потребовали повышения заработной платы. Заводчик отказал в прибавке. Работы не возобновлялись несколько дней и, когда, после настойчивых требований рабочих, плата не была повышена, они удалились с завода. Никаких бесчинств со стороны рабочих не было допущено. Стачка на заводе Якунчикова была сигналом. Последовала стачка на заводе Челнокова в Мытищах (более 1000 рабочих), а затем почти на всех заводах рабочие отказывались приступать к работам. Заводчики упорствовали, а рабочие ходили с завода на завод и, встречая нежелание владельцев повысить платы, не начинали работ. Благодаря такому положению дела, в течение почти двух недель ни один более или менее крупный завод не работал. Наконец, хозяева сдались, и рабочие торжествовали победу. Цена за выделку тысячи кирпичей была повышена с 2 р. 65 к. до 3 р. 10 к. (тысячу кирпичей могут сделать двое рабочих в день). Это внезапно проявившееся, хотя и раньше подготовленное капиталистическим ростом кирпичного производства, движение, кроме повышения заработков, дало и другие, еще гораздо более ценные результаты: оно положительно переродило рабочего; со времени стачки его трудно узнать: вместо забитого, на все согласного кирпичника, вы видите перед собою требовательного, понимающего свои права человека, находящегося в явной оппозиции к хозяину. И хозяин стал жаловаться, покачивая головой: «Что за народ стал, что за народ! Просто хоть бросай дело!..»

Искра № 1, 1900, декабрь.

**ИЗ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ
В МОСКВЕ 25 ФЕВРАЛЯ 1901 г.**

...* В воскресенье 25 февраля возбуждение достигло высшей степени, и десятки тысяч народа приняли участие в противоправительственных демонстрациях. В первый раз Москва видела такое массовое проявление народного протеста. С утра стали собираться толпы у университета. После полудня большая толпа, в числе которой были рабочие Прохоровской мануфактуры, двинулась по Никитской и Тверскому бульвару с пением. На середине Тверского бульвара встретились казаки. Толпа устроила баррикаду из бульварных скамеек и задержала натиск казаков, мчавшихся во весь опор. Громким свистом и ругательствами толпа выражала свое презрение казакам. Вдруг раздались крики, что сзади толпу оцепили городовые. Толпа ринулась назад и прорвала цепь городских, причем происходило целое побоище. Толпа отбивала тех, кого полиция пыталась задержать, и не более десятка лиц осталось в руках полиции. Наконец, полиции удалось рассеять толпу. В течение всего дня громадные толпы, состоявшие преимущественно из рабочих, демонстрировали по улицам, особенно по Лубянке, по Тверскому бульвару, Мясницкому и Никитскому. Приводим письмо одной корреспондентки, бывшей очевидцем одной из таких демонстраций около 4 ч. дня: «...Мы дошли до Кузнецкого моста, где нам представилась чудная картина: весь Кузнецкий мост до Лубянки был залит сплошной массой народа, почти исключительно фабричными и мастеровыми, незначительным количеством студентов и массой уличных мальчишек; вся эта толпа свистала, кричала «ура», размахивала платками и бросала шапки; но, как ураган, налетели жандармы, которые разбили толпу на несколько групп, и мы пошли на Лубянскую площадь. Здесь было арестовано несколько студентов, толпа бросилась их отбивать, избила пристава и, когда он спрятался в ресторане, разбила в последнем окна. Здесь публика увидела Л. Н. Толстого (это было как раз в день появления в газетах его отлучения от церкви), толпа устроила Толстому овацию и с криками: «Ура, Лев Николаевич», проводила его по Рождественке, где по его просьбе усадила на извозчика. Я вышла на Цветной бульвар, который был усеян народом; полиция старалась разбивать толпу на маленькие кучки и не допускать до Тверской, а направлять ее в переулки, но толпа, уменьшаясь на одном месте, вырастала, подобно голове гидры, вдвое большем количестве в другом».

Другой очевидец пишет: «В 4 ч. я подошел к Тверской, Театральная площадь была вся залита толпой, буквально залита. Тол-

* Опущена часть корреспонденции о студенческом движении 23—24 февраля в Москве.

па двигалась по Тверской к дому генерал-губернатора. Прискакавшие казаки загородили путь. Тогда толпа по переулку направилась на Неглинный проезд, оттуда на Кузнецкий. Надо вам сказать, что толпа проявляла удивительную дисциплинированность. Она не разбегалась при виде городских и казаков, а встречала их единодушным гиканьем, свистом и ругательствами. Она или следовала единодушно указаниям вожаков («Сплотись! Направо! Вперед!»), которые всегда находились из среды интеллигентных рабочих (студенты почти совсем не принимали участия), или ясно давала знать свое несогласие с вожаками и заставляла их переменять направление. На Неглинном казаки разъединили толпу на 3 части. Я имею сведения только про первую часть, другие совершали демонстрацию по другим улицам... Первая часть двинулась к Политехническому музею, где ожидалась сходка студентов, но потом повернула по направлению к Мясницкой. Каждого студента, которого толпа встречала, она приветствовала киданием шапок, криками сочувствия и приглашением присоединиться. В случае согласия (которое, кстати, бывало очень редко), толпа поднимала его на «ура», аплодировала и т. д., а в противном случае она провожала его смехом и свистом... Приставов, даже отдельно идущих, толпа освистывала, закидывала твердыми предметами и заставляла быстро удирать со своих постов. За все время толпа не только не разрушила ни одной лавки, но, если мальчишки позволяли себе разбивать фонари, толпа не пускала их, причем раздавались крики: «Потом будут писать про нас, что мы просто буянили», «Все равно с нас потом налогами сдерут» и т. д.

Пройдя Мясницкую, толпа двинулась на бульвар. Тут она все росла и росла, и когда была недалеко от Тверского (один бульвар отделял), народу было не меньше 8000 человек. Студентов было, может быть, несколько человек, не больше. Перед редакцией «Московских ведомостей» толпа остановилась. Рабочие решили разрушить редакцию. Но тут прискакали казаки и городовые. Казаки с нагайками и пиками разъединили толпу на 4 части, а городовые начали избивать (в буквальном смысле слова) отдельных лиц из толпы, замеченных как вожаков. Толпа забрасывала снежками и льдинами казаков, заставила офицера уехать на самый зад, но городовые, под защитой казаков, буквально избивали толпу, встречая, положим, и хороший отпор. На Тверской улице и Страстной площади в воздухе стоял свист от нагаек. Били нагайками не только казаки, но и жандармы. В этот же день был устроен кошачий концерт перед домом генерал-губернатора. Во дворе дома генерал-губернатора до сих пор день и ночь сидит масса казаков и городских. В воскресенье же толпы ходили и по другим улицам. Около университета целый день стояла тысячная толпа».

СООБЩЕНИЕ «ИЗ ПАРТИИ» О СФОРМИРОВАНИИ ОРЕХОВО-БОГОРОДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП

ИЗ ПАРТИИ

Орехово-Зуевская рабочая организация расширилась и приняла название «Орехово-Богородской организации», принадлежащей Российской социал-демократической рабочей партии. Устав организации свидетельствует о том, что орехово-богородские товарищи положили в основу строго конспиративные и революционные принципы.

Организация заявляет в своем уставе, что признает своим руководящим органом «Искру». Имея в виду издание агитационных листов на местные злобы дня, организация оговаривается, что хотя эти листки могут носить «экономический» характер, но это не значит, чтобы организация держалась «экономического направления». Согласно уставу, 10% средств кассы отчисляются в стачечный фонд, 25% на нелегальную литературу, 10% на помощь арестованным и 30% на конспиративные расходы.

Приветствуем новую организацию и надеемся, что ей удастся осуществить поставленные ею задачи. В недалеком будущем постараемся познакомить читателей с извлечениями из устава.

Искра № 10, 1901, ноябрь.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ О ВОЛНЕНИЯХ РАБОЧИХ в г. СЕРПУХОВЕ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Серпухов (письмо рабочего). Летом нынешнего года в Серпухове было интересное движение рабочих, к несчастью окончившееся ничем. Дело разыгралось по следующей причине. На ситценабивных фабриках Коншина и Каштанова была объявлена сбавка расценки за работу, а между тем жизнь вздорожала, так что жить на эти средства было почти невозможно. Подтвержу это примером. Вместо 65 коп. рабочему пришлось 50 коп. в день, а его жене вместо 45 коп.— 30 коп., его сыну вместо 60 коп.— 40 коп. Рабочие решили требовать или прежних условий, или других каких-либо льгот. В это же время было подлито масла в огонь большими несправедливостями в расчетах по книжкам фабричной лавки, в которой забирался товар фабричными. Через два-три дня на работу не вышло у Каштанова 200 или 300 чел., в точности неизвестно. Стачечники держались тихо. Вскоре присоединились рабочие с Коншинской так наз. новой мызы. Эти уже стали силой заставлять бастовать других коншинских рабочих, живущих на фабричных квартирах, обещая сжечь их и пустить по миру. Такие разговоры заставляли часть небастовавших других коншинских рабочих присоединиться, но боль-

шинство работало. Вскоре мирная стачка перешла уже в действие. Был подожжен склад дров Коншина. Тогда администрация вытребовала казаков и объявила, что фабрика запирается. Фабричные решили прекратить стачку и принять новые условия расценков: «зачинщики» уволены с фабрики.

Искра № 10, 1901, ноябрь.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ О ДЕМОНСТРАЦИИ МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ В ПАМЯТЬ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА 18 НОЯБРЯ 1901 г.

Москва. Демонстрация по поводу неразрешения вечера в память Добролюбова (из бюллетеня Исполнительного комитета объединенных землячеств).

18 ноября в Москве случилось происшествие, которое И. К. считает нужным отметить. Толпа чел. до 150 (преимущественно студентов), не знавших об отмене концерта, назначенного на 18-е, но не разрешенного полицией, собралась у Романовского зала и отправилась оттуда с песнями по Тверскому бульвару к памятнику Пушкина. Здесь толпа, сильно увеличившаяся в числе благодаря присоединившейся к ней публике, пропела вечную память Добролюбову, сорокалетие со дня смерти которого приходилось на этот день. Отсюда, несмотря на сопротивление полиции, уже в числе 500 чел., двинулись на Тверскую и дошли со студенческими песнями до дома ген.-губернатора (толпа — как сообщают нам из другого источника — с пением и свистом стояла минут 20 перед домом ген.-губ.— *Ред.*). Здесь уже разделенная полицией на несколько частей, толпа была отсечена в Столешников переулоч; при этом полиция старалась отделить студентов от остальной публики. Это им удалось, и чел. 50 студентов, оказавшись совершенно отделенными от остальной толпы, дошли до Кузнецкого моста, — как вдруг из пассажа Джамгаровых по команде «наряд вперед!» бросились жандармы и, несмотря на заявление студентов, что они пойдут, не сопротивляясь, куда им будет указано, жандармы стали им наносить побои. Особенно пострадали два студента (техник и универсанта) — братья Котельниковы; с остальными тоже не стеснялись: арестованные 27 чел. отправлены в участок, где приставом Новиковым был составлен протокол, по которому эти 27 лиц обвинялись: 1) в нарушении общественной тишины и порядка, 2) в сопротивлении приказам полиции, 3) в подстрекательстве и предводительстве толпой более чем в 500 чел. Последний пункт обвинения, являясь вымыслом полиции, вместе с тем влечет за собой наибольшее наказание. По удостоверении личности, причем некоторых с этой целью возили в учебные заведения, арестованные были отпущены. На следующий день они были призваны в участок, где им объявили, что они будут

судиться не мировым судьей, а высшей администрацией на основании положения об усиленной охране. По поводу этого факта 19 ноября в техническом училище собралась сходка; на ней постановлено ходатайствовать, чтобы обвиняемые судились мировым судьей, разделить расходы по ведению дела между всеми студентами и в случае, если ходатайство не будет удовлетворено, не оставлять этого дела без последствий.

Искра № 13, 1901, 20 декабря.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ О СТУДЕНЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ В МОСКВЕ ОСЕНЬЮ 1901 г.

Студенческое движение опять начинает принимать боевой характер. Борьба за академическую свободу опять расширяется до открытой, вплоть до уличной схватки, борьбы за политическую свободу. Ввиду этого ознакомление с ходом развития движения приобретает особую важность.

Начнем с Москвы, где пресловутый генерал Ванновский⁷⁹ лично ответил на студенческие требования.

Брожение студентов началось еще раньше приезда Ванновского. Гнусная статья в «Гражданине»⁸⁰, бросавшая грязью в учащуюся молодежь, вызвала две сходки в октябре (первая — 15 октября, в 1500 чел., вторая — до 3000), выразившие презрение кн. Мещерскому. Но студенты чувствовали, что за Мещерским скрывается нечто большее. Была выбрана комиссия из профессоров (Тимирязева, которого, кстати сказать, восторженно приветствовали студенты по поводу его решения остаться в университете; по рукам ходил проект адреса ему, отдававший должное человеку независимому и убежденному; Умова, Ключевского и др.) и из делегатов от курсов для выработки формы протеста. Но когда приехал Ванновский, попечитель выставил ему это дело либеральной затеей, и министр, вызвав Виноградова, «поговорил с ним нелюбезно» (как выражается автор одного письма). Комиссия прекратила занятия, профессора, участвовавшие в ней, перестали читать лекции «по болезни» (Виноградов, Кирпичников и др.), ходили слухи о выходе их в отставку. Брожение среди студенчества сильно возросло.

А «лукавый царедворец» еще подлил масла в огонь, когда (4 ноября) ответил категорическим отказом на требования, предъявленные ему депутацией студентов (в числе 21 студента, пришедших к Ванновскому в Лоскутную гостиницу). Эти — общестуденческие, как увидим ниже, — требования состояли в допущении женщин в университет; в уничтожении ограничения в приеме евреев; в отмене прикрепления к округам; в уничтожении инспекции; в разрешении всяких организаций и т. п. Отказ министра и его наглые

заявления о неверности «слухов» (!), будто он весной что-то обещал, возмутили и самых мирных. На совет министра-лакея «успокоиться» депутаты «ответили гробовым молчанием». «Вечером того же дня «состоялось»,— иронически пишет один москвич,— совещание 63 студентов, по 3 чел. от курса, с комиссией профессоров. Было заранее постановлено прямо потребовать от профессоров признания сходки и ее постановления. Тогда председатель ответил, что министр уже высказался против этого, и делегаты, по полученной от сходки инструкции, немедленно оставили залу. В результате этих бесед получилась прокламация, в которой студенты призывают к более широкой борьбе уже не за академическую свободу, которая несовместима с деспотизмом, а за свободу политическую».

На этом заканчиваются полученные нами сведения. Отметим только, что Исполнительный комитет объединенных землячеств и организаций начал издание бюллетеней.

Искра № 13, 1901, 20 декабря.

**РЕЗОЛЮЦИЯ О ПЕРЕХОДЕ ОТ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
К ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ,
ПРИНЯТАЯ НА СТУДЕНЧЕСКОЙ СХОДКЕ
9 ФЕВРАЛЯ 1902 г. В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

...Мы, учащиеся в высших учебных заведениях Москвы, на общем собрании 9 февраля 1902 г., после всестороннего обсуждения, единогласно постановили: считая ненормальность существующего академического строя лишь отголоском общего русского беспорядка, мы откладываем навсегда иллюзии академической борьбы и выставляем знамя общеполитических требований, глубоко убежденные, что для правильного хода общественной жизни необходимо пересоздание всего социального и политического строя на началах признания за личностью прав. Мы уверены, что без этого русская жизнь не двинется ни на шаг вперед, что лучшие силы будут периодически вырываться из среды общества, что позорное топтание на одном месте не прекратится, мы требуем: 1) Неприкосновенности личности; 2) Свободы печати; 3) Свободы совести; 4) Свободы собраний и организаций; 5) Непосредственной ответственности административных лиц; 6) Общедоступности образования; 7) Допущения женщин в университет; 8) Уравнение прав национальностей.— Вместе с рабочими мы требуем: 9) 8-часового рабочего дня и 10) Права стачек. Не признавая настоящего правительства способным к преобразованию общественного строя на этих началах, мы обращаемся ко всей мыслящей России, считающей себя политически зрелой, с указанием о своевременности созыва Учредительного собрания. Общеполитическая программа заставля-

ст нас вынести протест на улицу, где мы вместе с кадрами рабочих и общества готовы силой поддерживать наши требования. Согласно постановлению сходки, настоящая резолюция будет представлена совету министров с подробной мотивировкой.

Искра № 18, 1902, 10 марта.

**ПУБЛИКАЦИЯ ЛИСТОВКИ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА РСДРП
С РАЗОБЛАЧЕНИЕМ ЗУБАТОВЩИНЫ КАК АГЕНТУРЫ
ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ**

Московский комитет Российской социал-демократической рабочей партии выпустил следующую (от 16 марта 1902 г.) прокламацию:

«Товарищи! В субботу 9 марта происходило собрание механических рабочих и ткачей Рогожского района. На этом, как и на предыдущих собраниях, клеймили и ругали интеллигентов, называли их врагами рабочего класса, проповедовали мирный образ действий и советовали не заниматься политикой, вредной для успеха рабочего дела. Товарищи! Никто из вас, конечно, не верит этим Иудам рабочего дела. Ведь такие речи говорят всегда одни и те же ораторы, такие же речи говорят и их главные руководители и советчики Зубатов и Трепов, агенты полиции. Никогда еще и нигде в мире ни один рабочий не верил и не поверит, чтобы устами полиции говорила истина. Во всех странах Западной Европы рабочим принадлежит право свободной борьбы с капиталистами, право свободно высказывать свои идеи. Не то у нас, где всякое свободное слово дают. Вспомните, что всех ваших товарищей, высказывавшихся на ваших собраниях иначе, чем явные и тайные агенты Зубатова и Трепова, арестовали и они еще и теперь сидят в тюрьме, откуда шлют вам привет и совет не верить гг. Афанасьевым, Красивским, Слеповым и др. Иудам, этим истинным врагам рабочего дела. А интеллигенты, сотнями и тысячами идущие в тюрьмы и ссылку во имя идей правды, желают вам добра, а не зла. Всем вам, товарищи, известно, что в Бутырской тюрьме сидят до 6 сот студентов и курсисток за то, что они перестали ограничиваться студенческими требованиями и стали предъявлять требования политические, т. е. свободы слова, собраний, печати и т. д. Всех их правительство решило либо сослать в Восточную Сибирь, либо в Архангельскую тюрьму на 6 мес. Надо вам знать, товарищи, что они встретили в Бутырках 42 товарищей рабочих с Мещеринской мануфактуры приветствиями, устроив иллюминацию из матрацов. За это их избili и посадили на парашу. В ответ на такой произвол они объявили голодовку, и вот уже 6 дней как голодают. Если правительство поступает так с врагами рабочих, то почему оно так не

расправится с капиталистами? Или оно их считает вашими друзьями? Нет, товарищи, вас правительство всех подло обманывает. Вспомните, что еще Петр Алексеев⁸¹, наш товарищ рабочий, на суде заявил, что «русскому рабочему народу остается только надеяться самим на себя и ни от кого не ожидать помощи, кроме от одной нашей интеллигентной молодежи: она одна братски протянула нам свою руку и от искреннего сердца желает вытащить нас из затягивающей пучины на благоприятный для всех стонущих путь... И они неразлучно пойдут с нами до тех пор, пока поднимется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, ограждаемое солдатскими штыками, разлетится в прах». Но и вы, товарищи, уже доказали на последнем собрании свое умение разбираться в истинных целях правительства и его тайных и явных агентов — Зубатова, Трепова, Красивского, Афанасьева и других — усыпить вас всякими обещаниями и ничего для вас не сделать. Надо надеяться, что скоро и совсем будут разоблачены эти Иуды рабочего дела, которые свои желания и мысли навязывают всем рабочим. Что вам дали ваши порайонные собрания? Ничего, кроме права говорить по указке Афанасьева, Красивского. А стоит вам уклониться от этой указки, и вы уже попадете в тюрьму. Но довольно же, дорогие товарищи, терпеть, чтобы среди нас могли пользоваться влиянием эти проходимцы, состоящие на службе в охранном отделении. Довольно нам терпеть, чтобы наши дела разрешались в охранном отделении! Будем помнить, что правительство — враг наш и друг капиталистов. Иначе бы оно не подавляло всякую нашу стачку вооруженными силами. Наши товарищи, обуховцы, сосланные на каторгу, хорошо знают истинные цели русского правительства и вопиют о мщении. Будем же помнить оставленные нам заветы их и других лучших наших товарищей бороться за святую истину, за полное освобождение рабочего класса от рабства, за коренное изменение общественного порядка...»

Искра № 20, 1902, 1 мая.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ЛИСТОВКИ МК РСДРП СРЕДИ НАРОДНЫХ УЧИТЕЛЕЙ

Москва. Во время съезда представителей общества вспомоществования учащим — местным комитетом партии было распространено воззвание к делегатам. В воззвании подробно излагается юридическое и фактическое положение народных учителей, характеризуются те стеснительные условия, при которых происходил съезд, освещается антагонизм между самодержавием и культурным развитием страны и выясняется историческое значение происходящего в России политического движения. Указав на то, что

«базисом этой борьбы могут быть только рабочие массы, объединенные в одну общую Рос. С.-Д.Р.П.». Комитет призывает учителей занять место в рядах армии борцов за политическое освобождение русского народа.

Искра № 36, 1903, 15 марта.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ О РАСПРОСТРАНЕНИИ МОСКОВСКИМ КОМИТЕТОМ РСДРП ПЕРВОМАЙСКИХ ЛИСТОВОК ОК ПО СЫЗВУ II СЪЕЗДА РСДРП И «ИСКРЫ»

Москва. Майские прокламации Организационного комитета и «Искры» были удачно распространены на фабриках и заводах, а 27 апреля были брошены с галереи в Малом и Новом театре. Среди рабочих было задержано всего 7 чел.— притом безусловно не из числа членов организации. В театрах ар[естован] никто не был. Все прокламации были подобраны публикой. Арестованные в 1902 г. по делу о пропаганде среди солдат 1-го лейб-гренадерского Екатеринбургского полка: Альшанский, Гольдблат, Никольский, Аносов, Батурина и Соколов — преданы военно-окружному суду по обв. в преступлении, предусмотр. 2 ч. 250 ст. ул. о наказ. (известие вполне достоверное).

Искра № 41, 1903, 1 июня.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ О СТАЧКАХ РАБОЧИХ ФАБРИК В с. ОЗЕРЫ КОЛОМЕНСКОГО УЕЗДА

С. Озеры Коломенского уезда Московской губернии. Здесь четыре фабрики: Федора Щербакова с сыновьями, бр. Щербаковых, В. Моргунова с сыновьями и еще одна, кажется, Моргунова и Ст. Соколова. На всех фабриках рабочих около 10 000 чел. В конце апреля на фабрике Ф. Щербакова и сыновей рабочие требовали увольнения заведующего фабрикой. Хозяин сначала обещал исполнить требование в двухмесячный срок и просил теперь стать на работу, рабочие же требовали немедленного увольнения. Переговоры и славки срока до трех недель не привели ни к чему, и заведующий был устранен от должности; рабочие начали работать. В конце мая на фабрике Василия Моргунова и сыновей уволили много рабочих ввиду вздорожания хлопка и имеющегося большого запаса товара; оставшихся заставили работать не в две смены, а в одну. Рабочие потребовали увеличения заработной платы на 20%. Большинство из них — крестьяне близлежащих деревень и ведут хозяйство, даже живут дома, а не на фабрике. Первыми забастовали женщины ткачихи, к ним вскоре присоединились и остальные рабочие — мужчины. Несколько дней положение дел обсуждалось в поле и после

сходки всей толпой отправлялись с песнями на фабрику, где окружали дом директора. Пропевши «Дубинушку» и «Долю бедняка», возвращались по домам. В толпе раздавались иногда протестующие крики женщин, требовавших перехода к более решительным действиям, но они были останавливаемы мужчинами, которые доказывали нецелесообразность буйного протеста. Наконец, хозяин вызвал казаков: как только стало известно об их появлении, никто на фабрику не являлся и собраний не происходило. Пробыв три дня и видя, что усмирять некого, казаки вернулись обратно,— между прочим, на этом настаивал и хозяин, которому надо кормить их. 9 числа появилось объявление исправника, приказывавшее стать на работу 10 июня, под угрозой расчета; на сходке было решено получить расчет, взять паспорта и на работу не являться. Решение было приведено в исполнение, и работы не возобновляются до сих пор. Пробовал было хозяин выписывать рабочих из отдаленных деревень, но неудачно: прибывшим старые рабочие дали понять, что они не допустят их к работам, и те ретировались. Тогда хозяин держал речь о повышении цен на хлопок и трудности ведения дел, и тут отвечали ему женщины: «Как бы велики ни были цены на хлопок, ты без хлеба не сидишь, а мы голодаем». Объяснение кончилось ничем.

Искра № 44, 1903, 15 июля.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ О СТАЧКЕ РАБОЧИХ ЗАВОДА БРАТЬЕВ БРОМЛЕЙ В МОСКВЕ

Москва. В начале июля на заводе Бромлей была стачка 2000 рабочих после того, как фабричная администрация объявила уменьшение расценок. Рабочие отказались работать и легли на дворе без крика и шума. После свистка на обед рабочие ушли домой и, вернувшись, легли опять на дворе. Дисциплина во все время стачки была превосходная. Около того же времени была стачка на фабрике Листа. Требовали удаления директора, повышения расценок, уменьшения рабочего дня. Требования удовлетворены.

Искра № 45, 1903, 1 августа.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «СТАЧКА ТИПОГРАФЩИКОВ В МОСКВЕ» О ВСЕОБЩЕЙ СТАЧКЕ МОСКОВСКИХ ПЕЧАТНИКОВ 9—11 СЕНТЯБРЯ 1903 г.

СТАЧКА ТИПОГРАФЩИКОВ В МОСКВЕ

Брожение и недовольство среди типографских рабочих началось уже давно. Продолжительный рабочий день (с 7 до 7¹/₂ при 1¹/₂ часов обеденном отдыхе), недостаточный заработок (средний рабочий 1 рубль 10 коп.— 1 р. 25 коп. в день), вредные для здоровья

условия труда при отсутствии гигиенических мер и врачебной помощи — все это накапливало недовольство и подготавливало стачку. Первые сходки рабочих начались еще за неделю до забастовки, однако только с 7 сентября стали устраивать правильные собрания и разрабатывать требования. На сходках бывало по 300—500 человек, они устраивались одновременно в разных местах, причем на каждой обязательно присутствовали представители от всех типографий, хотя бы по одному человеку. Требования, выработанные накануне забастовки, следующие: 1) сокращение рабочего дня до 9 часов днем и 8 ночью (2 часа на обед); 2) повышение жалованья до 20%, а сдельной платы до 18 коп. с 1000 букв; 3) особая плата за корректуру; 4) прогрессивно растущее вознаграждение мальчиков-учеников (ко дню выхода в мастера 35 руб.); 5) постоянный фельдшер в типографии, где свыше 15 человек, еженедельный визит врача, бесплатные лекарства; 6) тождество расценок и условий во всех типографиях; 7) отмена штрафов за опоздание; 8) введение рабочих старост по закону 1 июня сего года; 9) уничтожение посредников между рабочими и предпринимателями; 10) новые условия должны быть подписаны всеми хозяевами и фабричным инспектором; никаких частных переговоров с отдельными владельцами типографий не будет.

Полиция знала заблаговременно о готовящейся стачке. 6 сентября охранное отделение затребовало из всех типографий подробные сведения о рабочих; в управлениях железных дорог было объявлено, что, в случае сильного спроса на билеты в какую-нибудь пригородную местность со стороны рабочих, продажу билетов приостановить и сообщить по телефону в охранное отделение. Однако этот маневр не удался: рабочие собрались на татарском кладбище и у Симонова монастыря. Первая сходка была открыта полицией и рассеяна, вторая прошла благополучно.

Стачка началась 9 сентября в 12 часов дня. Первые бросили работу наборщики типографии Яковлева и пошли по мастерским, созывая товарищей присоединиться. Одна за другой бастовали все типографии и литографии вплоть до самых маленьких с 3—4 рабочими; присоединились также и женщины-наборщицы из типографии Е. Гербек. Толпа в несколько тысяч человек, собравшаяся на Тверском бульваре, направилась оттуда вдоль по бульварам в Ваганьковский переулок к типографии «Московского листка»⁸². После коротких переговоров наборщики «Московского листка» присоединились к стачечникам; попытка конных жандармов воспрепятствовать этому и оттеснить толпу во двор не привела ни к чему. Толпа стройно направилась обратно к Тверской. Порядок и выдержка рабочих образцовые. Лучшее доказательство — это то, что полиция при всем старании не смогла вызвать беспорядков. Всего бастует 15 000 человек.

10 и 11 сентября вышли только «Московский листок» и «Русский листок»⁸³, типографии которых охранялись полицией; в «Московском листке» работали мальчишки-ученики и доставленные полицией золоторотцы; рабочие дневали-ночевали в типографии. 12 сентября появились «Московские ведомости»⁸⁴ и «Русские ведомости»⁸⁵. Перед лицом рабочего движения обе редакции подали друг другу руки и испросили у военных властей солдат-наборщиков: только благодаря этому обе газеты и могли появиться.

Момент для стачки выбран был самый удобный: к началу сезона типографии завалены заказами. Поэтому владельцы типографий поспешили устроить экстренное совещание при совете «Общества деятелей печатного дела» с целью обсудить требования рабочих. Но перед этим полиция попыталась употребить «свои средства»; она предложила нанимателям рассчитать всех рабочих, обещая разослать их по этапу на родину. Когда это было отвергнуто, Трепов попробовал запугать рабочих непосредственно, угрожая тем, кто не станет на работу на старых условиях, высылкой на родину. Но и здесь он встретил отпор.

На экстренных собраниях владельцев типографий (9 и 11 сентября) принято было сокращение рабочего дня до 10 часов и повышение сдельной платы до 18 коп. за 1000 букв. Остальные требования не удовлетворены. Это решение внесло раскол в ряды стачечников: работающие сдельно стали с 13-го на работу, служащие на постоянном жалованье бастуют. Стачка произвела громадное впечатление и считается безусловно удачной; бодрое настроение типографчиков заражает рабочих других специальностей, и уже есть слухи о движении на фабриках Жако, прохоровской и др. Вместе с тем стачка эта поражает своей выдержанностью и мирным характером: за четыре дня 15-тысячной толпой побит только один городской да известный москвичам пристав Ермолов, которого обязательно бьют при всякой демонстрации. Есть сведения об убийстве в Чернышевском сквере наборщика из «Московских ведомостей», якобы за штрейкбрехерство. Подробности этого факта нам неизвестны.

Побежденные предприниматели не пали духом и скоро сообразили, что для сохранения старых барышей необходимо объединиться, сойдясь на общем для всех их тарифе расценок и переложить повышенные «издержки производства» на потребителя. Вот результаты совещаний их по этому вопросу, формулированные на собраниях 23 сентября и отвечающие, по их мнению, «интересам владельцев типографских заведений, рабочих и публики»: 1) в типографиях и литографиях устанавливается одинаковая продолжительность ежедневных работ, сокращенная до нормы в 10 ч.; 2) одновременно с этим вводится новая общая расценка труда рабочих, повышенная до 20—50% согласно определенной таблицы на плату за разные

работы: сделанные, поденные и др.; 3) принимая во внимание вышеизложенное, необходимо соответственно возвысить цены на заказы... Во избежание недоразумений будут установлены общие нормы стоимости работ... Эти нормы послужат всем типографиям основанием для смет на работы... Собрание приняло эти три пункта, заменив во втором слова «повышенная до 20—50%» словами «значительно повышенная» («Русские ведомости» № 262) *.

Таковы положительные результаты стачки, не обошлось и без отрицательных: во время стачки выслано на родину до 1500 человек; говорят, одна группа была загнана в манеж и избита, но это слух непроверенный...

Искра № 50, 1903, 15 октября.

ЛИСТОВКИ МК РСДРП

ЛИСТОВКА С РАЗОБЛАЧЕНИЕМ ЗУБАТОВЩИНЫ И ПРИЗЫВОМ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ С САМОДЕРЖАВИЕМ

1901, не ранее мая **

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! Задолго до нашего времени обер-полицмейстер Трепов докладывал московскому генерал-губернатору записку, составленную сыщиком Зубатовым. В этой записке Зубатов предвидел, какую сплоченную силу готовит рабочий класс против современного строя, против полицейского правительства. Как человек полицейского опыта в рабочем деле, он понимает, что, борясь за улучшение своего благосостояния, рабочие устраивают стачки; стачки переходят в демонстрации на улицах, в беспорядки — тогда являются войска и казаки, но ружейный огонь и свист нагаек не убивает в рабочем зреющего политического и классового сознания. Зубатов, кроме ружей и нагаек, советует правительству открыть особые общества, где бы думы и желания рабочих подвергались полицейскому надзору, он предлагает нанять среди самих рабочих людей, способных дружить с рабочими и быть полицейскими сыщиками, тогда он обещает убить душу рабочего класса, его политическое и классовое сознание, его интеллигентных товарищей. И вот теперь Зубатов открывает общество рабочих механического производства. Где же и в какой стране общества рабочих

* Принятие всеми типографиями однородных тарифов по необходимости вызовет повышение заработка рабочих, служащих на постоянном жалованье и не добившихся этого повышения во время самой стачки.— *Примеч. редакции «Искры».*

** Дата издания листовки определена по содержанию.

создавались на полицейско-чиновничьем краугольном камне? Главное правило рабочих обществ — это полная независимость их от хозяев и полиции; главное основание их — это завоевание у капитала и правительства прав и улучшения всего рабочего быта, а не откладывание из пустого кармана грошей; главное начало их управления — это выборное начало. Кто же из нас выбирал членами совета Красивского, Афанасьева и Слепова, Жилкина и Булгакова, с предательским целованием продающих нас за тридцать серебрянников? Их просто назначил нам в друзья сыщик Зубатов. Кто выбирал 13 депутатов к генерал-губернатору Сергию и столько же к Трепову? Опять-таки тот же Зубатов. Бывшие рабочие, теперь это члены совета, нигде не работают, все они прежде всего обеспечили себя, но на какие же средства? На жалованье сыщиков. И это наши друзья, наши представители. Долго ли это общество, этот обман может существовать? Нам не трудно ответить: до первого столкновения рабочих с капиталистами, и скоро, как в сказке о рыбаке и рыбке, мы увидим вместо народного дворца разбитое корыто. А пока что на собраниях общества собирается бессознательный рабочий, бессознательно по приказу зубатовской команды ругает интеллигенцию, бессознательно повторяет за ней: не надо интеллигенции, не надо политической свободы.

Товарищи! Нам хорошо известно, как эта интеллигенция без жалованья, без награды подготовила целую сеть рабочих кружков на юге и западе России. В Петербурге та же интеллигенция руководила одновременным прекращением работ на 30 фабриках, тогда правительство вместе с хозяевами-капиталистами вынуждено было дать фабричные законы об уменьшении рабочего дня для всей России. Уменьшился рабочий день, увеличился заработок; без такой забастовки мы не имели бы фабричных законов. Не переставая, в течение многих лет интеллигентные товарищи наши идут к нам с открытой душой, «сеют разумное, доброе, вечное» с геройским самоотвержением, не щадя своих сил, своего счастья, они идут за наше освобождение в тюрьмы, ссылку, на их место приходят новые. А сколько людей великого ума и таланта отдают свои знания народному горю. Будем же благодарны, товарищи, и ответим ей, многострадальной интеллигенции, сердечным спасибо и закрепим зубатовских молодцов позорным именем хриstopродавцев. Посылая свое спасибо интеллигенции, мы имеем в виду нарождающуюся рабочую интеллигенцию и интеллигентных руководителей рабочего класса, защитников интересов труда, но мы не имеем в виду другую интеллигенцию — бар, хозяев, чиновников, служащих в угоду капиталу.

Товарищи! Пока в нас стреляют из ружей за каждое свободное слово, за стачки, что было еще так недавно в Батуме; пока у нас есть правительство — убийцы, пока нас сажают в тюрьмы, томят в

ссылке за участие в кружках и кассах наших, мы не откажемся от политической борьбы, мы будем брать с бою политическую свободу, которая откроет нам путь к дальнейшей свободной борьбе за общий переворот государства на началах обязательного для всех труда и равного для всех права на довольство и счастье, т. е. к торжеству социализма...

Искровский период в Москве, с. 128—131.

ЛИСТОВКА С РАЗОБЛАЧЕНИЕМ ЗУБАТОВЩИНЫ

1902, январь

Товарищи! Мы все теперь прекрасно сознаем наше положение и понимаем все, что делается вокруг нас. С самых юных лет мы вступаем в борьбу с жизнью, с 10—11 лет мы идем на фабрику зарабатывать свой тяжелый кусок хлеба, работаем в тяжелой, невыносимой атмосфере; мы не знаем ни веселья молодости, ни ласк матери, целый день работающей на фабрике, мы работаем сверх сил и меры, по целым дням, растрчиваем наше здоровье, нашу силу, недоедаем, недосыпаем, мерзнем, чахнем и часто погибаем преждевременной смертью, хотя несколько копеек, потраченных фабрикантами, могли бы сделать приспособления, которые предотвратили бы нашу гибель. Если мы доживаем до зрелой юности и начинаем сознавать всю несправедливость и жестокость всех условий жизни, созданных для нас правительством и капиталистами, и начинаем бороться, правительство посылает против нас на помощь фабрикантам своих жандармов и шпионов. Эти жандармы и шпионы окружают нас, следят за каждым нашим шагом, за каждым словом, за каждым вздохом. Мы чувствуем себя, точно в паутине, и стоит только нам подать малейший признак жизни, как на нас накидываются, забирают нас, облитых потом от тяжелой работы, обрызганных собственной кровью вследствие жестокой скверности капиталистов, забирают нас, отдавших свои силы и соки, всю свою жизнь для обогащения капиталистов, лишают свободы и бросают в тюрьмы, где на холодном позорном тюремном полу мы гнием вместе с убийцами и ворами. Для нас нет суда, нам не позволяют говорить, писать, собираться, мы не должны ни пить, ни спать, для нас теплота не должна существовать, и мы должны быть довольны всем, а если нет, нас ссылают в Сибирь. Здесь остаются наши семьи, которые лишаются и того черствого куска хлеба, который мы им приносили домой, и постепенно гибнут. Так быстро наступает конец всякому из нас. Теперь мы сознаем не только это, не только наше отчаянно-скверное положение, но и начинаем сознавать, что для этого мы должны действовать все вместе, как

один человек. Мы нашли в себе силу, и мы понимаем, что победим, если оружием и шпионству правительства и деньгам капиталистов мы противопоставим наше объединение и сознание. Но для этого нам нужна свобода личная, свобода слова, печати, собраний и стачек. Мы постепенно, шаг за шагом добиваемся этого, и ни аресты, ни палки, ни шпионы, ни жандармы, ни штыки, ни нагайки не могут остановить нас в нашем стремлении добиться полной свободы и организации нашей силы. Это поняло и правительство, поняло, что прежними приемами ему не уничтожить нашего движения. Прежние тайные шпионы и жандармы не много могли сделать: они могли обвинять и забирать в тюрьмы во время какого-нибудь действия, как-то: стачек, разброски прокламаций или случайного подслушивания разговоров, и забирали в тюрьмы десятки и сотни из нас. Но ведь оставались еще многие тысячи, на смену погибшим являлись другие. Поэтому теперь правительство изобрело новый способ — устранить всех сознательных из нас и сослать их в необитаемые места. Кроме увеличения числа тайных шпионов и жандармов, оно открыло собрание механических рабочих и ввело открытое шпионство. На этих собраниях, спрятав свои тигровые когти под овечью шерсть, свои волчьи зубы под человеческими губами, а свой лисий хвост под разодранный рабочий пиджак, эти шпионы смотрят на все умильными и слезливыми глазами и, скрывая свою волчью пасть, говорят нам сладкие слова. Эти звери принимают честный человеческий образ и выступают перед нами, как наши друзья. Вспомним, товарищи, как эти наглые негодяи и изверги ведут себя на наших собраниях. Кто выбрал Афанасьева, Красивского, Яковлева и Булгакова и многих других в руководители? Кем выбран совет наших собраний? Их выбрали жандармы и обер-полицмейстер. Вероятно, они уже чем-нибудь заслужили доверие жандармов и полиции; в каком бы виде они ни являлись перед нами, они не могут быть нашими друзьями. Вспомним, что только совет, состоящий из рабочих, назначенных Зубатовым и Треповым, может руководить нашими собраниями; вспомним 11 октября, когда один рабочий был прогнан из собрания за то, что сказал то, что помешал ему говорить на собрании Красивский; вспомним 18 октября, когда Яковлев потребовал от нас, чтобы мы следили за такими людьми, назвал их неблагонадежными и насмеялся над ними. Яковлев всех нас просит быть шпионами; вспомните, что Булгаков потребовал записи по фамилиям всех ораторов. Для чего это? Конечно, по приказанию Трепова, чтобы знать, кого бросить в тюрьму, если он скажет правду; вспомним, что 13 сентября третий член совета назвал песню о Стенке Разине «низкою и недостойною его, члена совета»; вспомним, что не всякий из нас имеет право проповедовать идеи на этих собраниях. Это право имеет лишь совет, который получил это право от Трепова;

если же другие проповедают свои идеи, то совет выбрасывает их из собрания; вспомним, что с 9 ноября совет стал посылать на районные собрания своего контролера, т. е. шпиона, для того, чтобы узнать всех честных рабочих и их потом арестовать. Ведь если кто предлагает нам что-нибудь вредное для нас, то мы сами поймем это. Зачем же контролер, если не для шпионства? Вспомните, что на жалобных листках совет непременно требует, чтобы выборные от недовольных подписывали свои имена. Это ведь тоже нужно для шпионских целей. Эти имена попадут к Трепову и Зубатову, и с выборными разделяются так, как и прежде с ними разделялись жандармы и полиция; вспомните, что наших выборных в совет шпион Афанасьев должен раньше экзаменовать, чтобы, конечно, узнать, что это за люди. Если это люди честные, не шпионы, непохожи на Афанасьева, то наши выборные не попадут в совет, а через некоторое время окажутся в тюрьме. Товарищи, нас обманывают, нас развращают, хотят нас всех превратить в шпионов, убеждают нас, что правительство, то самое правительство, которое лишает нас свободы, которое помогает капиталистам, которое набрасывает на нас войско с ружьями, казаков с нагайками, полицейских с дубинами, которое нас морит, это самое правительство не враг нам,— говорят эти ставленники Трепова и Зубатова. Товарищи, собрания, которые нам разрешили, имеют одну-единственную цель — ввести в нашу среду измену и облегчить шпионам возможность узнать действительно хороших и честных из нас. Руки членов совета наполнены жандармским золотом и держат железные цепи, чтобы сковать нас и нашу свободу. Они предают нас в руки жандармов. стыдно жать руки этим изменникам, стыдно и опасно вести с ними дружбу. Наши товарищи, боровшиеся за нас и гниющие в тюрьме, объявляют их позорными, презренными ворами, забирающимися в душу честных, доверчивых рабочих; они плачут над участью тех из нас, которые подпали под влияние этих негодяев. Объявим и мы, товарищи, позорным и бесчестным вести с ними дружбу и изменой рабочему делу все поступки, совершенные под влиянием этих новых откровенных шпионов! Позор и презрение этим нудам рабочего класса!

Январь 1902 года.

*Московский комитет российской социал-
демократической рабочей партии*

Искровский период в Москве, с. 117—122.

**ЛИСТОВКА С ПРИЗЫВОМ К РАБОЧИМ УСТРАИВАТЬ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЛИЧНЫЕ ДЕМОНСТРАЦИИ**

1902, январь

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Мартовские дни прошлого года * являются одним из самых ярких и важных моментов в революционной борьбе русского рабочего класса с самодержавием: в эти дни впервые после долгих лет сосредоточенной работы в кружках в обеих столицах и других больших городах шумно прорвалась наружу волна революционной страсти, а жизнь самым решительным образом выдвинула и санкционировала новую боевую тактику — борьбу путем открытых протестов и демонстраций с определенными требованиями. Открытые протесты против той или иной стороны современного политического строя имели место и раньше; особенно часто к этим протестам прибегала в последние годы лучшая часть университетской молодежи. Но значение силы, вызывающей у противника чувство страха, студенческие волнения прошлого года приобрели лишь потому, что студентов поддержала революционная группа рабочего класса. Правительство, конечно, и раньше не сомневалось, что рабочий класс давно уже относится сочувственно к лучшим стремлениям русской интеллигенции; но до тех пор, пока об этом сочувствии не знала так называемая широкая публика, правительство не боялось прибегать к самым крутым и беззастенчивым мерам против всего, что могло причинить ему хоть малейшее беспокойство. Революционная борьба рабочего класса не затихала ни на минуту, но, пока о ней знали лишь в жандармских застенках, правительство, казалось, чувствовало под собой незыблемую почву и с неслыханным бесстыдством подавляло проявления общественного недовольства. Лишь в мартовские и другие дни прошлого года широкая публика, от рабочих масс до извозчиков включительно, узнала, что рабочие решили вывести правительство из жандармских застенков на дневной свет народного гласного и свободного судилища. Мы знаем, какой переполох вызвал в правительстве этот новый акт политической зрелости рабочего класса. Теперь уже недостаточно ограничиваться заявлением, что все обстоит благополучно и что бунтует только кучка злоумышленников. Теперь потребовались самые откровенные приказы о подавлении всяких беспорядков оружием, объявление чуть не всей России под усиленной охраной, решение почти всех политических дел одними жандармами, даже без участия прокурорского надзора, и так далее, и т. д. Наряду с этим по проекту московского жандарма Зубатова впервые

* По новому стилю.

разрешаются профессиональные рабочие союзы с целью показать широким рабочим массам, будто свое материальное положение они могут улучшать и при самодержавном царе, а на самом деле для того, чтобы вылавливать из их среды всех тех товарищей, которые окажутся наиболее энергичными и откровенными в своих речах на собраниях. Эта лихорадочная работа и казацкой нагайки Клейгельса в Петербурге, и замаскированной хитрости Зубатова в Москве говорит об одном: правительство растерялось.

Товарищи! Ваш заклятый враг дрогнул, как только вы стали с ним лицом к лицу на улице. Прошлый год принес вам первую радость за долгие годы в тюрьме и ссылке! Не давайте же нашему врагу опомниться! Обличайте его публично, открыто в уличных демонстрациях, пользуясь для этого всякими удобными случаями. Враг дрогнул — поддерживайте же в нем неустанно эту благодетельную дрожь. Показывайте в такие дни, как 19 февраля, 1 мая, и вообще при всяком общественном протесте и правительству, и русским гражданам, что вашего сознания нельзя подавить ни ружейным прикладом, ни хитрыми уловками, что для успехов вашей борьбы с буржуазией, борьбы для коренного изменения общественного порядка вам нужно прежде всего свободно бороться, нужна политическая свобода, т. е. свобода слова, печати, собраний, стачек и равенство всех перед законом, неприкосновенность личности и т. д. Прошлый год принес вам первую радость, первую ласточку грядущей весны; весна придет, но в вашей власти, и только в вашей, призвать ее скорее. Зовите же ее, товарищи, зовите! Выходите на улицы, пойте революционные песни и крупными буквами на красном знамени пишите:

8-часовой рабочий день!

Долой самодержавие!

Да здравствует революционная социал-демократия!

Да здравствует социализм!

Январь 1902 г.

Московский комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

10 000 экземпляров.

Искровский период в Москве, с. 122—125.

**ЛИСТОВКА МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ С ПРИЗЫВОМ К РАБОЧИМ
О СОВМЕСТНОЙ БОРЬБЕ ЗА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СВОБОДУ**

1902, февраль

Всех, кому тяжело живется на Руси, студенты призывают на улицу, чтобы вместе громко заявить правительству о своих нуждах и требованиях и открыто выразить свое возмущение насилием и

беззаконием полиции, чиновников и министров, под игом которых стонет русский народ.

Бросай же свою работу, рабочий народ, и требуй себе прав, без которых не живет ни один народ в Европе!

Правительство, заботясь только о собственном обогащении, боится народного просвещения, собраний и само никогда не даст лучшей доли — но стоит только всем угнетенным дружно потребовать ее, правительство уступит — ведь от крепостного рабства оно освободило народ только после многих бунтов... Довольно же голода, нищеты и оскорблений, довольно насилий над рабочими, крестьянами и студентами, довольно жадным чиновникам, словно татарским ханам, бесконтрольно властвовать над многомиллионным народом. Пусть же покажет московский рабочий, что он требует себе, как гражданину, права союзов и стачек, что не страшны ему нагайки темных казаков, что грудью готов он бороться за правду. Студенты *, требуйте: 1) чтобы полиция не смела по произволу арестовывать, штрафовать, высылать без суда и вместо теперешнего самоуправства судилась ** судом присяжных, 2) чтобы вместо запрещений говорить и писать о нуждах народа, о притеснениях на фабрике была полная свобода устного и печатного слова, 3) чтобы вместо разрозненности беззащитного против хозяйских союзов рабочего люда была свобода собраний, союзов и стачек, 4) чтобы была свободная бесплатная школа и 5) свобода веры.

Требуйте же вместе с нами свободы!

Красный архив, 1938, т. 4—5(89—90), с. 278—279.

**ЛИСТОВКА «КО ВСЕМ РАБОЧИМ» С РАЗОБЛАЧЕНИЕМ
ЗУБАТОВСКОЙ ЗАТЕИ ОРГАНИЗОВАТЬ ДЕМОНСТРАЦИИ
МОСКОВСКИХ РАБОЧИХ К ПАМЯТНИКУ ЦАРЮ АЛЕКСАНДРУ II**

1902, март, 27-е

КО ВСЕМ РАБОЧИМ

Царское лицемерие и дерзость холопов в Московском Кремле
19 февраля

Товарищи! С самого основания Руси мы не можем указать ни одного момента, когда бы мы, рабочие, почувствовали хоть малейшее облегчение в жизни. А между тем нашими трудами кормится царь и правительство. Нашими трудами создались капиталы богачей, нашим трудом создано могущество России. Но для нас наше государство — это пресс: нижняя доска — это труд, верхняя — это

* Видно, опечатка: по смыслу — «рабочие».

** Так в подлиннике.

лапа помещиков и кулаков-крестьян в деревне, фабрикантов и купцов в городе. Между этими двумя досками находимся мы, рабочие. Самодержец-царь и правительство — это тот винт, который напирает на доску, чтобы плотнее жать то, что лежит под ней, — нас. Когда мы выражали свое недовольство, свою боль и горе, царь и правительство обрушивались на нас. Кровью нашей пропитана наша земля. Более 40 лет тому назад наш постоянный враг — царь, под влиянием целого ряда крестьянских бунтов, объявил, что он заботится о нас, и дал нам волю. С нас спало крепостное иго. Жизнь показала, что собою представляет эта царская воля. Мы видим, что мы лишь вольны пропадать с голоду. Ненасытные рты фабрикантов и купцов в городе, помещиков и кулаков в деревне выпивают всю нашу кровь, съедают все наше мясо. Нам запрещено требовать облегчения, нам запрещено кричать и молить. Шпионы царские доносят о наших криках, а жандармы сажают и морят нас в тюрьме. Но ни шпионы, ни тюрьмы, ни голод не могли заставить нас молчать. Наши требования проникли в другие классы общества, и мы встретили там союзников в лице некоторых студентов и интеллигентов. За этот союз они гниют в тюрьмах и в Сибири вместе с нами. Но, умерщвляя эти молодые силы, правительство в то же время хочет показать им, что мы преданы русскому царю, что мы готовы лобызать как его, так и его шпионов, жандармов, полицию, казаков и солдат. С этой целью правительство устраивает представление (19 февраля) и своею рукою, обогренною нашею кровью, грязнит дорогое для нас воспоминание. Оно принудило заказать за несколько тысяч рублей серебряных венков от московских рабочих и фарфоровый от коломенских и поручило своим шпионам — Афанасьеву, Слепову, Красивскому, Жилкину и другим — собрать бессознательных рабочих, раздать им билеты для входа в Кремль и уговорить их сделать то, что им прикажут. Эти рабочие, числом несколько тысяч, явились к памятнику Александра. «Других рабочих без билетов в Кремль не впускали жандармы». Тут же были все московские шпионы, затем духовенство, некоторые дворяне и, наконец, Сергей, царев дядька. Вокруг этой толпы были размещены группами пожарные и городовые. Несмотря на то, что в Кремле были только свои люди, на всякий случай были спрятаны войска с боевыми патронами, готовые по первому знаку стрелять...

Духовенство отслужило панихиду, духовный хор пропел: «Коль славен», шпионы кричали ура, толпа слабо поддерживала. Сергей сказал окружавшим его шпионам, что он рад быть вместе с ними у памятника его предка. Но внушительная масса рабочих, не впущенная в Кремль и разгоняемая полицией, заставила поспешить прикончить эту комедию. В программу комедии входило еще «Боже, царя храни», но рабочие отказались пропеть, хотя шпионы убеж-

дали их это сделать. Сергей уехал, жандармы и городовые выстроились у каждых ворот Кремля, и толпа была вытолкнута из Кремля нарочно напиравшими на нее сзади пожарными с городовыми. Представление кончилось. Правительство торжествует. Но скоро придет время, и мы, сознательные рабочие, встретимся с этим правительством и покажем, как мы действительно относимся к царю и его опричникам.

Долой самодержавие! Да здравствует социализм!

Да поднимется, наконец, наша мускулистая революционная рабочая рука на наших вооруженных угнетателей и коренным образом изменит общий строй!..

27 марта.

*Московский комитет Российской социал-
демократической рабочей партии.*

Искровский период в Москве, с. 125—128.

**ЛИСТОВКА «КО ВСЕМ МОСКОВСКИМ РАБОЧИМ»
С ПРИЗЫВОМ К БОРЬБЕ С САМОДЕРЖАВИЕМ**

1902, май

КО ВСЕМ МОСКОВСКИМ РАБОЧИМ

Товарищи! Царское правительство не дремлет, зорко следит оно за всеми проявлениями свободного духа, за всякой попыткой сбросить невыносимое иго произвола... Вновь произведен набег на все честное, благородное, и до 400 человек — преимущественно рабочих и студентов — вырваны из среды их семейств и брошены в мрачные тюрьмы. Пули, штыки, нагайки, тюрьма и ссылка — таков царский ответ тому, кто не хочет быть бесправным рабом и ищет лучшей доли. Наглой ложью, жалким обманом правительство удовлетворяет насущные требования рабочих и лучшей части студентов: рабочим предоставлено право изредка собираться для обсуждения некоторых своих нужд в присутствии или под контролем своры жандармов и шпионов, вылавливающих каждого, осмеливающегося сказать то, что думает; студентам разрешено почти то же. Как видно, ни тех, ни других одурачить, отвлечь от борьбы с самодержавием не удалось, и вот правительство в бессильной ярости вновь наполняет тюрьмы. «Гибни или покоряйся, не рассуждай, а повинуйся», — кричат нам представители власти от околоточных до царя. Но тщетно стараются залить пожар, охватывающий гнилое здание нашего общественного строя. Пусть тушат здесь, ярче и ярче разгорается победное пламя, и там не залить его и не затушить ничем. Вперед же, товарищи, вперед! Путь к лучшему будущему, к свободе, к равенству залит кровью, повит тернием, но это нас не испу-

гает; нет другого исхода, и лучше гибнуть в борьбе за счастье, за настоящую жизнь, чем молчаливо гнуть спину под царскими ударами. Нам, голодным и холодным, униженным и оскорбленным, печего терять и можно все приобрести. Мы больше не безропотные рабы, а граждане, требующие уважения к себе. Долой же все, что мешает нам жить, что душит нас, пьет нашу кровь, сушит наш ум, долой же тех, для кого мы не люди, а все выносившие скоты! Долой царя с его свитой министров, жандармов, шпионов, крадущих и обворовывающих нас, управляющих всем! Долой войско, по приказу стреляющее в нас, когда мы предъявляем свои справедливые требования, долой попов и монахов, учящих лишь жалкому смирению и повиновению властям, долой наших хозяев — купцов и фабрикантов, всех тех, кто ничего не делает и для кого мы все работаем! Организуйтесь же, товарищи, будьте готовы на страшную борьбу за свободу. В единении наша мощь и сила; да будет же наш клич: «Долой самодержавие! Да здравствует социал-демократия! Да здравствует революция!» — всеобщим рабочим кличем!

1902 г.

Московский комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

Искровский период в Москве, с. 132—134.

**ЛИСТОВКА «ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ» С РАЗОБЛАЧЕНИЕМ
КЛАССОВОЙ СУЩНОСТИ ЦАРСКОГО СУДА
СОСЛОВНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ,
ПРИЗВАННОГО РАСПРАВЛЯТЬСЯ С РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ**

1902, октябрь

ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ

От Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии

Еще весной ходили слухи, что правительство решило предавать политических суду судебной палаты с участием сословных представителей. В настоящее время эти слухи оправдались: наши товарищи за демонстрацию в Нижнем Новгороде, Саратове и Костроме преданы суду палаты. Итак, начинается новая эра в жизни русских революционеров. Из личных врагов русского правительства, с которыми оно произвольно расправлялось в своих застенках, тщательно скрывая от общества даже существование этих врагов и свои счеты с ними, русские революционеры обращаются в преступников, караемых на общих основаниях русского уголовного права. Русское правительство объявляет их не врагами самодержавия, а людьми, вредными для нормального течения обществен-

ной жизни, и призывает «общество», если оно найдет их виновными в предъявляемых им обвинениях, примерно покарать их. Но русские революционеры не боятся суда даже русского общества. Лишь бы это был общественный суд. Но вся беда в том, что ни русские революционеры, ни само русское общество не может признать общественным судом — суд судебной палаты с участием сословных представителей. Правительство даже и не скрывает, что такой суд является судом таких же самодержавных чиновников, как жандармы, это ясно хотя бы из простого соображения, что четверо коронных судей против трех представителей сословий всегда обеспечивают правительству большинство, и ему остается только позаботиться дать суду соответствующие инструкции, чтобы комедия сошла гладко. Кроме того, вряд ли общество сочтет себя достаточно представленным в лице предводителя дворянства, волостного старшины и городского головы. По нашему мнению, русское правительство могло бы позволить себе большую роскошь в декорациях. Предводитель дворянства, излюбленного дитища русских царей, волостной старшина, назначаемый земским начальником, и представитель нашего городского самоуправления — это более чем нищенская обстановка для такого торжественного представления. Впрочем, мы упустили одно незначительное обстоятельство: представление будет без зрителей, — русскому обществу, давшему, казалось, полномочия своим представителям, не полагается интересоваться тем, какое употребление сделали они из него. Закрытием дверей залы суда перед русским обществом правительство опять показывает, что оно по-прежнему боится призвать последнее в качестве третейского судьи в своей борьбе с революционерами.

Есть, очевидно, другие существенные причины, почему правительство решило вступить на новый путь. За последние два года революционеры выдвинули новый способ борьбы с самодержавием — демонстрации. Справедливо видя в них начало своего конца, правительство всячески старается искоренить это новое зло, раздавить его в самом начале. Что оно решило идти на все, лишь бы вернуться к старому порядку вещей, в этом нам служит доказательством его позорная расправа с виленскими демонстрантами. Но даже самодержавное правительство вряд ли считает свою дикую выходку за решение вопроса о демонстрациях. Ему необходим более современный выход из стесненного положения. Нужно увеличить репрессию во что бы то ни было, вопрос только — как. Недостаточно, оказывается, гноить революционеров по тюрьмам и ссылать их в Якутку: на смену раздавленных врагов являются новые молодые силы. Надо испробовать более действительные средства. Но административным порядком даже по русским законам нельзя сослать на каторгу, нельзя отдавать в арестантские роты. А правительство за последнее время задалось целью во что бы то

ни стало унизить и смешать с грязью революционеров. Чего же лучше, если оно может воспользоваться законами, ссылающими политических на каторгу и отдающими их в арестантские роты, где они могут быть подвергнуты даже телесным наказаниям. Ведь это будет то же, что в Вильне, только на «законном» основании. И вот совершить подобную миссию правительство призвало теперь судебную палату. Кроме того, в предании демонстрантов суду палаты кроется желание правительства сгладить в глазах общества различие между политическими и уголовными преступниками, как это уже сделано со стачечниками, предавая дела о стачках на рассмотрение судебной палаты. Признав невозможность когда-либо прекратить подпольную борьбу с революционерами, правительство пытается приучить смотреть на нее, как на нечто вполне законное и обычное, но нам кажется, что общество поймет, какой разврат кроется в этих планах правительства, и покажет ему, что есть вещи, к которым трудно привыкнуть и приспособиться даже политически не воспитанному обществу. Что же касается до революционеров, то для них не может быть ни малейшего сомнения в том, как отнестись к новым маневрам правительства. Вряд ли кто-нибудь из них в настоящее время так весело настроен, чтобы выступить актером в новой комедии, которую русское правительство готовится дать всему просвещенному миру. Мы думаем, что наши товарищи откажутся на суде признать компетенцию над собой судебной палаты и примут меры, чтобы эта гнусная комедия не удалась. На суде они будут вести себя не как подсудимые, а как обвинители: не защищаться будут они, а протестовать против самого права судить их, потому что мы, революционеры, поставив себе первой задачей свержение самодержавия, не можем подчиниться суду его чиновников, хотя бы они судили нас по закону. Какая может быть законность в государстве, где нет никаких гарантий свободы и царит полный произвол.

Октябрь 1902 г.

Искровский период в Москве, с. 136—140.

**ЛИСТОВКА «К ОФИЦЕРАМ», РАЗОБЛАЧАЮЩАЯ
НАСАЖДЕНИЕ В АРМИИ ЗВЕРИНОЙ НЕНАВИСТИ
К ОСВОБОДИТЕЛЬНОМУ ДВИЖЕНИЮ**

1902, октябрь

К ОФИЦЕРАМ

В г. Рязани 8 октября 1902 г., когда учебная команда Нежинского полка собралась перед началом занятий, штабс-капитан Петров, уже более пяти лет заведующий учебной командой, произнес

вступительную речь о назначении солдата. Он говорил, что задача солдата — усмирять врагов не только внешних, но и внутренних, что за последнее время стали бунтовать крестьяне, например, в Харькове, и что в этом виновны студенты. «Это такая сволочь,— говорил он, употребляя при этом целый поток нецензурных ругательств,— если кто-нибудь из них станет вам что-либо говорить, душите его, сукина сына,— конечно, не прямо: за угол заведите, да там и придушите, дьявола, а девчонки ихние... курсистки тоже бунтуют, так казаки, которых вы выдали на Курских маневрах, задерут им юбочку, да так нахлещут нагайкой, что рубцы надолго останутся, а у нас нагаек нет, так вы...», далее штабс-капитан в возмутительно циничных выражениях советовал солдатам насиловать курсисток, гарантируя им притом полную безнаказанность: «Затащите ее только куда-нибудь подальше и не бойтесь, вам за это ничего не будет».

Приводимый факт, казалось бы, не требует комментариев. По своему чудовищному цинизму он заставит прийти в ужас каждого, в ком не заглохло еще нравственное чувство. И если мы не ограничиваемся только его опубликованием, то это потому, что лежащий перед нами ряд аналогичных фактов со всех концов России, столь же циничных, заставляет нас видеть в речи Петрова не самостоятельную выходку нравственно озверевшего человека, не случайный факт, а сознательно организованный и сверху вдохновляемый план нравственной подготовки русского войска к той его «новой роли» истязателя и палача, исполнять которую ему придется все чаще и чаще. Борется ли задавленный нуждой рабочий против фабриканта из-за лишней поденной копейки — призываются войска, раздаются выстрелы, льется кровь; отстаивает ли крестьянин последний кусок хлеба, спасая себя, жену и детей буквально от голодной смерти,— опять войска, розги, надругание над человеческой личностью, кровь. И вся эта бездна истязаний, убийств совершается войском в защиту этого-то и так туго набитого кошелька. Но участвовать в таких преступлениях и насилиях не станет человек, сохранивший нравственное чувство. Командовать «пли» в безоружную толпу, просящую хлеба, засекать до смерти голодных людей, своих братьев, могут только люди, забывшие, что убийство, истязание есть страшное нравственное преступление — люди, обратившиеся в зверя. Но как люди-звери, которые не остановятся ни перед каким преступлением и зверством, нужны теперь и правительству, и фабрикантам, и помещику, сберегающим свой карман!

И вот в учебной команде происходит воспитание такого человека-зверя, из авторитетных уст педагога-начальника раздается призыв к самым возмутительным насилиям, к самым тяжким уголовным преступлениям.

И там как авторитет гарантируется полная безнаказанность этих преступлений и насилия. Кто не угодил правительству своими убеждениями, тот объявляется вне закона, над ними — «внутренними врагами» — все позволено. Над «их» женщинами можно безнаказанно издеваться, стегать их нагайками, насиловать их... только за их убеждения.

Господа офицеры, если у вас есть нравственное чувство, то вы поймете [ужас]* этого нравственного одичания и разврата, в которое должно погрузиться русское войско в лице и подчиненных, и начальников, чтобы согласиться исполнить навязываемую ему грязную роль палача. А если у вас есть действительно чувство чести, то вам станет ясно, какое глубокое оскорбление этой чести и достоинству армии наносится таким превращением ее в оружие травли и уничтожения «внутреннего врага».

Октябрь 1902 г.

Московский комитет Российской социал-демократической рабочей партии

Искровский период в Москве, с. 140—143.

**ЛИСТОВКА «К РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ» С РАЗОБЛАЧЕНИЕМ ЛЖИ
ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ПОВОДУ РОСТОВСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАЧКИ И ДЕМОНСТРАЦИЙ РАБОЧИХ
И С ПРИЗЫВОМ К ГРАЖДАНАМ ВСТАВАТЬ
ПОД КРАСНОЕ ЗНАМЯ РСДРП**

1902, конец года

К РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ

Новое преступление царской тирании — новая победа русского революционного пролетариата. Всякий уже знает из правительственного сообщения от 19 ноября о героической борьбе ростовских рабочих под руководством Донского комитета Российской социал-демократической партии с русским правительством, знает, что это преступное, обогренное кровью правительство и на этот раз не оставило перед убийством беззащитных людей, мирно собравшихся обсуждать свои дела⁸⁶. Как и всегда в своих сообщениях о народных волнениях, правительство и теперь представляет все событие в самом ложном виде, умалчивает о политическом характере ростовских демонстраций, совершенно не касаясь прокламаций Донского комитета и речей многих ораторов, гнусно лжет о буйстве толпы, о глумлении ее над войсками, желая этим оправдать свое злодеяние, ни словом не упоминает о зверствах казаков при «усми-

* В подлиннике пропущено.

рении» толпы и при расправе с рабочими, их женами и детьми на домах, об убийствах на улицах мирных граждан, не принимавших даже участия в волнениях. Совершенно замолчать об этих событиях, согласно своей прежней тактике, оно уже не могло, так как протест принял слишком уж большие, неслыханные в России размеры: организованные народные митинги более чем в 20 000 человек рабочих и интеллигентов, происходившие ежедневно в течение целой недели, свободный обмен мыслей на виду у казаков, пеших войск и чуть ли не артиллерии. Оно принуждено было опубликовать все это, хотя и в извращенном виде, принуждено было назвать своим именем Российскую социал-демократическую рабочую партию.

Ростовские стачки и демонстрации всем показали, до какой сознательности доросли рабочие массы, каким неиссякаемым источником питается революционная энергия организованного пролетариата. Да послужит же геройская борьба рабочих Ростова и других ближайших городов славным примером всем революционным организациям, да убедит она, наконец, всех колеблющихся, что близок час решительной битвы, что боевые силы уже созрели, что нужно только сплотить эти силы в единую и грозную своим единством армию. Борьба требует жертв, требует жизни, и пусть не пугают нас свист нагайки и залпы выстрелов, пусть не смущает нас масса пролитой крови и слез: на место каждого погибшего товарища являются десятки других, из-под костей замученных жертв встают новые смелые борцы...

И наше самодержавие это понимает, оно чувствует свой последний час и мечется из стороны в сторону, чтобы как-нибудь отсрочить его. То оно казнит смертью Балмашовых и Леккертов, этих героев-мстителей за угнетение народа, ссылает на вечное поселение в Сибирь участников политических демонстраций в Нижнем Новгороде и Саратове, убивает безнаказанно незащитных людей в Ростове и Тихорецкой, то устраивает комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности, обещает расширение городского и земского самоуправления, вводит суд сословных представителей для политических процессов, создавая в уме малосознательных людей иллюзию «законности». С одной стороны, беспощадные строгости и неслыханные репрессии, с другой — послабления. Первое — для революционного пролетариата, честь которого нельзя купить никакими поблажками, как это доказала неудавшаяся попытка Зубатова свести рабочее движение с революционного пути, второе — для трусливых, легковверных и столь падких на компромиссы «либералов». Коварное, лживое правительство заигрывает теперь и со студентами, обещая им прогрессивные реформы, а 6 декабря в день своих именин царь возвращает из Сибири даже ту часть высланных за весенние беспорядки студентов, которые все время

решительно отказывались от каких бы то ни было царских милостей.

Так самодержавие облекается в шкуру кроткой овечки, и находятся люди, которые не видят или не хотят видеть высовывающейся из этой шкуры пасти дикого зверя. Цель такой двойственной политики правительства до очевидности ясна: заманивая разными сладкими песенками неустойчивые элементы населения, правительство хочет лишить освободительное движение пролетариата сочувствия широкого общества, хочет получить голый остов русской революции, думая, что ему легче будет придушить. Разделяй смуту и повелевай — вот его лозунг. Но сознательные граждане, болеющие душой за нашу исстрадавшуюся родину и готовые бороться за свободу сынов ее, не поддадутся этому коварному обману, составляющему вместе с грубым насилием единственную опору самодержавия.

Нет, царское правительство ничего не может нам дать, как не может старое, изгнившее, большое дерево принести здоровые плоды... Свобода может быть куплена ценой упорной борьбы, единодушным действием всех ее истинных друзей. Пусть малодушные перебегают в лагерь врагов, пусть мертвые спят в своих гробах, тем рельефнее выступает прогрессивно-революционная роль пролетариата, неуклонно идущего к достижению лучших и высших форм общежития. Мы обращаемся ко всем русским гражданам, сознающим и чувствующим царящее в стране зло, с призывом встать под красное знамя Российской социал-демократической рабочей партии, посильно содействовать успеху ее борьбы за лучшие идеалы человечества. Победная песня организованного пролетариата раздается все слышнее, заалевшая кровью заря разгорается все сильнее, и близится время, когда она превратится в громадный революционный пожар, когда на развалинах произвола и насилия зацветет зреющее уже дерево свободы и справедливости. Будем же радостно, спокойно и сознательно готовиться к этому великому времени. Объединяйтесь, организуясь в одну общую могучую силу. Против организованного насилия можно противопоставить организованную силу.

Объединяйтесь же, граждане, объединяйтесь!

Время не ждет!

Московский комитет Российской социал-демократической партии.

**ЛИСТОВКА «К МОСКОВСКИМ РАБОЧИМ»
С ПРИЗЫВОМ К БОРЬБЕ С САМОДЕРЖАВИЕМ**

1903, январь

К МОСКОВСКИМ РАБОЧИМ

Московское рабочее движение возникло в половине 90-х гг. Его основа,— общая для всякого рабочего движения,— это стремление улучшить условия труда, повысить заработную плату, уменьшить рабочий день, сократить произвол хозяев и их наемников. Достигнуть этих целей вообще можно двумя путями: непосредственной борьбой с хозяевами, т. е. забастовками, или же путем влияния на правительство, вынуждая его ограждать законами права рабочего от произвола и чрезмерной эксплуатации капитала. Московские рабочие попытались идти первым путем — путем стачек, но встретили здесь крутой беспощадный отпор со стороны самодержавного правительства: для «усмирения» стачечников посылались войска, со стачечниками расправлялись пулей и штыком как с «внутренними врагами». Полиция арестовывала их вожakov, а суды отправляли рабочих сотнями в ссылки и арестантские роты. На помощь рабочим в их борьбе за лучшую жизнь пришли организации социал-демократов: «Рабочий союз», а потом комитет социал-демократической рабочей партии. Эти организации нелегальной литературой, листовками и устной пропагандой старались выяснить рабочим, что условия их борьбы с капиталом не равны, что капиталисты защищены всею силой правительства, его армией, полицией и судами, что рабочим необходимо пробиться через оплот капиталистов — через царское самодержавие к политической свободе, чтобы принудить правительственную машину работать не только для капиталистов, но и для блага рабочего народа. Раз рабочие получают через своих доверенных право на голос при составлении законов, при распределении податей и налогов, при утверждении государственных расходов, то для рабочих явится возможность законом сократить рабочее время до 8 ч. в сутки, учредить пенсии для старых работников, обязать хозяев помогать больным рабочим и т. д. А главное, самое главное — это то, что политическая свобода проложит дорогу открытому объединению рабочих в могучую рабочую партию. Сплотившись при свете дня, партия привлечет под свое знамя весь пролетариат и, достаточно усилившись, захватит в свои руки все заводы и фабрики, уничтожит эксплуатацию одних людей другими, т. е. организует социалистическое общество на началах равенства, братства и свободы всех людей. Так писали и так говорили социал-демократические организации рабочим. Рабочие не остались глухи и слепы: с каждым годом множилось между ними число сознательных рабочих, т. е. социал-демократов, так как вся-

кий сознательный рабочий не может не быть социалистом. Рост социализма в рабочей среде не на шутку напугал царское правительство — оно решило путем обмана свести рабочее движение на ложную дорогу: во-первых, оно издало закон 2 июня 1897 г., который должен был убедить рабочих, что царь-батюшка печется о них, во-вторых, полиция пустилась на хитрость, и главный московский шпион Зубатов учредил Общество взаимопомощи механических рабочих, ввел туда своих провокаторов, шпионы охранного отделения проникли в рабочую среду и стали проповедовать, что царское правительство — истинный защитник и благодетель рабочих, что рабочие должны доверчиво отдаться в руки полиции и выдать ей смутьянов-социалистов и пр. в том же роде. С грустью приходится признать, что шпионы имели некоторый успех среди рабочих. Но что может быть позорней братанья представителей честного труда, представителей класса, предназначенного историей быть освободителем всего народа, всего человечества, с подлыми паразитами охранной полиции. Что может быть, наконец, самоубийственнее для всего рабочего движения в России этого соглашения рабочих со смертельным врагом всякой свободы, всякой справедливости — с царским самодержавием и его шпионами.

Московские рабочие, спросите себя, что вы получили до сих пор от царского самодержавия? Разве не влачите вы по-прежнему ту же трудовую беспросветную жизнь — жизнь без радости в настоящем, без надежды в будущем? Разве не гибнете вы с семьями по-прежнему от голода во время заминок и безработицы? Разве не то же позорное существование бедного Лазаря — уличного нищего — ждет каждого из нас, если машина или старость лишит вас рабочей силы? Разве легче стало добиваться вам своих прав в судьбе? Нет, нет и нет... По-прежнему лучшие из вас томятся в тюрьмах и ссылке, по-прежнему капитал жадно и нагло сосет ваши соки, по-прежнему нет для вас ни права, ни защиты... И не ищите вы эту защиту вне вас самих: ваша сила в вашей груди. Поймите, что всякое право добывается силой, поймите, что вашу долю, ваши права вы должны взять с бою. Ваш главный враг — это враг всего русского народа — самодержавие.

Вы должны низвергнуть его и на месте бессудного произвола и гнета водрузить красное знамя свободы, знамя освобождения рабочего класса и всего русского народа.

Январь 1903 г.

*Московский комитет Российской социал-
демократической рабочей партии.*

**ЛИСТОВКА «К ТОВАРИЩАМ РАБОЧИМ» С ОПИСАНИЕМ
ДЕМОНСТРАЦИИ РОСТОВСКИХ РАБОЧИХ, ДАННОЙ
«ЮЖНОРУССКОЙ ГРУППОЙ СРЕДНИХ УЧИЛИЩ»,
И С ПРИЗЫВОМ К МОСКОВСКИМ РАБОЧИМ ОБЪЕДИНИТЬСЯ
ДЛЯ БОРЬБЫ С УГНЕТАТЕЛЯМИ**

1903, март

К ТОВАРИЩАМ РАБОЧИМ

«Ростов н/Д. В воскресенье 2 марта 1903 г. произошла здесь небывалая по своим размерам демонстрация. Донской комитет решил устроить демонстрацию, для чего собрал рабочих в Темерницкой балке (где происходили ноябрьские собрания рабочих) — якобы для «кулачек», привлекавших сюда по воскресеньям толпу в несколько тысяч человек. К 4 часам дня в балке собралось тысяч 7—8 народу разного пола и возраста, преимущественно рабочих и их семейств. Тут же в толпе присутствовало десятка полтора городских, следящих за порядком. Вдруг на холме взвилось два красных знамени с надписями: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует 8-часовой рабочий день!» На вершине холма показалась фигура оратора. Кулачки моментально прекратились и крики замолкли. «Духи, духи!»* раздалось вдруг из толпы, и сотни мозолистых рук с угрозой поднялись над головами по направлению к кучке городских, кравшихся с приставом во главе к знаменам и оратору. «Духи» остановились и больше уже не пытались проникнуть вперед.

«Товарищи! — начал оратор, — Донской комитет шлет вам свой привет. Товарищи! Сил у вас накопилось так много, что они ищут себе выхода. Но не лучше ли, чем тратить ее попусту «на кулачки», употребить ее с пользой и пойти в город на демонстрацию. Донской комитет приглашает вас идти в город! Согласны ли вы идти?» «Согласны! Согласны!» — единодушно отвечала толпа. «Так идем же». И вся толпа всколыхнулась и двинулась вперед. Раздались громовые раскаты рабочей марсельезы, толпа ринулась в город. Как лавина, скатилась она с горы, перескакивая через глубокие рытвины, скатываясь с крутых обрывов. Никакие силы не могли бы удержать этот бурный поток. Казалось, благодатная свобода уже обретена, и тысячи рабов станка и тисков полной грудью вдыхают ее. Демонстранты мирно дошли до Садовой улицы (главная в Ростове, где произошла первая стычка с полицией). Несколько городских и пристав бросились к знаменам, но туча камней заставила их разбежаться, а пристава —

* Так называли, очевидно, городских в Ростове-на-Дону.

спрятаться в подворотню. Демонстранты свободно двинулись дальше. Полиция почти совершенно отсутствовала. Рабочие с громким пением «Марсельезы», «Варшавянки» и с криками: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Долой буржуазию!» — стройно двинулись вверх по Садовой. Была чудная весенняя погода, на улицах была масса гуляющей публики. Полиция, понемногу увеличившаяся в числе, также двинулась вперед, составляя, таким образом, оригинальное дополнение к демонстрации, показывая этим собственное бессилие. От Соборного переулка демонстранты повернули назад и дошли до Таганрогского проспекта. Постояв с минуту, демонстранты снова двинулись вверх по Садовой и беспрепятственно дошли до Большого Проспекта (центр города), все время оглашая воздух революционными возгласами и песнями. Настроение у всех было до необычайности повышенное и бодрое. Ядро активных демонстрантов доходило до 500 человек, среди них было много женщин. Полиция к тому времени пыталась загородить улицу на углу Большого Проспекта извозчиками пролетками и стянула сюда с полсотни городских, жандармов и шпионов... Но демонстранты, дойдя до Большого Проспекта и считая свою цель достигнутой, спрятали свои знамена и рассеялись среди толпы тысяч в 20, успевшей собраться со всего города и запрудившей улицу на протяжении нескольких кварталов. Полиция и шпионы тотчас же набросились на демонстрантов, но было уже поздно. Пристав 4-го участка Антонов схватил было одного демонстранта, но сильный удар палки раздробил ему голову, и его чуть не замертво снесли в ближайшую аптеку. Шпионы, жандармы и полиция принялись хватать и арестовывать первых попавшихся под руку лиц. Впрочем, рабочие энергично защищались и избивали еще несколько чинов полиции. Вдали, наконец, показались давно жданные казаки. За несколько минут перед этим пришла сотня казаков, но ее в ход не пускали. Казаки бросились на толпу и, выхватывая отдельных лиц, зверски избивали их. На Большом Проспекте десяток казаков набросились на какого-то старика с женщиной и избивали их до того, что старик стал браться в исступлении на казаков. Действиями казаков и полиции не удалось, однако, разогнать публику, которая толпилась на улицах до поздней ночи. Всего было арестовано до 30 человек рабочих и интеллигентов. В участках арестованных зверски били и грубо издевались над ними. Демонстрация увенчалась полным успехом, длилась она более полутора часов и своими внушительными размерами, своею стойкостью и выдержанностью произвела на всех глубокое впечатление».

(Перепечатано с листка «Южнорусской группы средних училищ». Ростов-на-Дону.)

Товарищи рабочие! Не наводят ли вас сведения, сообщаемые здесь о так успешно прошедшей ростовской демонстрации, в которой очень ясно выразилась общность интересов и организованность ростовских рабочих, на мысль о том, почему такие демонстрации не удаются в Москве, почему здесь, где такая масса рабочих, где такие ужасные условия труда, рабочие не могут выступать так же смело против их общего врага: самодержавия и капитала? Ответ нам кажется очень простым: нам не хватает объединения, не хватает сильной рабочей организации, которая одна только может успешно руководить рабочим движением.

Демонстрации же необходимы нам для того, чтобы открыто выражать свои требования, чтобы показать правительству и обществу свою силу и готовность бороться за свои интересы. Но для того чтобы демонстрации удавались, для того чтобы рабочие могли собраться в назначенное время в назначенном месте, для того чтобы среди нас господствовало единодушие, нам нужно объединиться в сильную рабочую организацию, членом которой теперь является местный комитет Социал-демократической рабочей партии.

Объединяйтесь, товарищи, чтобы всегда быть готовыми выступить против своих угнетателей!

Март. Изд. 1903 г.

Москва.

Искровский период в Москве, с. 162—166.

ДОКЛАД О МОСКОВСКОМ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ НА II СЪЕЗДЕ РСДРП *

...В течение всего 1897 г. Московский рабочий союз, кроме небольшого числа прокламаций на отдельные заводы, ничем особенно не проявил себя, и тем не менее аресты происходили очень часто, а именно 21 марта, 4 апреля, в мае, 2, 21 и 24 декабря.

И в последующие годы организации рушились как карточные домики, не успев мало-мальски окрепнуть. В начале 1898 г. мы узнаем об аресте 30 человек, из них несколько рабочих. Затем, зимою 1898—1899 гг. образуется комитет российской социал-демократической партии. В январе им выпущены две прокламации на заводе Листа, а перед Первым мая распространены воззвания, выработанные совместно с Киевским и Петербургским комитетами. Между прочим, Московский комитет призывает рабочих к общей забастовке в день международного пролетарского праздника, но таковая, конечно, не состоялась. Нужно упомянуть еще об од-

* Часть доклада с описанием социал-демократического движения в 1895—1897 гг. опущена, поскольку этот период освещен в отчете Центрального комитета московского «Рабочего союза» (см. настоящее издание, с. 118—133).

ной прокламации Московского комитета, представляющей из себя письмо рабочего по поводу 1 Мая.

Однако со времени образования комитета произошел целый ряд арестов: в феврале, апреле, мае, июне, октябре и декабре 1899 г.

1900 год начался также арестами. Дела организации шли, по обыкновению, далеко не блестяще: 1 Мая комитет распространил 340 воззваний на красной бумаге и 200 брошюр, а в сентябре была выпущена прокламация «Memento», обращенная к молодежи.

Комитет копил силы. А потому в феврале 1901 г., когда, можно сказать, вся Москва волновалась, социал-демократический комитет молчал. Рабочие вышли на демонстрацию без всякого руководства. В марте же комитет проваливается почти в полном составе.

В это время происходит факт, довольно характерный для положения дел в Москве. Первые номера «Искры», доставленные сюда по заказу комитета, приходится распространить хотя бы только среди интеллигенции при помощи — о, позор! — социалистов-революционеров, так как всякие следы социал-демократов исчезли на несколько месяцев.

Русский отдел организации «Искры», найдя Москву в таком печальном положении, вынужден был при первых же своих шагах обратить особое внимание на восстановление здешнего комитета. Вся весна и лето проходят в поисках остатков комитета и связей с рабочими. Получаемая в это время литература, главным образом «Искра», распространяется при помощи небольшой организации, устроенной специально только для этой цели. Надо признаться, что на заводы и фабрики газета попадает случайно и в ограниченном количестве. Москва, откуда всегда раздаются жалобы на недостаток литературы, не могла поглотить даже сравнительно незначительного количества экземпляров газеты, когда они оказались налицо.

Только в августе удается познакомиться с одним из деятелей комитета. По его словам, он разрывается на части, почти один на своих плечах выносит всю организационную работу. Нужда в людях, нужда в литературе, нужда во всем. Правда, в течение осени ожидается присоединение нескольких новых товарищей и, следовательно, улучшение дел. Есть даже проект об издании местной газеты.

Предложение члена организации «Искры» — вступить в самые тесные отношения и работать вместе с ними — принимается с большим удовольствием. Только второе свидание, по случаю отъезда москвича, откладывается на две недели. В действительности же свидание не могло состояться около месяца; а в октябре

произошел провал. В числе арестованных оказался и член комитета, ведший переговоры с искровцем. Последнему приходится вновь приняться за поиски.

В конце октября к нему являются оставшиеся пропагандисты и просят помощи. Положение их было трагичное. На попечении очень молодых и неопытных людей остался целый ряд рабочих кружков, даже Рабочий комитет, состоявший из представителей нескольких заводов. Но они буквально ничего не имели, чтобы использовать хотя бы как-нибудь эти связи. Два-три студента бегали из одного кружка в другой, пропагандировали без всякого плана, имея в своем распоряжении только легальную литературу. Никаких намеков на организацию не было налицо. Полное бессилие во всех отношениях. Правда, Рабочий комитет собирается иногда, но должен бездействовать, так как комитет интеллигентов, на обязанности которого было доставлять литературу, заведовать пропагандой и вообще руководство, фактически не существует. Тщетно дожидались некоторые рабочие кружки пропагандистов. О прокламациях и о какой бы то ни было агитации при таких условиях не могло быть и речи. Словом, требовалось возводить здание комитета с самого основания. Находившиеся тогда в Москве члены организации «Искры», нелегальные, люди с революционным прошлым, высказали свою полную готовность немедленно взяться за совместную работу. Казалось бы, что крайний недостаток в людях и то обстоятельство, что студенты-пропагандисты сами обратились за содействием к искровцам, должны были создать между обеими сторонами товарищеские отношения и полное доверие. К тому же между нами не возникало никаких принципиальных разногласий. Но действительность оказалась далеко не таковой. При первом же свидании пропагандисты охотно согласились на все условия, готовы были принять в организацию всех предложенных искровцев и в знак полной солидарности были переданы в редакцию «Искры» имеющиеся у них корреспонденции рабочих и очень скверно отгектографированная брошюра Московского комитета о легальных союзах. Последняя должна была быть обработана с литературной стороны редакцией «Искры» и отпечатана в большом количестве. К слову сказать, и здесь не повезло Москве: 5000 экземпляров этой брошюры, готовые уже к отсылке, были арестованы в кишиневской типографии «Искры».

Но вернемся к переговорам, обещавшим вначале быстрое соглашение. Однако очень скоро наступило разочарование. Явились люди, недоброжелательно настроенные к «Искре», и стали внушать недоверие к ее представителям. Искровцев заподозрили в желании узурпировать власть. И тут посыпался на их головы целый ряд нелепых обвинений вроде того, что они вовсе не хотят работать вместе, а имеют в виду только открыть свою лавочку,

что они дискредитируют комитетских интеллигентов в глазах рабочих, разговаривая с последними о тактических и программных вопросах, и т. д. Началась ужасная волокита. В течение почти двух месяцев шли бесплодные разговоры и споры. Только в декабре, при помощи старых членов комитета, оказавшихся уже на воле, удалось уговорить расхोдившуюся публику и начать организационную работу. Все соглашались на учреждение одного центра. Составляется несколько прокламаций по поводу зубатовских собраний, но на первых порах не удается поставить даже самую примитивную технику, так как все обещания в этой области на деле оказались не исполненными. Поэтому, с грехом пополам, выпускаются только сотни три очень скверно отгектографированных прокламаций. Делаются попытки привлечь новых работников в Москву, так как при наличном составе нельзя было даже думать о разделении труда, к тому же члены организации «Искры» по роду своих работ должны были иногда выезжать из Москвы.

Наступает январь, и дни вновь сформировавшейся организации были сочтены. Вскоре после нового года жандармы начали генеральную чистку Москвы. Почти ежедневно арестовывалось до 50 человек. Среди захваченных оказались почти все наиболее активные и сознательные рабочие, весь Рабочий комитет и студенты-пропагандисты, а часть организаторов-искровцев попала в ловушку в других городах.

Таким образом, оставшимся на воле товарищам пришлось почти все начинать снова: связи с рабочими остались очень ограниченными, да и то были не совсем надежные. Русская организация «Искры», потерпев во время всероссийского февральского погрома 1902 г. довольно значительный урон, не могла мобилизовать в Москву свежие силы. Но все-таки комитет, хотя и жалкий, продолжал свою деятельность и 16 марта выпустил прокламацию, предостерегающую московских рабочих от зубатовских агентов. Но в апреле опять аресты, коснувшиеся также и комитета. Арестовано, между прочим, предмайское организационное собрание рабочих, выданное провокатором*.

Мы живо сознаем, что история социал-демократического движения в Москве дает слишком мало удовлетворения настоящему съезду. Но тем не менее мы считаем своим долгом сказать теперь голую правду, как бы прискорбна она ни была. В Москве революционная социал-демократия спасовала перед полицейским социализмом.

Рыцари Охранного отделения, начавшие в 1896 г. усиленное

* Далее в подлиннике зачеркнуто: «В течение 1902 и 1903 гг. положение дел в Москве очень мало изменяется к лучшему. Об этом смотри доклад второго делегата⁸⁷».

развращение рабочих в застенках, постепенно перешли к открытой пропаганде и агитации своих нечистоплотных идей. Общество взаимопомощи механических рабочих под председательством агентов-провокаторов, вроде Афанасьева, Красивского, патриотическая манифестация⁸⁸, собрания рабочих, из которых почти единогласно изгоняется свой же брат рабочий только за то, что высказал возмущение против одного из ораторов, предлагавшего давать интеллигентов, сующих нос к рабочим,— вот несомненные трофеи Зубатова и К⁰.

В 1898 г. исполняющий должность московского обер-полицеймейстера в своем тайном докладе по поводу быстрого роста рабочего движения высказал пожелание: где пристраивается революционер, там обязана быть и государственная полиция. Как видите, их превосходительство, вдохновляемое Зубатовым, были очень скромны. В настоящее время полицейские агенты удобно расположились там, куда тщетно старается пробраться революционер.

В чем же лежит неуспех пролетарского социализма в Москве, в то время как повсюду он неуклонно одерживает победы и развивается вширь и вглубь. Несомненно самой главной причиной является зубатовщина. Здесь вполне оправдываются слова «Искры», что полицейский разврат нам страшнее полицейского насилия.

Еще в 1896 г., когда социал-демократы довольно небрежно относились к организационным вопросам, ловкий Зубатов сумел широко и прочно поставить организацию провокаторов и сразу захватить твердую позицию.

В особенности опасными оказались его происки в рабочей среде. Он уже тогда, благодаря своему оригинальному, но несомненному таланту, завербовал довольно значительное количество провокаторов из рабочих. Афанасьев, Красивский, Слепов, теперешние лидеры полицейского социализма, сначала очень скромно подвизались, расплываясь в рабочей массе. Как пострадавшие за правду (Афанасьев был несколько раз арестован, но всякий раз получал право жительства в Москве), они могли при помощи беsed «по душам» в течение целого ряда лет отмечать большое количество кандидатов для тюрем и ссылки. Нам достоверно известно, что до самого последнего времени, пока Афанасьев и К⁰ не сорвали с себя маску и не выступили на открытую арену во главе зубатовского общества, многие передовые рабочие вели с ними знакомство и не скрывали от них своих политических взглядов. Немудрено поэтому, что, как только такие рабочие заводили сношения с комитетом, они быстро попадали в лапы жандармов и влекли за собой своих новых товарищей-интеллигентов. Теперь Афанасьев и К⁰ получили новое назначение, и несомненно вместо них действуют в таком же духе и с неменьшим успехом другие

избранники, умело скрывая свою настоящую физиономию. А при отсутствии какой бы то ни было преемственности между организациями провокаторы работают безнаказанно, узнаются слишком поздно и переживают несколько поколений революционеров, в особенности, если принять во внимание, что, как общее правило, проваливаются все сразу. Новые деятели идут ошупью и часто попадают в те же самые сети. Между прочим одним из показателей, насколько велико в московской рабочей среде провокаторство, является то обстоятельство, что сплошь и рядом интеллигенты арестовываются на рабочих квартирах.

Но за последнее время вылавливание революционеров и «сочувствующих» поставлено на более широкую ногу. Такому вылавливанию служат районные собрания под председательством членов совета общества взаимопомощи механических рабочих. Упомянутый совет состоит исключительно из рабочих зубатовского толка. Эти господа выступают в качестве постоянных ораторов на районных собраниях, провоцируя своими речами всех отзывчивых рабочих. Что такое средство очень действительно, за это говорят красноречиво многие примеры. Был случай, когда даже опытный революционер, можно сказать, травленный волк, к тому же еще нелегальный, возмущенный всякими пасквилями на социалистов, чуть было не попал в ловушку. Только энергичные усилия бывших с ним товарищей заставили его воздержаться от обличительной речи. В конце концов очень удобным слепым орудием для Охранного отделения является масса «невинных душ», верующих в чистоту намерений устроителей легальных рабочих обществ. Таким наивным рабочим усердно прививается враждебное отношение к социалистам, будто бы самым опасным врагам не только царя-батюшки, но и рабочего класса. Запуганные таким образом невежественные рабочие немало тормозят развитие пролетарского освободительного движения в Москве.

Всеми указанными обстоятельствами объясняется, почему революционная социал-демократия до сих пор не могла упрочиться на московских фабриках и заводах. Здесь искуснее, чем где бы то ни было, оберегается доступ к рабочей массе. Хотя Зубатов — душа провокаторской системы — в настоящее время перенес свою резиденцию в Петербург, но машина, раз заведенная, действует также хорошо и при более посредственных управителях.

Теперь мы должны упомянуть еще об одной стороне зубатовщины. Со времени подвигов Рума⁸⁹ среди москвичей очень широко развита своего рода мания — везде видеть провокаторов. Благодаря этому сношения между товарищами, работающими случайно независимо друг от друга, завязываются чрезвычайно туго. Нам лично известно несколько примеров за 1901 и 1902 гг., когда отдельные лица, имеющие связи с рабочими, только после долгих

размышлений решались вступить в сношения с организацией, но всякий раз, когда наступал день свиданий, у них не хватало храбрости довести дело до конца. Боязнь провокаторства у некоторых дошла до такой степени, что они стали принципиально отрицать возможность какой-либо организации в Москве. По их мнению, только одиночки в состоянии поддерживать более продолжительные сношения с рабочими и таким образом, может быть, медленно, но зато верным путем проведут идеи социализма в широкие массы. Конечно, такие рассуждения ни на чем не основаны, так как провокаторство за последнее время особенно сильно проявляет себя в рабочих кварталах. И в силу этого непонятно, почему одиночка будет реже налетать на провокатора, чем член организации. А между тем при сравнительно незначительном количестве социал-демократических сил их постоянное раздробление оказывает несомненно очень вредное влияние на московское движение. Кроме того, провокаторство наложило особенно сильный отпечаток на среду «сочувствующих». Здесь уже боязнь переходит в трусость, а потому сношения с такими людьми делаются часто совершенно невозможными.

Нам осталось сказать еще несколько слов о других причинах, затрудняющих развитие социал-демократического влияния в Москве, но не имеющих непосредственного отношения к зубатовщине.

Первой такой причиной является полное отсутствие опытных революционеров. Москва тщательно очищается от неблагонадежных элементов, и раз скомпрометированный человек, если он не желает поступить на службу в Охранное отделение, почти на всю жизнь лишается права въезда в Москву. И таким образом получается, что громадный промышленный центр, могущий вместить в себя все население Киева, Харькова, Екатеринослава, Ростова-на-Дону и еще других городов, располагает революционными организаторами, которые выходят главным образом из рядов бывших ссыльных и поднадзорных, даже в меньшей степени, чем каждый из перечисленных пунктов в отдельности. Правда, за последнее время с легкой руки организации «Искры» Москву стали посещать нелегальные, но приток их был случайный и крайне незначительный, а потому они не могли оказать существенного влияния на лучшую постановку организации.

Но наряду с отсутствием опытных революционеров в Москве наблюдается громадный недостаток в революционной молодежи. Петербург также беден людьми испытанными, но там этот недостаток компенсируется до некоторой степени наплывом все новых и новых революционных сил. Наиболее энергичные и ищущие политической жизни элементы прежде всего стремятся в Петербург, и, по-видимому, только на худой конец мигрируют с Москвой. Нако-

нец, мы должны коснуться жилищ рабочих, крайне неудобных для пропагандистских и агитационных целей. И в этом отношении Москва и окружающий ее промышленный район находятся в особенно неблагоприятных условиях. Не говоря даже о фабричных рабочих, живущих преимущественно в казармах, даже заводские, наиболее оплачиваемая и культурная часть пролетариата, ютятся обыкновенно в очень многолюдных квартирах с фиктивными перегородками, даже семейные часто не имеют отдельных комнат. Всего чаще рабочие снимают «углы». Поэтому в большинстве случаев приходящий интеллигент принужден агитировать или пропагандировать на глазах совершенно посторонних людей. В такой обстановке всякая конспирация теряет свою силу. И насколько нам известно, ни одной московской организации, при сравнительно больших ассигновках рабочим на наем подходящих квартир для собраний, никогда не удавалось добиться значительных улучшений в этом отношении. Но это зло, на наш взгляд, легко поправимо, стоит только движению разрастись вширь и вглубь и захватить работниц, совершенно почти не затронутых до сих пор социал-демократическим влиянием. Тогда же мы легко будем находить достаточно ловких и предприимчивых хозяек для содержания конспиративных квартир. А широко раскинувшаяся Москва, со своими предместьями и сохранившимися патриархальными в полицейском отношении уголками, покажет, что она всегда готова дать серьезным революционерам надежный приют, которого уже нельзя найти не только в Петербурге, но, пожалуй, даже в некоторых провинциальных городах. Но все перечисленные исключительно неблагоприятные условия, не позволяющие до сих пор укрепиться социал-демократии в Москве, не должны нас пугать в будущем, раз образуется строго объединенная партия, так как самый решающий момент в нашем деле — пролетариат — обладает и здесь всеми свойствами революционного класса. За это говорят упомянутые факты 1895, 1896 и 1901 гг., кроме того, наши личные наблюдения и наблюдения товарищей показывают, что почва здесь для социал-демократии самая благоприятная. Нужны только умелые сеятели. Но пока вся революционная энергия находится в скрытом состоянии. Московский пролетариат проявит немедленно свою могучую революционную силу, как только во главе него встанет крепкая социал-демократическая организация.

Одни московские товарищи, предоставленные исключительно только своим собственным силам, не в состоянии были добиться успеха. Недостаточной оказалась и помощь «Искры». Но что было недоступно отдельным организациям, то может и должна сделать партия.

Прежде всего партия при помощи Центрального комитета должна взять в свои собственные руки распределение революци-

онных сил, а не оставлять это дело в ведении Департамента полиции, как это было до сих пор.

И на самой первой очереди стоит Москва. Сюда необходимо командировать сразу значительную группу испытанных революционеров, чтобы они могли взять все дело в свои руки, поставив организацию на принцип строгого разделения труда. Причем все связи с рабочей средой должны устанавливаться революционерами-рабочими, так как только они, расплываясь в массе и наблюдая изо дня в день окружающих, могут с большим успехом избегать провокаторских ловушек.

Мы не предлагаем никаких новых специфических средств для возрождения социал-демократического рабочего движения в Москве. Таких средств нет. Нужно только, чтобы организационная работа перешла в надежные руки; своих собственных сил для борьбы в Москве недостаточно. А потому дело московского пролетариата партия должна сделать своим собственным делом. Пока существовал хаос в наших рядах, мы волей-неволей должны были мириться с печальной участью московского социал-демократического движения. С того же момента, как Российская социал-демократическая рабочая партия вновь организуется, мы обязаны во что бы то ни стало поставить на ноги социал-демократическую работу в Москве. Завоевание крепости зубатовщины есть вопрос долга и чести обновленной партии. Первые успехи в Москве будут лучшим залогом нашей скорой и окончательной победы.

Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 года:
Протоколы. М., 1959, с. 631—639.

НА ЛЕНИНСКИХ ПОЗИЦИЯХ

ЗА УКРЕПЛЕНИЕ ПАРТИИ

РЕЗОЛЮЦИЯ МК РСДРП С ПОРИЦАНИЕМ ДЕЗОРГАНИЗАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЬШЕВИКОВ ВО ГЛАВЕ С МАРТОВЫМ⁹⁰

Принята в конце 1903 г.

Выражая полную солидарность с постановлениями съезда, идеально выполнившего свои задачи, Московский комитет всецело подчиняется центральным учреждениям с уверенностью, что они успешно выполняют возложенные на них съездом обязанности в деле объединения революционной социал-демократии. Московский комитет *порицает* дезорганизаторские попытки, нарушающие цельность и единство в работе. Московский комитет предлагает Мартову подчиниться постановлению съезда и войти в состав редакции.

Третий съезд РСДРП: Сборник документов и материалов. М., 1955, с. 97.

РЕЗОЛЮЦИЯ МК РСДРП В ПОДДЕРЖКУ В. И. ЛЕНИНА И ЕГО ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ, ЗА СОЗЫВ ЭКСТРЕННОГО СЪЕЗДА РСДРП, КАК ЕДИНСТВЕННОГО СРЕДСТВА ВЫХОДА ПАРТИИ ИЗ КРИЗИСА

Принята в августе 1904 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА

Московский комитет посвятил особое собрание обсуждению дел в партии, пришел к следующим выводам:

1) Совместная работа большинства с меньшинством, рекомендуемая редакцией ЦО как единственный выход из настоящего, в высшей степени ненормального положения, становится все чаще и чаще невозможной, благодаря все более обостряющимся отношениям между обеими сторонами, приведшим уже местами к фактическому расколу и невозможности для представителей одного из течений работать в комитетах другого. Такому обострению отношений сильно способствует сама редакция, хотя она и пропо-

ведует совместную работу, заменившая чисто принципиальное выяснение разногласий все более резкими тенденциозными статьями и корреспонденциями, сплошь и рядом пользующаяся для них сомнительным материалом (см. №№ 58, 63, 64 и т. д.).

2) После второго съезда прошло *satis** времени как для ознакомления партийных работников с решениями съезда, взаимоотношением сил в партии, физиономией высших учреждений, в частности новой редакции ЦО, так и для формулировки и обоснования тех глубоких принципиальных разногласий, на которые ссылается меньшинство, начав борьбу против решений II съезда, и для проведения в жизнь новых организационных принципов в тех комитетах, где меньшинство бойкотом ЦК добилось полной самостоятельности, не допуская на ответственные роли представителей большинства.

3) Важность переживаемого нами момента заставляет напрягать все силы для возможно скорейшего ликвидации теперешнего положения, окончательно расшатывающего партию и грозящего затянуться на долгое время.

Принимая все это во внимание, Московский комитет высказывается за созыв экстренного съезда, как единственного средства при данном положении прекратить так или иначе современный кризис. Ввиду часто повторяющихся опасений того, что съезд может повести к расколу, Московский комитет снова подчеркивает, что считает обязанным всякого партийного работника, какое бы положение в партии он ни занимал, подчиняться решению съезда и что при соблюдении этого условия и отсутствии, по мнению Московского комитета, таких глубоких принципиальных разногласий, которые делали бы при доброй воле невозможной совместную работу, он не видит достаточно объективных данных для раскола.

В заключение Московский комитет заявляет, что он продолжает оставаться солидарным с организационными принципами «Что делать?» и «Письма к товарищу...»⁹¹, как единственно соответствующими политической партии пролетариата.

Август 1904 г.

Московский комитет.

Третий съезд РСДРП: Сборник документов и материалов, с. 97—98.

* Достаточно.

**РЕЗОЛЮЦИЯ «22-х ЧЛЕНОВ РСДРП — ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ,
СТОЯЩИХ НА ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ БОЛЬШИНСТВА
II ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА»⁹². НАПИСАНА В. И. ЛЕНИНЫМ**

Ранее 1(14) августа 1904 г.

К партии.

Недавно состоялось частное собрание 22-х членов РСДРП — единомышленников, стоящих на точке зрения большинства II партийного съезда; эта конференция обсудила вопрос о нашем партийном кризисе и средствах выхода из него и решила обратиться ко всем российским социал-демократам с нижеследующим воззванием:

Товарищи! Тяжелый кризис партийной жизни все затягивается, ему не видно конца. Смута растет, создавая все новые и новые конфликты, положительная работа партии по всей линии стеснена ею до крайности. Силы партии, молодой еще и не успевшей окрепнуть, бесплодно тратятся в угрожающих размерах.

А между тем исторический момент предъявляет к партии такие громадные требования, как никогда раньше. Революционное возбуждение рабочего класса возрастает, усиливается брожение и в других слоях общества, война и кризис, голод и безработица со стихийной неизбежностью подрывают корни самодержавия. Позорный конец позорной войны не так уже далек; а он неминуемо удесятерит революционное возбуждение, неминуемо столкнет рабочий класс лицом к лицу с его врагами и потребует от социал-демократии колоссальной работы, страшного напряжения сил, чтобы организовать решительную последнюю борьбу с самодержавием.

Может ли наша партия удовлетворить этим требованиям в том состоянии, в каком она находится теперь? Всякий добросовестный человек должен без колебания ответить: нет!

Единство партии подорвано глубоко, ее внутренняя борьба вышла из рамок всякой партийности. Организационная дисциплина расшатана до самых основ, способность партии к стройному объединенному действию превращается в мечту.

И все же мы считаем эту болезнь партии болезнью роста. Основу кризиса мы видим в переходе от кружковой формы жизни социал-демократии к формам партийным; сущность ее внутренней борьбы — в конфликте кружковщины и партийности. И потому, только покончивши с этой болезнью, наша партия может стать действительно партией.

Под именем «меньшинства» в партии сплотились разнородные элементы, связанные сознательным или бессознательным стремлением удержать кружковые отношения, допартийные формы организации.

Некоторые выдающиеся деятели наиболее влиятельных из

прежних кружков, не привыкшие к тем организационным самоограничениям, которых требует партийная дисциплина, склонны по привычке смешивать с общепартийными интересами свои кружковые интересы, которые в кружковый период действительно могли зачастую совпадать с ними,— целый ряд таких деятелей стал во главе борьбы за кружковщину против партийности (часть бывшей редакции «Искры», часть бывшего Организационного комитета⁹³, члены прежней группы «Южный рабочий»⁹⁴ и др.).

Их союзниками оказались все те элементы, которые в теории или практике отклонялись от принципов строгого социал-демократизма, ибо только кружковщина могла сохранить идейную индивидуальность и влияние этих элементов, партийность же угрожала растворить их или лишить всякого влияния (экономисты, рабочедельцы и др.). Наконец, главными кадрами оппозиции послужили вообще все элементы нашей партии, которые являлись по преимуществу интеллигентскими. По сравнению с пролетариатом интеллигенция всегда более индивидуалистична уже в силу основных условий своей жизни и работы, не дающих ей непосредственно широкого объединения сил, непосредственного воспитания на организованном совместном труде. Поэтому интеллигентским элементам труднее приспособиться к дисциплине партийной жизни, и те из них, которые не в силах справиться с этой задачей, естественно поднимают знамя восстания против необходимых организационных ограничений и свою стихийную анархичность возводят в принцип борьбы, неправильно обозначая эту анархичность, как стремление к «автономии», как требование «терпимости» и т. п.

Заграничная часть партии, где кружки отличаются сравнительной долговечностью, где группируются теоретики различных оттенков, где решительно преобладает интеллигенция,— эта часть партии должна была оказаться наиболее склонной к точке зрения «меньшинства». Поэтому там оно и оказалось вскоре действительным большинством. Напротив, Россия, где громче слышится голос организованных пролетариев, где и партийная интеллигенция в более живом и тесном общении с ними воспитывается в более пролетарском духе, где тяжесть непосредственной борьбы сильнее заставляет чувствовать необходимость организованного единства работы,— Россия решительно выступила против кружковщины, против анархических дезорганизирующих тенденций. Она определенно выразила это свое отношение к ним в целом ряде заявлений со стороны комитетов и других партийных организаций.

Борьба развивалась и обострялась. И до чего она дошла!

Партийный орган, который «меньшинству» вопреки воле съезда и благодаря личным уступкам выбранных съездом редакторов удалось захватить в свои руки, стал органом борьбы против партии!

Всего меньше он является теперь идейным руководителем партии

в ее борьбе с самодержавием и буржуазией, всего больше — руководителем кружковой оппозиции в борьбе с партийностью. С одной стороны, чувствуя недопустимость своей основной позиции с точки зрения интересов партии, он усиленно занят изысканием действительных и мнимых разногласий, чтобы идейно прикрыть эту позицию; и в этих поисках, хватаясь сегодня за один лозунг, завтра за другой, он все более черпает материал у правого крыла партии — прежних противников «Искры», все более идейно сближается с ними, реставрируя их отвергнутые партийной теорией, возвращая идеиную жизнь партии к пережитому, казалось, периоду принципиальной неопределенности, идейных шатаний и колебаний. С другой стороны, новая «Искра», стремясь подорвать нравственное влияние партийного большинства, еще более усиленно занята отыскиванием и обличением ошибок его работников, раздувая всякий действительный промах до чудовищных размеров и стараясь свалить ответственность за него на все большинство партии, подхватывая всякую кружковую сплетню, всякую инсинуацию, которая может повредить противникам, не заботясь не только о проверке, но зачастую и о правдоподобности. На этом пути деятели новой «Искры»⁹⁵ дошли до приписывания членам большинства не только совершенно небывалых, но даже и невозможных преступлений, и не только в политическом отношении (например: обвинение ЦК в насильственном раскассировании лиц и организаций), но и в общеморальном (обвинение видных деятелей партии в подлоге и в нравственном пособничестве подлогу). Никогда еще партии не приходилось купаться в таком море грязи, какое создано заграничным меньшинством в нынешней полемике.

Каким образом могло все это случиться?

Образ действий каждой стороны соответствовал основному характеру ее тенденций. Большинство партии, стремясь во что бы то ни стало сохранить ее единство и организационную связь, боролось лишь партийно-лояльными средствами и не раз ради примирения шло на уступки. Меньшинство, проводя анархическую тенденцию, не заботилось о партийном мире и единстве. Оно каждую уступку делало орудием дальнейшей борьбы. Из всех требований меньшинства не удовлетворено до сих пор только одно — внесение розни в ЦК партии путем кооптации насильственно навязанных ему членов меньшинства, — и нападения меньшинства стали ожесточеннее, чем когда-либо. Завладевши ЦО и Советом партии⁹⁶, меньшинство не стесняется теперь эксплуатировать в своих кружковых интересах ту самую дисциплину, против которой по существу оно борется.

Положение стало невыносимым, невозможным; затягивать его дольше прямо преступно.

Первым средством выйти из него мы считаем полную ясность и откровенность в партийных отношениях. Среди грязи и тумана

нельзя уже найти верную дорогу. Каждое партийное течение, каждая группа должны открыто и определенно сказать, что они думают о нынешнем положении партии и какого выхода из него они хотят. С этим предложением мы и обращаемся ко всем товарищам, к представителям всех оттенков партии. Практический выход из кризиса мы видим в немедленном созыве третьего партийного съезда. Он один может выяснить положение, разрешить конфликты, ввести в рамки борьбу.— Без него можно ожидать только прогрессивного разложения партии.

Все возражения, выставляемые против созыва съезда, мы считаем безусловно несостоятельными.

Нам говорят: съезд поведет к расколу. Но почему? Если меньшинство непримиримо в своих анархических стремлениях, если оно готово скорее идти на раскол, чем подчиниться партии, то оно фактически уже откололось от нее, и тогда оттягивать неизбежный формальный раскол более чем неразумно,— скованные одною цепью, обе стороны все более и более бессмысленно растрачивали бы свои силы на мелкую борьбу и дразни, нравственно истощаясь и мельчая. Но мы не допускаем возможности раскола. Перед действительной силой организованной партии анархически настроенные элементы должны будут и, мы думаем, сумеют склониться, потому что самостоятельной силы они по самой своей природе образовать не могут. Указывают на возможность примирения без съезда. Но какое примирение? Окончательная капитуляция перед кружковщиной, кооптация меньшинства в ЦК и, следовательно, полное завершение дезорганизации центральных учреждений. Тогда партия стала бы только словом, партийное большинство вынуждено было бы начать новую борьбу. А меньшинство? До сих пор каждая завоеванная уступка была для него только опорой к дезорганизаторской работе; даже с его точки зрения борьба далеко переросла рамки кооптационной дразни; как же может оно прекратить борьбу? И тем более не прекратит оно ее, не получивши всех уступок. Нам говорят: съезд не может достигнуть цели, потому что до сих пор не выяснены разногласия. Да разве дело идет теперь к их выяснению, разве путаница не растет все более? Разногласия теперь не выясняются, а выскиваются и создаются, и только съезд может положить конец этому. Только он, поставивши борющиеся стороны лицом к лицу, заставивши их определенно и открыто выразить свои стремления, только он в силах внести полную ясность во взаимные отношения партийных течений и партийных сил. Но съезд может быть подделан путем раскассирования организаций, заявляет меньшинство. Это лживая инсинуация, отвечаем мы, инсинуация, в пользу которой не приведено ни одного факта. Если бы факты были, меньшинство, располагая партийным органом, конечно, уже сумело бы придать им-широкую огласку, и, держа в руках Совет партии, оно

имело бы полную возможность их исправить. Наконец, недавняя резолюция Совета, не указывая таких фактов в прошлом, окончательно гарантирует невозможность их в будущем. Кто поверит теперь неправдоподобной инсинуации? Выражают опасения, что съезд отвлечет слишком много сил и средств от положительной работы. Горькая насмешка! Разве мыслимо большее отвлечение сил и средств, чем то, которое причиняет смута? Съезд необходим! Он был бы необходим даже при нормальном течении партийной жизни ввиду исключительности исторического момента, ввиду возможности новых задач, поставленных партии мировыми событиями. Он вдвойне необходим при нынешнем партийном кризисе для честного и разумного выхода из него, для сохранения сил партии, для поддержания ее чести и достоинства.

Что должен сделать третий съезд для прекращения смуты, для восстановления нормальной партийной жизни? В этом отношении мы считаем наиболее существенными следующие преобразования, которые будем защищать и проводить всеми лояльными средствами.

I. Переход редакции ЦО в руки сторонников партийного большинства. Необходимость этого перехода, в силу явной неспособности нынешней редакции поддерживать ЦО на уровне общепартийных интересов, достаточно мотивирована. Кружковый орган не может и не должен быть органом партии.

II. Точное регулирование отношений местной заграничной организации (Лиги)⁹⁷ к общерусскому центру, ЦК. Нынешнее положение Лиги, которая превратила себя во второй центр партии и бесконтрольно управляет примыкающими группами, в то же время совершенно игнорирует ЦК,— это положение явно ненормально; с ним необходимо покончить.

III. Гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы. Необходимость такой реформы выясняется из всего опыта послесъездовской борьбы. Требуется обеспечить в уставе партии право всякого меньшинства, чтобы этим путем отвести постоянные и неустрашимые источники разногласий, недовольства и раздражения из старого кружкового, обывательского русла скандала и дразги в непривычное еще русло оформленной и достойной борьбы за убеждения. К необходимым условиям такого поворота мы относим следующее. Предоставление меньшинству одной (или более) литературной группы с правом представительства на съездах; самые широкие формальные гарантии относительно издания партийной литературы, посвященной критике деятельности центральных учреждений партии. Формальное признание права комитетов получать (в общепартийном транспорте) те партийные издания, которые им угодно. Точное определение границ права ЦК влиять на личный состав комитетов. Мы считаем весьма важным, чтобы те меры по изданию литературы недовольных, которые ЦК

предлагал меньшинству второго съезда, были закреплены уставом, чтобы рассеялся меньшинством же созданный мираж «осадного положения», чтобы неизбежная внутривнутрипартийная борьба велась в различных формах и не тормозила положительной работы.

Мы не разрабатываем здесь наших предложений подробно, так как предлагаем не проект устава, а лишь общую программу борьбы за единство партии. Поэтому мы лишь кратко наметим направление некоторых частных желательных, по нашему мнению, изменений устава, нисколько не связывая себе руки по отношению к дальнейшей его разработке, на основании новых указаний опыта. Необходимо, например, преобразовать Совет партии, как учреждение, показавшее на практике свою непригодность в своем теперешнем виде к выполнению поставленной ему задачи — объединения деятельности центров и высшего контроля над ними. Он должен стать коллегией, целиком выбираемой съездом, а не третейским судом выбираемого съездом пятого над центрами, защищающими себя через своих делегатов. Следует также, сообразуясь с указаниями партийной критики, пересмотреть § 1-й устава в смысле более точного определения границ партии и т. д.

Выступая с этой программой борьбы за единство партии, мы приглашаем представителей всех других оттенков и все партийные организации определенно высказаться по вопросу об их программах, чтобы создать возможность серьезной и последовательной, сознательной и планомерной подготовки к съезду. Для партии решается вопрос жизни, вопрос чести и достоинства: существует ли она как идейная и реальная сила, способная разумно организовать себя настолько, чтобы выступить действительной руководительницей революционного рабочего движения нашей страны? Всем своим образом действий заграничное меньшинство говорит: нет! И оно продолжает действовать в этом смысле уверенно, решительно, полагаясь на отдаленность России, на частую смену тамошних работников, на незаменимость своих вождей, своих литературных сил. У нас рождается партия! — говорим мы, видя рост политического сознания передовых рабочих, видя активно выступающие в общепартийной жизни комитеты. У нас рождается партия, у нас множатся молодые силы, способные заменить и оживить старые, теряющие доверие партии, литературные коллегии; у нас все более становится революционеров, которые выдержанное направление партийной жизни ценят выше, чем любой кружок прежних вождей. У нас рождается партия, и никакие уловки и проволочки не удержат ее решительного и окончательного приговора.

Из этих сил нашей партии черпаем мы уверенность в победе.

Товарищи! печатайте и распространяйте это воззвание.

**РЕЗОЛЮЦИЯ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА РСДРП, ВТОРИЧНО
НАСТАИВАЮЩЕГО НА СОЗЫВЕ СЪЕЗДА ПАРТИИ,
КАК НА ЕДИНСТВЕННОМ СРЕДСТВЕ ДАТЬ ПАРТИИ
НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Принята в августе 1904 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА РСДРП,
принятая в ответ на декларацию ЦК, лично мотивированную агентом его, и по поводу резолюции 22-х членов партии

Московский комитет с формальной стороны считает декларацию ЦК незаконной и не имеющей партийного значения ввиду того, что она обсуждалась без оповещения и участия двух членов ЦК, являющихся единственными в данной коллегии и действительными представителями партийного большинства.

По существу Московский комитет находит отношение декларации ЦК к принципиальным позициям большинства и меньшинства явно не критическим и затушевывающим в действительности существующие глубокие разногласия по вопросам организации и тактики, ввиду чего вторично настаивает на созыве III съезда, как на единственном средстве дать партии необходимые условия для централизации социал-демократической деятельности. Комитет без замедления и всецело присоединяется к резолюции 22-х товарищей, исчерпывающим образом анализирующей и освещающей современное положение и вытекающие из него задачи.

Август 1904 г.

Московский комитет.

Третий съезд РСДРП: Сборник документов и материалов, с. 99.

**РЕЗОЛЮЦИЯ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА РСДРП В ПОДДЕРЖКУ
ОРГАНИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА,
ЗА СОЗДАНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО КРЕПКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПАРТИИ**

Принята после 1 сентября 1904 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА РСДРП

Московский комитет, обсудив вопрос о состоявшемся постановлении Совета партии, гласящем, что он лишает литературную группу с товарищем Лениным во главе права ставить в заголовке своих произведений надпись «РСДРП»*, пришел к следующему выводу:

* Это постановление опубликовано не было.

В силу этого постановления Ленин оказывается вне партии, так как он является именно крупнейшей литературной силой, а его литературная работа не заслуживает, по мнению Совета партии, партийной санкции. Ленин фактически перестал быть членом партии. Московский комитет высказывает свое негодование по поводу подобного, с партийной точки зрения совершенно незаконного, бойкота самого крупного авторитетного партийного литератора. Со своей стороны, Московский комитет высказывает полную солидарность со взглядами Ленина, высоко ценит всю его деятельность, в которой Ленин стремился и стремится к созданию *действительно крепкой пролетарской партии*. Принимая во внимание теперешнее положение вышеназванной литературной группы, Московский комитет обещает ей, со своей стороны, всяческое содействие для литературного издательства и призывает к тому же всех партийно настроенных товарищей.

Московский комитет РСДРП.

Третий съезд РСДРП: Сборник документов и материалов, с. 106.

**ЛИСТОК МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА С ОБРАЩЕНИЕМ
Н. Э. БАУМАНА, Б. М. КНУНЯНЦА, Ф. В. ЛЕНГНИКА, Е. Д. СТАСОВОЙ
И ДРУГИХ БОЛЬШЕВИКОВ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ТАГАНСКОЙ ТЮРЬМЕ В МОСКВЕ,
К ЧЛЕНАМ ПАРТИИ**

Ранее 13(26) октября 1904 г.

Российская социал-демократическая рабочая партия
ОБРАЩЕНИЕ К ЧЛЕНАМ РСДРП

Мы, «19» членов РСДРП, с удовольствием пользуемся призывом, выпущенным 22 членами нашей партии (тип. Рижского комитета. Август 1904 г.), приглашающим всех партийных работников высказаться по волнующим теперь партию вопросам. Стоя на той же точке зрения, на какой стоят эти товарищи, и безусловно соглашаясь с их требованием *немедленного созыва третьего съезда*, мы решили формулировать наше собственное отношение к теперешнему положению дел в партии.

С каждым днем внутрипартийная борьба между «большинством» и «меньшинством» все более и более обостряется, серьезно грозя уже не только фактическому, но и формальному единству партии. Начавшись на II съезде из-за деталей организационного Устава и из-за состава центров, борьба эта все более углубляется, и теперь уже не одна только организация партии, а целый ряд основных вопросов партийной жизни и партийного мирозерцания

служат платформой для нее; многие вопросы, которые, казалось, давно были решены и считались твердо установленными для всех тех, кто носил название «искровцев», поднимаются снова, и мы стоим, если не перед воскресающим «экономизмом», то во всяком случае перед полнейшим идейным разбродом, который снова послужит почвой для произрастания разновидностей отечественного оппортунизма. Так называемое «меньшинство», состоявшее сначала из делегатов партийного съезда, сейчас же после него сгруппировало вокруг себя всех недовольных результатами съезда (а таковых, явных и неявных, было довольно много, да и не могло не быть!) не во имя отстаивания какой-нибудь вполне ясно формулированной принципиальной позиции, а с единственной целью создать оппозицию выбранным съездом центрам, состав которых им не нравился, и уже впоследствии, случайно укрепившись в редакции ЦО и Совете партии, начало искать и устанавливать принципы, могущие объединить эту разношерстную толпу и задним числом дать некоторое оправдание дезорганизующей партии борьбе. После старательно разыгранного лидерами меньшинства скандала в Заграничной лиге это меньшинство, благодаря повороту нашего политического хамелеона т. Плеханова, завладело редакцией ЦО, и «идейный руководитель» партии превратился в боевой орган партийного меньшинства для борьбы со всей партией! Новая редакция двумя десятками номеров сумела выказать свою полную неспособность не только руководить идейной жизнью партии, углубить и расширить понимание начал революционной социал-демократии и отвечать запросам все растущей партийной жизни, но и установить более или менее ясно собственную свою позицию, как органа воинствующего «меньшинства». Судорожно принявшись за поиски так нужных для оправдания своего поведения новых принципов, она должна была повернуть в сторону старых врагов «Искры» и начала реабилитировать многие из тех идей, против которых эти же редакторы раньше сами боролись; с рвением, достойным лучшей участи, вновь назначенная редакция принялась за критику всех тех положений, которые характеризовали положительную позицию старой «Искры», и увенчала свои критические упражнения статьями Плеханова против «Что делать?», появившимися в «Искре»⁹⁸ действительно очень «поздно», так поздно, что делают *смешным* их так внезапно спохватившегося автора; после того как «Что делать?» сыграло уже свою из ряда выходящую роль, после того как на нем в течение чуть ли не трех лет воспитывалась вся русская социал-демократия,— ближайший сотрудник Ленина, сотни раз публично, перед лицом врагов и друзей, заявлявший о своей идейной солидарности с автором, силится доказать, что Ленин... не марксист! Неужели т. Плеханов не чувствует, как он себя и всю партию компромети-

рует подобными кунштюками? * Но что Плеханову и теперешней редакции до партии! Она для них до тех пор только хороша, пока ее воля совпадает с интересами их коллегии, в противном же случае партия на страницах ее ЦО моментально превращается в конгломерат чуть ли не иванов-дурачков, благоприятный даже для «бонапартистских» экспериментов!.. Чтобы охарактеризовать принципиальную позицию новой «Искры», достаточно указать на защищаемую ею пресловутую мартыновскую «идею» «самодетельности масс», на излюбленное обвинение «большинства» превратить партию в «заговорщическую организацию», на «исторические» исследования т. Аксельрода и «шустрые фельетоны» т. Т.⁹⁹, желающих доказать, что партия является только фракцией буржуазной демократии, а не руководителем пролетарского движения, наконец, на эти вопли об автономии местных комитетов, о «бонапартизме», «бюрократизме» и т. д., напоминающие крики западноевропейских ревизионистов всяких толков против «диктатуры» Бебеля, Каутского и др. ортодоксов! Таким образом, теперешняя редакция ЦО, являясь представителем партийного меньшинства, не только не в состоянии выполнить основную задачу ЦО,— дальнейшее развитие идей, положенных в основу работ партийного съезда,— но, наоборот, всей своей деятельностью находится в резком противоречии со всем курсом старой «Искры», а следовательно и с принципиальной позицией съезда. Но этого мало! В бешеной погоне за оружием для борьбы с «большинством» новая «Искра» не останавливалась ни перед какими средствами, ни перед какими приемами: чтобы третировать своих противников, она превратила полемику в сплошную клевету на партийные организации и отдельных работников; совершенно некритически пользуясь сообщениями своих доброжелателей, не проверяя получаемых сведений, она якобы промахи отдельных лиц и организаций превращала в обвинительный акт против целого преобладающего течения в партии. Если к этому прибавить крайне тенденциозную и придирчивую «критику» заявлений и писем местных работников из «большинства», «критику», превращающуюся в систематическое издевательство над ними, то нельзя не прийти к заключению, что наш, так сказать, ЦО, помимо того что показал полную свою непригодность в качестве «идейного руководителя» (ибо какой же это руководитель без сколько-нибудь ус-

* Несогласным с такой характеристикой статей Плеханова нам хотелось бы предложить такой вопрос: как они назовут политического деятеля — социал-демократа, в течение трех лет работающего в одной коллегии с буржуазным демократом и всеми силами способствующего успеху его публицистической деятельности внутри его собственной партии? Не поблекнут ли перед этим даже подвиги немецких ревизионистов, сотрудничавших в буржуазных изданиях? (см. протоколы] Дрезденского партийтага).— *Примеч. документа.*

тойчивых принципов!), еще наложил клеймо позора как на всю нашу партию, так и на достоинство партийной прессы. Поэтому, выражая теперешней «Искре» свое полное недоверие, мы требуем ее к ответу перед оскорбленной партией, перед ее высшим представителем — съездом.

В это трудное для партии время, к сожалению, и ЦК наш обнаружил полную неспособность к руководству партией. Воздерживаясь в течение восьми месяцев от вмешательства в внутрипартийную борьбу, уклоняясь все время дать отпор всем тем нападкам на партию, которые сыпались со стороны «меньшинства», ЦК этим нанес непоправимый вред партии, увеличивая своей преступной пассивностью шансы дезорганизаторов. За все это время ЦК ни разу не постарался выяснить партии, на какой точке зрения он стоит в своем стремлении примирить враждующие фракции, и многим из нас казалось, да впоследствии и оправдалось, что действия его диктуются полнейшим индифферентизмом к принципиальным вопросам и преклонением перед узко понятой «положительной работой». Практический боевой центр, выбранный съездом, совершенно забыл, что он обязан вести политику, наметенную этим съездом, а следовательно его большинством; он упустил из виду, что одна из борющихся фракций стоит на точке зрения этого большинства и продолжает начатую им на съезде борьбу. На этой же точке зрения должен стоять центр, если он желает провести в жизнь постановления съезда. Другая же фракция, как по своему происхождению, так и по занятой ею принципиальной позиции, находится в антагонизме с решениями съезда. Одно из двух: или ЦК собирался проводить постановления партийного съезда и продолжать начатую им работу, — тогда он должен был стоять на точке зрения «большинства»; или он хотел вести свою особую политическую линию, — тогда он не мог и не должен был пользоваться полномочиями, данными ему съездом с вполне определенной целью, и тем злоупотреблять его доверием, а должен был или сложить свои полномочия, или созвать экстренный съезд! Ни того, ни другого он не сделал! Но, быть может, ЦК нашел иной какой-нибудь мудрый выход из невозможного положения дел в партии? Но недавно появившееся заявление ЦК¹⁰⁰ свидетельствует только о полной беспринципности его политической позиции и оно поистине достойно стать историческим памятником политики компромисса, которой наш ЦК, очевидно, думает следовать в ближайшем будущем. Нашему ЦК все еще представляется, что в росте разногласий виноваты разыгравшиеся страсти и всякие дрязги и что достаточно быть корректным и уступчивым, достаточно точно формулировать разногласия, чтобы в партии установился прочный мир! И такой образчик «политической мудрости» позволяет себе высказать ЦК после того, как «меньшинство»

из конгломерата отдельных анархических элементов превратилось в вооруженную банду под знаменем новой «Искры», после того как «меньшинство» упорно бойкотировало и отказывалось подчиниться этому же ЦК, назначенному съездом, после того как борьба из сферы колониальных дразг¹⁰¹ и кооптационных поползновений оставшихся за штатом адмиралов перешла в область принципиальной борьбы вокруг целого ряда основных вопросов нашей партийной жизни; после того как выяснилась идейная связь теперешнего «меньшинства» с оппортунистическим крылом международной социал-демократии (проявляющаяся пока в области организационных вопросов)¹⁰² и т. д. Далее из заявления мы узнаем, что по мнению ЦК новая «Искра» стоит на «неоспоримой высоте» во всем, что касается защиты и выяснения основных принципов международной социал-демократии; этим ЦК признал свою солидарность с ее критическими упражнениями и с реставрированием идей наших «рабочедельцев» и, следовательно, вслед за редакцией окончательно порвал с заветами партийного съезда и старой «Искры»¹⁰³, после всего этого неудивительно, что ЦК, как и редакция, не желает созыва III съезда, который явится серьезной угрозой не «единству партий», как они думают, а господству «кружков» и недобросовестных должностных лиц, установит нормальные начала для дальнейшей партийной работы и вообще разрешит массу наблевших вопросов, выдвинутых этим первым годом нашей общепартийной работы. Он обеспечит единство, но не механическое единство, основанное на заштопывании и стыдливом прикрывании партийных трещин, а единство, основанное на строгом и бескомпромиссном проведении принципов революционной социал-демократии как в тактике, так и в организации! Новые уступки, о которых думает ЦК, теперь поведут к еще большей деморализации партии и сделают неизбежным раскол! Чем в сущности продиктовано последнее заявление ЦК: «политической мудростью» или политической наивностью? Просто ли не способен ЦК ориентироваться в усложняющейся партийной жизни или же он несколько воспринял «змеиной мудрости» т. Плеханова (оппортунизм тож)? Каким бы из этих двух качеств ни обладал ЦК, ясно, что такой центр не может провести в жизнь тех начал, которые намечены II съездом, не может за отсутствием принципиальной устойчивости быть тем боевым центром, вокруг которого должна собираться партия, а следовательно, не способен организовать и руководить движением пролетариата, не способен справиться с теми полномочиями, которые ему дал съезд. Своей «политикой» ЦК катится по наклонной плоскости, в основании которой лежит «кружок», а на вершине находится партия,— и когда ЦК докатится до конца, он действительно станет кружком и упадет в объятия другого кружка — «Искры». И тогда наступит

мир... но не в партии, а на душе у почтенных членов кружка ЦК, мир, купленный изменой принципам революционной социал-демократии и ценою предательства партии в руки «меньшинства».

Что касается Совета, то он уже по своему составу является орудием в руках перешедшей редакции ЦО, следовательно, меньшинства,— и неудивительно, что во всех своих постановлениях проводит его тенденции. Постановлением своим о кооптации в местные комитеты¹⁰⁴ он ясно показал, что не остановится ни перед каким попираанием партийного Устава для облегчения «меньшинству» укрепиться в партии.

Принимая все это во внимание, мы находим, что ни один из существующих центров не способен взять на себя задачу объединения партии и разрешения возникшего конфликта на началах, отвечающих постановлениям II съезда, что, наоборот, своей деятельностью новая редакция ЦО все более и более тащит назад партию, к периоду господства идейного разброда и кружковщины, а ЦК своей пассивностью, неумением разбираться в происходящем вокруг и индифферентизмом к принципиальным вопросам содействует и закрепляет эту дезорганизующую партию работу ЦО. В такой момент партия в лице всех ее работников должна взять на себя ей одной принадлежащее право ввести партийную жизнь в достойные революционной партии пролетариата рамки, установить основные положения дальнейшей деятельности и передать исполнение своей воли в надежные руки. Все местные комитеты, все отдельные группы социал-демократов должны решительно высказаться против этого господства различных «кружков» в партии и требовать немедленного созыва III съезда, и не только требовать, но самим взяться за подготовку и организацию съезда. Надо вовлечь в эту борьбу партии против навязанных ей руководителей и недобросовестно выполняющих свои функции должностных лиц всех товарищей, надо широким слоям организованного пролетариата разъяснить современное положение дел, чтобы они могли активно содействовать успешному разрешению конфликта. Скорейший созыв третьего съезда должен быть теперь девизом «большинства» и всех товарищей, уважающих партию!

Третий съезд РСДРП: Сборник документов и материалов, с. 99—106; Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг., М., 1977, т. 3. Октябрь 1904 г.— январь 1905 г., с. 94—99.

**СООБЩЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА МЕСТНЫМ КОМИТЕТАМ РСДРП
О ТРЕХ КОНФЕРЕНЦИЯХ КОМИТЕТОВ**

22 декабря 1904 г. (4 января 1905 г.)

Недавно состоялись три конференции местных комитетов нашей партии: 1) четырех кавказских, 2) трех южных (Одесский, Екатеринославский, Николаевский) и 3) шести северных (Петербургский, Московский, Тверской, Рижский, Северный и Нижегородский). Надеемся вскоре привести подробные данные об этих конференциях. Теперь же ограничимся сообщением, что все три конференции категорически высказались за немедленный созыв III съезда партии и за поддержку литературной группы большинства*.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 149.

**ПЕРЕПИСКА В. И. ЛЕНИНА И РУКОВОДИМЫХ ИМ
УЧРЕЖДЕНИЙ РСДРП
С МОСКОВСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ**

МК РСДРП — Н. К. КРУПКОЙ

5(18) сентября 1903 г.

...Просим Вас, ради всего святого, для дела, пришлите нам людей. Связи остались, интеллигентов много, знакомство расширяется, но нет направляющего центра, поэтому работа идет не систематически и не планомерно. Напишите немедленно, можем ли мы на это надеяться. Рузов присоединяет к нам свою горячую просьбу...

Студенты съезжаются, настроение возбужденное, но некому руководить их движением. Положение критическое. Боимся, что ими завладеют «другие». Люди нужны.

В Орехово-Зуеве 24 августа были аресты: Рождественский — студент, рабочие: Годунов, Тришкин, Барулин, Воронцов и еще четверо рабочих¹⁰⁵ (вчера все фамилии были указаны)...

Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями, 1903—1905 гг. М., 1975, т. 2. Январь — сентябрь 1904 г., с. 90—91. Печатается с сокращением.

* Речь идет об издательстве В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина.

13(26) сентября 1903 г.

В Москве забастовка типографщиков¹⁰⁶, газеты не выходят, кроме двух. Была демонстрация на Тверском бульваре, участников три тысячи. В редакции «Московских ведомостей»¹⁰⁷ выбили стекла.

Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП, т. 1, с. 111.

Н. К. КРУПСКАЯ — Н. Э. БАУМАНУ В МОСКВУ

31 декабря 1903 г. (13 января 1904 г.)

13/1. Дорогой друг! Отчего ничего не пишете? Как устроились? Снеслись ли с начальством?¹⁰⁸

Сегодня получили известие, что Соколовский взят.

Положение все более и более обостряется. Редакция разослала по комитетам циркулярное письмо возмутительного свойства¹⁰⁹, заявляя о недееспособности ЦК, централизме и пр. Киевский комитет готовит *сoup d'état* *, собирает резолюции о неподчинении ЦК, которым пока не дает ходу. Денег они не дают, так как большинство недостаточно почтительно относится к редакции, и цинично замечают, что «ждут первого провала». Редакция теперь вступила на новый путь. В № 55 статья Аксельрода самого нелепого свойства, в № 56 будет статья Мартова против «Что делать?», вышли протоколы Лиги, доклад Троцкого (все, что о Плеханове, пропущено) с послесловием.

Все больше и больше становится очевидным, что так дальше идти не может; перед ЦК стоит дилемма: или сдать все меньшинству и уйти оплеванными и оклеветанными, или немедленно созвать съезд. Одно только это может спасти честь большинства, да и честь партии вообще. Россиян третируют, как баранов, которых мнение не принимается во внимание, можно плюнуть на постановления съезда; сегодня редакция защищает одну точку зрения, завтра круто поворачивает фронт и негодуяюще протестует против тех, кто отстаивал вчерашнюю позицию редакции. Так, теперь Мартов заявляет, что редакция никогда не разделяла взглядов Ленина, что она не была согласна с «Что делать?», была против письма к Ереме¹¹⁰ и т. п. Только одно непонятно, чего же они молчали до сих пор.

Нет, другого выхода нет, как съезд, и так как в конечном счете это зависит от комитетов, а не от ЦК, то надо вести агитацию по

* Переворот.

комитетам, готовить делегатов и пр. Повредить это ничему не может, а быть начеку необходимо. Напишите, как смотрите на это?

Говорят, Землячка в Москве. Свяжите его * с нами. Он писал нам 2 раза, но не знаем, каким ключом.

Пришлите копию с письма, которое комитет пошлет редакции в ответ на циркулярное письмо.

Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями, т. 2, с. 54—55.

**Б. М. КНУНЯЦ ИЗ МОСКВЫ —
ЗАГРАНИЧНОМУ ОТДЕЛУ ЦК РСДРП**

28 января (10 февраля) 1904 г.

Дорогие товарищи! Я устроился теперь в Москве и уже кооптирован в местный комитет, но еще на собрании не был, так что обстоятельно о местных делах сообщить пока ничего не могу. Большинство дел здесь наше, только два члена из меньшинства. Положение дел не завидное; все страшно запущено. Наш общий знакомый, раньше меня приехавший сюда, страшно запачкался и должен уехать отсюда¹¹. Многие здесь очень хотят познакомиться с комитетскими ** протоколами съезда; если есть хоть какая-нибудь возможность, пришлите...

Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП, т. 2, с. 128. Печатается с сокращением.

М. М. ЭССЕН — Л. М. КНИПОВИЧ В МОСКВУ

1 (14) февраля 1904 г.

Напишите немедленно, как обстоят дела, что нового, кто где находится, как идет работа и прочее. Ждем самого обстоятельного письма. Приеду весьма скоро. Здесь такая атмосфера, что впору свежему человеку задохнуться. Мартовцы ведут себя прермерно. Съезд — единственно возможный выход из этого невероятного положения. Приеду, расскажу все подробно и материалы привезу. Персдайте в МК, чтобы кооптировали Лизу*** и Олю****.

* В целях конспирации Н. К. Крупская пишет о Р. С. Землячке как о мужчине.

** Так в документе.

*** М. Н. Леман.

**** Ф. А. Шнеерсон.

Жду наискорейшего ответа. Крепко целую. Всем привет. Сообщите адрес Митрофана *.

Зверь.

Переписка В. И. Ленина и руководимых им уч-реждений РСДРП, т. 2, с. 130—131.

**Е. Д. СТАСОВА ИЗ МОСКОВСКОЙ ТАГАНСКОЙ ТЮРЬМЫ —
В. И. ЛЕНИНУ И Н. К. КРУПСКОЙ**

Позднее июля 1904 г.

Дорогие друзья, не знаю, кто уцелел, а потому сообщаю, что знаю. Уехала я в Нижний. 24-го утром меня задержали на вокзале в Нижнем по показанию шпиона Брунова, привезли в Москву, где через три дня установили мою личность и 2-го на допросе в жандармском [управлении] заявили, что с 1-го июля все дела по государственным преступлениям будут рассматриваться судебным порядком¹¹² и что обвиняюсь я по 1-му пункту 126-й статьи нового Уложения о наказаниях. А статья эта гласит: виновные в сообществе, имеющем своей целью испровержение существующего государственного строя, наказываются каторгой на 8 лет или ссылкой на поселение. Конечно, я отказалась давать показания, чем вызвала усмешку товарища прокурора, который сказал, что, вероятно, Аксельрод и Плеханов вырабатывают новый способ вести себя. В охране мне заявили, что я арестована за знакомство с Бауманом и Циглером **, который привезен тоже сюда, в Таганку. Он еще не раскрыт, но в нем подозревают какого-то политического ссыльного, бежавшего из Сибири.

В ночь на 19-е арестованы: жена Баумана ***, Александра Тараева, инженер Сиротинский, было много обысков.

Здесь жизнь идет вовсю, постоянные диспуты между социал-демократами и социалистами-революционерами, разъяснения положения большинства и меньшинства, собственная и несобственная литература. Собственная даже очень интересная. Есть здесь тоже произв[еде]ние, кот[орое] вы скоро получите через обычный питерский путь. *Жбанков**** на Кавказе теперь агитирует.* По-моему, это крупная величина.

Большинство здесь расцветает назло врагам. Ох, как на душе скверно за последние провалы. Ведь теперь все Валентины *****

* Ф. В. Гусаров.

** Ф. В. Ленгник.

*** К. П. Медведева.

**** Жбанковым ошибочно названо другое лицо.

***** Валентин — Л. Е. Гальперин.

поднимут голову, черт их всех возьми. Ну, да все же наши возьмут, все за нас.

Ну, будьте здоровы, дорогие друзья, шлю вам горячий привет от всех твердокаменных. Здорова и усиленно занимаюсь.

Абсолют.

Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП, т. 2, с. 378—379.

**Ф. В. ЛЕНГНИК ИЗ МОСКОВСКОЙ ТАГАНСКОЙ ТЮРЬМЫ —
В. И. ЛЕНИНУ И Н. К. КРУПСКОЙ**

22 августа (4 сентября) 1904 г.

22/VIII.04 г. Пишет Кол из тюрьмы.

Дорогие друзья, после разных мытарств вся наша компания собралась в Таганке. Оглядевшись здесь, мы решили продолжать свою борьбу с меньшинством и со слизняками¹¹³. Участие примет Кол *, Рубен **, Полетаев ***, Соломон Черномордик (настоящее имя), Абсолют ****. Слышали мы о знаменитом «манифесте» ЦК¹¹⁴ и его совещании с меньшинством, кончившемся решением кооптировать последнее¹¹⁵. Теперь, следовательно, руки у нас развязаны, и политическая дрянность нашего ЦК станет, наконец, ясной для всех. Это заметно даже здесь у нас. Между всеми товарищами нет, положим, ни одного мартовца (был один, но это была какая-то пародия на социал-демократа), но многие возлагали большие надежды на принципиальную выдержанность ЦК, теперь же, после того как прочли постановления Совета, уничтожающие централизм¹¹⁶, и узнали о «манифесте» и предстоящей кооптации, совсем подтвердили, и мы уверены, что в России теперь начнется настоящее восстание против наших фальшивых центральных учреждений. Стоит только поднять знамя восстания, и мы хотим это сделать. Дольше терпеть нет уже сил. Надо, наконец, сказать им правду в глаза. Мы вполне уверены, что все мало-мальски сознательные элементы, дорожащие честью партии, с восторгом примкнут к нам, когда мы выведем на чистую воду политику этой заграничной клоаки, успевшей заразить атмосферу вокруг себя своей затхлой кружковщиной и подлым стремлением улаживать партийный конфликт «по-домашнему», под сурдинку, за бутылкой пива и чашкой чая. Мы выступим, конечно, совершенно частной группой. Прежде всего мы обратимся к комитетам с призывом стать под наше знамя, причем мы постараемся выяснить им создавшееся положение в партии.

* Ф. В. Ленгник.

** Б. М. Кнуянц.

*** Н. Э. Бауман.

**** Е. Д. Стасова.

Это воззвание на днях у нас будет готово*. Затем хотим выпустить открытое письмо Каутскому, это будет возражение на письмо Аксельрода к нему, напечатанное в № 68 «Искры». Оно поразило нас своей подлостью и своим клеветническим характером. Оставить его без должного отпора немислимо. Немецкий перевод этого письма мы пошлем каким-нибудь путем Каутскому. Может быть, вы поспособствуете этому?

Кроме того, мы проектируем выпустить характеристику деятельности меньшинства, изменнической подлости Плеханова и тряпичности нашего ЦК, который похоронил себя своею абсолютной бездеятельностью и последним своим поведением изрек себе приговор. Мы надеемся, что сможем так или иначе напечатать все это и распространить по России.

Если бы вы могли помочь нам в литературном отношении — это было бы великолепно, так как специалистов-литераторов у нас нет. Но так как мы думаем касаться главным образом практической стороны дела и обрисовать отражение поведения наших фальшивых центров на положении дел в России, то мы обойдемся в крайнем случае и собственными силами. Нам нужна только помощь в отношении людей. Пусть едет опять сюда Август** для разъездов. Если есть возможность, двиньте сюда еще людей. Вы ведь знаете, какая масса у нас народу провалилась.

Но теперь еще об одном важном деле. По нашему мнению, Старику нужно во что бы то ни стало организовать литературную группу для систематической атаки на вымирающую «Искру». Без этого мы ничего не можем здесь сделать. Теперь, когда принципы пошли с молотка, смешно останавливаться теперь перед созданием нового органа... Теперь настал момент, когда только решительность и самый необузданный натиск может поправить наши дела, иначе все пропало надолго. Надо воспользоваться брожением в России, через год опять все затянется плесенью, и тогда не скоро разбудишь матушку Россию. Если ваш Совет немедленно не разрешит литературной группы, то выступите частной группой или если вы считаете это неудобным (но почему бы это, ведь и Совет признал, что Бонч может издавать «Рассвет» за собственной ответственностью), то возьмите у Бонча «Рассвет» (он не раз говорил, что отдал бы охотно Старику «Рассвет» для борьбы с меньшинством) и издавайте его, как издают журналы в России, с подставным редактором. Это будет остроумный ответ на отказ со стороны Совета.

Отвечайте скорее. Адрес для писем сюда годен прежний. Горячий привет всем друзьям.

Кум.

* Листок с обращением к членам РСДРП.

** П. А. Красиков.

Р. С. Чувствуем мы себя превосходно. Иногда только бесимся и проклинаям подлые решетки, мешающие нам развернуться вовсю для полновесной оплеухи нашему бесподобному ЦК. А то все превосходно.

Судить нас будут судом сословных представителей. Данных у них против нас, по-видимому, нет никаких, но есть, кажется, провокатор — один из хозяев наших квартир. Я все еще не назвал себя жандармам, и они никак не могут догадаться. Пусть помучаются.

Ваш Кум.

Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП, т. 2, с. 477—480. Печатается с сокращением.

**Р. С. ЗЕМЛЯЧКА ИЗ МОСКВЫ — В. И. ЛЕНИНУ
И Н. К. КРУПСКОЙ**

29 августа (11 сентября) 1904 г.

Дорогие друзья! Наши дела обстоят прекрасно. Питерский и Московский комитеты присоединились к резолюции 22-х товарищей¹¹⁷... Резолюция 22-х произвела огромное впечатление. Всякие колеблющиеся элементы переходят на нашу сторону благодаря этой резолюции. Что касается друзей, то резолюция эта буквально с ликованием принимается ими. Я придаю ей большое значение: с нее начнется новая эра нашей борьбы. С нее начнется настоящее *... большинства...

Москва — твердокаменная, но в плачевном состоянии находится — беспорядочном.

Шлю привет.

Землячка.

Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП, т. 2, с. 505—506. Печатается с сокращением.

**В. И. ЛЕНИН И Н. К. КРУПСКАЯ — Е. Д. СТАСОВОЙ,
Ф. В. ЛЕНГНИКУ И ДРУГИМ БОЛЬШЕВИКАМ
В МОСКОВСКУЮ ТАГАНСКУЮ ТЮРЬМУ**

10(23) сентября 1904 г.

Дорогие друзья! Нас бесконечно обрадовало Ваше письмо, оно дышит такой бодростью, что придало и нам всем энергии. Ваш план осуществите непременно. Он прекрасен и будет иметь громадное

* Далее в тексте перлюстрации пропуск.

значение. Написать письмо немцу также крайне необходимо. Ждем от Вас с нетерпением дальнейших писем. Ваш совет об издательстве уже наполовину осуществлен. Литературные силы есть, готового материала масса. Вообще настроение теперь у всех нас бодрое, масса планов, старик тоже принялся за работу, переписка с Россией и за границей оживилась, и теперь, надеюсь, скоро публика начнет группироваться. Меньшинство лобызается теперь с примиренцами, ЦО предпринимает издание популярного органа, южноробоченцам дан кус. Подробности об издательстве большинства Вам сообщат общие знакомые, которым подробно пишем об этом. Жена Кола* и ребенок здоровы, живут в Екатеринославе. Повторите фамилии лиц, которых желательно привлечь к литературной работе. Приехал Бродяга**, меньшинство его охаживает, позиции он еще определенной не занял. Жозефина*** у нас, чувствует себя физически очень плохо. Экспедиция сдана ЦК. Ну вот, кажись, и все. Крепко вас обнимаем, дорогие, желаем здоровья и сил.

Старик и К^о.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 384—385.

**В. И. ЛЕНИН — Е. Д. СТАСОВОЙ, Ф. В. ЛЕНГНИКУ
И ДРУГИМ БОЛЬШЕВИКАМ
В МОСКОВСКУЮ ТАГАНСКУЮ ТЮРЬМУ**

1(14) октября 1904 г.

14/Х.

Милые, дорогие друзья! послали Вам недели три тому назад письмо через Ирину. От всей души присоединяемся к Вашему плану. Пишите, если есть хоть какая возможность. Издательство взяли на себя Бонч и Ленин. Вышли уже: «Долой бонапартизм», «Наши недоразумения», «К партии». Выходят скоро: «На новый путь», «Борьба за съезд», «О социализме». За съезд, по нашему счету, высказалось уже 14 комитетов, из них 11 полноправных. Все попытки ЦО, ЦК и Совета затормозить агитацию за съезд оказались бесплодными, ЦК увидел, что с большинством тоже приходится считаться, и готов, по-видимому, «раскрасаться». С меньшинством у них тоже полного единения не выходит. Одним словом, они сели в лужу.

Прежде ЦО натравливало комитеты на ЦК и травило ЦК, теперь натравливает периферию на комитеты и старается доказать,

* А. М. Ленгник.

** М. А. Сильвин.

*** В. В. Воровский.

что мнение комитетов не есть мнение партии, да и партии-то, собственно говоря, нет. Сделали все, чтобы разорвать партию, а теперь кричат партии нет.

Позиция ЦК развязала руки, и теперь гораздо легче жить, чем раньше. Конечно, есть много неприятного, например, Бродяга * стал меньшинством, тоже Самсонов **, но без этого уже нельзя. Будем работать, отстаивать свою точку зрения, а там видно будет. Недавно вышла новая брошюра Троцкого, как было заявлено, под редакцией «Искры». Таким образом, она является как бы «Credo» *** новой «Искры». Брошюра представляет собою самое наглое лганье, извращение фактов. И это делается под редакцией ЦО. Работа искряков поносится всячески, экономисты-де сделали гораздо больше, у искряков не было инициативы, о пролетариате они не думали, заботились больше о буржуазной интеллигенции, вносили всюду мертвящий бюрократизм,—работа их сводилась к осуществлению программы знаменитого «Credo». II съезд — это, по его словам, реакционная попытка закрепить кружковые методы организации и т. д. Брошюра эта — пощечина и теперешней редакции ЦО и всем партийным работникам. Читая такую брошюру, ясно видишь, что «меньшинство» так изолгалось, так фальшивит, что ничего жизненного создать будет неспособно, является охота к борьбе, тут есть из-за чего уже бороться.

Жена Кола здорова, она в Екатеринославе.

Шлем всем горячий привет.

Старик и К⁰.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 388—389.

Н. К. КРУПСКАЯ — Л. Х. ГОБИ В МОСКВУ

13(26) октября 1904 г.

Напишите, что у Вас делается в комитете? *Есть ли связи с московской тюрьмой, не знаете ли чего о Звереве? ***** Получено ли письмо, где мы спрашивали об этом? Здесь говорят, что *из московской тюрьмы* была послана через меньшевика резолюция, но была им уничтожена. Нельзя ли прислать нам?

За съезд высказались комитеты: Одесский, Николаевский, Екатеринославский, Кавказский союз 3 [голоса], Сибирь, Москва, Питер, Тула, Тверь, Нижний, Северный комитет. 1) По-старому это

* М. А. Сильвин.

** Н. В. Вольский.

*** Символ веры, программа, основы мировоззрения (лат.).

**** М. М. Эссен.

было бы уже достаточно для созыва съезда, но теперь Совет дал право голоса еще 5 комитетам, и для созыва съезда нужно теперь 16 организаций. Значит, не хватает еще 3-х...

Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП, т. 3, с. 100. Печатается с сокращением.

В. И. ЛЕНИН — МОСКОВСКОМУ КОМИТЕТУ РСДРП

16(29) ноября 1904 г.

Москва
29/XI.

Дорогие товарищи! Вашу резолюцию получили*. Спасибо за обещанное содействие. Сообщите, пожалуйста, о положении дел в комитете. Годен ли этот адрес для писем. Не уверены в этом, а потому пишем так кратко, а написать надо бы о многом. Известите немедля о получении письма.

С товарищеским приветом.

Ленин.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 409.

ЛИСТОВКИ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА РСДРП

ЛИСТОВКА «ВОЙНА РОССИИ С ЯПОНИЕЙ» С ПРИЗЫВОМ К БОРЬБЕ ПРОТИВ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ И САМОДЕРЖАВИЯ

10 февраля 1904 г.

Российская социал-демократическая рабочая партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЙНА РОССИИ С ЯПОНИЕЙ

Война объявлена. Появились известия о раненых и убитых. Вся страна только и говорит о броненосцах, потопленных крейсерах, подводных минах, убитых матросах и т. д. Все чувствуют, что совершается в нашей жизни нечто крупное, нечто такое, что потребует от нас страшных жертв, поглотит массу средств, будет причиной целого моря человеческого горя и слез. Тысячи семейств останутся без братьев, сыновей, отцов; сотни миллионов народных денег будут потоплены в морях Тихого океана; трудовая копейка русского крестьянина и рабочего пойдет на копчение пороховым дымом восточ-

* Резолюция МК РСДРП, принятая после 1 сентября 1904 г.

ного неба или на убийство японцев. Не меньше сил, средств и жертв унесет война и у Японии, не меньше страдания вынесут на своих плечах и ее трудящиеся массы.

Что же вызвало эту войну, кому она нужна, кто получит от нее выгоду? — вот вопросы, которые приходят в голову каждому при чтении газет.

Россия и Япония спорят друг с другом из-за влияния на Дальнем Востоке, в Китае и Корее. Влияние это необходимо русской и японской буржуазии как для возможно успешного сбыта своих товаров, так и вообще для извлечения возможно большего дохода с этих стран. Для обеих сторон кусок оказывается очень лакомым, вот почему ни одной из них не выгодно согласиться на какие-нибудь уступки другой. Война должна решить, кто из них будет хозяйничать на Востоке, кто будет выжимать все соки из китайца и корейца, русский фабрикант или японский буржуа.

Из-за этого спора хищнически жадных свор капиталистов и их правительств должны погибнуть тысячи людей, разориться миллионы семейств. Русский крестьянин должен убивать японского рабочего, японский бедняк по миру пустит детей русского пролетария, чтобы на их трупах бесновались разжиревшие капиталисты, еще более разбогатело и окрепло эксплуатирующее рабочие массы правительство. Кто победит в этой войне, японцы или русские, для трудящегося населения — все равно. Что получит русский ткач или слесарь от того, что Маньчжурия будет находиться под влиянием России, а не Японии или наоборот? Станет ли он меньше работать, меньше думать о завтрашнем дне, перестанет ли и впредь быть тем бесправным рабом, которого сосут правительство и капиталисты? А что получит от победы наш вечно голодающий крестьянин, перестанет ли он утопать в невежестве, разоряться под тяжестью налогов или пухнуть с голоду?

А японский крестьянин или рабочий? Может быть, в их интересах война, может быть, они получают что-нибудь за смерть и разорение своих близких? Нет, товарищи, война со всеми своими ужасными последствиями есть только одно из средств, которым буржуазия и ее правительство завоевывают свои богатства и закрепляют свою власть. Она в интересах капиталистов, а отнюдь не рабочих. Только ради их интересов содержатся в мирное время миллионные войска, тратятся на них сотни миллионов народных денег, выколачиваемых с крестьян и рабочих, вместо того, чтобы тратить их на действительно народные нужды. Ради своих интересов буржуазия и правительство, пользуясь своей властью, заставляют мирное трудящееся население одной страны убивать своих собратьев другой национальности. Вот почему мы, социал-демократы, представители рабочего класса, во всех странах находим, что не сражаться нужно русскому рабочему с японским, немецкому с французским, а объ-

единиться вместе под красным знаменем революционного социализма и бороться против общего и действительного врага — буржуазии и ее самодержавного правительства. Пока государственная власть находится в руках буржуазии, она всегда будет употреблять эту власть для достижения своих целей в ущерб интересам трудящихся слоев населения. Особенно проявляется это у нас, где вся власть сосредоточена в руках самодержца-царя, где народ не имеет никакого влияния на государственные дела. Царь и его министры, затеяв эту войну из-за Маньчжурии, желали также отвлечь внимание русского обывателя от безобразий, творящихся внутри самой России: они думают, что, сделавши при помощи военной силы внешнее могущество России, заставят русский народ примириться с ненавистным ему правительством; они надеются, что взрыв патриотического чувства перед лицом внешнего врага — японца заставит население забыть своего внутреннего врага, самодержавного царя. Покажем, товарищи, что царь и его министры ошибаются в своих расчетах. Мы действительно проявим патриотизм и любовь к своей стране, но не в стремлении убить возможно больше японцев, а в страстном желании скорого окончания этой бесполезной, братоубийственной войны, чтобы все силы народа, отвлеченные этой войной на Дальний Восток, направить на скорейшее уничтожение врага русского трудящегося народа — самодержавия и всех безобразий им порождаемых.

Агитируйте же, товарищи, везде, где вам придется говорить о войне, против нее, выясняйте ее истинный характер и призовите всех стать под революционное знамя социализма, которое объединит всех рабочих всех национальностей в единую армию труда и введет ее в царство свободы и братства.

Долой войну!

Долой самодержавие!

Да здравствует братство всех народов!

Да здравствует социализм!

Примечание. О замене постоянного войска всеобщим вооружением будет выпущен особый листок.

Москва. Комитет РСДРП.

**ЛИСТОВКА «К УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ» ПО ПОВОДУ
СТУДЕНЧЕСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ 17 ОКТЯБРЯ**

19 октября 1904 г.

Российская социал-демократическая рабочая партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Нет конца гнусным насилиям и зверствам русского правительства! Новая бойня, новые жертвы деспотии!

16 октября на Ярославском вокзале собралось несколько десятков студентов и курсисток, чтобы проводить призванных из запаса армии товарищей, обреченных на мучительную пытку служения самодержавию в рядах его войск. И вот на эту мирную, беззащитную толпу, выразившую свой протест против позорной войны, отрывающей от страны лучших сынов народа — борцов за его освобождение от вековечного гнета самодержавия, набросились по приказанию властей носильщики и пьяные запасные солдаты и бесчеловечно избили ее. На это гнусное, варварское избиение товарищей студенчество ответило новым протестом против полицейского деспотизма — устройством 17 октября политической демонстрации.

Этой демонстрацией учащаяся молодежь показала, что ярко горит в ее груди огонь ненависти к гнетущему игу самодержавия и бессильна деспотия в своем стремлении задушить его зверскими репрессиями. Пусть же разгорается этот огонь, пусть могучее пламя его выжжет в ваших сердцах великие слова «свобода и счастье народа», но пусть под этим девизом сольется студенчество в мощно *организованный* союз борцов против гнусной гидры самодержавия. Мы, социал-демократы, горячо приветствуем вас, учащаяся молодежь, в борьбе с темными, реакционными силами русской общности, в борьбе с палачами света и свободы! Но горячо просим Вас не забывать наш всегдашний призыв «организовуйтесь!», дабы не оставаться гласом вопиющего в пустыне, и в моменты грозного восстания рабочего класса вступить в его ряды и вместе с ним, под красным знаменем социализма, смело ринуться на борьбу с ненавистным врагом за свободу и счастье измученного, глухо звенящего цепями рабства, многострадального народа!

Долой самодержавие! Долой войну!

Да здравствует мир и свобода!

Да здравствует революционная социал-демократия!

Да здравствует социализм!

Московский комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

**ЛИСТОВКА «НОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ» С ПРИЗЫВОМ К РАБОЧИМ
ВЫСТУПИТЬ ПРОТИВ ЦАРСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ**

Октябрь 1904 г.

Российская социал-демократическая рабочая партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

Товарищи! Да скоро ли конец? Скоро ли конец постыдному устиланию нашими трупами далеких маньчжурских полей? Скоро ли кончится безумство нашего самодержавного деспота? Нет, нет, ему не видно конца... Вчерашний вечерний телеграф принес еще один ужасный приговор самодержавного тирана: царь назначает второго главнокомандующего для второй вновь мобилизуемой армии.

Царь говорит, что наши враги, японцы, крайне напряженно ведут войну, что они проявляют высокие боевые качества.

Что царь этим хочет сказать? Да, товарищи! Он откровенно признается, что ограбленный и измученный им русский народ, гонимый, как скот, на убой, не зная за что, не может состязаться с японским народом; царь говорит, что доблесть японцев побудила его увеличить на театре военных действий наши вооруженные силы, дабы скорее достигнуть решительных успехов.

Нет, царь, неправда! Ты увидел всю непригодность своих войск, ты увидел непригодность своих пьяниц-офицеров, ты увидел негодность бракованного оружия, которым снабжена армия. Ты узнал, что казна и Красный Крест разграблены. Да, ты увидел, что не в силах равными силами бороться с врагом.

И вот теперь в предсмертной агонии ты трупами народа хочешь преградить путь победоносному врагу, ты назначаешь второго главнокомандующего и мобилизуешь вторую армию.

Товарищи! опять объявлена мобилизация; опять польются реки детских и бабьих слез. Не проходит и месяца, как царь снова и снова шлет солдат на войну: нет конца и края. Несчастливая война, льется там кровь, рвется в куски человеческое тело, гибнут солдаты от болезней, от голода, от ядовитой гнилой пищи, тонут в грязи, падают в изнеможении под жгучим солнцем. И на смену им нужны все новые и новые полки!

Кормильцев гонят на злую участь, а на оставшихся налагают новые налоги на содержание покинутых семейств. И все эти страшные жертвы ни к чему. Царское правительство так плохо снарядило флот и армию, что корабли наши тонут при всякой стычке, войска наши, несмотря на храбрость наших солдат, бегут, и скоро их выгонят из Порт-Артура и из Маньчжурии.

А нужны ли они нам? Стоило ли из-за них кровь проливать?

Кому понадобились эти не наши, а китайские земли?

Разве мало у нас своих!

Нет. Россия — самая обширная страна в мире, и если в ней нет места беднякам, то только потому, что правительство, помещики и богачи расхватали все земли.

Нужна Маньчжурия и заарендованный у китайцев Порт-Артур только царскому правительству, которое хотело показать всему миру свою силу, доказать, что хоть и разорило оно народ, а все же могуче и грозно, что заграничные банкиры могут смело давать ему займы деньги на его нужды.

Только небольшой кучке крупных фабрикантов и банкиров понадобились новые рынки. И вот теперь народ платит своею кровью за царское мошенничество!

Да еще оказалось, что войска кормят дурно и вооружены они плохо, и управлять ими не умеют.

Только на то теперь и рассчитывают, что будут гнать одно войско за другим; пусть умирает русский народ, авось возьмет верх тем, что будет без конца подставлять все новые и новые груди под японские пули.

Не станем же терпеть этого! Не бойный скот мы для царя, не мясо для пушек! Довольно, долой войну!

Призывные запасные! Не идите на призыв сами — пусть тащут туда вас силою царские слуги, а потащут — пусть берут жен и детей.

Матери и жены запасных! Не отпускайте кормильцев на смерть, царю на потеху! Идите за ними, требуйте, чтобы вас не разлучали. А соберитесь большой толпой — смело кричите: «Не хотим воевать!»

Товарищи рабочие! На вас лежит святой долг стать во главе народа, который защищает жизнь свою от царской преступной воли.

Рабочие! Всюду учите народ требовать мира, разъясняйте, что война — одно зло для него, зло губительное, учите протестовать против злодейского правительства, учите требовать созыва учредительного собрания, т. е. представителей народа для учреждения нового, свободного народного управления. На царскую мобилизацию мы ответим иною. Мы мобилизуем все силы рабочего класса и поведем не против японцев, а против злейшего врага России — царского правительства.

Долой войну! Долой самодержавие!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия.

Московский комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

**ПРОКЛАМАЦИЯ «ЯВЛЕНИЕ ЛИБЕРАЛОВ НАРОДУ»
С РАЗОБЛАЧЕНИЕМ ПРЕДАТЕЛЬСТВА ЛИБЕРАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ**

Ноябрь 1904 г.

Российская социал-демократическая рабочая партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЯВЛЕНИЕ ЛИБЕРАЛОВ НАРОДУ

«Освобожденцы»¹¹⁸ обратились к народу с прокламацией о войне и конституции. Либералы, которые именем народа привыкли ходатайствовать перед самодержавием, непреклонною силою вещей вынуждены апеллировать к народу от самодержавия. «Народ», вызванный социал-демократией к политической жизни, заставил себя признать — сперва самодержавие, затем русских «радикалов» старой веры и, наконец, либералов. Из третьего лица он превращается для всех во второе. Говорят не только о нем, говорят с ним. Его убеждают, его призывают, его содействия ищут.

Обращение «освобожденцев» с программой-прокламацией к народу — крупный политический шаг. «Освобождение» — неофициальный центральный орган либеральной партии, — санкционирует это обращение либералов и придает ему значение боевого акта целой партии.

В историческую минуту, требующую высшей определенности и решительности, либералы переступают «порочный круг» пассивности и легальности и спускаются вниз с «Вадемекумом» * в руках. Прокламация написана для массы, старается говорить языком, понятным массе, и взывает к интересам массы.

Что говорят либералы народу?

Они говорят ему, что война никому не нужна, что царь не хотел ее, что царь миролюбив. Они это доподлинно знают. Они говорят далее, что царя соблазнили дурные советники, не осведомляющие своего «государя» об истинных нуждах народа, ибо «иные из вельмож государственные дела ведут не по совести, а по корысти, для своего кармана и для почестей, а иные из вельмож — глупы». Чтобы помочь делу, нужно созвать народных представителей. Царь от них будет узнавать правду, «как это было изредка в старину, когда русские цари жили в Москве». Управлять делами будут все сообща — государь, министры и собрание народных представителей.

Так строят свободную Россию либералы. Они берут под свою защиту царя и вместе с ним и монархию. В своей конституции они

* Путеводитель, указатель, спутник, справочник (*лат.*).

отводят царю красный угол. Они созывают собрание народных представителей не для выражения *суверенной* воли народа, а в помощь *монарху*. Но если царь действительно пуждается теперь в такой помощи, то нуждается ли народ в царе? Если без конституции уже не обойтись Романову, то неужели же и конституции не обойтись без Романова? Либералы не отвечают на этот вопрос, потому что не осмеливаются даже его поставить. Царь царствовал, царствует и будет царствовать. Партия «освобождения», еще не побежденная в борьбе с монархией, еще не приступившая к этой борьбе на глазах всего русского народа, становится на колени перед носителем власти божьей милостью. Таков ее либерализм!

Вокруг трона, за которым признается неприкосновенное право исторической традиции, должны расположиться народные представители. Но какой «народ» будут они представлять по расписанию либералов? Народ *земств* и *дум*, за которыми тоже ведь неприкосновенное право исторической традиции? Будет ли представлен народ «без традиций», народ без сословных, имущественных и образовательных привилегий? Мы спрашиваем: те представители, которые призваны спасать народ и монархию, будут ли они выбираться на началах общего, равного, прямого и тайного избирательного права? Мы спрашиваем либералов прямо и решительно, и мы сумеем заставить их дать народу столь же прямой и решительный ответ на наш вопрос. В воззвании на этот счет не сказано ни слова. И это, разумеется, тоже ответ, хотя и не прямой и не решительный. Он означает, что либералы отказывают народу, к которому обращаются, в политических правах. Иначе они не молчали бы. Политических прав не дают народу сюрпризом. Когда о них молчат, значит их не хотят дать. И это прежде еще, чем монархия успела предложить либералам условия, на которых было бы выгодно продать народ!

Таков их демократизм!

Они не смеют сказать: долой корону! — потому что у них нет отваги противопоставить принцип принципу, республику — монархии. Еще до борьбы за новую Россию они протягивают руки для соглашения с коронованным представителем старой России. Они опираются на пример сословно-совещательных земских соборов в прошлом вместо того, чтобы взывать к торжественному провозглашению народной воли в будущем. Словом, они апеллируют к антиреволюционной традиции русской истории вместо того, чтобы создать историческую традицию русской революции. Такова их политическая отвага!

Итак, русское конституционное правительство составляет *государь* (неизвестно, для чего нужный), *министры* (неизвестно, перед кем ответственные) и *собрание народных представителей* (неизвестно, какой «народ» представляющих).

Стоит организовать на этих началах государственную власть, и тогда — здесь начинается центральное место либерального «Вадемскума» — и тогда все вопросы разрешатся сами собою, все невзгоды и все беды русского народа снимет как рукой. В тех странах, где народу удавалось добиться конституции, он, по словам прокламации, «везде устраивал себе правые суды, уравнивал подати и облегчал налоги, уничтожал взяточничество, открывал для детей своих училища и быстро богател... И если б русский народ, как пишут либералы, потребовал себе и добился от царя конституции, то и он избавился бы от *оскудения, разорения и всяких притеснений* точно так же, как избавились от них и другие народы... Когда будет в России конституция, то народ через своих представителей наверное отменит паспорта, заведет хорошие суды и управление, упразднит самовластных чиновников вроде земских начальников и в местных делах будет управляться своими свободно выбранными людьми, заведет множество школ, так что *всякий сможет получить высшее образование*, освободиться от *всякой темноты*, наказания розгами (после получения «высшего образования»?) и заживет в *довольстве*. Словом при конституции, т. е. при управлении страной царя вместе с собранием народных представителей, народ будет свободен и дождет *настоящей хорошей жизни*».

Так пишут либералы.

Конституционное ограничение царской власти не только спасает от розги и нагайки, но и обеспечит от бедности, лишений, экономического гнета и даст возможность «быстро богатеть» — вот мысль, которую они хотят внушить народу. Присоединить к царю Земский собор, — и нет вопросов нищеты, гнета, безработицы, проституции, пролетаризации народных масс, преступности и невежества. Так говорят либералы. Но говорить так — значит явно и беззастенчиво издеваться над всей социальной действительностью, называть черное белым, горькое сладким, значит закрывать глаза — себе и другим — на опыт всей той истории, которую буржуазная Европа проделала в течение последнего столетия, значит попирает ногами кричащие факты, игнорировать все, что образованный человек может узнать из любой европейской газеты, значит спекулировать единственно на невежестве русской народной массы, на египетской тьме полицейского государства да на низком уровне политической морали в рядах собственной партии. Это значит заменить обращение — извращением, агитацию — демагогией, политическую конкуренцию — недобросовестной спекуляцией. Это значит уверенно идти к превращению собственной партии, которая идеологически является представительницей «народа», в простую клику, сознательно эксплуатирующую темноту народа. Мы говорим это со всей энергией, — и наши слова должен услышать не только каждый революционный пролетарий, но и каждый русский либерал.

Прокламацию писали образованные люди. Они знают, что ничего из того, о чем они говорят народу, на самом деле нет. Они знают, что и после того, как царь решится опереться на Земский собор, порядок на Руси останется буржуазный. Они знают, отлично знают, что конституция не спасет маленького собственника от пролетаризации, не даст безработному работу, не охранит рабочего ни от нищеты, ни от развращения. Они знают, что высшее образование доступно не всем, что оно есть монополия имущих. Они все это знают, — читали, видели, сами говорили и писали, — знают, не могут не знать. — Вы, например, г. Струве¹¹⁹, вы, который одобряете «этот по форме и по содержанию вразумительный призыв», ответьте прямо в «Освобождении», знаете вы все это или нет? — Да, они знают это. Но сверх того, они знают, что народ, к которому они обращаются, этого еще не знает. И они говорят народу то, чего нет, и то, во что они сами не верят. Они лгут народу. Они обманывают народ.

Неужели они не подумали, что у самого народа их встретит социал-демократия? Что она позаботится о том, чтобы свести их на очную ставку с исторической истиной? Они должны были бы хоть это предвидеть. Но в прокламации они не произнесли даже имени социал-демократии. Они пытаются разговаривать с народом через голову той партии, которая, задолго до их выступления, говорила с народом о тех же вопросах, но говорила иначе, которая заставила их самих обратиться к народу. Надо думать, они понимают, что они вступили на путь прямой и непосредственной политической борьбы с социал-демократией. Нашей партии не страшен такой противник!

С суеверной почтительностью перед монархией, с недоверием к демократии, без политического энтузиазма, без оппозиционной энергии, «без инициативы, без веры в себя, без веры в народ, без мирового исторического призвания, не доверяя собственным лозунгам, с фразами вместо идей» — таков этот противник, сознательно или бессознательно бросивший вызов партии рабочих масс.

Социал-демократия примет вызов.

Издание Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии.

Типография Московского комитета.

**ЛИСТОВКА С ПРОТЕСТОМ ПРОТИВ ИЗБИЕНИЯ ПОЛИЦИЕЙ
УЧАСТНИКОВ ДЕМОНСТРАЦИИ 8—9 ДЕКАБРЯ
И ПРИЗЫВОМ К БОРЬБЕ С САМОДЕРЖАВИЕМ**

Декабрь 1904 г.

Российская социал-демократическая рабочая партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! С каждым днем растет недовольство русского народа, с каждым днем усиливается натиск сознательных революционеров. Царское правительство растерянно мечется из стороны в сторону и не знает, что предпринять для своего спасения. Нагайка широко разгуливает по спинам обывателей. Революционеры тысячами сажаются по тюрьмам, высылаются на далекие окраины России. Но революционная армия растет. Все большие и большие массы следуют в ее рядах, и все плотнее подступают они к самодержавию! Война с Японией... Военной авантюрой царское правительство задумало отвлечь внимание народа от внутренних неурядиц, возбудить чувство слепого патриотизма и тем отдалить час своего позорного падения. Но и в войне самодержец всероссийский получает новое свидетельство о полной своей несостоятельности, и каждое поражение на Дальнем Востоке громко требует его свержения. За что бы ни ухватилось царское правительство — все обращается против него же... Как быть? Что предпринять? К кому обратиться за помощью? И вот самодержавное правительство устами министра Святополк-Мирского заговорило о «доверии». Мирский в своих многочисленных речах заявил, что правительство «доверяет обществу», что оно не будет препятствовать его самодеятельности. Но лишь только общество чуть-чуть проявило свою самостоятельность, лишь только оно заговорило о своих потребностях, как правительство тотчас же выпустило когти, обнаружив свой прежний постоянный характер.

Вы все, товарищи, *конечно* слышали об избии демонстрантов в Петербурге (4 чел. убитых и много раненых). У нас в Москве повторилось то же самое. На 5 и 6 декабря Комитетом социалистов-революционеров была назначена демонстрация. К 12 часам дня у Страстного монастыря собралось демонстрантов и публики до 2000 человек. Около часу толпа двинулась по Тверской к дому губернатора. Были подняты красные знамена с надписями: «Долой самодержавие», «Да здравствует политическая свобода». Около булочной Филиппова на мирно идущих набросилась ватага городских с приставом тверской части во главе. Обер-полицейский выстрелил в знаменосца, а низшие чины, обнажив шашки, принялись избивать безоружных самым зверским образом... Разбежавшиеся демон-

странты снова собирались в разных частях города и там снова под-
вергались самому жестокому избиению. На другой день, 9-го, у
Страстного монастыря опять собралась публика и опять пошла по
Тверской. Но не было ни знамен, ни песен. Городовые стали теснить
толпу к Страстному, некоторых сшибали с ног и топтали. Разда-
лись крики: «Мерзавцы! за что вы бьете безоружных!» Кто-то крик-
нул: «Долой самодержавие!» Снова шапки наголо, снова ужасное
избиение... Били женщин, били детей, избитых загоняли во дворы
домов и там снова избивали, избивали до потери сознания, до полу-
смерти... Избитых арестовывали и отправляли в больницы и участ-
ки. В результате царского «доверия» — до 300 раненых и до 60 аре-
стованных.

Товарищи! Самодержавное правительство пропело вам чудную
мелодию «доверия»! Еще раз оно наглядно показало нам свою ист-
инную физиономию — фразы о «доверии» ее не скроют. Еще раз
стало нам ясно, чем должны мы отвечать на царское доверие. Мы
должны требовать не «доверия» царского, не сближения царя с на-
родом, как это делают земские, городские собрания, — мы требуем
свержения самодержавного правительства! Не «доверие» царя, а
лишь учредительное собрание из представителей народа, избран-
ных всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, положит
конец его произволу. Ответим же на «доверие» правительства друж-
ным пролетарским недоверием. И пусть наш голос, голос москов-
ских рабочих сольется с могучим возгласом всего русского проле-
тариата:

Долой самодержавие!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует социализм!

*Московский комитет Российской социал-
демократической рабочей партии.*

Типография Московского комитета.

Листовки московских большевиков, с. 42—44.

**ЛИСТОВКА «ПИСЬМО СОЛДАТА К СОЛДАТАМ»,
ПРИЗЫВАЮЩАЯ СОЛДАТ К БОРЬБЕ ЗА СВОИ ПРАВА**

1904 г.

ПИСЬМО СОЛДАТА К СОЛДАТАМ

Братья солдаты! До каких пор будут продолжаться наши муче-
ния? До каких пор мы будем терпеть и молчать? Неужели в нас
никогда не проснется чувство человеческого достоинства, желания
жить как люди? Служба наша стала невыносимой. Многие из нас
постоянно болеют. Немало даже наших товарищей уезжают по

болезни домой, а домой ведь отпускают только таких, которые через месяц-другой все равно должны помереть. Почему же это так? Тяжелой работы у солдат как будто и нет, однако они постоянно хворают. А вот почему: без пищи и сна человеку, как вы знаете, жить невозможно, между тем всего этого нас начальство лишает. В караул мы заступаем 3 или 4 раза в неделю, а какой сон на карауле, известно. И хоть бы при такой службе кормили нас по-человечески. Между тем в пищу нам дают капусту до того кислую, что в рот взять невозможно, несколько раз бросали ложку за обедом. Два года тому назад куплена по дешевке эта капуста и положена в бочки, и до сих пор нам из нее щи варят. Кашей же, которой нас кормят, прямо стрелять можно. Недаром у нас так много солдат, особенно молодых, животом болеют. А об одежде и говорить нечего: заплатка на заплате, сукно так и ползет, не то что надеть, смотреть стыдно. И такую одежду заставляют еще содержать в порядке, когда материя нитку не держит. Иной раз целый день должен солдат ковырять свой мундир или брюки иголкой, только чтобы они не свалились, да тело не сквозило. Неужели у нас в России такая бедность? Неужели не хватает денег, чтобы накормить и одеть солдат? Нет, товарищи. Миллионы собирают правдой и неправдой с наших братьев на воле, только идут эти деньги на царские забавы, на содержание чиновников и офицеров да на войну на Дальнем Востоке. И зачем заботиться начальству о солдатах, зачем их хорошо кормить и одевать, когда, что ты не делай с солдатом, он все терпит да терпит. А если и послышится какой несмелый голос, стоит рявкнуть офицеру: «Молчать», «Не разговаривать», погрозить судом или арестом, испугается солдат, замолчит, и тут хоть по зубам его бей.

А знаете, товарищи, почему нас не оставляют служить на родине и гонят за тысячи верст на чужую сторону? — Боятся, что не будем мы стрелять в родных и знакомых, если в наших городах и селах народ станет добиваться лучшей доли, бунтовать, как говорит начальство. В чужих же местах оно надеется натравить нас, когда нужно, на восставших крестьян или рабочих, хоть и за нас они хлопочут, потому что мы тоже мужики, только в царских мундирах. Для этого и дурманят нам головы попы и начальство проповедями, маршировкой да уставом. Для этого же не выпускает оно нас из казармы, чтобы мы не познакомились с хорошими людьми, чтобы не узнали от них, что правда-то на стороне народа, чтобы не разъяснили они нам, отчего солдаты слабы, хоть у них и оружие в руках, хоть их много, а офицеров мало.

Да, братья солдаты, плохо нам живется, гонят нас за тысячи верст далеко от родных и друзей, морят голодом, заваливают службой, а обращаются с нами, держат нас, словно в тюрьме окаянных разбойников.

Довольно, товарищи, терпеть. Пора нам проснуться. Пора понять свое положение. Не забывайте, братья, что и мы люди. Будем бороться за свое право. Впереди нас ждет светлое будущее. Мы добьемся, товарищи, правды. Мы порвем казарменные цепи и вздохнем свободной грудью.

Издание Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии.

Листовки московских большевиков, с. 49—51.

ЛИСТОВКА «КО ВСЕМ РАБОЧИМ ЗАВОДОВ «БР. БРОМЛЕЙ»

Декабрь 1904 г.

КО ВСЕМ РАБОЧИМ ЗАВОДОВ «БР. БРОМЛЕЙ»

Безработица растет повсюду. Вести о ней идут и с юга, и с запада, и с востока. Во многих промышленных городах поднимали рабочих на улице умирающих с голода. То же бедствие свирепствует и в Москве. Оно посетило и механические заводы бр. Бромлей. У нас на заводе бр. Бромлей назначены к расчету много рабочих из литейного, токарного, литейно-мелочного и обрубочного цехов. Мастера ссылаются на то, что нет работы, и пользуются этим, чтобы понижать расценки. За те вещи, на которые нет расценок, мастер Алексеев кладет по 15 и даже по 12 коп. в час., вместо 20 коп. как обыкновенно получают токари. Вот как награждают нас наши хозяева и начальство за то, что мы работаем за ничтожную плату и создаем им богатства. И какой насмешкой звучит их совет ехать в деревню. Ехать в деревню теперь, когда крестьяне бегут оттуда в города, чтобы найти заработок и спасти себя и свои семьи от голодной смерти. В деревне сами крестьяне сидят без хлеба, и они нас не прокормят. Теперь некуда бежать. Повсюду безработица, голод, везде безысходная нужда. И раньше нам жилось плохо, но теперь война еще более ухудшила нашу жизнь. Десятки и сотни тысяч солдат гибнут на Дальнем Востоке. А в России по случаю войны останавливаются фабрики и заводы. Рабочих выкидывают на улицу, на голодную смерть.

Товарищи, посмотрите вокруг себя. Мастера, например мастер Кодлов, обращаются с нами, как с животными. Наш хозяин Егор Эдуардович и все мастера насилуют жен и дочерей наших. И мало того что они обируют и притесняют нас, им понадобились наши жены и дочери, и они делают их своими наложницами. Если же мы вздумаем заявить свой протест, если мы только соберемся посоветоваться о своих делах, то появляется полиция и избивает нас нагайками, ссылает в Сибирь. Таковы у нас порядки.

Социал-демократическая партия давно ведет борьбу с этими

порядками. Под ее знаменем лучшие рабочие объединились для борьбы за освобождение рабочих от всякого гнета и насилия. И теперь, когда бессмысленная и жестокая война за ненужную нам Маньчжурию вооружила против правительства весь народ, когда почти все присоединились к нашему требованию прекращения войны,— дружный и смелый натиск рабочих на правительство должен положить конец войне и освободить народ от гнета царского произвола.

Присоединяйтесь же к нашей партии, готовьтесь к решительной борьбе за освобождение рабочих. Соединившись все вместе, мы выйдем на улицу и потребуем немедленного созыва представителей народа для прекращения войны и для замены царского правительства правительством народным.

Тогда рабочим откроется широкая дорога для борьбы с капитализмом. Тогда быстрыми шагами пойдем к окончательному освобождению рабочих от всякого произвола и насилия.

Московский комитет РСДРП

Листовки московских большевиков, с. 48—49.

ЛИСТОВКА «КО ВСЕМ РАБОЧИМ» О СУЩНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

1904 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КО ВСЕМ РАБОЧИМ

Товарищи! Нас обвиняют в том, что мы, социал-демократы,— политики. Нас обвиняют в том, что мы не ограничиваемся требованием уменьшения рабочего дня и повышением расценок, а стоим за низвержение царского правительства. Отчего мы теперь страдаем, рабочие? Оттого, что нас обируют хозяева, оттого, что нас рассчитывают без важного повода, что на нас смотрят, как на скот. Но мы считаем себя за людей, и мы хотим улучшить свое положение. И вот, когда рабочие начинают бороться, устраивают стачки, сейчас же рядом с фабрикантами выступает полиция и жандармы, кандалы, казацкие нагайки и шашки. Борьба против власти и полиции, жандармов и казаков есть борьба *политическая*. Да, мы политики. Мы хотим изменить русские законы на пользу рабочих, на пользу всего народа. Вы знаете, товарищи, что русскими законами всякий стачечник считается преступником и должен быть наказан тюрьмой. Мы боремся за уничтожение этого закона, за свободу стачек, и это и есть борьба *политическая*.

Вы знаете, товарищи, что теперь законы запрещают рабочим со-

бираться, свободно обсуждать свои дела; собрания рабочих разгоняют наемные силы, всех правдивых ораторов арестовывают, сажают в тюрьмы. Мы боремся за свободу собраний и слова; а это и есть борьба *политическая*.

Вы знаете, товарищи, что теперь рабочим запрещено издавать свои газеты, запрещено печатать листки, в которых бы выяснялись и обсуждались интересы рабочих. Мы боремся за свободу печати, а это и есть борьба *политическая*.

Если бы у нас была теперь свобода печати, собраний, сходок, мы бы открыто обсуждали свои дела, в своих газетах мы бы напечатали обращение ко всем рабочим присоединиться к стачке, выставить общие требования. Через свои газеты, рабочие союзы мы бы организовали сбор денег в пользу стачечников. Да, мы — политики! Мы боремся против того, чтобы всеми делами в государстве заведовала шайка воров и грабителей, чтобы все деньги народные, добытые потом и кровью, правительство расходовало на содержание шпионов и жандармов, на поддержку дворян и капиталистов. Пусть народ сам через своих представителей устанавливает подати и налоги, пусть народ сам заведует расходованием своих денег. А это и есть *низвержение самодержавия*. Мы боремся против царя, так как он — первый дворянин и *жандарм* в России; мы боремся против царя, так как он посылает против нас казаков, жандармов и солдат, так как он стоит во главе всех чиновников, всей полиции и жандармов, *угнетающих и мучающих русский народ*. Мы боремся против царя, так как он затеял *бессмысленную* войну и посылает десятки тысяч на верную смерть в Маньчжурю.

Товарищи! Настало время, когда народ должен вырвать власть из рук царского правительства и передать ее народным представителям. Настало время, когда русские рабочие все должны заявить, что *они не рабы, а граждане*. Они должны потребовать себе прав и свободы. Выставляйте же на всех сходках, собраниях требование немедленного созыва *учредительного собрания*, состоящего из представителей всего народа, выбирайте посредством всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Оно на место царского *произвола* должно учредить в России народное правление.

Московский комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

РАБОЧЕЕ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

№ 1

1894 г., НОЯБРЯ 10.— ИЗ ОТНОШЕНИЯ ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА
ПОЛИЦИИ Н. И. ПЕТРОВА и. д. МОСКОВСКОГО ОБЕР-
ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА А. А. ВЛАСОВСКОМУ ОБ УСПЕШНОЙ
ПРОПАГАНДЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ГРУПП В РОССИИ
И РОСТЕ ОРГАНИЗОВАННОСТИ СРЕДИ ФАБРИЧНЫХ РАБОЧИХ

Секретно.

Из имеющихся в Департаменте полиции сведений усматривается, что за последнее время революционная пропаганда социал-демократического характера, найдя для своего распространения благодарную почву в среде фабричных рабочих, начинает приобретать внутри империи серьезное значение и по своей силе едва ли не превышает пропаганду всех остальных революционных фракций.

Так, между прочим, Департаментом получены указания, что речи революционного содержания, произнесенные на рабочих сходках в Вильне, воспроизведены посредством гектографа и находятся в обращении отдельными брошюрами между рабочими многих фабрик. В Москве, Владимире, Нижнем Новгороде, Киеве, Казани, Самаре, Саратове, Харькове и Ростове-на-Дону имеются уже будто бы вполне организованные революционные рабочие кружки, преследующие чисто социал-демократические цели. Среди этих кружков возникают уже ныне толки о необходимости объединения и созыва для сего конгресса русских рабочих, на котором, между прочим, могла бы быть выяснена наличность организованных рабочих групп.

Получаемые сведения указывают, что пропаганда благодаря энергии вожakov социал-демократов и восприимчивости рабочих действует весьма успешно в смысле привлечения новых членов. До рождества минувшего года в Москве будто бы было лишь пять человек, сочувствовавших социал-демократическому движению, к апрелю же текущего года число это возросло до 20...

Об изложенном Департамент полиции считает долгом уведомить ваше превосходительство для сведения.

Директор Департамента полиции
Генерального штаба генерал-лейтенант *Петров*.

Рабочее движение в России в XIX веке. М.,
1952. Т. 3, 1885—1894. Ч. 2. 1890—1894, с. 548—549.

№ 2

1894 г., ДЕКАБРЯ 6.— ОТНОШЕНИЕ и. д. МОСКОВСКОГО
ОБЕР-ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА А. А. ВЛАСОВСКОГО НАЧАЛЬНИКУ
МОСКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
К. Ф. ШРАММУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОГО «РАБОЧЕГО СОЮЗА»

Лекарь Сергей Иванов Мицкевич стоял во главе деятельного социал-демократического кружка, который, помимо изданий на mimeографе и других копировальных аппаратах, вел правильную пропаганду и агитацию среди рабочих,

сплавивая их в самостоятельную организацию, имевшую связи с иногородними рабочими центрами, находившимися между собою в оживленных сношениях и помогавшими друг другу материальными и иными средствами, а в случае арестов собирающимися по подписке деньги в пользу пострадавших; замечая, что рабочие затрудняются пользоваться их брошюрами, сработанными на указанных аппаратах, а также циркулировавшими в рукописях, Мицкевич с близкими ему по делу людьми вступил в сношения с польской организацией и заграничными деятелями и получал от них транспорт социал-демократических и других групп изданий, как-то, например, имело место весной текущего года, когда только что полученный нераспакованный транспорт революционных изданий был взят по обыску у Надежды Николаевы Лебедевой, которая ныне арестована и находится под следствием в Петербурге и арестованный жених которой, Владимир Жданов, все время жил ранее до ареста совместно с Мицкевичем.

Ближайшими сотрудниками Мицкевича были лекарь Александр Николаев Винокуров, студент Московского университета Дмитрий Павлов Калафати, бывший студент Московского университета Иван Васильев Денисов и другие члены Рязанского кружка, по преимуществу социал-демократического. Из числа его знакомых известны студенты Московского университета Борис Александров Келлер и Сергей Иванов Потехин.

В настоящее время все означенные выше лица по распоряжению г-на министра внутренних дел удалены из Москвы с воспрещением им некоторое время жительства в столицах и стolicных губерниях и университетских городах. При чем Винокуров выбыл в Екатеринослав, Калафати — в Николаев Херсонской губ., Денисов — в Орел, Келлер — в слободу Екатериненштат Самарской губ. и Потехин — в Арзамас Нижегородской губ.

Ввиду проявленных Мицкевичем в последнее время приемов особой конспирации в своей деятельности приступлено было на основании § 21 высочайше утвержденного положения о мерах к охране государственного порядка и общественного спокойствия к обыску в его квартире, причем у него отобраны: мимеограф со всеми принадлежностями, отчет Красного Креста и сработанные на мимеографе: 1) Сочинение гр. Л. Н. Толстого «Царствие Божие»; 2) статья «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», С.-Петербург, 1894 г.; 3) Воззвание к рабочим и другие записки и заметки предосудительного характера. Ввиду таких результатов обыска Мицкевич арестован и заключен под стражу в Сретенский полицейский дом и, согласно распоряжению г-на директора Департамента полиции, изложенного в телеграмме от 5 сего декабря за № 8536, он должен быть передан в жандармское управление для возбуждения о нем формального дознания.

Во исполнение такового распоряжения, сообщая об изложенном, имею честь при сем препроводить к вашему превосходительству протокол обыска, произведенного у Мицкевича, постановление о его аресте, протокол осмотра отобранных у него вещей, две описи их и самые вещи в одном свертке, опечатанном моею печатью.

Подлинное подписал и. д. обер-полицеймейстера
полковник *Власовский*
и скрепил начальник отделения
подполковник *Бердяев*.

С подлинным верно:
Начальник Московского охранного отделения
подполковник *Бердяев*.

1895 г., ИЮНЯ 10.— ДОНЕСЕНИЕ и. д. МОСКОВСКОГО
 ГУБЕРНАТОРА Л. А. БАРАТЫНСКОГО МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ.
 ДЕЛ И. Н. ДУРНОВО О СТАЧКЕ РАБОЧИХ ФАБРИКИ Т-ВА
 РЕУТОВСКОЙ МАНУФАКТУРЫ В МОСКОВСКОМ УЕЗДЕ

В дополнение к телеграммам от 6, 7 и 8 июня имею честь представить вашему высокопревосходительству нижеследующие подробности. Утром 6 июня я получил известие о том, что на фабрике Реутовской мануфактуры, в 13 верстах от Москвы, все рабочие, в числе 2100 человек, прекратили работы, требуя прибавки заработной платы и жалуясь на некоторые неправильные по отношению к ним действия местной фабричной дирекции. Забастовка сопровождалась битьем стекол в конторе, директорском доме и некоторых других зданиях. Хотя, по полученным затем по телефону известиям (фабричный телефон сначала был испорчен рабочими, но затем телефонное сообщение было вновь восстановлено), рабочие за отъездом ненавидимого директора фабрики Осадчего временно и прекратили буйство, но тем не менее ввиду их тревожного и дерзкого настроения и недостаточного состава местной уездной полиции я счел необходимым принять энергичные меры к наискорейшему прекращению возникших беспорядков. Принимая во внимание, что после крупных беспорядков на Владимирской и Ярославской фабриках, по имеющимся у меня сведениям, среди фабричного люда вообще ощущается некоторое брожение и что беспорядки на Реутовской мануфактуре являются как бы первой попыткой к производству таковых и в Московской губ., если не считать быстро подавленную забастовку на Прохоровской Трехгорной фабрике в Москве, я решил, не давая им разыгаться далее, подавить в самом начале военной силой. Посему по испрошении на то разрешения е. и. в. московского ген.-губернатора я попросил временно командующего войсками Московского военного округа ген.-лейтенанта Малахова командировать на Реутовскую мануфактуру 2 сотни казаков. Казаки находились в пешем строю на стрельбе в 15 верстах от своих квартир под Москвой и потому могли прибыть на фабрику лишь около 9 час. вечера. Между тем я продолжал получать телефонные известия от находившихся на фабрике чинов прокурорского надзора, фабричной инспекции и полиции о том, что, хотя толпа временно и прекратила свои активные действия, но что настроение ее крайне тревожное и прибытие войска является все более и более желательным. Наконец, получив уведомление о выступлении сотен, я отправился сам на фабрику. Не доезжая до нее версты 1¹/₂, я услышал исходившие из нее страшные крики и шум, и прибыл как раз вовремя, чтобы огрading находящихся там чинов от возобновившихся насильи толпы. Как я уже имел честь телеграфировать вашему высокопревосходительству, прибытие войска сразу прекратило буйство, и рабочие, разогнанные по своим казармам, совершенно успокоились и притихли и затем уже во все время моего там пребывания ни разу не пытались проявлять свои неудовольствия активно и насильственно. При мне лично весь беспорядок ограничился лишь несколькими брошенными в казаков камнями, никого не задевшими, кроме одной лошади (виновных в бросании этих камней заметить в толпе не удалось за наступившими сумерками). За время беспорядков, происшедших на фабрике до прибытия войска, находившимися там чинами были замечены некоторые из рабочих, отличившиеся особым буйством, и, кроме того, в числе буйствовавших оказалось несколько человек, не служащих на Реутовской фабрике, а пришедших из других фабрик. К сожалению, трое из последних с Большой Ярославской мануфактуры, замеченные в подстрекательстве, по слухам, бежали из фабрики в окружающие ее леса, заметив подходящие войска.

Дав успокоиться рабочим, ознакомившись с предъявленными ими чинам прокурорского надзора и фабричной инспекции в начале беспорядков требованиями и предметами неудовольствия и установив план предстоящих мероприя-

тий, я на другой день в 4 часа утра начал вызывать из казарм (из каждой по-очередно) живущих в них рабочих для словесного с ними объяснения. Всех казарм 3 и в каждой из них помещается по несколько сот человек обоего пола. Толпа вошла беспрекословно, но единогласно заявила о своем нежелании продолжать работу на прежних условиях. Тогда я объявил им, что они все будут рассчитаны по день забастовки, причем расчет будет производиться небольшими партиями. На это рабочие единогласно заявили, что они согласны на расчет, но при условии уплаты им не по день забастовки, а по 1-е будущего октября (срок найма) и притом, чтобы расчет произведен был не по маленьким партиям, а всем зараз. Ввиду необходимости арестовать вышеупомянутых вожаков и предстоящей рассылки на места жительства рассчитанных рабочих я счел нужным потребовать для конвоирования их еще пехотную часть, а для оцепления казарм и устранения возможного сопротивления при установленных мною порядке и сроке расчета, а также при заарестовании подлежащих лиц — еще сотню казаков. Сотня прибыла к вечеру 7-го, а батальон в ночь на 8-ое. Расчет рабочих был назначен на 8 июня в 5 час. утра. Одумавшиеся и утраченные прибывшим подкреплением рабочие беспрекословно вышли из казарм, дали себя разделить на небольшие партии и при расчете почти поголовно изъявили желание продолжать работу на прежних условиях.

Во время привода рабочих к расчету замеченные коноводы были заарестованы для предания судебной власти, а несколько человек, не пожелавших продолжать работы, рассчитаны по день забастовки и направлены в Московскую центральную пересыльную тюрьму для рассылки на местожительства. Лиц первой категории оказалось около 60, а второй — около 70. В числе первых оказались: с Богородско-Глуховской мануфактуры — 2, с Ореховской фабрики Саввы Морозова (Владимирской губ.) — 2, с Переяславской мануфактуры (Владимирской губ.) — 2, с Наро-Фоминской фабрики (Вереяского у.) — 1, с Даниловской мануфактуры и Измайловской мануфактуры (обе Московского у.) — по 1-му.

В 7 час. вечера 8 июня раздался призывной свисток паровой машины, караулы и пикеты от дверей казарм были сняты и рабочие, весело разговаривая, направились из казарм в фабричные корпуса и работа началась.

Обращаясь затем к причинам забастовки и беспорядков, я впрямь до окончательного разъяснения таковых судебным следствием считаю долгом доложить вашему высокопревосходительству, что, как мне кажется, таких причин... две:

Первая и главная причина — это повышение платы на Большой Ярославской мануфактуре, последовавшее, как мне сообщил ст. фабричный инспектор, после произведенного на ней разгрома, каковое известие принесено было на московские фабрики тамошними рабочими и нашло себе на Реутовской мануфактуре почву, подготовленную установленною на этой фабрике задельною платою, более низкою, чем на соседних, как, например, на Балашинской мануфактуре (почти на 20%).

Другая причина — второстепенная, но, к сожалению, основательная — это ряд мелких придирок, недочета и неправильностей, допускаемых теперешним директором мануфактуры Осадчим.

Так как эти мелкие неправильности не караются фабричным уставом, а лишь судом по заявлению обиженных, то ст. фабричный инспектор Московской губ. ограничился отобранием от него строгой подписки, которою Осадчий обязуется с первого же дня возобновления работ на фабрике более не повторять допущенных неправильностей.

8 июня в ночь по возобновлении работ на Реутовской мануфактуре я, сделав распоряжение об отпуске пехоты и сотни казаков, уехал с фабрики, оставив там временно две сотни казаков в распоряжении местной полиции для поддержания восстановившегося порядка, производства ночных разъездов внутри и вокруг фабрики и проч.

И. д. губернатора вице-губернатор *Баратынский*.

**1895 г., СЕНТЯБРЯ 5.— ОТНОШЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА
МОСКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
К. Ф. ШРАММА и. д. МОСКОВСКОГО ОБЕР-ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА
А. А. ВЛАСОВСКОМУ О СХОДКЕ РАБОЧИХ ФАБРИКИ ДАНИЛОВСКОЙ
МАНУФАКТУРЫ В МОСКОВСКОМ УЕЗДЕ**

Наблюдением жандармских унтер-офицеров дополнительного штата вверенного мне управления за фабрикой Даниловской мануфактуры, находящейся в районе 5-го стана Московского уезда и губернии, смежной с г. Москвой, на кой работает до 4500 человек, установлено, что рабочие означенной фабрики ввиду усиленного за ними надзора по уезду, вследствие отобранных у них в январе и августе месяцах текущего года книжек и воззваний преступного содержания стали собираться в последнее время в Даниловской слободе г. Москвы, в саду портерной, принадлежащей Елизавете Ивановой Деренго, и в отдельных комнатах Ново-Сахаровского трактира; так, например, подобного рода сходка рабочих имела место в вышеуказанном саду 20 минувшего августа месяца.

Об изложенном имею честь сообщить вашему превосходительству на благоусмотрение.

Ген.-майор *Шрамм.*

Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4, ч. 1,
с. 69—70.

**1895 г., НОЯБРЯ 23.— ОТНОШЕНИЕ и. д. СТ. ФАБРИЧНОГО
ИНСПЕКТОРА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ И. А. ФЕДОРОВА
МОСКОВСКОМУ ОБЕР-ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРУ А. А. ВЛАСОВСКОМУ
О РАСПРОСТРАНЕНИИ ЛИСТОВОК И НЕЛЕГАЛЬНЫХ БРОШЮР
СРЕДИ РАБОЧИХ ФАБРИКИ Т-ВА ПРОХОРОВСКОЙ ТРЕХГОРНОЙ
МАНУФАКТУРЫ**

Секретно.

Имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что один из владельцев фабрики Т-ва Прохоровской трехгорной мануфактуры, а именно Сергей Иванович Прохоров, явившись ко мне 22 сего ноября вечером, сообщил о замечаемом в последнее время каком-то брожении среди рабочих их фабрики.

По его словам, рабочие стали собираться по временам в кучки и при приближении кого-либо из администрации быстро рассыпаются, пряча какие-то листки, недавно же смотрителями было замечено, что отработавшая свое время смена женщин вместо обычного немедленного выхода с фабрики на некоторое время позамешкалась у выхода, как будто о чем-то совещаясь.

До администрации фабрики дошли, кроме того, слухи, что между рабочими в последнее время особенно ходит по рукам какая-то брошюра под заглавием «Пять последних стачек».

Не так давно один из ткачей, Алексей Алексеев, улучив время, когда никого не было рабочих, сообщил с испуганным видом дозорному фабрики (прося не выдавать его, так как боится, что рабочие убьют), что у них между рабочими образовался какой-то комитет, в который хотя и привлечь и его. По его словам, комитет этот состоит из 50 членов, между которыми большую роль играют 2 рабочих, бр. Кремневы. Руководит этим обществом будто бы какой-то студент, живущий в Кудрине. Комитет, собирая с рабочих по 20 коп., выписывает откуда-то брошюры и книжки, которые распространяет среди рабочих, и недавно даже

послал с этой целью на фабрики г. Серпухова и Наро-Фоминской мануфактуры несколько человек выборных.

По сообщению рабочих, члены комитета собираются периодически для совещаний на Ваганьковском кладбище и недавно чуть было не были накрыты полицией.

По слухам и некоторым признакам, администрация фабрики предполагает во всем этом деле какую-то связь с студенческими землячествами.

Объяснивший мне все вышеозначенное С. И. Прохоров в тот же день предполагал выехать в Петербург до 26-го сего ноября, указав на заведующего ткацким отделением Сергея Константиновича Кольцова, как на знающего подробно сообщенного.

И. д. ст. фабричного инспектора
Московской губ. *И. Федоров.*

Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4, ч. 1,
с. 70—71.

№ 6

1895 г., НОЯБРЯ 28.— ПОКАЗАНИЕ ЧЛЕНА МОСКОВСКОГО «РАБОЧЕГО СОЮЗА» РАБОЧЕГО Ф. И. ПОЛЯКОВА, ДАнные ИМ НА СЛЕДСТВИИ В МОСКОВСКОМ ГУБЕРНСКОМ ЖАНДАРМСКОМ УПРАВЛЕНИИ

Я желаю дать объяснения по всем обстоятельствам дела. Будучи начитан в области экономической литературы, я, хотя и не знаком хорошо с Марксом, но по тому, насколько его знаю, могу себя причислить по убеждениям к марксистам. Следя за разработкой рабочего вопроса по газетным сведениям, я осенью прошлого года узнал о поданной в министерство финансов лодзинскими фабрикантами записке о сокращении рабочего дня. Ввиду того что рядом с этим вопросом представляется для рабочих не менее насущным и вопрос об организации материальной помощи рабочим, у меня возникла мысль, что и сами рабочие должны возбудить ходатайство по обоим этим вопросам. Ту же мысль я встретил и у некоторых из наиболее развитых знакомых мне рабочих, вследствие чего среди рабочих понемногу образовалось течение за то, чтобы, собрав возможно большее количество подписей, обратиться в министерство финансов или к государю императору с петицией о сокращении в законодательном порядке рабочего дня и о разрешении учредить рабочий союз, который заводвал бы материальной помощью нуждающимся рабочим и подыскиваем им заработок. Это движение охватило все заводы города Москвы, некоторые из ее фабрик, а также фабрики провинциальные, как, например, в Раменском, Измайлове и Орехово-Зуеве. Об этом я сужу по тем сведениям, которые имел от моих знакомых, имевших в свою очередь знакомых на других фабриках и заводах. Но затем это направление несколько видоизменилось: рядом с мыслями о легализации рабочей организации появилась мысль о самовольном учреждении рабочего союза, без предварительного его разрешения, с тем, чтобы рабочий союз был разрешен уже как совершившийся факт, после того, как он докажет и свою пользу и свою силу. Я лично, стремясь к подъему нравственного и умственного уровня рабочих, раздавал им разные книжки, причем между ними попадались и нелегальные. Последние я давал с выбором, наиболее развитым людям, и в ограниченном количестве. Нелегальные книжки мне приходилось получать от Константина Федоровича Бойе, у которого было больше, чем у меня, знакомых интеллигентов. Я из числа интеллигентов знал только Мартына Николаевича Мандельштама и Александра Васильевича Кирпичникова. С первым я познакомился осенью прошлого года через того же Бойе, а Кирпичникова я встречал только весной текущего года раза три или четыре на рабочих сходках. Весной была майская сходка

между Кусковым и Вешняками, затем 28 мая на берегу реки Яузы и там же 4 июня. На майской сходке Мандельштам прочел и раздал рабочим гектографированное воззвание, озаглавленное «Воззвание на 1 мая», то самое, которое вы мне предъявляете. На следующих сходках обсуждался проект устава рабочего союза, прочитанный Мандельштамом. Кем он был выработан — не знаю. Рабочие в принципе отнеслись к этому проекту сочувственно, но не поняли отдельные параграфы устава, которые упоминали об отделениях союза, о порядке их действий и вообще касались подробностей организации и ее деятельности. На майской сходке собралось человек около трехсот, а на других двух — человек по пятидесяти. Я участвовал в приглашении рабочих на сходки, а задуманы они были тоже рабочими. Из лиц, изображенных на предъявляемых мне вами карточках, я никого не знаю и на сходках их не видал. По поводу предъявляемых мне вами документов объясняю: печатное воззвание, начинающееся словами: «Мы живем в такое время, когда мелкое хозяйство и мелкие мастерские все гибнут», мне знакомо; экземпляр два этого воззвания я дня за три до пасхи текущего года получил от Константина Бойе и передал в Раменском Семену Васильевичу Королеву. О происхождении этого воззвания я ничего не знаю. Воззвание, начинающееся словами: «Воззвание. Товарищи рабочие, наше положение с каждым годом все ухудшается», мне также знакомо. 7-го или 8-го июня текущего года Мандельштам через Федора Федоровича Бойе или сам, встретив меня у Бойе (хорошенько не помню), сказал мне, чтобы я пришел к нему на квартиру 9-го июня взять у него воззвания к рабочим, которые должны были быть к тому времени изготовлены, сохранить их до 11-го июня, а в этот день принести на назначенную между станциями Люблино и Люберцами, верстах в пяти от Николо-Угрешы, рабочую сходку. 9-го июня, часов в пять или в шесть вечера, я пришел к Мандельштаму и получил от него сверток с упомянутыми воззваниями в количестве, мне думается, около трехсот экземпляров. Воззвания эти я отнес к Федору Бойе, а куда он их девал, я не знаю. 11 числа на сходку они были принесены рабочим-токарем Дмитрием Барбасоном, отчества его я не знаю. Сходка эта не состоялась, потому что многие не пришли, узнав о недавних арестах в Москве. Барбасон передал эти воззвания кому-то из рабочих, кому не знаю, а потом я слышал, что этот рабочий, боясь хранить воззвания у себя, разбросал их по дороге, возвращаясь со сходки. Записка, начинающаяся словами: «К. пораньше добудьте мне «Вар», писана мною Федору Бойе перед троициным днем текущего года. В ней я просил Бойе достать мне брошюру «Варлен перед судом исправительной полиции», которую предполагал я отвезти в Раменское и передать кому-нибудь из рабочих, которых я почти всех знаю. Под литерами А. И. подразумевается Александр Иванович Хозецкой. Слова письма, относящиеся до его поездки в Раменское, «будут очень рады» означают, что раменские рабочие будут рады видеть Хозецкого. В фразе «кой-что из прежнего, если сможешь добыть», под словом прежнего я подразумевал, насколько могу припомнить, первое из предъявленных мне ныне вами воззваний. В фразе «штук 8—10 листов последнего выпуска» я подразумевал воззвание, данное мне Мандельштамом, думая, что экземпляры его где-нибудь еще сохранились. Ни одного из упомянутых в письме изданий Бойе добыть не удалось. На клочке желтой бумаги воззвание, начинающееся словами: «Товарищи, пора опомниться», было составлено мною в июле текущего года, а для напечатания я его передал знакомому мне рабочему-типографщику по имени Роману, по отчеству, кажется, Петров, а фамилия его мне неизвестна. Где он в то время работал, я также не знаю, а ранее он работал в типографии Пашкова. Роман должен был отпечатать это воззвание в той легальной типографии, где он в то время работал. Он мне отпечатал штук 30 этих воззваний, после чего я в июле месяце на сходке, происходившей в один из праздничных дней на Даниловском кладбище, раздал эти воззвания рабочим. Таким же способом через того же Романа мною были изданы предъявляемые мне вами стихотворение, озаглавленное «Награда», и воззвание, начинающееся словами: «Товарищи работники! За границей

рабочие добились 8- или 9-часового рабочего дня». Стихотворение «Награда» написано самородком-поэтом Константином Голицыным, работающим на фабрике Видулы Морозова. Еще в 1892 году я списал это стихотворение из целой тетрадки стихотворений Голицына, данной мне одним моим знакомым, имени которого я не знаю. Предъявляемый мне вами рукописный экземпляр этого стихотворения писан мною и был передан мною Мандельштаму с просьбой издать его, так как я догадывался, что у Мандельштама есть какой-то способ воспроизводить различные вещи путем печати. Но Мандельштам никакого определенного ответа мне не дал. Отпечатанные Романом экземпляры «Награды» были частью розданы мною, Александром Кудриним и Сергеем Кузнецовым на рабочей сходке в июне месяце на Даниловском кладбище, частью отведены мною в Раменское. Отпечатанные Романом воззвания были составлены мною в начале августа текущего года, отпечатано было экземпляров около ста, которые я и раздал рабочим на сходке, происходившей 15-го августа в местности близ Перова, под названием Ключики. Собрались мы там в количестве около 70 человек, в той части рощицы, которая ближе к проезжей дороге и расположена недалеко от водокачки. На этой сходке был также и типографщик Роман. Лица, изображенные на предъявленных мне карточках, мне не знакомы, и на сходке 15 августа я их не видал. На вопрос ваш, знал ли я, что у Мартына Мандельштама или у кого-либо из близких ему лиц имеется типографский станок и принадлежности к нему, отвечаю: об этом мне ничего известно не было, хотя, как я сказал выше, я об этом и догадывался. Поправки в настоящем протоколе сделаны моей рукой.

Федор Иванов Поляков.

На заре рабочего движения в Москве. М., 1932,
с. 224—228.

№ 7

1895—1896 гг.— ИЗ ОБЗОРОВ ВАЖНЕЙШИХ ДОЗНАНИЙ — О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОГО «РАБОЧЕГО СОЮЗА»

С весны 1894 г. на некоторых московских фабриках и заводах было обнаружено брожение среди рабочих. Так, между прочим, владелец машиностроительного завода Вейхельт получил угрожающего характера письмо, предупреждавшее, что образ действий его может вызвать бунт рабочих. Затем были получены сведения о происходивших в рабочей среде сходках, и производившееся по этому поводу расследование постепенно выясняло, что в г. Москве образовался с целями преступной агитации среди рабочих особый, присвоивший себе название «социал-демократов», кружок, члены которого вели правильную пропаганду и агитацию среди рабочих, сплачивая рабочих в самостоятельную организацию, которая имела уже связи с иногородними рабочими центрами, и что деятельное участие в этом кружке принимал врач Сергей Мицкевич. Учрежденное за последним ввиду сего наблюдение действительно установило посещение им вместе с привлечавшимся ранее к дознанию врачом Александром Винокуровым помощника машиниста Московско-Брестской ж. д. Сергея Прокофьева и рабочих завода Вейхельта слесаря Константина Бойе и греческого подданного слесаря Андрея Карпузи, у которых он бывал как единолично, так и совместно со студентом Московского университета Дмитрием Калафати. Вместе с тем были выяснены сношения Мицкевича со студентом Московского университета Борисом Келлером, воспитанниками технического училища Александром и Владимиром Маслениковыми, инженер-технологом Алексеем Ганшиным, бывшим подручным 107-го пехотного полка Евгением Спonti и известным ранее по привлечению к дознанию бывшим студентом Московского университета Иваном Денисовым и мещанином Григорием Мандельштамом.

Так как Мицкевич в сношениях своих принимал особые меры предосторож-

ности, лишавшие возможности правильного за ним наблюдения, то 3 декабря 1894 г. у него был произведен обыск, по которому, кроме большого количества статей социал-демократического направления, оригинальных и переводных, писанных разными почерками, в том числе статей, озаглавленных «Беседы», видимо, составленных для малограмотного читателя, у него были обнаружены: копировальный аппарат мимеограф со всеми к нему принадлежностями и заготовленными для оттиска листками с текстом преступного содержания, гектографированное воззвание к рабочим завода Вейхельта*, призывающее рабочих к единению, организации союза и учреждению общей кассы для борьбы с фабрикантами путем стачек, и печатный листок, представляющий собою отрывок из воззвания к рабочим о поглощении крупным производством мелкого и эксплуатации труда капиталом. Воззвание это начинается словами: «Мы живем в такое время...» Наконец, у Мицкевича была найдена рукописная «программа русских социал-демократов», написанная «для интеллигенции и передовых рабочих». По обыску у Александра Винокурова оказались заметки по рабочему вопросу, а также статьи, оригинальные и переводные, тождественные с обнаруженными у Мицкевича. У Спonti найдены гектографированные издания социал-демократического характера и часть писанного рукою Спonti перевода на русский язык польской брошюры «Родовое общество».

Самое нахождение означенных вещественных доказательств и в особенности программы социал-демократов, в которой целью деятельности ставится «воздействие на рабочих на почве их мелких повседневных нужд» и постепенное их подготовка этим путем сперва «к единению для классовой борьбы, а затем — к политической и экономической революции», подтверждало уже имевшиеся сведения о существовании тайного кружка, занимающегося революционной пропагандой среди рабочих.

Ввиду сего при Московском губернском жандармском управлении было возбуждено дознание, а между тем расследование продолжалось, причем были получены указания на то, что непосредственное руководство революционной пропагандой приняли на себя названные выше Масленниковы, студенты Московского университета Петр Дурново и Александр Кирпичников, запасной унтер-офицер из московских мещан Мартын Мандельштам** и Андрей Карпузи, которые устраивают собрания рабочих и на таковых произносят речи о значении и необходимости организации «Рабочего союза», и что в то же время при участии Мицкевича, Винокуровых, Ганшина, помощника присяжного поверенного Аркадия Рязанова и крестьянки с. Кладбищ Нижегородской губ. Евдокии Петровой составляются, издаются и выпускаются в обращение среди рабочих соответственные брошюры и статьи социал-демократического характера, а также воззвания к рабочим. 1 Мая рабочие кружки праздновали в Сокольниках маевку, причем к этому времени были выпущены гектографированные воззвания, в коих выяснялось социал-демократическое значение этого дня для рабочего класса. 4 июня на собрании в Сокольниках обсуждался вопрос об организации на ст. Люблино 11 июня большой рабочей сходки с участием иногородних рабочих. К этому времени предполагалось отпечатать устав рабочей кассы и воззвание о значении «Рабочего союза».

Наблюдением за помянутыми вожаками сходок было установлено, что Карпузи принес к Кирпичникову предмет, похожий на валик, употребляемый для прокатывания на бумаге, который затем был отнесен к Дурново. 9 июня Дурново и Кирпичников, имея в руках узел в ремнях и какую-то небольшую, но тяжелую коробку, отвезли ее в с. Большие Мытищи к бр. Масленниковым. Сов-

* Не обнаружено.— *Примечание источника.*

** Мартын Мандельштам привлекался в 1892 г. к дознанию в Москве по делу об издании и рассылке преступных воззваний и по высочайшему повелению 15 декабря 1893 г. был подвергнут аресту при тюрьме на две недели. Обзор XVII, с. 292.— *Примеч. документа.*

падение этого перемещения с близостью сходки, на которой должна была происходить раздача воззваний, вызвало необходимость принятия мер в отношении названных лиц в предупреждение возможности сокрытия ими следов преступления. Вследствие сего в ночь на 10 июня 1895 г. были произведены обыски, коими обнаружены в с. Большие Мытищи у бр. Масленниковых разные социал-демократические сочинения и полная типография, а у Мартына Мандельштама — пять экземпляров отпечатанного шрифтом этой типографии воззвания следующего содержания: «Товарищи рабочие. Наше положение с каждым годом...»

Затем обнаружены: у Ганшина — целый склад революционных изданий, у Дурново — брошюра «Сказка о том, как царь Ахреян ходил богу жаловаться», у Кирпичниковых — печатные и рукописные социал-демократические издания, мимеограф со всеми принадлежностями, записка следующего содержания: «Не забудьте, что сегодня все должно быть устроено», и письмо за подписью «г. Яр.», в котором автор просит выслать 2 экз. брошюры «Как люди на белом свете живут», у Владимира Масленникова — им самим составленное воззвание к рабочим, у Мандельштама — разные рукописи по рабочему вопросу, в том числе рукописи, озаглавленная «Как крестьянин и кустарь в фабричного рабочего превратились». Такие же рукописи, а также разные печатные социал-демократические издания оказались у супругов Карпузи, надзирательницы детского приюта в с. Мытищах крестьянки Надежды Желваковой, дочери псаломщика Анфисы Смирновой, мешанки Леонтия Биронт и студента Московского технического училища Мовши Левита, обысканных ввиду сожительства Желваковой с Дурново и сношений ее и Левита с Масленниковыми, Смирновой с Рязановым и Биронт, как близкой подруги Желваковой. Наконец, у Владимира Масленникова оказалось письмо, подписанное «Борис Константинов» и заключающее в себе описание происходившей весной 1895 г. на Ярославской Корзинкинской фабрике стачки рабочих. Ввиду сношений с Мартыном Мандельштамом и Масленниковыми были подвергнуты также обыску окончивший курс в Московском университете Николай Чекеруль-Куш и дворянин Альфонс Козловский, но у них ничего не обнаружено. В то же время были арестованы проживавшие в г. Екатеринославе Александр Винокуров, высланный из Москвы 3 декабря 1894 г. по делу об агитации по подаче петиции, и Григорий Мандельштам, отбывавший срок гласного надзора по делу Астырева. По сличении почерков рукописей, обнаруженных по обыскам у Мицкевича и Винокурова, с почерками близко стоявших к Мицкевичу лиц, каллиграфическо-экспертизою было установлено, что рукописи эти были писаны Мицкевичем, Винокуровым и его женою Пелагесю, студентами Юрьевского университета Яковом Гинсбургом и Иосифом Давыдовым, Московского университета Менделем Цейтлинным и упомянутыми выше Григорием Мандельштамом и Рязановым*.

* Григорий Мандельштам привлекался в 1892 г. к дознанию в Москве по делу об издании и рассылке преступных воззваний и по высочайшему повелению 15 декабря 1893 г. был по вменении в наказание времени, проведенного в предварительном заключении, подчинен гласному надзору полиции на три года в избранном месте жительства, за исключением столиц, столичных губерний, университетских городов, Твери и Нижнего Новгорода. Обзор XVII, с. 9, 290.

Иосиф Давыдов привлекался в 1893 г. к дознанию при Лифляндском губернском жандармском управлении по делу о тайном кружке, организованном с целью совместного чтения запрещенных изданий. По высочайшему повелению 12 июля 1895 г. подчинен гласному надзору полиции на три года в избранном месте жительства, за исключением столиц, столичных губерний и университетских городов. Обзор XVII, с. 320; Обзор XVIII, с. 47.

Аркадий Рязанов в бытность студентом Московского университета привлекался в 1889 г. к дознанию в Москве по делу о хранении революционных изданий. По высочайшему повелению 22 ноября того же года по вменении в наказание времени, проведенного в предварительном заключении, был подчинен над-

Несмотря на произведенные обыски и аресты поименованных лиц, деятельность обнаруженного сообщества продолжала, однако, и за сим проявляться, причем подтверждались имевшиеся сведения о распространении преступной пропаганды и между иногородними рабочими центрами. Так, воззвания, тождественные с отобранными у Мартына Мандельштама, успели распространиться в значительном числе и были обнаружены 15 июня вблизи мастерских металлического завода Московского Г-ва. 13 июля такое же воззвание было найдено в г. Туле у мастерского местного оружейного завода Нарышкина. При этом исследованием было выяснено, что Нарышкину воззвание это передал служивший ранее на том же заводе рабочий Николай Блинов, последний же получил 6 экземпляров этого воззвания для распространения в г. Туле на Оружейном и Патронном заводах и в железнодорожной мастерской от конторщика Московско-Курской ж. д. Александра Косарева, который, сознавая в передаче воззваний тульским рабочим Блинову, а также Луневу, Михаилу Маслову и Михаилу Добрынину, показал, что сам получал их для распространения в Туле от счетоводного конторщика Московско-Курской ж. д. Александра Козлова и служащего в мастерских той же дороги Александра Гузакова. Последний показал, что воззвания эти нашел разбросанными в помянутых мастерских.

Вскоре после производства обысков 10 июня на фабрике Миттина, расположенной близ Чесменской платформы по Московско-Курской ж. д., были обнаружены те же воззвания. Два таких воззвания были отобраны у задержанного вблизи означенной фабрики мещанина Ивана Попова.

26 июня на фабрике бр. Мамонтовых * в с. Раменском Бронницкого у. среди рабочих появилось печатное стихотворение, под заглавием «Награда». В нем описывается жалкое положение рабочего, которое сравнивается с положением фабричного приказчика; в то время как рабочий не может рассчитывать на помощь в нужде от фабриканта и за каждую провинность подвергается штрафу, фабричные приказчики получают ежегодные награды, хотя нужды не знают. Подозрение в распространении этого стихотворения пало на бывшего рабочего той же фабрики бронницкого мещанина Федора Иванова, по прозвищу Полякова, который в течение лета 1895 г. несколько раз приезжал из Москвы в с. Раменское и заводил сношения с местными рабочими.

10 августа у дверей конторы фабрики Даниловской мануфактуры были обнаружены воззвания, тождественные с найденными у Мартына Мандельштама; отрывок воззвания, начинающегося словами: «Мы живем в такое время...», тождественного с найденным у Мицкевича, и два экземпляра воззвания, написанного на малого формата листах желтой бумаги от имени рабочих и обращенного к «Товарищам». «Пора опомниться, пора взяты за ум! Довольно кормить дармоедов-хозяев и их приспешников трудами наших рук!» Так начинается это воззвание, и засим рабочие призываются «потребовать короткого рабочего дня и лучшей заработной платы». «Возьмемся,— сказано в заключении,— за улучшение нашей жизни. Кроме нас, никто не будет хлопотать и стараться. Смело за общее дело!»

По сличении шрифта, коим отпечатано это последнее воззвание, а также воззвание, взятое у Мицкевича и начинающееся словами: «Мы живем в такое время», и приведенное выше, отобранное у Мартына Мандельштама, эксперты заключили, что все эти воззвания отпечатаны на типографском станке, обнаруженном 10 июня 1895 г. в с. Большие Мытищи.

Вместе с обнаружением означенных воззваний были получены сведения, что сходки под руководством самих рабочих продолжают. На сходке, происшедшей 15 августа в м. Ключики Московского у. под руководством помянутого

зору учебного начальника сроком на один год, с заменой сего надзора в случае выхода из университета ранее истечения означенного срока гласным надзором полиции в месте его жительства. Вед. XIV, с. 14, 60.— *Примеч. документа.*

* Видимо, Малютиных.

Полякова, собравшимся, в числе до 70 человек, рабочим раздавалось новое воззвание, обращенное к «Товарищам работникам». В воззвании этом, начинающемся словами «За границей рабочие добились 8- или 9-часового дня», указывается, что там рабочие добились платы «второе, четвертое» большей, чем русские рабочие. Пища и жилища их — роскошные дворцы в сравнении с сырыми и грязными конурами русских рабочих; польские рабочие, по примеру Западной Европы, добились также 10—11-часового труда, хотя находятся под гнетом одинаковых законов. «Только у нас, говорится в воззвании, произвол капиталистов-хозяев не знает пределов; только у нас рабочие трудятся 13—16 и 18 час. в сутки; только у нас еще заставляют работать ночи и праздники. Защиты ждать не от кого. Будем соединяться, узнаем, как боролись за границы, и пойдем по их следам. Соединимся, из грошей наших устроим кассу, будем помогать пострадавшим за правое рабочее дело. Вперед товарищи! Товарищи работники всех стран, соединяйтесь!» Такое воззвание, напечатанное шрифтом, однородным со стихотворением «Награда», было доставлено 16 августа 1895 г. приставу 1-го уч. Рогожской части крестьянином Московской губ. Александром Аксеновым, служащим на шелкоткацкой фабрике Мусси, и крестьянином Федором Безруковым, служащим на такой же фабрике Баулина. Названные рабочие заявили, что 16 августа они, находясь на фабрике Баулина, пили водку в компании с рабочим этой фабрики запасным унтер-офицером Алексеем Маклаковым и крестьянином Василием Алексеевым (он же Комаров). Во время разговора неизвестно откуда упало на стол означенное воззвание и когда Аксенов хотел взять его себе, то Алексеев заметил, что на следующий день на фабрику будет привезено 1000 экз. этих воззваний.

Ввиду изложенных данных были произведены обыски как у поименованных, так и некоторых других намеченных расследованием лиц, причем обнаружены у Полякова и Прокофьева стихотворение «Награда», у издальского мещанина Александра Хозецкого печатная брошюра Женецкого козления «Кто чем живет», у мещанина Сергиевского посада Давида Малинова — два гектографированных листка, представляющих собою рассказы, посвященные рабочим и озаглавленные «Столковались у фабричного инспектора» и «Разговор двух фабрикантов», каковые листки, по объяснению Малинова, были переданы ему для прочтения вскоре после пасхи слесарем завода Вейхельта Александром Богомоловым.

За исключением некоторых названных выше рабочих, прочие арестованные, обвиняемые первоначально, отрицали всякое участие в обнаруженном сообществе, по поводу же найденных по обыскам вещественных доказательств, дали частью неправдоподобные, частью уклончивые объяснения, или отказались назвать лиц, таковые им передавших. Но затем обвиняемый Александр Кирпичников, Федор Бойе, Андрей Карпузи и отчасти Мартын Мандельштам дали откровенные показания, коими установлено, что главным агитатором среди рабочих московских фабрик и заводов в период времени с конца 1894 г., непосредственно руководившим революционной пропагандой в рабочей среде, был Мартын Мандельштам. Стронник рабочего движения, Мандельштам, по собственному сознанию, давно задумал вести пропаганду в рабочей среде с целью развития в рабочих классового самосознания и необходимости рабочей организации. В этих видах в течение минувшей зимы он занимался лично и чрез посредство рабочих Карпузи, Константина Бойе, Александра Хозецкого и Полякова раздачей рабочим различных произведений социалистической литературы. Опасаясь, однако, что в случае ареста предпринятое им дело не осуществится, он весной 1895 г. привлек к нему Кирпичникова, бр. Масленниковых и Дурново и 30 апреля пригласил этих лиц на устроенную им близ ст. Вешняки, Московско-Казанской ж. д., рабочую сходку, на которой произнес речь о необходимости союзной организации для рабочих, рабочей кассы и библиотеки и затем роздал рабочим около 60 экз. составленного им на 1 мая воззвания, разъясняющего значение этого дня для рабочих. После этой сходки Мандельштам и Кирпичников решили образо-

вать правильную рабочую организацию и выработали устав «Союза рабочих», коим последние приглашались к устройству касс и библиотек.

Затем в течение мая собирались несколько раз для обсуждения дальнейших действий Кирпичников, супруги Карпузи, Мартын Мандельштам, бр. Масленниковы и Дурново, сначала в Сокольниках, а затем на Воробьевых горах, и предполагали собрать рабочую сходку по поводу стачки, происходившей весной 1895 г. на Ярославской Корзинкинской фабрике. В этих видах и было прислано из Ярославля бывшим студентом Московского университета Василием Кавериным* отобранное по обыску у Масленникова письмо за подписью «Борис Константинов» с описанием означенной стачки, и с этой же целью Владимир Масленников вместе с Алексеем Ганшиным ездил в Ярославль для собрания сведений на месте, причем Масленников доставил Каверину 20 экз. брошюры «Как люди на белом свете живут». 28 мая на берегу р. Яузы была созвана Мандельштамом рабочая сходка, на которую явилось до 20 человек рабочих, и на сходке этой Мандельштам прочел в первый раз проект «Устава Союза рабочих»**. Затем 4 июня на том же месте Мандельштам при посредстве Карпузи собрал опять сходку для обсуждения вопроса об устройстве 11 июня в местности близ Николы Угрешни многолюдного собрания, на котором Мандельштам предполагал вновь прочесть тот же устав и окончательно убедить рабочих в необходимости организации. Для этой сходки и было составлено сообще Мандельштамом, Кирпичниковым, Дурново, Петровой и супругами Карпузи воззвание об организации Рабочего союза, отобранное затем у Мандельштама в количестве 5 экземпляров. Содержание его обсуждалось на собрании, происходившем 7 июня в квартире Кирпичникова, в присутствии его, супругов Карпузи, Дурново и Евдокии Петровой, а на следующий день набрано Кирпичниковым и отпечатано в количестве 400 экземпляров в квартире Дурново сим последним, Петровой и Мандельштамом, который 9 июня передал таковые Полякову, с тем чтобы последний доставил их на предполагающуюся 11 июня сходку. После этого 9 июня Кирпичников и Дурново перевезли типографию в с. Большие Мытищи, где и оставили у Масленниковых. Вышеприведенная отобранная у Кирпичникова записка: «Не забудьте, что сегодня все надо устроить» — была написана Дурново по поводу перевозки означенной типографии. Относительно самой типографии Мандельштам объяснил, что приобрел таковую в Риге, куда с этой целью ездил в августе 1894 г. Прожив там трое суток без прописки, он чрез посредство одного маклера, фамилии которого не помнит, заказал типографский станок, не объясняя цели заказа, затем купил 2 каучуковых валика и у разных рабочих, служивших в типографии, приобрел шрифт; последний, а также валики, он привез в Москву лично, станок же ему выслал маклер. После сего все типографские принадлежности он перевез в Клининский городок, в помещение опытной городской станции канализационных работ, куда ходил на дежурство, преимущественно в вечернее время, и спрятал их в полузасыпанный канализационный колодезь, выход которого был в будке, обнесенной забором, ключи же от калитки забора и от будки находились у него, как у дежурного. Приходя на дежурство и оставаясь всегда один, он отпечатал на этом станке воззвание на 1 мая и воззвание, найденное по обыску у Мицкевича, начинающееся словами «Мы живем в такое время...». Окончив в феврале 1895 г. работы на опытной станции, он по частям перенес типографию за Девичий монастырь и зарыл ее на берегу Москвы-реки, в начале июня перенес ее к себе и, наконец, к Дурново.

Кроме сходок, преступная пропаганда велась путем отдельных свиданий с

* Василий Каверин привлекался в 1893 г. к дознанию при Пензенском губернском жандармском управлении по делу о распространении революционных изданий. По высочайшему повелению 9 ноября 1894 г. был подвергнут аресту на один месяц, после чего подчинен гласному надзору полиции в избранном месте жительства сроком на один год. Вед. XVII, с. 47.— *Примеч. документа.*

** Не обнаружен.— *Примечание источника.*

рабочими, на которые являлись Винокуров, Мицкевич и Спонти, бывший студент Московского Технического училища Евгений Лакур и Левит, а также путем распространения среди рабочих приведенных воззваний и социал-демократических сочинений, из коих некоторые были составлены специально для этой цели, между прочим, Мартыном Мандельштамом. Таковые статьи «Как крестьянин и кустарь в фабричного рабочего превратились», «Кое-что о женщине-работнице», «Много ли мы зарабатываем» и «Много ли мы живем» и т. п. Впоследствии предполагало составить ряд таких статей и список таковых был обнаружен при обыске у Кирпичникова. Кроме оригинальных, составлялись, как изложено выше, статьи переводные Григорием Мандельштамом, помянутым Спонти, супругами Винокуровыми, Аркадием Рязановым, Смирновой. Далее подпольные издания воспроизводились, в чем участвовали и сознались Пелагея Карпузи дочь поддсаула Мария Горбачева и крестьянин Дмитрий Буканов, переписавшие: Горбачева для Кирпичникова — экземпляр программы русских социал-демократов и Буканов — для Мицкевича часть той же программы. Для издания этих сочинений, кроме типографии, имелись мимеографы, которые хранились у Мицкевича и супругов Карпузи, самые же издания передавались на хранение Масленниковым, Мартыном Мандельштамом и Мицкевичем обвиняемым Биронт, Желваковой, Смирновой, Пелагее Карпузи и Ивану Денисову. При этом квартира Рязанова являлась, по-видимому, местом, из которого такие издания расходились. Он, по показанию Кирпичникова, передал последнему программу социал-демократов; отобранная у Мандельштама рукопись социал-демократического характера «Кустарная промышленность в Германии» была взята Мандельштамом у Рязанова.

Ближайшими пособниками поименованных руководителей являлись, по данным дознания, рабочие козельский мещанин Константин Бойе, Андрей Карпузи, Федор Поляков, Василий Ананьев, Александр Хозецкий и Михаил Петров. Наибольшую деятельность в кружке проявляли первые трое. Константин Бойе свел рабочего Карпузи с Мицкевичем и Мандельштамом, которые и стали навещать его; через посредство Константина Бойе Мицкевич и Мандельштам распространяли преступные издания в рабочей среде. В квартире Константина Бойе происходили сходки, на которых читались рабочим вышеупомянутые «Беседы», и на эти сходки собирались рабочие с тех заводов, где работали Хозецкий, Бойе и Поляков. Карпузи, по собственному сознанию, составил владельцу завода Вейхельту угрожающее письмо, которое и было отправлено по назначению. Затем он снабжал по указанию Мандельштама революционными изданиями рабочего Дмитрия Колчина, по прозванию Барбасон, и водил его на сходки; ему же Карпузи передал хранившийся у жены его мимеограф, который Колчин доставил затем Кирпичникову. Наконец, Поляков не только распространял преступные сочинения, снабдив, между прочим, рабочего Федора Бойе воззваниями на 1 Мая, а также воззваниями об организации Рабочего союза, но и издавал таковые. Так, стихотворение «Награда» и воззвание к рабочим, обнаруженное на Даниловской мануфактуре, были отпечатаны по его инициативе. Происходившими после арестов названных вожаков пропаганды в течение июня, июля и августа на Даниловском кладбище и в Ключиках сходками руководил Поляков, проповедуя необходимость борьбы против правительства, поддерживающего капиталистов. Признавая себя также марксистом по убеждениям и сознаваясь в привлечении рабочих на сходки, раздаче рабочим нелегальных сочинений, которые в свою очередь он получал от Константина Бойе, Поляков объяснил, что лично составлял некоторые из приведенных воззваний и, печатая их, распространял затем в рабочей среде. Таким образом, воззвание «Мы живем в такое время» было передано им для распространения Колчину и проживающему в с. Раменском Семену Королеву, стихотворение «Награда» по его подстрекательству распространялось на сходках на Даниловском кладбище в июле 1895 г. рабочими Александром Кудриным и Сергеем Кузнецовым; воззвания а) начинающееся словами «Товарищи, пора опомниться», б) «Товарищи работники! Заграничные

рабочие добились 8—9 час. дня», а также стихотворение «Награда» составлены им и отпечатаны по его инициативе. Получив от Мартына Мандельштама отпечатанные 7 июня воззвания об организации Рабочего союза, он передал их для доставки на сходку 11 июня рабочему Колчину, который ввиду неудавшейся сходки по случаю произведенных накануне арестов разбросал эти воззвания по пути, возвращаясь от Николы Угрешы. С целью печатания составляемых им воззваний Поляков, как выяснено дознанием, познакомился с наборщиком типографии Романом Наумовым и, проводя в беседах с ним социально-революционные идеи, успел склонить Наумова к печатанию преступных сочинений. Так, из показания сего последнего выяснено, что недели через полторы после того, как Поляков познакомился с ним, он обратился к нему с просьбою отпечатать стихотворение «Награда», поясняя, что это необходимо для раздачи рабочим на сходке. Наумов работал в это время в типографии Пашкова, где и отпечатал 60 экземпляров этого стихотворения, которые были розданы Поляковым на сходках на Даниловском кладбище в июне и июле 1895 г. и в местности Ключики; затем Поляков передал Наумову еще 2 воззвания: «Товарищи, пора опомниться» и «Товарищи работники! За границею рабочие добились 8- и 9-час. дня»,— и Наумов отпечатал 40 экземпляров первого и 200 второго, присутствуя же затем на сходках в поименованных местностях, видел, как Поляков раздавал рабочим и эти воззвания. Наконец, в ноябре 1895 г., уже после ареста Полякова, по просьбе одного рабочего Наумов отпечатал в типографии Яцкевича еще одно воззвание, оканчивавшееся словами «Рабочие всех стран, соединитесь», в количестве 200 экз. Воззвания эти действительно были обнаружены 28 ноября 1895 г. в районе 2-го уч. Лефортовской части г. Москвы расклеенными на заборах и домах с приглашением рабочих сплотиться, чтобы требовать сокращения рабочего дня.

Ввиду изложенного как Наумов, так и все поименованные лица привлечены к дознанию в качестве обвиняемых.

Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4, ч. 1, с. 90—101.

№ 8

1896 г., МАРТА 12.— ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

**И. Д. МОСКОВСКОГО ОБЕР-ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА Д. Ф. ТРЕПОВА
МОСКОВСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ ВЕЛ. КН. СЕРГЕЮ
АЛЕКСАНДРОВИЧУ О РАЗРЕШЕНИИ НЕМЕДЛЕННОЙ ВЫСЫЛКИ
ЭТАПНЫМ ПОРЯДКОМ РАБОЧИХ, РАССЧИТАННЫХ С ПРЕДПРИЯТИЙ
ЗА ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ К АДМИНИСТРАЦИИ**

За последнее время на московских фабриках и заводах замечается частое повторение случаев заявления недовольствия со стороны рабочих на своих хозяев, к которым предьявляются неосновательные разного рода требования, как-то: об увеличении платы, уменьшении рабочего дня и т. п. Такие претензии являются результатом подстрекательства к стачкам со стороны неблагонадежного элемента и по рассмотрении фабричной инспекцией, как неосновательные, оставляются без последствий, а недовольные рабочие получают свои расчеты и удаляются с фабрик и заводов. Рабочие эти, оставаясь без занятий, начинают бродить с фабрики на фабрику, с завода на завод, распространяя нелепые слухи и подстрекая работающих к забастовкам и с их стороны.

Донося об изложенном, имею честь почтительнейше ходатайствовать пред в. и. в. о разрешении мне удаляемых с фабрик и заводов рабочих упомянутой категории без всяких замедлений высылать этапным порядком на родину.

И. д. обер-полицеймейстера *Трепов.*

Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4, ч. 1, с. 343.

1896 г., ИЮЛЯ 25.— ПИСЬМО ТОВАРИЩА МИНИСТРА
 ФИНАНСОВ А. П. ИВАЩЕНКОВА ТОВАРИЩУ МИНИСТРА
 ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Н. А. НЕКЛЮДОВУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ
 ЛИСТОВОК МОСКОВСКОГО «РАБОЧЕГО СОЮЗА» СРЕДИ
 РАБОЧИХ г. МОСКВЫ

Секретно.

Милостивый государь Николай Андрианович!

По дошедшим в Министерство финансов сведениям, на московских фабриках распространяются прокламации, приглашающие местных рабочих забастовать по примеру петербургских.

По поводу сего было немедленно предложено ст. фабричному инспектору Московской губ. обратить особое внимание на вышеуказанное явление и постоянно доносить о состоянии умов рабочих на фабриках названной губернии.

Ныне ст. фабричный инспектор Московской губ. представляет, что распространение прокламаций на фабриках Московской губ. (почти исключительно г. Москвы) за последнее время усиливается, причем самый характер их стал более резкий и вызывающий.

В некоторых случаях таковые прокламации адресуются специально к рабочим той или другой фабрики, приравливаясь к местным недоразумениям и случайностям.

Среди общей массы рабочих особенного возбуждения незаметно, но на некоторых фабриках наблюдаются отдельные кучки рабочих, видимо заинтересованных содержанием прокламаций и обсуждающих сделанные в них указания и приглашения.

Отдельные указания прокламаций, касающиеся частных недоразумений и неправильностей, чинами инспекции в каждом отдельном случае негласно расследуются и таким же порядком по мере возможности устраняются.

О вышеизложенном долгом считаю довести до сведения вашего превосходительства.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и искреннейшей преданности.

А. Иващенко.

Резолюция вице-директора Департамента полиции С. Э. Зволянского:
 Спросить Москву, были ли на это какие-либо указания после ликвидации «Рабочего союза». 29/VII.

П о м е т а: Сведения получены и доложены... * 2 отделение, чтобы сообщили, кто именно агитирует и что было бы желательно взять и этих. Исполнение прошу показать.

Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4, ч. 1,
 с. 358—359.

* Одно слово неразборчиво.

1897 г., СЕНТЯБРЯ 9.— ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРОРА
МОСКОВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ Н. П. ПОСНИКОВА
О РЕЗУЛЬТАТАХ ДОЗНАНИЯ ПО ДЕЛУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МОСКОВСКОГО «РАБОЧЕГО СОЮЗА» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1896 г.

Секретно.
Арестантское.

Вследствие сообщения и. д. московского обер-полицеймейстера от 5 декабря 1896 г. за № 13393 * при Московском губернском жандармском управлении было произведено в порядке 1035 ст. Уст. угол. суд. дознание о «Рабочем союзе», по которому деятельность лиц, составляющих это противозаконное сообщество и к нему прикосновенных, выяснилась в следующих основных чертах.

Летом ** 1896 г., после того как был ликвидирован московский «Рабочий союз», на смену его выступила небольшая группа лиц, поставивших себе задачей социал-демократическую пропаганду в среде рабочего населения Москвы. Зерно нового «Рабочего союза» составили: лекарь Александр Николаев Орлов, кандидат математических наук Леонид Петров Радин, студенты императорского Московского университета медицинского факультета Николай Алексеев Корчагин и Матвей Иванов Семенов, окончивший курс юридических наук в том же университете Сергей Михайлов Сеницын и домашняя наставница Лидия Константиновна Калачевская, во время производства дознания сочетавшаяся браком с врачом Орловым.

Все эти лица, отправляясь от литературного учения экономического материализма, каждый самостоятельно пришли, как сами о том свидетельствуют, к необходимости поднять умственный уровень рабочего населения, ввести его в круг идей, определяющих положение его, как рабочего «класса», и помочь ему в мирной борьбе с эксплуататорами-капиталистами.

Случайными обстоятельствами, скрепившими нелегальный союз этих людей, было сожительство Орлова с Калачевской и давнее знакомство его с Семеновым, а также совместное житье на одной квартире Корчагина и Сеницына. Что касается Радина, то он, как специалист-химик, и притом способный и трудолюбивый, сосредоточил свое внимание на усовершенствовании изобретенного Эдисоном мимеографа и на применении этого прибора с целью печатания нелегальной литературы. В первоначальных опытах этого способа воспроизведения деятельным сотрудником Радина явился Корчагин. Но оба они поспешили оставить опыты и перейти к делу печатания, как скоро назрела, по мнению Корчагина, необходимость стать на место выбывших из строя членов московского «Рабочего союза». На этой именно почве практики социал-демократического движения все названные лица и сгруппировались вокруг Орлова — убежденного и неутомимого пропагандиста.

Средствами для пропаганды послужили: а) издание при помощи мимеографа оригинальных произведений и воззваний социал-демократического направления от «Рабочего союза», а также переводных сочинений социально-революционного характера и распространение этой литературы между интеллигенцией и рабочими, б) приобретение из-за границы и распространение нелегальных книг и в) личная пропаганда через посещение рабочих членами «Союза» и собеседование с ними в направлении исключительно социал-демократическом без отношения к вопросам государственного строя.

Наиболее наглядным признаком организации, придающей кружку названных

* В деле не обнаружено.— *Примечание источника.*

** В документе слово летом вписано под зачеркнутым словом осенью.— *Примечание источника.*

лиц характер противозаконного сообщества, является разделение труда между его членами, Радин занят исключительно постановкою печатания, приобретенных для того материалов и наблюдением за самою работою. В этом помогает ему отчасти Корчагин; но последний занят преимущественно редакцией воззваний и выбором с общего одобрения нелегальных произведений для перепечатки. Семенов служит посредником между членами «Рабочего союза» и лицами, занимающимися печатанием за плату или по знакомству. Орлов преимущественно посвящает себя личной пропаганде, постепенно расширяя круг знакомства между рабочими и вводя в него Корчагина и Синицына, которые продолжают начатое Орловым. Синицын заботится о доставке из-за границы и получает транспорт нелегальной литературы, часть которой пошла для надобностей кружка. Что же касается Калачевской (Орловой), то ее роль заключалась в содержании квартиры, где был устроен небольшой склад предметов, необходимых для печатания. Эта квартира была расположена в глухом переулке, снабжена входами с трех сторон и по внутреннему устройству разделялась на две изолированные половины. Сюда почти ежедневно поутру приходили один за другим Орлов, Радин, Семенов и Корчагин, виделись, общались друг с другом по поводу общего дела «Рабочего союза», брали то или другое, нужное для печатания, и оставляли принесенное с собою для передачи друг другу. Здесь же хранилась довольно значительная библиотека, принадлежавшая Орлову и составленная из нелегальных произведений печатных, гектографированных и рукописных, преимущественно по рабочему вопросу. Этими книгами пользовались члены кружка и другие близкие Орлову и Калачевской лица.

Печатание при посредстве мимеографа производилось одновременно в трех местах. В начале августа 1896 г. Синицын пригласил своего знакомого рабочего Тимофея Федорова Орлова снять удобное помещение и за плату работать на мимеографе. Этому научил Тимофея Орлова Радин, принесший Орлову мимеограф, наблюдавший в течение месяца за работою Орлова и снабжавший его всем, что требовалось для печатания. Впоследствии Радин заменил Семенов. В половине сентября месяца того же года, также по рекомендации Синицына Радин устроил печатание на мимеографе при участии студентов Михайла Андреева Горюшина и Александра Петрова Сеславинского, которые взялись за это дело отчасти из любопытства, отчасти по нужде за известное вознаграждение. Как только дело было поставлено, Семенов заменил Радина в сношениях и с этими печатниками. Наконец, в половине октября Орлов уговорил своего знакомого студента Университета Евгения Владимировича Полянского заняться работою на мимеографе, который со всем, что необходимо было для печатания, был доставлен Полянскому Семеновым. Во всех этих трех местах работа производилась до 11 ноября, когда все названные лица были арестованы. Для воспроизведения при помощи мимеографа необходимо сначала изготовить так называемые трафаретки, т. е. пробить пишущей машиной на парафинированной бумаге текст, подлежащий воспроизведению. Эту работу исполняла безвозмездно по отношению к большинству изданий «Рабочего союза» знакомая Семенову домашняя учительница Варвара Константиновна Лукьянчикова.

Первым по времени появления изданием «Рабочего союза» была брошюра «Стачка рабочих на Московско-Курской ж. д.», представляющая описание этого незначительного инцидента, происшедшего 2 июля 1896 г. и окончившегося удовлетворением всех требований рабочих. За нею следовали выпущенные в сентябре того же года две брошюры. Первая из них носит заглавие «Касса, для чего она нужна рабочим и как ее устроить». В этом издании ссылкой на пример западноевропейских товарищей доказывается необходимость русским рабочим для успеха в борьбе с фабрикантами строить боевую нелегальную кассу, которая послужит для поддержки забастовщиков, для помощи заключенным товарищам и для приобретения нелегальной литературы. Следующая брошюра озаглавлена «Отчет делегатов русской социал-демократии, читанный на Международном социал-демократическом конгрессе в Лондоне в 1896 г.». В ней опи-

связаны успехи рабочего движения в России за последнее время и выражено суждение о том, «что русский абсолютизм» стоит на страже интересов предпринимателей. Дознание не был обнаружен автор первой из упомянутых брошюр. «Касса» была перепечатана с гектографированного нелегального сочинения, а «Отчет» представляет перевод с немецкого, взятый в рукописи по обыску у Корчагина.

14 октября 1896 г. кружком было воспроизведено и распространено воззвание, составленное лекарем Орловым и обращенное «Ко всем московским рабочим». В нем перечисляются случаи столкновений, имевших место в последнее время между представителями труда и капитала в разных городах, и в частности в Костроме на фабрике Зотовых, столкновений, окончившихся повсеместно торжеством трудящихся масс, а в заключение сказано: «Мы должны гордиться и радоваться этому; в нашем сознании противоположности классовых интересов, в нашей борьбе с ненасытными эксплуататорами заключается вся наша сила, в ней залог нашего освобождения от ненавистного ига капитала. Будем же откликаться посильной помощью на всякую попытку рабочих других заводов. Их интересы — наши интересы, и каждая их победа ведет к победе всего русского пролетариата».

3 ноября того же года ввиду слухов о возникшем брожении в среде учащейся молодежи Центральный комитет «Рабочего союза» обратился к московским студентам с прокламацией, убеждая их бросить бесцельную борьбу на академической почве и посвятить свои силы рабочему делу. Касаясь причин студенческих волнений, составители воззвания упоминают, что «правительство с воцарения Александра III вплоть до настоящего времени систематически душил все живое и мыслящее в России, уничтожает всякую тень проявления свободы с чьей бы то ни было стороны». Это воззвание было распространено в Московском университете и вызвало даже гектографированный ответ «нескольких лиц, участвующих в студенческой организации в сочувственном тоне.

Последнее воззвание «Рабочего союза» появилось 4 ноября, за неделю до ликвидации кружка. Оно обращено ко всем рабочим завода Дангауэр в Москве и заключает в себе совет предъявить хозяевам ряд требований и в случае неисполнения их не выходить на работу. Главное из этих требований — сокращение рабочего дня до 10 час. с перерывом на 1 час для обеда. Прокламация была распространена, но никаких практических последствий не имела.

Этими нелегальными произведениями ограничилась самостоятельная издательская деятельность кружка; но, кроме того, им предпринята была перепечатка на мимеографе двух заграничных подпольных сочинений: «Манифеста коммунистической партии» Маркса — Энгельса и биографического очерка «Фридрих Энгельс». Однако ни та, ни другая работа не была окончена вследствие ареста Тимофея Орлова и Полянского. По обыскам у этих лиц, кроме мимеографов со всеми к ним принадлежностями, были найдены неоконченные печатанием вышеназванные два издания. Равным образом и у Семенова был отобран мимеограф, бывший уже в употреблении. У Корчагина оказались разные принадлежности, необходимые для того же способа печатания и употреблявшиеся им при первоначальных опытах тиснения, а у Калачевой — мимеограф, не бывший еще в деле, и другие относящиеся к нему материалы.

Все вышеупомянутые издания «Рабочего союза» и предметы, до тиснения относящиеся, были при дознании предъявлены сведущему лицу — представителю торгового дома «Ж. Блок» в Москве, который признал в данном случае вполне целесообразное и успешное применение прибора Эдисона как средства воспроизведения...*

Не довольствуясь распространением перечисленных собственных изданий, кружок озаботился приобретением из-за границы значительного количества нелегальной литературы. Синицын выписал ее чрез некоего Бонч-Бруевича из Цюриха в Любек, где транспорт книг около 2 пудов был сложен у жителя г. Лю-

* Здесь и далее опущены ссылки на тома и листы дел материалов дознания.

бека Манна. Отсюда груз был взят служащим на германском торговом судне Штрангманом и перевезен в Либаву, где его получил некто Пуце, привезший затем транспорт в Москву. Это предприятие осуществилось вследствие участия в нем студента Московского университета юридического факультета латыша Эрнеста Христофорова Ролау. По просьбе Сеницына, Ролау уговорил Пуце, с которым был раньше знаком, взять на себя доставку тока с литературой и дал Пуце свой адрес в Москве, на Арбате, в доме Кожина, в квартире чухонки Ратнек. 11 октября, когда Пуце с транспортом прибыл по этому адресу, Ролау жил уже в другом месте, но продолжал столоваться у Ратнек. Сюда, по извещению Ролау, прибыл Сеницын в сопровождении Корчагина. Они поделили привезенное Пуце на две части и унесли. (Пуце за участие в этом деле и за принадлежность к противозаконному кружку привлечен в качестве обвиняемого к дознанию, производимому при Курляндском губернском жандармском управлении...)

Вся описанная деятельность членов «Рабочего союза» была направлена к пропаганде в массе фабричного населения. Этой отрасли посвятил себя всецело лекарь Орлов; менее его работал в том же направлении Корчагин и еще менее нетерпеливый и неустойчивый Сеницын. Данные, обнаруженные в этом отношении агентурным наблюдением и в большинстве подтвержденные формальным дознанием, указывают на то, что пропаганда в краткий четырехмесячный период времени захватила до тридцати рабочих, из которых около 10 человек были заняты в мастерских императорского Московского технического училища и железных дорог Брестской и Московско-Казанской, остальные же работали на восьми частных заводах. Обыкновенно Орлов завязывал знакомство с двумя-тремя лицами в трактире или пивной, узнавал, к кому из них удобнее придти на квартиру, и затем этих лиц обходил более или менее регулярно и часто. Он по преимуществу вел устные беседы с своими знакомыми, расспрашивая их о будничных интересах их трудового существования и постоянно внушая им по каждому поводу пользу совместного действия (солидарности) и необходимость упорной борьбы с хозяевами.

Связи Корчагина в том же кругу были приобретены чрез Орлова и рабочего Якова Ларионова, причем Корчагин предпочитал объяснительное чтение для рабочих, избирая притом подчас, по собственному признанию, материал, плохо усвояемый слушателями («Манифест коммунистической партии»).

Сношения с рабочими Сеницына носили, по-видимому, случайный и отрывочный характер. При посещениях рабочих названные лица снабжали их подпольной заграничной литературой; однако, по данным дознания, представляется несомненным, что присущая трудящемуся населению любознательность не могла быть удовлетворена чтением таких книг, вследствие чего пропагандистам поневоле приходилось носить своим знакомым рабочим сочинения беллетристического, описательного и исторического содержания.

Дознанием не было установлено ни одного случая, где противозаконная деятельность «Рабочего союза» вызвала бы к жизни действительное столкновение на почве отношений труда и капитала. Кружку не удалось также сделать что-либо существенное для организации «Рабочего союза» или каких-либо вспомогательных к нему учреждений вроде кассы.

В этом отношении заслуживает упоминания разве попытка взаимного ознакомления рабочих разных заводов и фабрик, предпринятая А. Орловым и Корчагиным. 10 ноября вечером на Хапиловской улице в комнате студента Технического училища Александра Романова Бриллинга по приглашению Орлова собралось около 10 человек рабочих, в числе которых были из привлеченных к настоящему дознанию слесари Александров Михайлов Богомолов и Капитон Максимов Сухов. Общий разговор в этом собрании завязался нелегко и коснулся выбора книг для чтения. Через несколько часов устроители и некоторые из участников сходки были арестованы.

В заключение этого общего очерка необходимо упомянуть о скудости

средств, которыми располагал кружок. В числе лиц, его составляющих, нет ни одного, материальное положение которого могло бы считаться удовлетворительным. Известно только, что Корчагин, Радин и Сеницын вложили в дело сумму, едва ли превышающую 500 руб. из собственных средств и занятых денег... *

Прокурор Палаты *Посников*.

Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4,
ч. 1, с. 389—396.

№ 11

1897 г.— ИЗ ОБЗОРА ВАЖНЕЙШИХ ДОЗНАНИЙ — О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОГО «РАБОЧЕГО СОЮЗА»

1) В г. Москве еще весной 1895 г., под влиянием преступной агитации в следствии арестованных врача Сергея Мицкевича ** и студента Московского университета Мартына Мандельштама, некоторые рабочие стали сами вести противоправительственную пропаганду среди своих товарищей. Из числа таких рабочих сознательным и решительным отношением к делу выделялись мещанин Федор Поляков и крестьянин Дмитрий Колчин. Поляков с своей стороны привлек к агитации крестьянина Романа Наумова, дело о котором, за окончанием дознания о кружке Мицкевича, выделено в особое производство. Последним выяснена прикосновенность к кружку новых лиц из рабочей среды, а именно крестьян: Федора Киселева, Ивана Горбунова, Ивана Царева, Павла Чернова, Василия Никитина, Петра Гончарова, Андрея Маклакова, Ивана Пыльцева и мещан Федора Игнатьева и Александра Кудрина.

Названные лица, работавшие на разных фабриках и заводах Москвы, участвовали в сходках под Даниловым монастырем и в Ключиках, причем Киселев, Кудрин, Чернов, Горбунов, Царев и Никитин, не ограничиваясь посещением сходок, вели знакомство с некоторыми из непосредственных руководителей агитации. Из них Кудрин оказывал содействие Полякову и Наумову при распространении среди рабочих возмутительных воззваний. Чернов передавал Наумову социал-демократические издания. Никитин и Царев привлекали рабочих на сходки и вели беседы с товарищами о способах борьбы против капиталистов. Наконец, Киселев, состоявший ткачом на фабрике Т-ва Белова в Москве доставлял на завод и отдельным рабочим прокламации московского «Рабочего союза».

Затем был обнаружен тайный кружок среди студентов Московского технического училища. Еще осенью 1896 г. имелись агентурные указания, что по инициативе окончившего курс названного училища Николая Вашкова образовался социал-демократический кружок, в состав которого вошли студенты училища: Илья Бабаджан, Вацлав Воровский, окончивший курс того же училища Владимир Хатунцев, сын чиновника Николай Малинин и некоторые другие лица.

Вследствие сего в течение апреля и мая 1897 г. у намеченных розысками лиц были произведены обыски, по которым обнаружены в квартире Каммера, в Москве, главным образом, его ученика, потомственного почетного гражданина Бориса Арманда в с. Пушкине: 1) аппараты для печатания, а именно: 4 мимеографа, из них на двух оказались следы производившихся работ; машина Ремингтона; два гектографа и большое количество трафареток, изготовленных для воспроизведения на мимеографе следующих изданий: «Как министр заботится о рабочих», воззвание Центрального комитета «Рабочего союза» к московскому

* Далее опускается список обвиняемых с изложением их биографических данных, предъявленного каждому из них обвинения и намечаемых мер наказания. Всего к дознанию было привлечено 58 человек.

** С. И. Мицкевич был арестован 3 декабря 1894 г.

студенчеству от 3 ноября 1896 г., воззвание «Рабочего союза» по поводу ноябрьских арестов в Москве от 14 ноября 1896 г., «Развитие научного социализма» Энгельса, «В защиту правды» — речь Либкнехта; 2) издания, только что воспроизведенные на этих аппаратах полностью или в части, или заготовленные к печатанию брошюры: «Хитрая механика», «Кто чем живет», «Голос за русский народ», «Первые шаги молодого монарха», 174 экз. отчета денежных сумм «Рабочего союза» от 15 октября 1896 г., более 200 экз. трех первых страниц брошюры «Развитие научного социализма» Энгельса, около 200 экз. примечания и несколько первых страниц брошюры Плеханова «Что хотят социал-демократы», 7 экз. сброшюрованных и около 40 несброшюрованных, статьи Геда «Коллективизм», введение и 8 страниц брошюры К. Маркса «Наемный труд и капитал» и предисловие и первые 13 страниц издания «Рабочего союза», «Манифест коммунистической партии»; воззвания: рабочим завода Гужона, к московским студентам, к московскому студенчеству, к дню празднования двадцатипятилетия Парижской коммуны. Кроме того, при означенном обыске обнаружены некоторые упомянутые воззвания в рукописях, а также целый склад изданных в разное время печатных сочинений социал-демократических, народовольческих и польской социалистической партии. Все вышеприведенные воззвания значатся изданными от имени «Рабочего союза» или Центрального комитета «Рабочего союза», за исключением прокламации от 6 марта 1896 г. о праздновании 25-летия Парижской коммуны, которая подписана «Сознательные московские рабочие». В воззвании к рабочим завода Гужона эти последние призываются, по примеру петербургских товарищей, обсудить свое положение и дружно потребовать себе облегчения, «все за каждого и каждый за всех». В воззвании от 3 ноября 1896 г. к московским студентам и к московскому студенчеству Центральный комитет «Рабочего союза» приглашает студентов ввиду плачевных результатов последних студенческих беспорядков, примкнуть к существующим революционным партиям для борьбы с общим врагом — царским правительством. В воззвании от 14 ноября 1896 г. указывается, что ближайшая цель «Рабочего союза» — уничтожить правительство, что оно напугано рядом стачек и что посему необходимо теперь же настаивать на возможно скором издании закона о сокращении рабочего дня и добиваться государственного страхования рабочих, права стачек и союзов. Затем у Малинина оказались: скоропишущая машина и валик для накачивания краски, а также разные революционные издания, у Арманда же найден рецепт для изготовления гектографа. По обыску у других лиц обнаружены: у Хатунцева — печатные прокламации «К нашим товарищам в России» (перевод с английского), а также рукописи некоторых вышеозначенных отгектографированных уже сочинений, заготовленные, по-видимому, для печатания, списки рабочих, привлекавшихся в последнее время в Москве по политическим дознаниям, списки нелегальных изданий, писанные студентом Московского технического училища Александром Бриллигом; у Воровского — большое количество рукописей революционного содержания, преимущественно на польском языке, о деятельности тайных сообществ в Привислинском крае. Наконец, преступные издания найдены у домашней учительницы Валерии Урбанович и рабочего Василия Романова.

Произведенным по этому поводу дознанием установлено, что обнаруженный в г. Москве новый кружок «Рабочего союза» был преемственно организован вслед за арестами врача Орлова, Озерова, Манакова, Рума, Николая Величкина, Батурина, Чичкина и других, являясь непосредственным продолжением деятельности этих лиц. Еще находясь на свободе, Величкин и Рум, по словам Хатунцева, склоняли последнего к агитационной деятельности среди рабочих и познакомили с рабочим Николаем Трусовым, дважды привлекавшимся уже к дознаниям за участие в преступной пропаганде. Трусов свел Хатунцева с рабочими: Николаем Ивановым, Василием Романовым, Иваном Ивановым и др., и Хатунцев под вымышленными именами «Степана Степановича» и «Александра Александровича» стал посещать этих рабочих и вести с ними беседы об увеличении заработка,

сокращении рабочего дня, рекомендуя для того устройство кассы и стачек. Так начала постепенно вновь распространяться среди рабочих преступная пропаганда и стал формироваться тайный кружок. Сознаяв, что одни устные беседы далеко не достаточны для успеха этого дела, Хатунцев раздавал рабочим разные нелегальные издания и сочинения, не запрещенные, но подобранные в известном направлении, получая всю эту литературу от Бабаджана и Вашкова, которые совместно с Воровским, Каммером и студентом технического училища Демидов Карагодиным занялись в то же время приобретением и воспроизведением соответствующих целям кружка подпольных сочинений. Уже в начале осени 1896 г. Вашков и Бабаджан стали доставлять в квартиру Малинина на хранение свертки нелегальной литературы; в сентябре того же года Воровский доставил к Малинину транспорт с заграничными революционными сочинениями, уложенными в пачках. Затем в марте 1897 г. Бабаджан принес в квартиру Малинина печатную машину системы Меррит, небольшой мимеограф и портфель покончившего тогда жизнь самоубийством товарища его по училищу Николая Рыкачева с разными нелегальными изданиями, тетрадами и рукописями. В то же время Каммер, с лета 1896 г. проживавший в с. Пушкино в семье Арманд в качестве репетитора Бориса Арманда, вел с ним беседы о рабочем движении в России, о средствах поднять это движение, а осенью 1896 г. сообщил, что примкнул к кружку, составившемуся из студентов и занимающемуся распространением нелегальной литературы и пропагандой среди рабочих. В начале 1897 г. Каммер обратился к Арманду с просьбой разрешить перевезти в Пушкино и спрятать в его комнате разные нелегальные вещи кружка, доставленные ему частью Бабаджаном и Вашковым, частью же переданные Чичкиным и Батуриным, и, получив согласие, в разное время доставил к Арманду пишущие машины и прочее революционное имущество, обнаруженное по обыску. Из этих складов нелегальные издания по мере надобности брали Бабаджан, Вашков и Каммер, передавая, как изложено выше, Хатунцеву и сами распространяли их среди знакомых; передачу таковых занимался и Малинин, снабдив этими сочинениями Валерию Урбанович. Вместе с тем на упомянутых машинах и других аппаратах Вашков, Бабаджан, Каммер, Воровский и Карагодин воспроизводили приведенные выше преступные сочинения, причем Вашков руководил действиями других. В работе этой принимал участие Арманд, исправлявший по поручению Каммера неясный текст приготовленный для отпечатания на гектографе запрещенной статьи Гада «Коллективизм». В марте 1897 г. Вашков передал Хатунцеву вышеупомянутый отобранный по обыску список рабочих вместе с 75 руб. для раздачи рабочим. Хатунцев приступил к собранию сведений об этих рабочих, он же составил и приведенный выше проект воззвания от 26 февраля 1897 г. к рабочим завода Краснова. По объяснению Воровского, за транспортом заграничной литературы он выезжал на одну из ближайших станций Московско-Брестской ж. д. и получал таковой в одном из вагонов поезда от неизвестного ему лица, которое узнал по описанным ранее приметам.*

Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4, ч. 1, с. 654—658.

№ 12

1899 г., ФЕВРАЛЯ 5.— СПРАВКА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И. Ф. ДУБРОВИНСКОГО В МОСКОВСКОМ «РАБОЧЕМ СОЮЗЕ» В 1897 г.

Дубровинский Иосиф Федоров, курский мещанин, привлечен к дознанию по делу «Рабочего союза». Содержался под стражей с 12 декабря 1897 г. по 12 ноября 1898 г., а затем отдан под особый надзор полиции в Орле.

* Опущено описание деятельности московского «Рабочего союза», изложенное частично в док. № 12.

Основанием для привлечения Дубровинского к дознанию послужили агентурные указания о его принадлежности к «Рабочему союзу» и результат обыска, по которому отобрано, кроме значительного количества революционных изданий, 124 экз. только что отmimeографированного воззвания к рабочим.

Дознанием выяснено, что Дубровинский принадлежал к так называемой «центральной группе», находился в непосредственных сношениях с рабочими. Рабочий Ястребов знал Дубровинского под кличкой «Петровского» и получил от него экземпляр воззвания; Дубровинский стал посещать Ястребова после ареста Розанова. Рабочему Николаю Дроздову Дубровинский был известен под кличкой «Николая Петровича».

Из переписки Минятова с женою усматривается, что по приезде в Орел (в октябре 1895 г.) Минятов останавливался у Дубровинского. В письме от 5 февраля 1897 г. Лидия Семенова просила Минятову выслать какой-то ящик, оставленный в имени Минятовых, в Калугу, на имя Дубровинского.

В Калуге Семенова жила вместе с Минятовым. Здесь оба они успели отпечатать на mimeографе «Манифест Коммунистической партии» (в количестве 400 экз.). В апреле 1897 г., после отъезда Семеновой из Калуги в этот город переехал Никитин, составивший и издавший вместе с Дубровинским воззвание «Ко всем московским рабочим». В октябре 1897 г. 255 экз. этого воззвания были переданы Никитиным Дубровинскому (приехавшему в Москву); 124 экз. взяты затем у последнего по обыску, а остальные успели разойтись по рукам.

Дознание закончено и 30 ноября 1898 г. направлено к прокурору Московской судебной палаты.

По м е т а: «30 января с. г. дело это поступило в Министерство юстиции». Делопроизводитель — *(подпись)*.

Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4, ч. 1,
с. 662—663.

№ 13

1898 г., ЯНВАРЯ 16.— ИЗ ДОНЕСЕНИЯ СТ. ФАБРИЧНОГО ИНСПЕКТОРА МОСКОВСКОЙ ГУБ. И. А. ФЕДОРОВА В ДЕПАРТАМЕНТ ТОРГОВЛИ И МАНУФАКТУР О СТАЧКАХ И ВОЛНЕНИЯХ НА ФАБРИКАХ МОСКОВСКОЙ ГУБ.

Совершенно секретно.

..Что же касается сообщения Департамента полиции о возможности с наступлением нового года на фабриках и заводах Московского района значительных волнений и стачек рабочих, вызываемых новым законом, то таковые ожидалась и фабричной инспекцией Московской губ. Закон 2 июня 1897 г. вызвал коренные изменения на фабриках в порядке производства работ, а также более или менее затронул заработок рабочих. Не всем фабрикантам и сразу удалось выработать новое распределение работ, удовлетворяющее интересам и удобствам обеих сторон. Многие из них (часть средних и большинство мелких), несмотря на убеждения фабричной инспекции, не нашли возможным при сокращении рабочего времени повысить с 1 января с. г. сдельные расценки и, таким образом, обеспечить рабочим сохранение прежнего их заработка; очень многие отложили это до выяснения на деле заработка рабочих при новых правилах и предполагали сойтись и сторговаться с ними по этому поводу в будущем при проявлении действительного их недовольства.

Кроме сего, поводом к предположению возможных волнений были частые сведения о распространении среди рабочих некоторыми из них превратных толкований закона и ожидание ими от последнего больших, чем следует, льгот. Ожидалось также, что введение на разных фабриках (иногда совершенно одно-

родных по характеру производства) разнообразных норм рабочего времени (9, 10 и 11½ час. в сутки) может вызвать желание рабочих добиться наименьшей из них, введенных где-либо.

Все эти предположения на самом деле в некоторой степени оправдались. За последние дни декабря и начало января в Московской губ. было обнаружено в связи с введением нового закона 16 случаев волнения и беспорядков среди рабочих фабрик. Кроме фабрик наследников Соколова, П. Зотова, Т-ва Гюбнер, Завидовской м-ры и Кацеева, о беспорядках на которых мною было сообщено Департаменту, волнения были на фабриках Садковской м-ры, Каулен и Кост., Саблон, Караваевской писчебумажной, Эрмен, Даниловском сахарорафинадном заводе, Скальского, Кириллова, Шабарова и бр. Кудряшевых.

Более или менее значительные размеры приняли беспорядки лишь на фабриках, о которых мною были сделаны сообщения, на остальных же все ограничилось кратковременным волнением и незначительным перерывом в работе.

Все эти случаи волнений, кроме имевших место на фабриках наследников Соколова, П. С. Зотова и Кацеева, закончились мировым соглашением при посредстве инспекции, на первых же трех фабриках роспуском рабочих. Кроме сего, на некоторых из этих фабрик были произведены по распоряжению губернских и столичных властей аресты, подробности о которых инспекции не известны.

Все эти волнения и беспорядки имели основанием своим почти исключительно недовольство расценками, сокращением праздников, работой под праздники, а также желание добиться более сокращенного, чем им предлагалось, времени работы.

Хотя наиболее критическое время для неизбежных при введении нового закона недоразумений и волнений, по-видимому, уже прошло, но все-таки еще возможны отдельные случаи таковых, в особенности в первой половине февраля, когда должен выясниться заработок рабочих по новым правилам и известись расплата за январь.

Ст. фабричный инспектор Московской губ.
И. Федоров.

Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1963. Т. 4. 1895—1900. Ч. 2. 1898—1900, с. 49—52.

№ 14

1898 г., МАРТА 12.— ДОНЕСЕНИЕ и. д. МОСКОВСКОГО ОБЕР-ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА Д. Ф. ТРЕНОВА В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОГО «СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА» И АРЕСТЕ ЕГО ЧЛЕНОВ

Секретно.

В ночь на 12 сего марта ликвидирована группа, именовавшая себя двояко: московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» или «Русская социал-демократическая партия». Группа эта занималась распространением заграничных изданий среди учащейся молодежи и, главным образом, среди фабричного населения столицы. В практической деятельности она руководствовалась не столько пропагандой, сколько агитацией, придерживаясь правил, указанных в известной брошюре «Об агитации», которая, впрочем кружком была переиздана на гектографе. Следуя основной агитационной тактике — агитировать исключительно на почве мелких нужд и требований, члены кружка, вступая в сношения с рабочими отдельных фабрик и заводов, старались прежде всего узнать нужды каждой фабрики и завода в отдельности, записывали их со слов рабочих и затем воспроизводили в форме прокламаций. В этой программе выпущены воззвания: «К рабочим фабрики Зелиха», «К рабочим Садовнической

фабрики десятичных весов и пожарных труб» и «К рабочим Иваново-Вознесенского района».

Одновременно с ним группа энергично стремилась к расширению связей в рабочей среде и в различных ее пунктах столицы, добываясь во что бы то ни стало организовать рабочую демонстрацию 19 апреля (1 мая н. ст.).

Наиболее деятельными членами группы являлись: студенты императорского Московского технического училища Ксенофонт Васильев Ситнин, Алексей Иванов Любимов, Александр Алексеев Вановский, Лев Яковлев Карпов, а равно студент Московского университета Николай Иванов Малинин, мещанин Виленской губ., Омшанского у., перекрещенный еврей Константин Константинов (Абрам Мовшов) Солодухо * и сын подполковника Виктор Алексеев Вановский.

Ближайшее отношение к центру имели: дочь ст. сов. Елизавета Казимилова Павликовская, дворянка Анна Николаева Варыпаева и студенты императорского Московского технического училища Хаим Менделев Водогинский, Ионас Соломонов Биск, Вольф Абрамов Милявский, Николай Дмитриев Цюрупа, а также студенты Московского университета кн. Дмитрий Николаев Чегодаев, Вадим Михайлов Щербаковский, Андрей Николаев Ляпунов, Алексей Федоров Богословский, Евгений — Александр — Рудольф — Иоган — Кентман, Сергей Александров Первухин.

Печатание и вообще постановка техники были возложены кружком на крестьянина Московской губ., Коломенского у., с. Озеры ** Сергея Александрова Щербакова, работавшего вместе с братом своим Михаилом Александровым. (Людей интеллигентных и очень состоятельных.)

Ввиду того что помощник присяжного поверенного Александр Александров Иогансон имел конспиративное свидание на Чистых Прудах с Виктором Вановским и посещал Елизавету Казимирову Павликовскую, в квартире коей (помещение Капшовского городского начального училища) 10-го сего марта происходило собрание главных членов группы: братья Вановские, Ситнин, Любимов и Солодухо¹²⁰, он, Иогансон, совместно со своим сожителем присяжным поверенным Николаем Константиновым Муравьевым и невестой своей Александрой Аароновой Ратнер был обыскан, и все трое они заключены под стражу. Мера эта представлялась необходимою уже потому, что еврей Солодухо, проживая в Москве без прописки и встречаясь в условленных местах с другими членами, прибыл в Москву из Киева, где значился на жительство в доме № 17 по Константиновской улице — адрес зубного врача Сарры Померанец, известной по наблюдению за бывшим студентом Киевского университета Иосом Эдельман. Циркулирование в кружках специально киевского издания — газеты «Вперед»¹²¹ и нахождение в столице Солодухо указывали на влияние Киевского Союза борьбы на деятельность и программу Московского Союза. То же обстоятельство, что Эдельман близко знаком с Иогансоном, последний с Павликовской, а Павликовская с Солодухо, заставляет думать, что Александр Иогансон явился связующим звеном двух организаций. Помимо Иогансона, Муравьева и Ратнер, обыскан и арестован присяжный поверенный Тесленко, находившийся с последними в постоянных оживленных сношениях и при этом уличенный документальными данными, переданными в распоряжение начальника Московского губернского жандармского управления, в том, что чрез его посредство всегда можно получить революционные издания.

В интересах формального дознания и для большего убеждения в действительной виновности главных руководителей «Союза борьбы» решено было поставить за ними неотступное наблюдение и арестовать их в тот момент, когда появятся какие-либо подозрительные свертки, или в тот момент, когда они будут находиться в трактире или другом месте с рабочими, тем более что при конспиративности и осторожности этих главарей трудно было рассчитывать на серьез-

* В. Д. Перазич.

** В тексте ошибочно: Озера.

ное полчище в их собственных квартирах, а Солодухо к тому же и вовсе не имел определенного местожительства. Таким способом было арестовано 14 человек.

1) Ситнин был задержан 11 марта в то время, когда он сидел в трактире вместе с крестьянином Смоленской губ., Гжатского у., дер. Заболотье Иваном Васильевым (без фамилии) и крестьянином той же губернии и уезда, дер. Аниконова Иваном Гавриловым Гавриловым, которые также были вместе с ним доставлены в охранное отделение. При личном осмотре Ситнина обнаружено: 1. Рукописное стихотворение «Ткачи», 2. Листы из записной тетради с рукописным изложением на них статьи «Судьбы капитализма в России», 3. На Ситнине была надета (для конспирации) барашковая шапка, а форменная фуражка (формы технического училища) спрятана в кармане пальто.

2) У Гаврилова переписанное им самим стихотворение «Московским фабрикантам» тенденциозного содержания.

3) У Васильева ничего предосудительного не обнаружено.

4) Павликовская задержана на улице в Чернышевском проезде и доставлена глухими переулками в Тверской полицейский дом. При ней оказалось: 1) 2-й № журнала «Социал-демократ» 1890 г., 2) Черновик прокламации «Ко всем рабочим и работницам Иваново-Вознесенска».

5) и 6) Малинин задержан в Соколовском переулке около дома Ивановой у Брестских мастерских в то время, когда он шел в статском платье с рабочим, крестьянином Смоленской губ., Юхновского у., Ольховской вол. Александром Алексеевым Федоровым. У обоих у них ничего явно преступного не обнаружено, оказались лишь у Малинина интересные записи.

7) Солодухо арестован на Чистопрудном бульваре в то время, как выходил со сходки, бывшей в квартире студента Технического училища Карпова. При нем оказалось: 1) Брошюра Л. Кольцов «Закон 2 июня», 2) Брошюра «Рабочий день», Женева, 1897 г., 3) «Листок «Работника» № 6 февраль 1897 г., 4) Тетрадь рукописная «Теоретическое основание рабочего движения» и «Внутренний распорядок организации», 5) Гектографированное издание «Октябрьская стачка рабочих Иваново-Вознесенска», 6) Два черновика каких-то разных неоконченных прокламаций, 7) Заметки на английском, французском и немецком языках, 8) Список рабочих с пометками их требований, 9) Несколько писем от интеллигентов, 10) Шифр для сношений и 11) 55 руб. 90 коп. денег.

8) Биск задержан у Никитских ворот тотчас после того, как он отделился от Водогинского. При осмотре отобраны два свертка с революционными изданиями: 1) «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», 2) «Материалы для характеристики русской истории», Женева, 3) 8 брошюр «О штрафах», 4) «Что нужно знать и помнить...» — 11 экз., 5) Два экз. «Рабочий день», 6) «Десятилетие Морозовской стачки» — 11 экз., 7) 6 экз. «Закон 2 июня», 8) «Листок работника» № 3 и 4 1897 г., 9) «Как министр заботится о рабочих» — 6 экз., 10) «Речи рабочих Алексеева и Агапова» — 3 экз., 11) 3 экз. № 1 «Русского рабочего» 1896 г., 12) 2 экз. «Задачи рабочей интеллигенции в России». В другом свертке: 1) 2 экз. № 3 Киевской газеты «Вперед», 2) 5 экз. «Листка «Работника» № 3—4, 3) 11 экз. № 5 «Листка «Работника», 4) 16 экз. «Сказки» и «Стачка лжи»; 5) «Рабочей революции» — 7 экз., 6) «О сущности конституции» Лассалья — 2 экз., 7) «Рабочий день» — 2 экз., 8) «Десятилетие Морозовской стачки» — 5 экз., 9) «Секретный циркуляр» — 5 экз., 12) «Сборник Работника» №№ 1—2 и 3—4 — 1 экз., 13) «Как бельгийские рабочие боролись за свободу» — 2 экз., 14) 1 экз. «Фридрих Энгельс о России», 15) № 2 «Рабочей газеты» 1892 г., 16) Два воззвания с листком сборов за №№ 154 и 156 от Всеобщего союза России и Польши, 17) Два листка сборов пожертвований от Московского Красного Креста за № 27—28, 18) Отчет Московского кружка распространения народного образования среди евреев с января по октябрь 1897 г., 19) Листок от того же общества, 20) Две брошюры на еврейском языке.

В боковом внутреннем кармане жилета: 1) «Петербургский Рабочий Листок»

№ 2 — 6 экз., 2) 7 экз. «Листка «Работника» № 5, 3) Того же листка № 6-й — 7 экз., 4) «Царское правительство и рабочие» — 6 экз.

В боковом кармане пиджака:

- 1) «Сущность конституции» Лассалья — 4 экз., 2) «О штрафах» — 5 экз.,
- 3) «Что нужно знать...» — 1 экз., 4) «Как министр заботится о рабочих» — 1 экз.,
- 5) «Летучий листок» № 37 1897 г.

В боковом наружном кармане жилета: 1) Ключок бумажки со словами: «желательно составить небольшую брошюру по следующему плану», 2) Записка к одному из членов группы.

9) Варыпаев задержан на Воздвиженке. При нем оказался листок с перечнем революционных изданий.

10, 11, 12 и 13) у Цурюпы, Водогинского, Карпова и Варыпаевой ничего заслуживающего внимания не обнаружено.

14) Вановский Виктор арестован по выходе со сходки от Карпова; взяты заметки о мелких нуждах и требованиях различных промышленных заведений.

Независимо сего по обыскам, произведенным как у вышеупомянутых лиц, так и у прочих обысканных обнаружено:

1) У братьев Сергея и Михаила Щербаковых: пишущая машина «Меррит», мимеограф с принадлежностями, бывший в употреблении гектограф, 140 экз. гектографированных прокламаций иваново-вознесенским рабочим, 100 с лишком печатных революционных изданий, пачка восковой и шелковой бумаги для мимеографа.

2) У Щербаковского Вадима до 200 экз. разных заграничных изданий.

3) У Вольфа Миляевского брошюра на еврейском языке, секретный циркуляр и лист под заглавием «Шведская поэма».

4) У Ольги Вановской «История революционного движения в России», рукопись и переписка.

5) У Алексея Любимова — «О сущности конституции» Лассалья, каталог рукописный 35-ти социал-демократических заграничных изданий с пометкою против каждого наименования числа полученных и числа выданных экземпляров.

6) У Николая Малнина — брошюра «18-е Брюмера» и заметки.

7) У Сергея Первухина — литографированное издание в 8-ую листа «О сущности конституции» Лассалья.

8) У Ольги Павликовской — гектографированная брошюра «Об агитации», изд. Московского Союза борьбы.

9) У Андрея Ляпунова — 4 заграничные социал-демократические брошюры.

10) У Елизаветы Павликовской — «Петербургский рабочий листок» № 2.

11) В квартире братьев Вановских — рукописная тетрадь «Классовая борьба», процесс Нечаева и выписки из Каутского.

12) На квартире у Ионаса Виска по обыску оказались: а) «Десятилетие Морозовской стачки», б) «О штрафах», в) «Работник», г) Рукопись «Стачка лжи».

У прочих обысканных, поименованных в прилагаемом при сем общем списке, ничего преступного не обнаружено.

Об изложенном имею честь сообщить Департаменту полиции в дополнение к телеграмме от 12-го сего марта за № 1473.

И. д. обер-полицеймейстера полковник *Трепов*.

Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4, ч. 2,
с. 61—66.

1900 г., НЕ РАНЕЕ ИЮНЯ 5*.— ДОКЛАД МИНИСТРА ЮСТИЦИИ
Н. В. МУРАВЬЕВА НИКОЛАЮ II О РЕЗУЛЬТАТАХ ДОЗНАНИЯ
ПО ДЕЛУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЛЕНОВ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА РСДРП

Весною 1899 года в г. Москве среди служащих на заводе Густава Листа появились в обращении гектографированные воззвания от имени «Московского комитета Российской социал-демократической партии», приглашавшие рабочих к устройству стачек.

Вследствие сего 13 апреля 1899 года в Москве были произведены аресты 14 лиц, заподозренных в прикосновенности к социалистической пропаганде, и по обыску у некоторых из задержанных обнаружены подпольные издания, а в квартире дворянки Смидович оказались принадлежности гектографа и оттиск указанных выше преступных прокламаций.

На возникшем формальном дознании установлено, что в январе 1899 года в г. Москве образовалось тайное сообщество, присвоившее себе наименование «Московского комитета Российской социал-демократической партии», члены коего старались возбудить в трудящемся классе недовольство своим экономическим положением и вызвать рабочих к упорной борьбе с капиталистами и правительством в видах изменения в будущем современного общественного строя.

Во главе помянутой организации находились: 1) Ольга Гермогенова Смидович (29 лет, православная, дворянка, незамужняя, окончила курс гимназии и прослушала педагогические курсы в Москве, домашняя учительница); 2) Анна Сергеева Карасева (29 лет, православная, дочь чиновника, незамужняя, окончила курс гимназии, домашняя учительница); 3) Андрей Васильев Шестаков (21 год, православный, крестьянин, холост, грамотный, слесарь); 4) Владимир Иванов Николаев (22 лет, православный, мещанин, холост, кончил курс уездного училища, учитель начальных училищ) и 5) Константин Павлов Павлов (24 лет, православный, мещанин, холост, грамотный, наборщик).

Согласно данным расследования, Ольга Смидович и Анна Карасева печатали на гектографе воззвания, подстрекавшие фабричное население к массовым беспорядкам, вступали в сношения с рабочими, приглашали их на сходки, где раздавали присутствовавшим произведения подпольной прессы и произносили речи, в коих знакомили слушателей с сущностью социалистических учений.

Наряду с этим те же обвиняемые, равно как Шестаков, Николаев и Павлов, стремясь к дальнейшему развитию преступной пропаганды, задумали устроить тайную типографию, для чего приобрели валик и около 20 фунтов шрифта, но осуществить своего намерения не могли вследствие начавшихся арестов, во время которых лица, оставшиеся необнаруженными, успели, однако, скрыть типографские принадлежности. Сверх того, Шестаков и Николаев в марте 1899 года написали прокламацию противоправительственного направления к наборщикам московских типографий, отгектографированную затем Ольгою Смидович в значительном количестве экземпляров.

По обыску у Смидович кроме упоминавшегося ранее гектографа отобраны рецепты для изготовления гектографической массы, заметки со сведениями о положении рабочих в московских фабриках и переписка конспиративного характера, а в квартире Павлова найдены 2 брошюры социалистического содержания под названиями «Кто чем живет» и «Наше время».

Привлеченные к делу Ольга Смидович, Анна Карасева, Шестаков и Павлов представили чистосердечные объяснения, Николаев же дал уклончивые показания.

* Датируется по черновику доклада.— *Примечание источника.*

Членами означенного кружка состояли:

6) Александр Федотов Журавель (20 лет, православный, мещанин, холост, грамотный, наборщик); 7) Алексей Павлов Борисов (23 лет, православный, мещанин, холост, грамотный, наборщик); 8) Сергей Захаров Косарев (18 лет, православный, крестьянин, холост, грамотный, наборщик); 9) Алексей Трофимов Ильичев (18 лет, православный, крестьянин, холост, грамотный, наборщик); 10) Михаил Афанасьев¹²² — без фамилии * (24 лет, православный, мещанин, женат, детей не имеет, грамотный, модельщик); 11) Николай Ефимов Корольков (20 лет, православный, мещанин, холост, грамотный, служит в правлении железной дороги); 12) Мария Сергеева Карасева (21 года, православная, дочь чиновника, незамужняя, окончила курс гимназии, служит в правлении железной дороги); 13) Герасим Филиппов Иванов (21 года, православный, крестьянин, женат, имеет сына, грамотный, чернорабочий); 14) Мария Ильина Ульянова (21 года, православная, дочь д. ст. сов., незамужняя, окончила курс гимназии, домашняя учительница) и 15) Андрей Ипполитов Смирнов (36 лет, православный, крестьянин, женат, имеет 3 детей, грамотный, фабричный рабочий).

Из числа названных лиц Журавель, Борисов, Косарев и Ильичев, сочувствуя противоправительственным стремлениям Ольги Смидович, Карасевой, Шестакова и Павлова, похищали из типографий, в которых служили наборщиками, шрифт и краску, а затем передавали Павлову все указанные принадлежности тиснения, зная, что последние предназначались для устройства задуманной поминowanым агитаторами тайной типографии¹²³; те же Журавель и Ильичев, равно как Афанасьев, Корольков и Мария Карасева, распространяли среди рабочих получавшиеся от Ольги Смидович книги и воззвания преступного направления; Иванов прискивал помещение для конспиративных сходок, и, наконец, Ульянова и Смирнов приобретали у руководителей кружка подпольные издания с целью ознакомления с их содержанием.

При осмотре квартиры Борисова были отобраны принадлежавшие ему 9 экз. нелегальных сочинений, в том числе брошюры, озаглавленные: «Что нужно знать и помнить каждому рабочему» и «Объяснение закона о штрафах»¹²⁴; в вещах Королькова — запрещенный сборник под названием «Программа террористической партии»; Ульянова же хранила значительное количество рукописей революционного характера и фотографические портреты деятелей социалистической пропаганды в России и за границую.

На допросе обвиняемые этой группы не отрицали достоверности уличающих их обстоятельств.

По имеющимся в Министерстве юстиции сведениям, Корольков данными другого дознания, производившегося при Московском губернском жандармском управлении, изобличен в том, что, вступив в состав образовавшегося осенью 1898 года в г. Москве тайного кружка, снабжал ремесленников и мастеровых противоправительственными изданиями. Означенное дело, разрешенное о прочих соучастниках высочайшим повелением 1 марта 1900 года, относительно Королькова приостановлено для совместного рассмотрения с настоящим расследованием.

В предварительном заключении находились: Ольга Смидович и Анна Карасева — свыше 5 месяцев; Николаев, Шестаков и Корольков — около 3 месяцев; Павлов и Мария Карасева — 1½ месяца; Журавель — почти месяц; Смирнов, Иванов и Ильичев — 3 недели; Борисов — 16 дней и Ульянова — 9 дней.

Следствие изложенного и, согласно с мнением Министерства внутренних дел, полагал бы разрешить настоящее дознание административным порядком, с тем чтобы во вменении Ольге Смидович, Ульяновой, Анне и Марии Карасевым в наказание предварительного содержания под стражею:

* В дальнейшем проходит как Афанасьев.

I. Выслать Ольгу Смидович под гласный надзор полиции в Вологодскую губ. на три года.

II. Подвергнуть заключению в тюрьме: Михаила Афанасьева — на шесть месяцев; Николая Королькова — на пять месяцев; Александра Журавеля — на три месяца; Андрея Шестакова, Владимира Николаева, Константина Павлова, Алексея Ильичева, Алексея Борисова, Сергея Косарева, Герасима Иванова и Андрея Смирнова — на два месяца.

III. Подчинить гласному надзору полиции: Анну Карасеву — на три года, а Марию Карасеву и Марию Ульянову — на один год в избранных ими местах жительства, но вне столиц С.-Петербургской и Таврической губ., университетских городов и тех местностей фабричного района, в коих присутствие их Министерством внутренних дел будет признано нежелательным, воспретив, кроме того, Анне и Марии Карасевым пребывание в течение указанных сроков надзора в Московской губ., и

IV. Принятием означенной меры взыскания относительно Николая Королькова разрешить и другое приостановленное о нем дознание, производившееся при Московском губернском жандармском управлении.

На приведение таких предположений в исполнение всеподданнейше испрашиваю высочайшее в. и. в. соизволение.

Ст. секретарь *Муравьев*.

По м е т а министра юстиции: «Высочайшее соизволение последовало 28 февраля 1901 г. в С.-Петербурге».

Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4, ч. 2, с. 291—294.

№ 16

1903 г., МАРТА НЕ ПОЗДНЕЕ 5*.— ДОКЛАД МИНИСТРА ЮСТИЦИИ Н. В. МУРАВЬЕВА НИКОЛАЮ II О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРЕХОВО- БОГОРОДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП И ПРИВЛЕЧЕНИИ К ДОЗНАНИЮ И. В. БАБУШКИНА И ДРУГИХ ЕЕ ЧЛЕНОВ

В конце 1901 г. были получены агентурные сведения о том, что в с. Орехове Покровского у. Владимирской губ. среди фабричного населения ведется пропаганда противоправительственных идей и распространяются произведения подпольной прессы.

На возбужденном по сему поводу формальном дознании выяснено, что в 1901 г. между местными рабочими возник тайный кружок, присвоивший себе наименование «Орехово-Богородской организации Российской социал-демократической рабочей партии» и поставивший своей задачей подготовить трудящийся класс к борьбе с капиталистами и правительством в видах изменения существующего государственного и общественного строя.

Для достижения означенных целей упомянутые агитаторы составляли воззвания преступного содержания, причем, находясь в непосредственных сношениях с представителями революционной группы, издававшей журнал «Искра»**, печатали прокламации в типографии названного сообщества и снабжали фабричных социалистическими сочинениями.

Наряду с этим кружок основал особую кассу, денежные средства коей предназначались на приобретение нелегальной литературы, наем конспиративной квартиры и поддержку арестованных по политическим делам.

* Датируется на основании даты рассмотрения доклада Николаем II.—
Примечание источника.

** Имеется в виду газета «Искра».— *Примечание источника.*

Руководителем Орехово-Богородской организации являлся: 1) Крестьянин Иван Васильев Бабушкин (29 лет, православный, холост, грамотный, слесарь), который устраивал сходки членов кружка и в произносимых на этих собраниях речах между прочим указывал «на необходимость свержения самодержавия» для улучшения быта трудящегося класса, а также однажды читал «письмо студентов», в коем предлагалось ремесленникам подготовить общую забастовку на фабриках. Вместе с тем Бабушкин поддерживал связи с участниками тайного сообщества «Искра»* и привозил в с. Орехово, в видах дальнейшего распространения, значительное количество запрещенных сочинений.

По обыскам у Бабушкина найдены следующие противоправительственные произведения: воззвание Орехово-Богородской организации, призывающее мастеров к революционной борьбе за «свободу», 2 номера газеты «Южный рабочий», стихотворения «Рабочая марсельеза» и «Нагаечка», а также зашифрованные рукописи, содержание коих осталось невыясненным.

Привлеченный к дознанию Бабушкин отрицал свою виновность.

Ближайшими помощниками Бабушкина в его преступной деятельности были: 2) Андрей Никитин Воробьев (30 лет, крестьянин, православный, женат, имеет 2 детей, грамотный, фабричный рабочий), 3) Алексей Митрофанов Захаров, он же Ульянов (28 лет, крестьянин, православный, женат, грамотный, фабричный рабочий), 4) Климент Константинов Лапин (22 лет, крестьянин, православный, женат, имеет сына, грамотный, фабричный рабочий), 5) Игнатий Васильев Бугров (32 лет, крестьянин, православный, женат, имеет сына, грамотный, ткач) и 6) Сергей Дмитриев Сельдяков (28 лет, крестьянин, православный, женат, имеет дочь, грамотный, ткач), которые, сочувствуя социалистическим стремлениям Бабушкина, проявляли энергичное участие в обсуждении способов пропаганды и оказывали названному лицу содействие в осуществлении его замыслов. Так, Воробьев, распоряжаясь денежными средствами группы и вербуя вместе с Сельдяковым новых членов сообщества, занимал в кружке столь видное положение, что Бабушкин указывал на него, как на своего преемника по руководительству организацией. Захаров и Лапин допускали в своей квартире конспиративные свидания Бабушкина с мастеровыми и хранили значительное количество нелегальных сочинений; Бугров же составлял прокламации группы и другие рукописи, касавшиеся агитации.

По обыску в помещении Бугрова обнаружены: написанное им воззвание преступного содержания, программа деятельности Орехово-Богородской организации и кассы при ней. Из последнего произведения видно, что организация предполагала выпускать периодические листки с описанием быта рабочих на фабриках и созывать еженедельные тайные собрания для принятия мер к подготовке стачек и поддержке их, а также точного формулирования требований ремесленников; независимо от сего, у Бугрова отобрано более 9 фунтов типографского шрифта и различные заметки по рабочему вопросу.

Допрошенные по делу Воробьев, Сельдяков, Захаров, Лапин и Бугров не признали себя виновными в приписываемых им деяниях.

В состав сообщества входили также: 7) Николай Агафонов Симонов (24 лет, крестьянин, православный, холост, грамотный, фабричный рабочий), 8) Федор Васильев Шпионов (19 лет, крестьянин, православный, холост, грамотный, ткач), 9) Матвей Андреев Годунов (31 года, крестьянин, православный, женат, имеет сына, грамотный, ткач), 10) Ефим Иванов Барулин (22 лет, крестьянин, православный, холост, грамотный, столяр), 11) Иван Ефимов Рубцов (23 лет, мещанин, православный, женат, имеет сына, грамотный, фабричный рабочий), 12) Алексей Архипов Барышников (34 лет, крестьянин, православный, женат,

* Деятельность названного сообщества составляет предмет особого расследования, производящегося при Московском губернском жандармском управлении.— *Примеч. документа.*

имеет 4 детей, грамотный, фабричный рабочий), 13) Иван Иванов Каракозов, он же Губинский (28 лет, крестьянин, православный, женат, имеет 2 детей, грамотный, фабричный рабочий), 14) Асаф Иванов Павлов (25 лет, крестьянин, православный, женат, имеет 2 детей, грамотный, фабричный рабочий) и 15) Федор Моисеев Скворцов (25 лет, православный, крестьянин, женат, имеет дочь, грамотный, ткач).

Поименованные лица посещали означенные выше сходки рабочих и обменивались между собою нелегальными книгами. Кроме того, Шпионов переписал революционное стихотворение под заглавием «Рабочая марсельеза», отобранное затем у Бабушкина.

В вещах Шпионова, Павлова и Скворцова оказались в небольшом количестве номера подпольного журнала «Искра»; у Павлова, кроме того, найдена запрещенная брошюра «Красное знамя в России».

Наконец, к дознанию привлечен 16) Сергей Степанов Надувалкин (26 лет, православный, крестьянин, женат, грамотный, фабричный рабочий), хранивший экземпляр помянутого выше издания «Искра».

На допросах Надувалкин дал откровенные показания, остальные из перечисленных в этой группе обвиняемых представили уклончивые объяснения.

По имеющимся в Министерстве юстиции сведениям, некоторые из привлеченных к сему дознанию лиц уже были прикосновенны к делам политического характера.

Так, Бабушкин за принадлежность к С.-Петербургскому союзу борьбы за освобождение рабочего класса, на основании высочайшего повеления 29 января 1897 г., по вменении в наказание предварительного ареста, подчинен гласному надзору полиции в избранном месте жительства, вне столичных губерний и университетских городов, на 3 года.

В 1902 г. Бабушкин привлекался в Екатеринославском губернском жандармском управлении к расследованию, данными коего изобличен в том, что, проживая с 1899 г. в Екатеринославе, занимался пропагандой социал-демократических идей среди рабочих и образовал несколько тайных кружков, которые снабдил «уставами» и нелегальными брошюрами.

О Симонове же производилось в 1901 г. при Владимирском губернском жандармском управлении особое расследование, коим установлена его виновность в хранении противоправительственных изданий «Искра» и «Красное знамя».

Последние два дознания по состоявшемуся между министерствами Внутренних дел и Юстиции соглашению приостановлены в отношении Бабушкина и Симонова для совместного рассмотрения с настоящим делом.

Под стражей содержатся Воробьев, Сельдяков, Лапин, Захаров и Бугров — с 24 декабря 1901 г.

В предварительном заключении находились: Бабушкин — свыше 7 месяцев, Симонов — более 6 месяцев, Шпионов и Скворцов — около 6 месяцев, Барышников — почти 5 месяцев, Годунов, Рубцов и Барулин — свыше 3½ месяцев, Павлов — немного менее 3½ месяцев, Каракозов и Надувалкин — в течение 2 месяцев.

Вследствие изложенного, я, согласно с мнением Министерства внутренних дел, полагаю бы разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы:

1) по вменении в наказание предварительного ареста выслать под гласный надзор полиции: а) в Восточную Сибирь Ивана Бабушкина на 5 лет, б) в Архангельскую губ. Андрея Воробьева и Игнатия Бургова на 4 года и в) в Вологодскую губ. Алексея Захарова, он же Ульянов, Климента Лапина и Сергея Сельдякова на 4 года;

II) подчинить Николая Симонова, по вменении ему в наказание предварительного заключения, гласному надзору полиции в избранном им месте житель-

ства, кроме столиц, губерний столичных, Таврической, Саратовской и Полтавской, на 3 года;

III) вменить Федору Шпионову, Матвею Годунову, Ефиму Барулину, Ивану Рубцову, Алексею Барышникову, Ивану Каракозову, он же Губинский, Асафу Павлову, Федору Скворцову и Сергею Надувалкину в наказание предварительное содержание их по сему делу под стражей;

и IV) принятием указанных мер взыскания в отношении Бабушкина и Симонова разрешить и другие о них дознания, производившиеся о первом при Екатеринославском и о втором — Владимирском губернских жандармских управлениях.

На приведение таких предположений в исполнение всеподданнейше испрашиваю высочайшее ваше императорского величества соизволение.

Статс-секретарь *Муравьев*.

Помета Н. В. Муравьева:

«Высочайшее соизволение последовало 5 марта 1903 г. в С.-Петербурге».

Рабочее движение в России в 1901—1904 гг. Л., 1975. с. 43—46.

II

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВИНОКУРОВ Александр Николаевич (1869—1944) — один из пионеров марксизма в Москве и организаторов московского «Рабочего союза», советский, партийный и государственный деятель. Член Коммунистической партии с 1893 г. В начале 1892 г., будучи студентом Московского университета, был одним из основателей марксистского кружка, который позднее проводил пропаганду марксизма и агитацию среди передовых рабочих Москвы. Входил в созданную 28 сентября (ст. ст.) 1893 г. Центральную группу по пропаганде марксизма — так называемую «шестерку». На квартире А. Н. и П. И. Винокуровых (Б. Овчинниковский пер., 17/1; мемориальная доска) в январе 1894 г. произошла встреча В. И. Ленина с членами «шестерки», составившей вместе с Центральным рабочим кружком ядро московского «Рабочего союза», образованного в апреле 1894 г. В декабре 1894 г. вместе с другими руководящими работниками «Рабочего союза» был арестован и сослан на родину — в Екатеринославскую губ. В июне 1895 г. арестован в Екатеринославе в связи с провалом первого состава московского «Рабочего союза», поскольку в ходе следствия выяснилась его руководящая роль в создании Московской социал-демократической организации. В 1897 г. сослан на пять лет в Восточную Сибирь. По окончании ссылки вел партийную работу на Украине, в Белоруссии, в Петербурге. С апреля 1918 г. в Москве — нарком призрения (позднее наркомсобес), в 1921—1924 гг. — член Комиссии по борьбе с голодом. В 1924—1938 гг. — председатель Верховного Суда СССР. С 1938 г. работал в Наркомздраве СССР. Являлся членом ВЦИК и ЦИК СССР.

ВЛАДИМИРСКИЙ Михаил Федорович (1874—1951) — один из активных деятелей московского «Рабочего союза», участник революции 1905—1907 гг. в Москве, советский партийный и государственный деятель. Член Коммунистической партии с 1895 г. Осенью 1895 г. перевелся из Томского в Московский университет и тогда же вступил в «Рабочий союз», вел в нем руководящую работу. Осенью 1896 г. был арестован и в 1897 г. сослан под особый надзор полиции на родину — в г. Арзамас Нижегородской губ. В сентябре 1898 г. вернулся в Москву и вместе с А. И. Ульяновой-Елизаровой и П. В. Луначарским воссоздал разгромленный полицией в ночь на 12 марта 1898 г. МК РСДРП. Во время студенческих волнений в марте 1899 г. выслан из Москвы и вскоре уехал в Берлин. С сентября 1905 г. — снова в Москве, где был кооптирован в МК РСДРП. В октябре того же года от МК РСДРП вошел в Московский стачечный комитет, Центральное бюро московских профсоюзов, являлся депутатом Московского Совета рабочих депутатов. После ареста 7 декабря 1905 г. членов Исполнительной комиссии МК РСДРП вошел в воссозданную Исполнительную комиссию по руководству вооруженным восстанием. В 1906 г. входил в состав Московского областного бюро ЦК РСДРП. В августе того же года арестован и вскоре скрылся за границу. В июне 1917 г. вернулся в Россию и стал работать в Московской организации большевиков, являясь членом бюро МК РСДРП и Боевого партийного центра.

После победы Великого Октября — на партийной и государственной работе: являлся делегатом VII, X, XII—XVII съездов партии, избирался членом ЦК, ЦКК ВКП(б), Президиума ВЦИК, с 1919 г. — зам. народного комиссара внутренних дел РСФСР, в 1926—1927 гг. — зам. председателя Госплана СССР, в 1927—1929 гг. — председатель Союза союзов сельскохозяйственной кооперации, в 1930—1934 гг. — нарком здравоохранения РСФСР, в 1927—1951 гг. — председатель Центральной ревизионной комиссии ВКП(б). Избирался депутатом Верховного Совета СССР третьего созыва. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

ГАНШИН Алексей Александрович (1869—1940) — один из зачинателей социал-демократического движения в Москве, входил в состав московского «Рабочего союза» первого состава. Участвовал в издании нелегальной литературы. Им были напечатаны на гектографе первая и возможно вторая (не полностью) части книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». В связи с провалом интеллигентской части первого состава московского «Рабочего союза» в июне 1895 г. был арестован и выслан на три года в Вятскую губернию. После Великого Октября — на хозяйственной работе.

КАРПУЗИ Андрей Дмитриевич — рабочий-металлист. В начале 1893 г. в Москву приехал из Таганрога. Работал на заводах бр. Бромлей, Гужона и др. Принимал активное участие в деятельности московского «Рабочего союза», один из активных участников первой маевки московских рабочих. В июне 1895 г. был арестован за социал-демократическую деятельность. После Октябрьской социалистической революции состоял в рядах Коммунистической партии.

КУДРЯШОВ Николай Николаевич — рабочий, специалист по постановке подпольных большевистских типографий. Им были поставлены типографии в 1904 г. на Красносельской улице, дом № 39, на 2-й Вятской улице, в 1905 г. — на Божедомке, Ходынке, Малой Спасской, Пресне.

ЛЯДОВ Мартын Николаевич (1872—1947) — профессиональный революционер, советский и партийный деятель. Член Коммунистической партии с 1893 г. Революционную деятельность начал в народнических кружках. В 1891 г. сблизился с одним из первых московских марксистских кружков Г. М. Кружковска. В 1892—1893 гг. участвовал в марксистских кружках А. И. Рязанова — И. А. Давыдова и А. Н. Винокурова — С. И. Мицкевича. Входил в состав «шестерки». Один из организаторов и активных деятелей московского «Рабочего союза», руководил первой маевкой рабочих Москвы. В 1895 г. был арестован, в 1897 г. сослан в Верхоянск. Делегат II съезда РСДРП, искровец большинства. После съезда — агент ЦК РСДРП, член Бюро комитетов большинства. В октябре — декабре 1905 г. — член МК РСДРП, входил в состав Исполнительной комиссии МК по руководству вооруженным восстанием. Примыкал к отзовистам (1909—1911 гг.) и к меньшевикам (1917—1920 гг.). В 1920 г. восстановлен в рядах РКП(б), находился на работе в ВСНХ и Наркомпросе. С 1923 г. — ректор Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. Делегат II—V и XII—XVI съездов партии. Занимался литературной деятельностью.

МАСЛЕННИКОВ Владимир Николаевич — студент Московского технического училища, член московского «Рабочего союза». Вместе со своим братом А. Н. Масленниковым и двоюродным братом А. А. Ганшиным участвовал в гектографировании работы В. И. Ленина. «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». У него на даче, близ с. Мытищи, в июне 1895 г. была спрятана и обнаружена полицией типография московского «Рабочего союза». Арестован в июне 1895 г.

МИЦКЕВИЧ Сергей Иванович (1869—1944) — один из старейших деятелей Коммунистической партии, член ее с 1893 г. В 1892 г., будучи студентом Московского университета, вместе с А. Н. Винокуровым возглавлял марксистский кружок в Москве. В сентябре 1893 г. вошел в Центральную группу по пропаганде

марксизма среди рабочих («шестерка»). Один из руководящих работников московского «Рабочего союза». В декабре 1894 г. был арестован и в 1897 г. сослан в Якутию. По возвращении из ссылки в 1903 г. вел партийную работу в Москве и Твери. В 1905 г.—член литературно-лекторской группы МК РСДРП, участник Декабрьского вооруженного восстания в Москве. В 1906—1914 гг. работал врачом в Нижнем Новгороде, с 1914 г.— в Саратове. После Февральской революции являлся членом исполкома Саратовского Совета, после Октябрьской революции — председатель Совета городских комиссаров в Саратове. В годы гражданской войны — на санитарно-врачебной работе Южного и Юго-Западного фронтов. Был делегатом XIV съезда ВКП(б). В 1922—1924 гг.—член коллегии Истпарта при ЦК РКП(б). В 1922 г.—один из основателей Музея Революции СССР, директором которого был в 1924—1934 гг. Автор ряда воспоминаний.

МУРАЛОВА Софья Ивановна (1866—1931) — слушательница акушерских курсов в Москве. Активный работник первого состава московского «Рабочего союза». С целью агитации среди работниц поступила учительницей в воскресную школу у Роговской заставы. В 1894 г. вместе с П. И. Винокуровой, П. С. Мокроусовой и А. П. Смирновой образует при Московской социал-демократической организации группу для систематической пропаганды и агитации среди работниц. В 1895 г. была арестована и выслана из Москвы в Серпухов под гласный надзор полиции. После Октябрьской революции до конца своих дней состояла в Коммунистической партии.

НЕМЧИНОВ Евгений Иванович (1865—1932) — рабочий-металлист мастерских Брестской железной дороги. Член Коммунистической партии с 1893 г. В 1893 г. вступил в марксистский кружок А. Н. Винокурова — С. И. Мицкевича. Один из организаторов московского «Рабочего союза» в апреле 1894 г., член Центрального рабочего кружка. 6 июля (ст. ст.) 1896 г. арестован, но из-за отсутствия улик вскоре был освобожден и поступил на лесопильный завод Арцыбушева в Мытищах. Летом 1897 г. перешел на Мытищинский вагоностроительный завод, где организовал социал-демократический кружок из рабочих завода. Принимал активное участие в революции 1905—1907 гг., являясь одним из руководителей октябрьской стачки рабочих Мытищинского вагоностроительного завода и одним из руководителей боевой дружины в декабре 1905 г. После подавления Декабрьского вооруженного восстания в Москве вел социал-демократическую работу среди рабочих Сокольнического трамвайного парка. 28 ноября 1907 г. был арестован за участие в организации забастовки протеста рабочих Москвы против суда над членами социал-демократической фракции II Государственной думы. В 1908 г. выслан из Москвы. После Октябрьской революции до конца своих дней состоял членом ВКП(б).

НОГИН Виктор Павлович (1878—1924) — профессиональный революционер, советский партийный и государственный деятель. Член Коммунистической партии с 1898 г. Являлся одним из организаторов забастовки рабочих фабрики Паля и на Семянинковском заводе (1897 г.). В 1897 г. вступил в Петербурге в социал-демократическую группу «Рабочее знамя», занимавшую непримиримую позицию к «экономистам». В том же году был арестован и сослан в Полтаву, где вступил в группу содействия «Искре». В 1901 г.—агент «Искры». Работал в Москве и Петербурге. После II съезда РСДРП — большевик, вел партийную работу в Ростове, Москве и Николаеве.

После Февральской революции 1917 г.—один из организаторов Московского Совета, а с сентября 1917 г.—его председатель. В октябрьские дни — член Московского ВРК. В составе первого СНК — нарком по делам торговли и промышленности. В ноябре 1917 г. заявил о несогласии с политикой ЦК РСДРП(б) и о выходе из состава СНК. Позже признал свои ошибки. С 1918 г.—зам. наркома труда и член президиума ВСНХ. В 1921 г.—председатель Всероссийского союза работников кооперации. В 1922—1924 гг.—председатель правления Всероссийско-

го текстильного синдиката. На V и VI съездах и VII (Апрельской) конференции РСДРП(б) избирался членом ЦК партии. Его именем назван г. Богородск Московской губ. Похоронен на Красной площади.

ОКУЛОВА-ТЕОДОРОВИЧ Глафира Ивановна (1877—1957) — профессиональный революционер, член Коммунистической партии с 1899 г. Вела партийную работу в Киеве, Уфе, Полтаве, Иваново-Вознесенске. С осени 1901 г. — член Киевского комитета РСДРП. В феврале 1902 г. была арестована и в марте выслана в Чернигов. С сентября 1902 г. по поручению Бюро Русской организации как агент «Искры» работала в Москве. В ноябре того же года на псковском совещании утверждена кандидатом в члены ОК по созыву II съезда РСДРП. В декабре 1902 г. арестована в Москве и выслана на пять лет в Якутскую губ. После Октябрьской революции — на научной работе.

ПЕТРОВ Михаил Петрович — рабочий-металлист, активный член московского «Рабочего союза». С целью социал-демократической пропаганды переходил с одного завода на другой: работал на заводах Фугельзанга, Вейхельта, Бромлея. Арестован в 1895 г. После Октябрьской революции состоял в рядах большевистской партии.

ПРОКОФЬЕВ Сергей Иванович — помощник машиниста Брестской ж. д. Один из основателей и руководителей Московской партийной организации. Входил в Центральную группу по пропаганде марксизма среди рабочих («шестерку») и Центральный рабочий кружок. Был арестован в августе 1895 г. при ликвидации рабочей части первого состава московского «Рабочего союза». Состоял членом Коммунистической партии после Октябрьской социалистической революции до конца своей жизни.

РЯЗАНОВ Аркадий Иванович — помощник присяжного поверенного, один из пионеров марксизма в Москве. Вместе с И. А. Давыдовым основал в 1891 г. на базе рязанского студенческого землячества марксистский кружок, занимавшийся переводом на русский язык социал-демократических изданий и изучением произведений Маркса, Энгельса, Плеханова и распространявший их среди прогрессивной интеллигенции.

А. И. Рязанов и члены его кружка в 1892—1893 гг. были связаны с кружком А. Н. Винокурова — С. И. Мицкевича. Оба кружка приняли участие в создании Московской социал-демократической организации. Принимал активное участие в работе московского «Рабочего союза». В июне 1895 г. был арестован при провале интеллигентской части руководящего состава последнего. После Октябрьской революции до конца дней своих (умер 13 марта 1931 г.) состоял членом большевистской партии.

СЕМАШКО Николай Александрович (1874—1949) — профессиональный революционер, большевик, видный деятель Советского государства. Член Коммунистической партии с 1893 г. Поступив в 1891 г. на медицинский факультет Московского университета, он в 1893 г. вступил в марксистский кружок. В 1894 г. был арестован за участие в революционном движении и выслан из Москвы. В 1905 г. участвовал в вооруженном восстании в Нижнем Новгороде, был арестован и после освобождения эмигрировал за границу. Являлся секретарем и казначеем Заграничного бюро ЦК РСДРП. Возвратился в Россию в сентябре 1917 г. Принимал активное участие в вооруженном восстании в Москве в октябре 1917 г. После Октябрьской революции — заведующий медико-санитарным отделом Московского Совета. В 1918—1930 гг. — народный комиссар здравоохранения РСФСР. В 1931 г. — на работе во ВЦИК, являясь членом его Президиума. Действительный член Академии медицинских наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР. В 1947—1949 гг. — директор Института организации здравоохранения и истории медицины Академии медицинских наук СССР. Автор большого количества научных трудов в области социальной гигиены и организации здравоохранения.

СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ Иван Иванович (1870—1928) — старейший участник революционного движения в России, советский партийный и государственный деятель, публицист. Член Коммунистической партии с 1896 г. В революционном движении с 1892 г. В 1895 г. был арестован за революционную пропаганду среди рабочих и выслан в Тулу, где определяется как социал-демократ. В 1899—1900 гг. в марксистских журналах появляется его революционная публицистика. В сентябре 1901 г. был избран членом МК РСДРП и тогда же арестован и выслан на три года в Восточную Сибирь. В 1904 г. возвратился в Москву, читал лекции. В конце 1904 г. определился как большевик. С лета 1905 г. активно работает в литературно-лекторской группе МК РСДРП (до 1908 г.). Выступал на рабочих митингах и собраниях. В 1904—1908 гг. входил в редакции газет «Голос труда», «Борьба», «Истина», «Вопросы дня», «Рабочее знамя», издававшихся в Москве большевиками. В 1906 г. избран делегатом IV (Объединительного) съезда РСДРП от Московской городской организации РСДРП. Встречался с В. И. Лениным во время его приезда в Москву в марте 1906 г. В 1907 и 1911 гг. выдвигался московскими большевиками кандидатом в депутаты в Государственную думу. В 1911 г. был арестован и выслан в Астраханскую губ.

После Февральской революции редактировал «Известия Московского Совета», являлся членом редколлегии газеты «Социал-демократ» и Военно-революционного комитета в Москве, первым народным комиссаром финансов Советской Республики. Неоднократно избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР, был членом Центральной ревизионной комиссии РКП(б) (X—XIII съезды), членом ЦК ВКП(б) (с XVI съезда), редактором ряда советских, партийных органов, директором Института Ленина при ЦК ВКП(б), членом президиума Коммунистической академии.

СМИДОВИЧ-ЛУНАЧАРСКАЯ Софья Николаевна (1872—1934) — советский государственный и партийный деятель. Член Коммунистической партии с 1898 г. Была одним из организаторов и членом МК РСДРП в 1899 г. Партийную работу вела в Москве, Туле, Киеве, Калуге. В 1901, 1902, 1903 и 1910 гг. подвергалась арестам и высылкам. С 1914 г. принимала активное участие в работе Московского областного бюро ЦК РСДРП. В 1919—1922 гг. — заведующая женотделом МК РСДРП(б); в 1922—1924 гг. — отделом работниц и крестьянок ЦК РКП(б). На XIV и XV съездах партии избиралась членом ЦК ВКП(б).

ТЕОДОРОВИЧ Иван Адольфович (1875—1940) — социал-демократ, революционную деятельность начал с 1895 г., входил в московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В 1902 г. входил в МК РСДРП. После II съезда РСДРП — большевик. В 1905 г. — член редакции ЦО большевиков газеты «Пролетарий». В 1905—1907 гг. — член Петербургского комитета РСДРП. Делегат IV (Объединительного) съезда партии. Позднее до 1907 г. работал в Москве, Петербурге, Смоленске, Сибири. После Октябрьской социалистической революции — нарком продовольствия. В 1917 г., заняв в СНК оппортунистическую позицию, заявил о выходе из Совнаркома. Участник гражданской войны на Восточном фронте. В последующие годы — на административно-хозяйственной работе. С 1930 г. — главный редактор издательства Общества политкаторжан, ответственный редактор журнала «Каторга и ссылка».

УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА Анна Ильинична (1864—1935) — видный деятель Коммунистической партии; старшая сестра В. И. Ленина. В революционном движении с 1886 г. Осенью 1893 г. вместе с семьей поселилась в Москве, где утверждается на марксистских позициях и принимает активное участие в деятельности московского «Рабочего союза», являясь связующим звеном между Московской социал-демократической организацией и В. И. Лениным, проживавшим в Петербурге. В 1897 г. выезжала за границу, где установила связь с группой «Освобождение труда». Осенью 1898 г. вошла в состав восстановленного после разгрома

в марте 1898 г. МК РСДРП. Летом 1900 г. снова выехала за границу, где до осени 1902 г. выполняла поручения В. И. Ленина, деятельно участвуя в создании «Искры». Вернувшись в Россию осенью 1902 г., работала по содействию «Искре» в Томске, с весны 1903 г.— в Самаре, затем — в Киеве. Активно участвовала в революции 1905—1907 гг.

В январе 1907 г. в Москве арестована за распространение листовок. В 1908—1909 гг. в Москве налаживала издание книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В 1912—1914 гг. сотрудничала в большевистских органах «Правда», «Просвещение», «Работница». Неоднократно подвергалась арестам. В 1917 г.— секретарь редакции газеты «Правда» и редактор журнала «Ткач». В 1918—1921 гг. работала в Наркомпросе. Принимала активное участие в организации Института Ленина и была его научным сотрудником. Автор ряда воспоминаний о В. И. Ленине и других литературных работ.

ЧЕРНОМОРДИК Соломон Исаевич (1880—1943) — врач, член Коммунистической партии с 1902 г. В 1903 г.— пропагандист МК РСДРП. В 1904 г. сидел в Таганской тюрьме вместе с Н. Э. Бауманом, Е. Д. Стасовой, В. Ф. Ленгником и другими. В 1905 г.— член Николаевского и Екатеринославского комитетов РСДРП, а с августа 1905 г.— член МК РСДРП. Участник Декабрьского вооруженного восстания в Москве. В годы Советской власти — на научной и государственной работе.

III

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о выступлении В. И. Ленина против известного народника В. В. (Воронцова) на нелегальной вечеринке, устроенной народоправцами 9(21) января 1894 г. в Москве. На вечеринку Ленин попал случайно, получив билет от знакомых. Из марксистов кроме Ленина на вечеринке присутствовали: В. Старков, М. Лядов, А. Ульянова, студент И. Давыдов. Созванная для пропаганды народнических идей, вечеринка открылась вступительной речью лидера народников — Воронцова. Но против Воронцова выступили марксисты (Давыдов, Ленин), и вечеринка неожиданно превратилась в дискуссионное собрание с явным успехом на стороне марксистов (см. в настоящем сборнике воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой «Первое выступление Владимира Ильича Ленина в Москве»).— 10.

² Речь идет о работе В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», написанной им в 1894 г. Ленин начал работать над своей книгой еще в Самаре в 1892—1893 гг. В Самарском кружке марксистов он читал рефераты, в которых подвергал резкой критике противников марксизма — либеральных народников: В. В. (Воронцова), Н. К. Михайловского, С. Н. Южакова, С. Н. Кривенко. Эти рефераты, явившиеся подготовительным материалом к книге «Что такое «друзья народа»...», и имеет в виду А. И. Ульянова-Елизарова (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 125—346).— 10.

³ В состав социал-демократического кружка входили: А. Н. и П. И. Винокуровы, С. И. Мицкевич, М. Н. Лядов, Е. И. Спonti, С. И. Прокофьев. Позднее в него вошли братья А. Н. и В. Н. Маслениковы, А. В. Кирпичников, А. А. Ганшин и другие.— 10.

⁴ Речь идет о московском «Рабочем союзе». Он был создан в апреле 1894 г. из всех марксистских кружков, слившихся в единую Московскую социал-демократическую организацию. Свое название эта организация приняла на маевке в 1895 г.— 10.

⁵ Брошюра «Об агитации» была написана в 1894 г. в Вильно А. Кремером (впоследствии — один из организаторов Бунда) и отредактирована Ю. О. Мартовым; первоначально распространялась в рукописных списках и в гектографированном виде, а в конце 1896 г. была напечатана в Женеве с предисловием и послесловием П. Б. Аксельрода. Брошюра, обобщая опыт социал-демократической работы в Вильно, имела большое влияние на русских социал-демократов, поскольку в ней содержались призывы отказаться от замкнутой кружковой пропаганды и переходить к массовой агитации среди рабочих на почве их повседневных нужд и требований. Однако преувеличение роли и значения чисто экономической борьбы, в ущерб политической агитации на почве общедемократических требований, являлось зародышем будущего «экономизма» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 486—487).— 12.

⁶ Международный рабочий социалистический конгресс в Лондоне состоялся в конце июля 1896 г. На конгрессе присутствовали представители рабочих Америки, Австралии и почти всех европейских стран: Англии, Франции, Италии, Германии, Болгарии, Польши и России. В состав русской делегации входили: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Р. М. Плеханова, Б. А. Гинзбург-Кольцов, А. Л. Парвус-Гельфанд и В. А. Бухгольц. Московский «Рабочий союз»

в июне 1896 г. послал мандат на представительство на конгрессе В. И. Засулич.— 12.

⁷ **Зубатов С. В.** (1864—1917) — жандармский полковник, вдохновитель и организатор политики «полицейского социализма», так называемой зубатовщины. С середины 80-х гг.— платный агент Московского охранного отделения. В 1889—1896 гг.— помощник, а в 1896—1902 гг.— начальник Московского охранного отделения. В мае 1901 г. по его инициативе с целью отвлечения рабочих от классовой борьбы в Москве создано «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве», в 1902 г.— «Общество взаимной помощи текстильщиков», позднее — другие подобные общества. За создание легальных рабочих организаций под опекой полиции Зубатов в октябре 1902 г. был назначен начальником особого отдела департамента полиции МВД. Проводя политику социальной демагогии, Зубатов насаждал одновременно провокацию в революционных организациях, развращал рабочих путем пропаганды книг Э. Бернштейна и натравливания рабочих против революционной интеллигенции. Крах зубатовщины и интриги Зубатова против министра внутренних дел В. К. Плеве повлекли за собой отставку Зубатова в 1903 г. и его ссылку в г. Владимир. В конце 1904 г. ссылка была отменена. С 1910 г. жил в Москве. В дни Февральской революции, опасаясь привлечения к суду, застрелился.— 12.

⁸ **Группа «Освобождение труда»** — первая социал-демократическая организация, основоположница марксизма в России как идеино-литературного течения. Образована в 1883 г. в Женеве (Швейцария). В группу входили вместе с Г. В. Плехановым также П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, В. Н. Игнатов. Группа проделала большую работу по распространению марксизма в России, нанесла серьезный удар народничеству, являвшемуся главным идейным препятствием на пути утверждения марксизма и развития социал-демократического движения. На II съезде РСДРП (август 1903 г.) группа «Освобождение труда» заявила о прекращении своего существования.— 13.

⁹ Имеется в виду группа оппортунистов, сплотившаяся на позициях так называемого «экономизма» — первого оппортунистического течения в русской социал-демократии — и ставшая в 1899 г. издавать журнал «Рабочее дело» (см. примеч. 67). Другое название этой группы — «рабочедыльцы». — 13.

¹⁰ I съезд РСДРП состоялся в Минске 1(13)—3(15) марта 1898 г. На съезде присутствовали представители четырех «Союзов борьбы»: петербургского, московского, киевского, екатеринославского, группы «Рабочей газеты» и Бунда. Всего девять делегатов. Делегатом от Москвы был А. А. Ванновский. В. И. Ленина на съезде не было: он в это время находился в ссылке в Сибири. Отсутствие Ленина сказалось на работе съезда и его решениях. Съезд оказался не на высоте выдвинутых перед ним задач. На съезде не был представлен написанный Лениным «Проект и объяснение программы социал-демократической партии». Съезд утвердил название партии — «Российская социал-демократическая партия» и провозгласил ее основание. Слово «рабочая» было включено в название партии — РСДРП — уже после съезда. Однако партия на съезде не была создана: не были приняты ни программа, ни устав партии. А избранный состав ЦК РСДРП вскоре был разгромлен полицией.— 13.

¹¹ Первый Московский комитет РСДРП был создан 10 марта 1898 г., вскоре после I съезда РСДРП. В его состав входили братья В. А. и А. А. Ванновские и К. В. Ситнин (см.: Вопросы истории КПСС, 1973, № 10, с. 112—114). — 14.

¹² «Юридический вестник» — ежемесячный журнал либерально-буржуазного направления, орган Московского юридического общества, выходил в Москве с 1867 по 1892 г. Объединял представителей либеральной профессуры Московского университета. Журнал выступал с проповедью умеренных политических реформ. Сотрудниками журнала были Н. И. Зибер, А. И. Чупров, Н. А. Кабулков, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев и другие, многие из которых впоследствии стали кадетами и октябристами. В 1888 г. в № 10 «Юридического вестника» напечатано письмо К. Маркса в редакцию «Отечественных записок»,

написанное в связи со статьей Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского». — 15.

¹³ См. примеч. 11.

¹⁴ В состав «шестерки», созданной 28 сентября 1893 г. с целью централизовать пропаганду среди рабочих, входили супруги А. Н. и П. И. Винокуровы, М. Н. Лядов (Мандельштам), С. И. Мицкевич, С. И. Прокофьев и Е. И. Спонтн. — 17.

¹⁵ «Русская мысль» — ежемесячный литературно-политический журнал; выходил в Москве с 1880 по 1918 г., до 1905 г. — либерально-народнического направления. В 90-х гг., во время борьбы марксистов с либеральными народниками, иногда печатал на своих страницах статьи марксистов. После революции 1905 г. — орган контрреволюционного либерализма; выходил под редакцией П. Б. Струве. В. И. Ленин называл «Русскую мысль» «Черносотенной мыслью» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 459). — 19.

¹⁶ **М. П. Голубева (Яснева)** (1861—1936) — участница революционного движения 80-х гг., вначале придерживалась народнических взглядов. В 1891 г. была выслана под гласный надзор полиции в Самару, где познакомилась с В. И. Лениным. Член РСДРП с 1901 г. После II съезда партии — большевик. Работала в Организационном комитете при Бюро комитетов большинства по подготовке III съезда партии. После Октябрьской социалистической революции работала в Центральном совете фабзавкомов, в Наркомюсте, в Петроградской ЧК, в 1920—1928 гг. — в аппарате ЦК ВКП(б). — 23.

¹⁷ **В. М. Чернов** (1873—1952) — один из лидеров и теоретиков партии эсеров, член ее ЦК, автор ее программы. После Февральской революции министр земледелия в 1-м и 2-м составах коалиционного Временного правительства. Октябрьскую революцию встретил враждебно, участвовал в организации ряда антисоветских мятежей. С 1920 г. в эмиграции. Книга В. Чернова «Записки социалиста-революционера» вышла в изд. Гржебина в Берлине. В 1922 г. выдержки из книги печатались в журнале «Пролетарская революция» (1922, № 12), как содержащие любопытные характеристики марксистских кружков. — 26.

¹⁸ «Русское богатство» — ежемесячный журнал, выходил в Петербурге с 1876 до середины 1918 г. С начала 90-х гг. стал органом либеральных народников, его редактировали С. Н. Кривенко и Н. К. Михайловский. Журнал проповедовал примирение с царским правительством и вел ожесточенную борьбу против марксизма и русских марксистов. В литературном отделе журнала печатались прогрессивные писатели: В. В. Вересаев, В. М. Гаршин, А. М. Горький, В. Г. Короленко, А. И. Куприн, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский и другие. С 1906 г. — орган полукadetской партии энесов («народных социалистов») (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 577). — 38.

¹⁹ **Афанасьев Ф. А.** (1859—1905) — русский рабочий-революционер, член рабочего комитета Центрального социал-демократического кружка группы Бруснева (1889), один из организаторов петербургской маевки (1891), на которой произнес речь. В 1891 г. группой Бруснева направлен в Москву для организации социал-демократических рабочих кружков. С этой целью поступил на работу на Прохоровскую Трехгорную мануфактуру. Принимал активное участие в группе Бруснева — Кашинского — Егулова в 1891—1892 гг. как сторонник ее марксистской части. В связи с арестом членов группы в апреле 1892 г. скрылся из Москвы, но был арестован в Петербурге. Вторично арестован в 1895 г. После освобождения из тюрьмы в феврале следующего года принялся за объединение социал-демократических организаций в Иваново-Вознесенске, Павловском Посаде, Шуе и других городах. В 1903 г. арестован по делу Иваново-Вознесенской группы РСДРП. Участвовал в организации иваново-вознесенской стачки весной и летом 1905 г., член Совета рабочих депутатов. Убит черносотенцами во время митинга на р. Талке. — 42.

²⁰ **Поляков Ф. И.** (1870—1903) — активный деятель московского «Рабочего союза». Будучи рабочим Прохоровской мануфактуры, в 1891 г. вступил в социал-демократический кружок Ф. А. Афанасьева. С апреля 1894 г. один из руко-

водителей Центрального рабочего кружка, положившего начало московскому «Рабочему союзу». Участвовал в организации первой маевки московских рабочих 30 апреля 1895 г. В августе 1895 г. арестован и сослан в Сибирь, где умер.— 43.

²¹ **Бойе К. Ф.** (1871—?) — активный деятель московского «Рабочего союза», рабочий завода Вейхельта. В 1893—1895 гг. организатор рабочих кружков в Москве. В апреле 1894 г. на его квартире (Немецкая (ныне Бауманская) ул., 23) проходило собрание представителей рабочих кружков около 15 предприятий Москвы, на котором был создан Центральный рабочий кружок, положивший начало московскому «Рабочему союзу». В 1895 г. участвовал в руководстве социал-демократическим движением в Москве. В августе 1895 г. арестован и сослан. О дальнейшей жизни К. Ф. Бойе сведений нет.— 43.

²² Как отмечает С. И. Мицкевич, С. И. Прокофьев здесь преуменьшает свою роль в деятельности «шестерки»: в действительности он «был энергичнейшим, неутомимым и умелым организатором рабочих кружков, в ряде которых сам руководил занятиями (сб.: На заре рабочего движения в Москве. М., 1932, с. 109).— 46.

²³ Имеется в виду создание в апреле 1894 г. Центрального рабочего кружка, положившего начало московскому «Рабочему союзу».— 46.

²⁴ См. примеч. 85.

²⁵ Типография была найдена полицией у дачи Масленниковых в Мытищах в овраге, куда ее зарыл В. Н. Масленников.— 69.

²⁶ «Адрес московских рабочих кружков Франции» был опубликован в сборнике «Работник» (1896, № 1—2, с. 100—103), выпускаемом группой «Освобождение труда», датирован 29 февраля 1896 г. Вместе с адресом было опубликовано сопроводительное письмо Полю Лафаргу. В письме сообщалось о посылке от имени московских рабочих 50 руб. на венок на «могилы героев Коммуны». Указание на то, что «число подписей могло быть удвоено, если бы не необходимость спешить с отправкой адреса», было дано в приписке редакции «Работника» к «Адресу», а не в сопроводительном письме Лафаргу, как ошибочно указано в тексте статьи.— 72.

²⁷ Проект программы I съезда, выработанный Центральной группой Московской социал-демократической организации, не сохранился. По воспоминаниям Р. Арского, программа была переписана в трех экземплярах на небольших листках почтовой бумаги с тем, чтобы один экземпляр отправить в Киев, другой в Нижний Новгород, а третий — за границу. Последний должен был отвезти А. Ю. Финн-Енотаевский. Однако планы эти были расстроены, так как в Москве в это время в связи с приездом царя начались массовые аресты. Финну-Енотаевскому, у которого был произведен обыск, удалось якобы «проглотить листок с программой предполагаемого съезда» (см.: Первый съезд РСДРП. Март 1898 года: Документы и материалы. М., 1958, с. 330).— 72.

²⁸ См. примеч. 11.

²⁹ Работа В. И. Ленина «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» была закончена им в январе 1902 г. и в марте того же года издана в Штутгарте (Германия) на русском языке. Книга сыграла выдающуюся роль в борьбе за революционную марксистскую партию рабочего класса России, в победе ленинско-искровского направления в комитетах РСДРП, а затем, в 1903 г., на ее II съезде. В 1902—1903 гг. книга получила широкое распространение в социал-демократических организациях всей России. В Москву она была доставлена в апреле 1902 г. В июле 1902 г. МК РСДРП выразил В. И. Ленину горячую благодарность за книгу «Что делать?». В работе «Что делать?» В. И. Ленин развил дальше революционную теорию марксизма, разработал основы учения о марксистской партии нового типа, впервые в истории обнажил истоки оппортунизма, вскрыл коренную противоположность революционного и оппортунистического направлений в международной социал-демократии и обосновал необходимость непримиримой борьбы с буржуазной идеологией и политикой. Книга не потеряла актуальности и в наше время и имеет всемирно-историческое значение.— 79.

³⁰ II съезд РСДРП состоялся 17(30) июля — 10(23) августа 1903 г. Первые

13 заседаний его происходили в Брюсселе. Затем из-за преследования полиции заседания съезда были перенесены в Лондон. Съезд подготовлен «Искрой», которая под руководством В. И. Ленина провела огромную работу по сплочению российских социал-демократов на основе принципов революционного марксизма.

Важнейшими вопросами съезда были утверждение Программы и Устава партии и выборы руководящих партийных центров. В. И. Ленин и его сторонники развернули на съезде решительную борьбу с оппортунистами во главе с Мартовым. Съезд отстоял от наскоков оппортунистов Программу партии, написанную в основном В. И. Лениным. При обсуждении Устава партии искровцы раскололись. Одни из них во главе с В. И. Лениным боролись за создание боевой революционной партии рабочего класса и принятие такого Устава партии, который затруднял бы доступ в партию всех неустойчивых и колеблющихся элементов. Поэтому в формулировке первого параграфа Устава, предложенного В. И. Лениным, членство в партии обуславливалось не только признанием Программы и материальной поддержкой партии, но и личным участием в одной из партийных организаций. Мартов же в предложенной им формулировке параграфа первого Устава помимо признания Программы и материальной поддержки считал достаточным лишь личное содействие партии под руководством одной из ее организаций, что открывало доступ в партию неустойчивым элементам. Формулировка Мартова была поддержана антиискровцами, центристами и неустойчивыми искровцами и была незначительным большинством голосов принята съездом. В остальном принятый съездом Устав содержал выработанные В. И. Лениным положения.

Сторонники ленинского направления получили большинство голосов при выборах в центральные учреждения партии и стали называться большевиками, а оппортунисты, получившие меньшинство, — меньшевиками.

Историческое значение II съезда РСДРП состоит в том, что на нем была создана революционная марксистская партия нового типа на тех организационных и принципиальных началах, которые были разработаны ленинской «Искрой». «Большевизм, — писал впоследствии В. И. Ленин, — существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 6).

Делегатами II съезда РСДРП от Московской партийной организации были Н. Э. Бауман и Л. С. Цейтлин. Н. Э. Бауман на съезде стоял прочно на ленинских позициях, а Л. С. Цейтлин проявлял колебания и оказался в лагере меньшевиков. — 82.

³¹ «Заря» — марксистский научно-популярный журнал, издавался в 1901—1902 гг. в Штутгарте редакцией «Искры». Вышло четыре номера (три книги) «Зари». Задачи журнала были определены в проекте заявления «Искры» и «Зари», написанном В. И. Лениным в России (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 322—333). Журнал выступал с критикой международного и русского ревизионизма, в защиту теоретических основ марксизма. В журнале опубликованы статьи В. И. Ленина и Г. В. Плеханова. — 83.

³² Северный союз РСДРП — областное объединение социал-демократических организаций Владимирской, Ярославской и Костромской губерний, оформился окончательно на съезде «Союза» в Воронеже в январе 1902 г. Представители «Союза» В. А. Носков и Ф. И. Щекандин участвовали в подготовке II съезда партии и постановке транспортных путей «Искры». Делегатами II съезда РСДРП от «Союза» были Л. М. Книпович и А. М. Стопани. — 83.

³³ С мая 1901 г. зубатовцы устраивали еженедельные собрания рабочих в здании Исторического музея и другие «чтения» по «рабочему вопросу». Собрания проходили под контролем полиции и имели целью отвлечь рабочих от политической борьбы с самодержавием, настроить их против социал-демократии и революционно-демократической интеллигенции, внушить им мысль о том, что царские власти стоят на защите их экономических интересов. Собрания являлись средством проведения тактики «полицейского социализма», зубатовщины. — 83.

³⁴ Автор, видимо, допускает неточность, относя демонстрацию типографщиков

к 1902 г. В действительности сходки, собрания и демонстрации печатников Москвы были в конце лета 1903 г., а 9 сентября 1903 г. они начали стачку (см. с. 194—197).— 83.

³⁵ Имеются в виду оставшиеся после полицейского разгрома МК РСДРП 28 ноября 1902 г. члены организации в районах Москвы. В начале 1903 г. был сформирован новый МК РСДРП, в состав которого вошли Л. С. Цейтлин, А. Г. Орлов, В. И. Батырев, С. И. Черномордик и несколько позднее — М. С. Лешинский (см.: Исторические записки. М., 1969, т. 84, с. 288).— 85.

³⁶ Организационный комитет (ОК) по созыву II съезда РСДРП был создан на совещании в Пскове 2—3 (15—16) ноября 1902 г. в составе представителей Петербургского комитета РСДРП — В. П. Краснухи, Русской организации «Искры» — И. И. Радченко и группы «Южный рабочий» — Е. Я. Левина. В состав ОК были также кооптированы П. А. Красиков, Ф. В. Ленгник, П. Н. Лепешинский, Г. М. Кржижановский, А. М. Стопани. На другой день после Псковского совещания три члена ОК — искровцы И. И. Радченко, В. П. Краснуха и П. Н. Лепешинский — были арестованы, что тяжело отразилось на его деятельности. В числе других комитетов МК РСДРП признал ОК во всех его функциях. В первых числах февраля 1903 г. на втором совещании членов ОК в г. Орле в его состав были кооптированы несколько членов и кандидаты в члены ОК. На Орловском совещании ОК был принят проект устава съезда и список организаций, имеющих право участвовать в съезде. Проект устава съезда был разослан местным комитетам, а члены ОК предприняли объезд местных комитетов.

ОК провел успешную подготовку созыва II съезда РСДРП, опираясь на выработанные «Искрой» организационные и идеологические принципы партии нового типа, на работу, проделанную «Искрой» по объединению местных социал-демократических организаций на основе этих принципов.— 86.

³⁷ Имеется в виду одна из трех первомайских листовок ОК РСДРП, выпущенных в апреле 1903 г. и отпечатанных в типографии газеты «Искра». Листовки были распространены местными комитетами РСДРП, в том числе Московским.— 88.

³⁸ Святополк-Мирский П. Д. (1857—1914), князь, в августе 1904 г., после убийства В. К. Плеве, назначен министром внутренних дел России. Стремясь ослабить нараставший революционный кризис, избрал тактику заигрывания с либеральными элементами, стремясь привлечь буржуазную оппозицию на сторону самодержавия. С этой целью несколько смягчил охранительный режим, допустив ослабление цензуры, объявил частичную амнистию политическим заключенным, разрешил съезды земских деятелей. Такая политика получила название «эпохи доверия» или «весны Святополк-Мирского». Политика Святополк-Мирского потерпела провал в связи с событиями 9 января 1905 г. 18 января 1905 г. Святополк-Мирский был уволен в отставку.— 88.

³⁹ Речь идет о сорокалетии судебной реформы 1864 г. в России, буржуазное преобразование суда и судопроизводства на основе Судебных уставов. Реформа провозгласила принципы независимости судей, гласности, устности и состязательности судебного процесса, ликвидировала сословный суд. Были введены судебные присяжные, адвокатура, мировые суды. Проводилась с искажениями и ограничениями.— 89.

⁴⁰ По уточненным данным, выборы делегатов на II съезд РСДРП от Московской организации РСДРП проходили в начале 20-х чисел апреля (ст. ст.) или в начале мая (нов. ст.) 1903 г. (см.: Исторические записки, т. 84, с. 290).— 91.

⁴¹ Листовку опубликовал С. И. Мицкевич в книге «Революционная Москва. 1888—1905» (М., 1940) с примечанием: «Помещаю здесь одну из самых первых марксистских прокламаций, написанную и отгектографированную Е. И. Спonti в феврале 1894 г.».— 94.

⁴² Фабричный инспектор — в России с 1882 г. чиновник министерства, наблюдавший на определенной территории (фабричный округ) за выполнением владельцами промышленных предприятий фабричных законов.— 94.

⁴³ Листовка выпущена к первой общемосковской маевке, состоявшейся в 1895 г. (см. в настоящей книге воспоминания о ней М. Н. Лядова).— 95.

⁴⁴ Первое мая как международный праздник трудящихся, день солидарности рабочих всего мира, боевого смотря сил трудящихся всех стран отмечается после принятого в июле 1889 г. решения I (Парижского) конгресса II Интернационала о ежегодном праздновании этого дня в память о героическом выступлении в борьбе с полицией рабочих Чикаго в майские дни 1886 г. В Российской империи праздновался впервые в 1890 г. в Варшаве, в 1891 г.— в Петербурге.— 97.

⁴⁵ Об авторе листовки, ее напечатании и распространении см. док. № 6 приложения.— 99.

⁴⁶ Листовка написана членом московского «Рабочего союза» рабочим Ф. И. Поляковым и отпечатана членом союза наборщиком Р. Г. Наумовым в легальной типографии; распространялась на рабочей сходке на Даниловском кладбище летом 1895 г. (см.: Литература московского «Рабочего союза»: Материалы и документы. М., 1930, с. 71).— 100.

⁴⁷ Солдаты Фанагорийского полка по приказу своего командира жестоко расправились с забастовавшими 25 апреля 1895 г. рабочими Большой мануфактуры в г. Ярославле, открыв по ним огонь. В результате три человека (рабочий, женщина и ребенок) были убиты, 18 человек ранены. Николай II одобрил зверства «молодцов-фанагорийцев» (см.: Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1961, т. 4, ч. 1, с. 79—81).— 104.

⁴⁸ Листовка написана членом московского «Рабочего союза» наборщиком типографии Р. Г. Наумовым и им же отпечатана в легальной типографии. Расклеена была в ночь на 28 ноября 1895 г. на заборах и домах в районе 2-го участка Лефортовской части (см.: Литература московского «Рабочего союза». М., 1930, с. 71—72).— 108.

⁴⁹ Текст этой листовки опубликован в несколько измененной редакции в сборнике «Работник» (1896, № 1—2, с. 100—103; о сборнике «Работник» см. примеч. 53) под заголовком «Адрес московских рабочих рабочим Франции». Текст листовки заканчивается словами: «От 605 рабочих 28 фабрик и заводов. Москва, 29 февраля 1896 года» и содержит примечание: «По уверениям московских товарищей, число подписей могло быть удвоено, если бы не необходимость спешить с отправкой адреса». По данным департамента полиции, «Приветствие московских рабочих рабочим Франции» было отправлено по почте в двух экземплярах одновременно с приветствием рабочих Петербурга. Московские экземпляры были отправлены в Берлин и через В. Д. Бонч-Бруевича в Швейцарию. «Приветствие московских рабочих» было высоко оценено видными деятелями европейского рабочего движения того времени Ж. Жоресом, А. Бебелем, В. Либкнехтом.

В сборнике «Работник» к «Адресу» было приложено следующее письмо в извлечениях к выдающемуся деятелю международного рабочего движения, одному из основателей Рабочей партии Франции, близкому другу и соратнику К. Маркса и Ф. Энгельса Полю Лафаргу:

«Прилагая при настоящем письме адрес от имени московских рабочих, мы надеемся, что наш слабый голос не потеряется среди многочисленных приветствий других стран. Не забывайте, что сравнительно недавно родилось рабочее движение в Москве и что собирать подписи приходилось при исключительных даже для России условиях: близость коронации поставила Москву в осадное положение... Ясно, какому риску мы должны были подвергнуться, если бы захотели увеличить число подписей. Нам кажется, что число их не имеет большого значения для французских рабочих; мы желали бы только выразить им чувство нашей солидарности, и мы будем счастливы, если эта наша цель будет достигнута. Мы посылаем 50 руб. с просьбой возложить на могилы героев Коммуны венок «от имени московских рабочих». Просим известить нас о получении настоящего письма» (см.: Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1961, т. 4, ч. 1, с. 844).— 108.

⁵⁰ Имеется в виду арест полицией в ночь на 6 июля 1896 г. большинства активных деятелей (около 60 человек) очередного состава московского «Рабо-

чего союза», начавшего свою деятельность с осени 1895 г. Среди арестованных было 10 интеллигентов (П. Н. Колокольников, Н. М. и К. М. Величкины, оказавшийся провокатором Леопольд Рума и другие) и около 50 рабочих, в том числе Е. И. Немчинов и другие.— 114.

⁵¹ 11 ноября 1896 г. был арестован 51 член московского «Рабочего союза» (группа Орлова — Радина), среди них 35 рабочих. Дата ареста была определена департаментом полиции в связи с тем, что в департамент поступили сведения о намерении «Рабочего союза» подготовить на 12 ноября того же года стачку в мастерских Московско-Казанской железной дороги, к которой должны были присоединиться рабочие мастерских Московско-Курской, Брестской и других железных дорог. 9 декабря 1896 г. была арестована новая группа членов московского «Рабочего союза», причем у одного из них, К. Н. Батурина, при обыске была взята «руккопisanная программа боевой организации рабочих» (см.: Рабочее движение в России в XIX веке, т. 4, ч. 1, с. 847).— 114.

⁵² Закон 2 июня 1897 г. был принят царским правительством под воздействием массового стачечного движения летом 1896 г., особенно в Петербурге, и устанавливал продолжительность рабочего дня на фабриках и заводах в 11½ часов с 1 января 1898 г.— 117.

⁵³ «Работник» — неперiodический сборник, выходивший в 1896—1899 гг. в Женеве под редакцией группы «Освобождение труда». Инициатива издания сборника исходила от социал-демократов, работавших в России, главным образом от В. И. Ленина, который весной 1895 г. во время поездки за границу вел переговоры с представителями группы «Освобождение труда». Было принято решение об издании сборника. Ленин и русские организации взяли на себя обязательство финансировать «Работник» и снабжать его статьями и материалами по рабочему вопросу. Эти обязательства аккуратно выполнялись. В. И. Ленин написал для «Работника» статью «Фридрих Энгельс» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 1—14). Всего вышло шесть номеров «Работника» в трех книгах. Кроме сборника выходили еще «Листки «Работника», № 1—10 (1896—1898 гг.).— 119.

⁵⁴ Речь идет о Лондонском конгрессе Интернационала (1896 г.). См. примеч. 6.

⁵⁵ Демонстрация у Казанского собора — известная демонстрация в Петербурге 6 декабря 1876 г. Организована студентами-народниками с привлечением рабочих по поводу чествования Н. Г. Чернышевского, сосланного в 1864 г. на каторгу. На демонстрации выступил молодой Г. В. Плеханов (тогда студент, член народнической организации «Земля и воля») с речью, в которой заявил о солидарности собравшихся с лучшими силами русского народа — Н. Г. Чернышевским и другими и о готовности продолжать борьбу за дело народа. После речи Г. В. Плеханова над толпой было поднято рабочим Я. Потаповым красное знамя с надписью «Земля и воля». Демонстрация была разогнана полицией; многие ее участники арестованы и сосланы (см.: Первый съезд РСДРП. Март 1898 года: Документы и материалы. М., 1958, с. 328).— 125.

⁵⁶ Можно говорить не об основании московского «Рабочего союза», а об его воссоздании летом 1896 г. после очередного полицейского разгрома.— 125.

⁵⁷ В газете «Искра» № 2, 1901, февраль, помещена заметка, в которой говорилось:

«В сентябре 1900 г. Московский комитет РСДРП выпустил гектографированную прокламацию «Memento» (помни). Прокламация указывает, что старый вопрос «Что делать?» постоянно встает среди учащейся молодежи и что ответ на этот вопрос дан основателями научного социализма Марксом и Энгельсом. Прокламация советует молодежи «с большей осторожностью относиться к современным критикам марксизма», «в особенности же к таким удивительно неудачным критическим опытам, каков, например, опыт Эд. Бернштейна», и зовет на борьбу против «унизительного бесправия всего нашего общества». «Пусть растет и крепнет союз пролетариата с лучшей частью интеллигенции!» — 137.

⁵⁸ Сообщение опубликовано в журнале «Рабочее дело» (1900, № 6) (см. о нем

примеч. 67). Журнал сравнительно объективно освещал рабочее движение, хотя и проповедовал его стихийность, отрицая руководящую роль партии.— 139.

⁵⁹ **Романов Сергей Александрович** (1857—1905) — великий князь, дядя Николая II, с 1891 г. московский генерал-губернатор и с 1896 г. одновременно командующий войсками Московского военного округа. Своей контрреволюционной деятельностью на этих постах, по выражению В. И. Ленина, «революционизировал Москву едва не лучше многих революционеров» (**Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 11, с. 268). Убит в Кремле 4 (17) февраля 1905 г. эсером И. П. Каляевым.— 140.

⁶⁰ **Бауман Н. Э.** (1873—1905) — выдающийся деятель большевистской партии, профессиональный революционер. Вместе с В. И. Лениным участвовал в подготовительной работе по созданию газеты «Искра», набрал ее первый номер. В декабре 1900 г. по заданию В. И. Ленина выехал в Россию, был одним из главных практических руководителей искровской организации. С декабря 1900 г. — агент «Искры» в Москве, с августа 1901 г. по февраль 1902 г. возглавлял Московский отдел «Искры». Москва им была превращена в базовый центр распространения «Искры» в Центрально-промышленном районе, на Севере и в Поволжье. В декабре 1903 г. снова приехал в Москву, гдe возглавлял МК РСДРП и одновременно руководил Северным бюро РСДРП. 18 октября 1905 г. убит в Москве черносотенцем во время демонстрации. В. И. Ленин написал некролог памяти Н. Э. Баумана (**Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 12, с. 36—37).— 143.

⁶¹ Речь идет об отдаче правительством в солдаты 183 студентов Киевского университета «за учинение скопом беспорядков». (См. об этом **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 4, с. 391—396).— 143.

⁶² **Бабушкин И. В.** (1873—1906) — рабочий, профессиональный революционер, большевик. Активный член петербургского «Союза борьбы», ближайший помощник В. И. Ленина. С августа по декабрь 1901 г. агент «Искры» в Орехово-Зуеве. Поддерживал связь с Иваново-Вознесенском, Шуей, Москвой (с Н. Э. Бауманом). В декабре 1901 г. арестован на заседании организованного им Орехово-Богородского комитета РСДРП, который в октябре того же года первым в России признал «Искру» своим руководящим органом. Активный участник революции 1905 г. Расстрелян в 1906 г. царскими карателями на ст. Мысовая под Читой. В. И. Ленин написал о Бабушкине некролог (**Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 20, с. 79—83).— 144.

⁶³ **И. Г. Леман (Смидович)** (Байнова, Димка, Димочка, Наталья Александровна, Наташа, Таня, Vainoffá) (1870—1942) — социал-демократ, в революционном движении с 90-х гг., член петербургского «Союза борьбы». В 1899 г. скрылась из вятской ссылки за границу. С момента организации «Искры» и до приезда Н. К. Крупской была секретарем редакции «Искры», затем занималась транспортровкой нелегальной литературы, будучи агентом «Искры» в Кенигсберге. В декабре 1901 г. приехала в Россию для участия в съезде искровцев в Киеве, в январе 1902 г. совершила объезд искровских групп и 5 февраля выехала за границу. Летом 1902 г. возвратилась в Россию. 9 августа того же года арестована и заключена в тюрьму. В 1903 г. бежала и скрылась за границу. В годы реакции от политической деятельности отошла.— 144.

⁶⁴ Речь идет о провале 14 (27) февраля и 13 (26) марта 1901 г. транспорта первого номера «Искры», переправленного так называемым «путем латышей». В устройстве этого пути принимал участие В. И. Ленин (см.: **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 46, с. 70, 75). Царскими властями захвачен в двух партиях весь первый транспорт с 3 тыс. экземпляров первого номера «Искры» и другими нелегальными изданиями (всего свыше 7 тыс. экземпляров).— 144.

⁶⁵ Группа «Социалист» организовалась летом 1900 г. в Петербурге из социал-демократов, несогласных с «экономистским» направлением петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Члены группы выдвигали на первый план политическую борьбу и установили связь с редакцией газеты «Искра». В январе 1902 г. члены группы «Социалист» объединились с группой «Рабочее знамя».— 146.

⁶⁶ Группа «**Рабочее знамя**» сформировалась из оппозиционных элементов петербургского «Союза борьбы» летом 1897 г. и первоначально называлась «Группа рабочих революционеров». На первый план группа выдвигала социалистическую и политическую пропаганду среди рабочих. С осени 1898 г. в группу входили С. В. Андропов, В. П. Ногин и другие. Занимала резко враждебную позицию к «экономистам». В январе 1901 г. слилась с группой «Социалист». После ареста весной 1901 г. остатки объединенной группы влились в Петербургский отдел «Искры».— 146.

⁶⁷ «**Рабочее дело**» — журнал, орган «Союза русских социал-демократов за границей», основанного по инициативе группы «Освобождение труда» в 1894 г. и перешедшего в 1898 г. на позиции оппортунизма («экономизма»). Выходил в Женеве с апреля 1899 г. по февраль 1902 г. под редакцией Б. Н. Кричевского, П. Ф. Теплова (Сибиряка), В. И. Иваншина, а затем и А. С. Мартынова; вышло 12 номеров (9 книг). Редакция журнала являлась заграничным центром «экономистов» и стояла на оппортунистических позициях в вопросах тактики и организационных задач русской социал-демократии, отрицала революционные возможности крестьянства, проповедовала оппортунистические идеи подчинения политической борьбы пролетариата экономической борьбе, прсклонение перед стихийностью рабочего движения, отрицала руководящую роль партии. На II съезде РСДРП «рабочедыльцы» (см. примеч. 9) представляли крайне правое, оппортунистическое крыло партии (см.: **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 6, с. 470).— 147.

⁶⁸ Имеется в виду книга «Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте (1899)», содержащая материал, обличающий политику царского правительства по отношению к земству и раскрывающий буржуазную сущность либерализма в России.— 151.

⁶⁹ **Московский отдел «Искры»** — группа единомышленников искровцев, созданная Н. Э. Бауманом и В. П. Ногиным в Москве в августе 1901 г. по примеру Северного и Южного отделов «Искры». Как самостоятельная организация просуществовала до ареста Н. Э. Баумана в феврале 1902 г.— 154.

⁷⁰ Пять приведенных пунктов — адресаты для отправки данного письма. В 4-м пункте В. И. Ленин имеет в виду Тверскую социал-демократическую группу, письма для которой посылались на адрес местного либерально настроенного земского деятеля А. И. Бакунина. Последний, 5-й пункт — название письма, написанного некоторыми московскими социал-демократами «экономистами», находившимися в ссылке (Н. Н. Покровский и другие). Присланное в «Искру» одним из ее агентов, это письмо было целиком приведено В. И. Лениным в статье «Беседа с защитниками экономизма» (см.: **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 5, с. 360—362). Помещая этот пункт, В. И. Ленин имеет в виду того представителя «Искры», который прислал указанное письмо (Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. М., 1969, т. 1, с. 576).— 162.

⁷¹ Под «заграничным конфликтом» В. И. Ленин имеет в виду уход представителей «Искры» и «Зари» и «Революционной организации «Социал-демократ» с «объединительного» съезда заграничных организаций РСДРП в Цюрихе 4—5 октября 1901 г. По инициативе В. И. Ленина представители покинувших съезд организаций в октябре 1901 г. объединились в «Заграничную лигу русской революционной социал-демократии». II съезд РСДРП утвердил Лигу в качестве единственной заграничной партийной организации, имеющей уставные права комитета, и обязал ее работать под руководством и контролем ЦК РСДРП. После II съезда партии в Заграничной лиге укрепились меньшевики и повели борьбу против Ленина, против большевиков.— 162.

⁷² В. И. Ленин имеет в виду свою статью в № 12 «Искры» (6 декабря 1901 г.) «Беседа с защитниками экономизма» (см.: **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 5, с. 360—367), в заключении которой давалось обещание посвятить спорным вопросам «особую брошюру, которая выйдет в свет, мы надеемся, месяца через полтора». Брошюра, о которой идет речь, — работа В. И. Ленина «Что делать?».— 162.

⁷³ Имеется в виду «Союз русских социал-демократов за границей», основанный в 1894 г. в Женеве по инициативе группы «Освобождение труда» (см. примеч. 2) на условиях признания всеми его членами программы группы. По инициативе В. И. Ленина «Союз» издавал неперIODический сборник «Работник» (см. примеч. 53). I съезд РСДРП в марте 1898 г. признал «Союз» заграничным представителем партии. В дальнейшем в «Союзе» в большинстве оказались «экономисты» — оппортунистическое течение в РСДРП. В ноябре 1898 г. на первом съезде «Союза» в Цюрихе группа «Освобождение труда» заявила об отказе редактировать издания «Союза». С апреля 1899 г. «Союз» приступил к изданию журнала «Рабочее дело», в редакцию которого вошли «экономисты». На II съезде РСДРП в 1903 г. представители «Союза» занимали крайне оппортунистические позиции и покинули его после признания съездом «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии» (см. примеч. 71) единственной организацией партии за границей. II съезд РСДРП объявил о роспуске «Союза». — 167.

⁷⁴ Группа «Борьба» — группа в составе Д. Б. Рязанова, Ю. М. Стеклова (Невзоров), Э. Л. Гуревича (В. Даневич, Е. Смирнов), сложившаяся в Париже летом 1900 г. и принявшая в мае 1901 г. название «Борьба». С целью примирения революционного и оппортунистического течений в русской социал-демократии ратовала за объединение заграничных социал-демократических организаций различных направлений. Осенью 1901 г. группа «Борьба» оформилась в самостоятельную литературную группу. В своих изданиях она извращала революционную теорию марксизма, враждебно выступала против ленинских принципов организации и тактики русской революционной социал-демократии. Решением II съезда РСДРП группа «Борьба» была распущена, а на съезд не была допущена. — 167.

⁷⁵ Имеется в виду побег 10 искровцев (Н. Э. Бауман и др.) и эсера Плесского из киевской Лукьяновской тюрьмы в августе 1902 г. — 174.

⁷⁶ «Освобождение» — двухнедельный журнал, издававшийся за границей с 18 июня (1 июля) 1902 г. по 5 (18) октября 1905 г. под редакцией П. Б. Струве. Журнал являлся органом русской либеральной буржуазии и последовательно проводил идеи умеренно-монархического либерализма. В 1903 г. вокруг журнала сложился (и в январе 1904 г. оформился) «Союз освобождения», просуществовавший до октября 1905 г. Наряду с земцами-конституционалистами «освободенцы» составили ядро образовавшейся в октябре 1905 г. конституционно-демократической партии (кадетов) — главной буржуазной партии в России (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 453—454). — 175.

⁷⁷ Группа «Свобода» была основана Е. О. Зеленским (Л. Надеждиным) в мае 1901 г.; именовала себя «революционно-социалистической» группой. Проповедовала идеи терроризма и «экономизма», выступала в блоке с петербургскими «экономистами» против «Искры» и Петербургского комитета РСДРП. Группа издавала в Швейцарии журнал «Свобода» (вышло два номера: № 1 в 1901 г. и № 2 в 1902 г.). В. И. Ленин относил группу «Свобода» к числу «беспочвенных группировок», которые не имели «ни прочных, серьезных идей, программы, тактики, организации, ни корней в массах...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 221). Группа прекратила свое существование в 1903 г. (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 460). — 177.

⁷⁸ На II съезде РСДРП от Московской организации РСДРП в апреле 1903 г. было избрано два делегата: Н. Э. Бауман, находившийся за границей, и член МК РСДРП Л. С. Цейтлин. Последний, в отличие от Н. Э. Баумана, стоявшего на съезде на ленинских позициях, колебался между большевиками и меньшевиками, склоняясь чаще всего к меньшевикам. — 182.

⁷⁹ Ванновский П. С. (1822—1904) — генерал царской армии, в 1882—1898 гг. — военный министр. В 1899 г. был председателем комиссии по расследованию причин студенческих волнений в высших учебных заведениях. В 1901—1902 гг. — министр народного просвещения. В целях успокоения студенчества прибегал к демагогической тактике. Проводя незначительные реформы в области

просвещения, Ванновский продолжал применять репрессии против революционного студенчества.— 189.

⁸⁰ «Гражданин» — реакционный журнал; выходил в Петербурге с 1872 по 1914 г. С 80-х гг. XIX в.— орган крайних монархистов; редактировался князем С. П. Мещерским, финансировался правительством. Имел незначительное распространение, но оказывал влияние на чиновно-бюрократические круги.— 189.

⁸¹ Алексеев П. А. (1849—1891) — известный рабочий-революционер 70-х гг. В 1873 г. входил в революционный рабочий кружок в Петербурге за Невской заставой. С ноября 1874 г. принимал активное участие в революционной пропаганде среди рабочих в Москве. В апреле 1875 г. был арестован и после двухлетнего пребывания в тюрьме судим по «процессу 50-ти». На суде Петр Алексеев отказался от защитника и произнес революционную речь, которую закончил предсказанием неизбежного падения царского самодержавия. Речь неоднократно издавалась и нелегально распространялась и оказала значительное влияние на революционное движение в России. 14 марта 1877 г. Алексеев был приговорен к 10 годам каторги, а затем поселен в глухом улусе Якутской области, где 16 августа 1891 г. был убит с целью грабежа.— 192.

⁸² «Московский листок» — ежедневная газета реакционного направления. Выходила в Москве в 1881—1918 гг. Одна из первых в России бульварных газет, специализировалась на публикации скандально-развлекательных материалов с целью отвлечь обывателя от злободневных вопросов общественно-политической жизни. В 1905—1907 гг. газета клеветала на революционных рабочих. Закрыта Советской властью в январе 1918 г. за контрреволюционную пропаганду.— 195.

⁸³ «Русский листок» — ежедневная газета реакционного направления. Выходила в Москве в 1890—1907 гг., с 1 января 1906 г.— под названием «Русский голос» («Русский листок»). В оценке событий общественно-политической жизни сбивалась на позиции черносотенцев.— 196.

⁸⁴ «Московские ведомости» — одна из старейших газет России. Выходила с 1756 по 1917 г. Вначале издавалась Московским университетом в виде небольшого листка. Направления газеты менялись: в 1779—1789 гг. ее арендовал прогрессивный деятель Н. И. Новиков, под руководством которого газета считалась лучшей в России. С 1863 г., когда редактором стал М. Н. Катков, газета слыла оплотом реакции. В 1905 г. являлась выразительницей черносотенных взглядов. Во время стачки печатников в сентябре 1903 г. газета печаталась солдатами-наборщиками.— 196.

⁸⁵ «Русские ведомости» — газета; выходила в Москве с 1863 г., выражала взгляды умеренно либеральной интеллигенции, отстаивая необходимость реформ, которые должны были превратить Россию в конституционную монархию.— 196.

⁸⁶ Имеется в виду Ростовская стачка в ноябре 1902 г., вылившаяся в широкое политическое выступление рабочих. Стачка началась по призыву Донского комитета РСДРП и 6—7 ноября стала общегородской. Бастующие и рабочие других городов собирались на массовые митинги (20—30 тыс. человек). Начавшись как экономическая, стачка превратилась в политическую. На митинге была принята резолюция с требованием свержения самодержавия. 11 ноября полиция и казаки зверски расправились с собравшимися на очередной митинг рабочими: 6 человек было убито и 17 — ранено. Это вызвало волну негодования. Митинги в Ростове-на-Дону продолжались еще две недели. В знак солидарности с ростовскими рабочими забастовали рабочие ряда других городов. Ростовская стачка прекратилась лишь 26 ноября 1902 г. Оценивая Ростовскую стачку 1902 г., В. И. Ленин писал, что «пролетариат впервые противопоставляет себя, как класс, всем остальным классам и царскому правительству» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 251).— 211.

⁸⁷ Доклад второго делегата от Московской организации РСДРП Л. С. Цейтлина (Вейсмана) охватывает период с весны 1902 г. до лета 1903 г. (см.: ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 24, оп. 4 н, д. 1362, л. 1—8).— 221.

⁸⁸ Так называемая патриотическая манифестация рабочих Москвы к памят-

нику Александра II в Кремле была организована зубатовцами при поддержке московских властей 19 февраля 1902 г. В манифестации участвовало более 50 тыс. человек.— 222.

⁸⁹ Л. Н. Рума — один из деятелей московского «Рабочего союза». Арестован 6 июля 1896 г., а затем был завербован охранным отделением (С. В. Зубатовым) и стал провокатором.— 223.

⁹⁰ За решения II съезда РСДРП против меньшевиков голосовали 12 комитетов из 14 высказавшихся. Кроме Московского комитета аналогичные резолюции были приняты также 11 другими комитетами: Петербургским, Екатеринославским, Северным, Кавказским союзным, Нижегородским, Саратовским, Тульским, Тверским, Орловским комитетами, воронежской «Кассой борьбы» и социал-демократической группой Риги.— 227.

⁹¹ Имеется в виду работа В. И. Ленина «Письмо к товарищу о наших организационных задачах», в которой он развил и конкретизировал свой план организации партии (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 1—32). Впервые письмо было напечатано на гектографе в 1902 г. В 1904 г. с предисловием и послесловием Ленина оно было издано ЦК РСДРП в Женеве.— 228.

⁹² Речь идет о совещании, созванном по инициативе В. И. Ленина во второй половине июля (ст. ст.) 1904 г. в окрестностях Женевы (Швейцария). На совещании присутствовали В. И. Ленин, Н. К. Крупская, М. С. Ольминский, М. Н. Лядов, П. Н. Лепешинский и другие — всего 19 человек. К решениям этого совещания вскоре присоединились еще три большевика, и обращение «К партии» вышло от имени 22-х большевиков. Написанное В. И. Лениным обращение «К партии» стало для большевиков программой борьбы за созыв III съезда партии.— 229.

⁹³ См. примеч. 36.

⁹⁴ «Южный рабочий» — социал-демократическая газета, издавалась нелегально с января 1900 г. по апрель 1903 г. группой того же названия; вышло 12 номеров. Редакторами и сотрудниками газеты в разное время являлись И. Х. Лалаянц, А. Вилеский («Илья»), О. А. Коган (Ерманский), Б. С. Цейтлин (Батурский), Е. Я. и Е. С. Левины, В. Н. Розанов и другие. Первые два номера имели подзаголовок «Екатеринославская рабочая газета». С № 3 газета становится «органом рабочего движения юга России». Типография газеты постоянно меняла свое местопребывание и находилась в Екатеринославе, Смоленске, Кишиневе, Николаеве и других городах. Выступая против «экономизма» и терроризма, отстаивая необходимость развертывания массового революционного движения, «Южный рабочий», в противовес искровскому плану создания в России централизованной марксистской партии вокруг общерусской политической газеты, выдвигал план восстановления РСДРП путем создания областных социал-демократических объединений. С этой целью в декабре 1901 г. был созван съезд комитетов и организаций РСДРП юга России, на котором был создан «Союз южных комитетов и организаций РСДРП». Его органом стала газета «Южный рабочий». Однако после массовых провалов весной 1902 г. «Союз» распался. Осенью 1902 г. группа «Южный рабочий» заявила о солидарности с «Искрой». На II съезде РСДРП делегаты группы «Южный рабочий» заняли позицию «центра» («болото»). II съезд распустил группу «Южный рабочий», как и все отдельные социал-демократические группы и организации (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 499—500).— 230.

⁹⁵ Новая «Искра» — в отличие от старой «Искры» (декабрь 1900 г.— ноябрь 1903 г.), основанной В. И. Лениным и сыгравшей решающую роль в создании революционной марксистской партии рабочего класса России, новой «Искрой» газета стала называться с № 52 (ноябрь 1903 г.), после захвата ее меньшевиками. Новая «Искра» стала в руках меньшевиков орудием борьбы против революционной марксистской партии, трибуной для проповеди оппортунизма. Газета выходила до октября 1905 г.— 231.

⁹⁶ Совет партии (1903—1905) создан согласно Уставу партии, принятому на II съезде РСДРП, как высшее партийное учреждение, призванное согласовывать и объединять деятельность ЦК и редакции ЦО, восстанавливать ЦК и редакцию

ЦО в случае, если выбывает весь состав одного из этих учреждений, а также представлять партию в сношениях с другими партиями. Совет обязан был созывать партийные съезды в установленный Уставом срок или досрочно по требованию партийных организаций, имеющих вместе право на половину голосов на съезде. Совет партии состоял из пяти членов, один из которых назначался съездом партии, два — Центральным Комитетом и два — редакцией Центрального органа. II съезд РСДРП избрал пятым членом Совета партии Г. В. Плеханова. В. И. Ленин первоначально входил в Совет партии от редакции ЦО, а после выхода из редакции «Искры» — от ЦК. После поворота Г. В. Плеханова в сторону оппортунизма и захвата меньшевиками редакции ЦО Совет партии стал орудием борьбы меньшевиков против большевиков. III съезд РСДРП (апрель 1905 г.) в принятом Уставе устранил троцентризм (Совет партии, ЦК и ЦО) и утвердил единственным руководящим центром партии в периоды между съездами ЦК, назначающий и редакцию ЦО; а Совет партии был упразднен (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 425).— 231.

⁹⁷ См. примеч. 71.

⁹⁸ Речь идет о статье «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция» («Искра», № 70 и 71).— 233.

⁹⁹ Вероятно, имеется в виду статья П. Б. Аксельрода «Объединение российской социал-демократии и ее задачи», опубликованная в новой «Искре» (№ 55, 57), и фельетоны Л. Троцкого «Наша «военная» кампания в «Искре» № 62 и «Ответ на «Письмо в редакцию» в № 68.— 238.

¹⁰⁰ Речь идет о так называемой «Июльской декларации ЦК», т. е. постановлении, незаконно (без ведома двух членов ЦК: В. И. Ленина и Р. С. Землячки) принятого примиренческой частью ЦК (Л. Б. Красным, В. А. Носковым и Л. Е. Гальпериным) в июле 1904 г. В этом постановлении примиренцы признали кооптированный Г. В. Плехановым состав меньшевистской редакции новой «Искры», выступили против созыва III съезда РСДРП, распустили Южное бюро ЦК РСДРП, проводившее агитацию за созыв съезда, лишили В. И. Ленина прав заграничного представителя ЦК и запретили печатать его произведения без разрешения коллегии ЦК. Принятие «Июльской декларации» означало полную измену решениям II съезда РСДРП со стороны примиренческой части ЦК и их открытый переход на сторону меньшевиков. В. И. Ленин выступил с резким протестом против «Июльской декларации» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 22—23, 115—125). Многие местные комитеты РСДРП, в том числе Московский, поддержали В. И. Ленина и решительно осудили «Июльскую декларацию».— 239.

¹⁰¹ Под «колониальными дрязгами» имеется в виду антипартийная деятельность меньшевиков в заграничных организациях (эмигрантских колониях) (см.: Третий съезд РСДРП: Сборник документов и материалов. М., 1955, с. 683).— 240.

¹⁰² Солидарность с российскими оппортунистами в организационных вопросах продемонстрировали К. Каутский («Искра» № 66, 1904) и Р. Люксембург («Искра» № 69, 1904).

¹⁰³ См. примеч. 95.

¹⁰⁴ Имеется в виду постановление Совета партии от 5(18) июня 1904 г., опубликованное в новой «Искре» № 68, согласно которому комитеты партии были не обязаны принимать в свой состав кандидатов, предлагаемых ЦК РСДРП (см.: Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг. М., 1977, т. 3, с. 99).— 241.

¹⁰⁵ Имеются в виду рабочие А. А. Баstryгин, П. И. Мельников и Ф. М. Скворцов, четвертый рабочий не установлен.— 242.

¹⁰⁶ Стачка московских печатников началась 9 сентября 1903 г. (ст. ст.) в ответ на арест полицией руководителей нелегальных собраний печатников, на которых вырабатывались требования рабочих к готовящейся забастовке. В ходе забастовки полиция арестовала 379 рабочих. 12 сентября печатники под угрозой увольнения приступили к работе. Стачка печатников явилась важным событием в истории рабочего движения в Москве. В ней приняло участие более 5 тыс. ра-

бочих около 90 типографий. Накапуше и в ходе стачки был образован нелегальный профсоюз печатников Москвы — Союз московских типолитографских рабочих. — 243.

¹⁰⁷ См. примеч. 84.

¹⁰⁸ Подразумеваются члены ЦК РСДРП в Киеве. — 243.

¹⁰⁹ Речь идет о разосланном в декабре 1903 г. письме редакции новой «Искры» к комитетам РСДРП, в котором сообщалось об изменении состава редакции Центрального органа, избранного II съездом. Маскируя борьбу мартовцев за места в центральных учреждениях партии и их дезорганизаторскую деятельность якобы принципиальными мотивами, редакция искажала ленинской организационный план строительства партии. Лживо заверяя комитеты в своей верности принципам старой «Искры», новая редакция призвала их к тесному сотрудничеству (см.: Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг. М., 1975, т. 2, с. 35). — 243.

¹¹⁰ Имеется в виду «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» В. И. Ленина (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 1—82). — 243.

¹¹¹ Вероятно, речь идет о Н. Э. Баумане, который из-за установленной охранкой слежки за ним собирался выехать из Москвы. — 244.

¹¹² Имеется в виду принятый 7 июня 1904 г. царским правительством закон «О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового уголовного уложения», предусматривавший возможность замены внесудебных административных наказаний за «политические преступления» судебным разбирательством с применением к политическим заключенным статей уголовного кодекса. — 245.

¹¹³ Речь идет о примиренцах. — 246.

¹¹⁴ См. примеч. 100.

¹¹⁵ Имеется в виду решение о кооптации в ЦК РСДРП в то время занимавших примиренческую позицию И. Ф. Дубровинского, А. И. Любимова и Л. Я. Карпова. — 246.

¹¹⁶ Речь идет об опубликованном в газете «Искра» (№ 68) решении июньской сессии Совета партии 1904 г., ограничивающем право ЦК РСДРП вводить в местные комитеты новых членов. — 246.

¹¹⁷ См. примеч. 92.

¹¹⁸ «Освобожденцы» — сторонники умеренно монархического либерализма, группировавшиеся вокруг издававшегося ими журнала «Освобождение» (см. примеч. 76). — 257.

¹¹⁹ Струве П. Б. (1870—1944) — русский буржуазный экономист и публицист, в 90-х гг. XIX в. — виднейший представитель «легального марксизма». Критикуя народничество, выступал с позиций вульгарной буржуазной политической экономии с «дополнениями» и «критикой» учения К. Маркса. В начале 900-х гг. окончательно порвал с марксизмом и социал-демократией, перешел в лагерь либералов, был одним из теоретиков и организаторов буржуазно-либерального «Союза освобождения» (1904—1905) и редактором его нелегального органа «Освобождение» (1902—1905). С образованием в 1905 г. партии кадетов был членом ее ЦК. После поражения революции 1905—1907 гг. — лидер правого крыла либералов; с начала первой мировой войны 1914—1918 гг. — один из агрессивных идеологов российского империализма. После Великой Октябрьской социалистической революции — ярый враг Советской власти, член контрреволюционного правительства Врангеля, белоэмигрант. — 280.

Приложения

¹²⁰ На этом собрании, происходившем в Капцовском училище на квартире Е. К. Павликовской, был образован первый Московский комитет РСДРП в составе братьев В. А. и А. А. Ванновских и К. В. Ситнина. — 293.

¹²¹ «Вперед» — киевская рабочая газета, одна из первых социал-демократических газет в России; выходила в 1897—1900 гг.; всего вышло 10 номеров. Первые два номера (1897 г.) были изданы киевской социал-демократической группой «Рабочее дело» (Ю. Мельников, П. Б. Эйдельман, Н. Вигдорчик). Начиная с третьего номера газета выходила как орган киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (после I съезда — комитета РСДРП). Газета не носила четко выраженного политического характера. Последние номера газеты выражали явно «экономистское» направление (см.: Первый съезд РСДРП: Документы и материалы, М., 1958, с. 330). — 293.

¹²² М. Афанасьев — в 1901 г. и после один из рьяных приверженцев зубатовской организации в Москве под названием «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве». — 297.

¹²³ Весной 1899 г. МК РСДРП через землемера В. Д. Новодворского поставил в г. Тамбове в его доме нелегальную типографию, в которой в апреле того же года было отпечатано 1500 экземпляров написанной Г. В. Плехановым первомайской листовки «Наш светлый праздник» за подписью комитета (ЦГАОР СССР, ф. 124, 1899 г., д. 30, л. 123 об., 129). Типография была демонтирована осенью 1899 г. — 297.

¹²⁴ Брошюра В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах...» в 1899 г. широко распространялась в Москве в революционной среде. — 297.

А

Абсолют — см. Стасова Е. Д.
Август — см. Красиков П. А.
Адамович Е. Н. — 15
Аксельрод П. Б. — 22, 73, 238, 243, 245, 247
Аксенов А. — 279
Александр II — 204, 205
Александр III (Романов) — 113, 258, 286
Александр Александрович — см. Хатунцев В. Н.
Александров М. — 293
Александрова М. С. — 14
Алексеев (Комаров) В. — 279
Алексеев П. А. — 192
Альшанский — 193
Ананьев В. И. — 281
Андреев Н. — 15
Аносов — 193
Аносов — 30
Анофриев В. И. — 76
Антонов — 217
Апполинария — см. Захарова К. И.
Арманд Б. Е. — 288, 289, 290
Астырев Н. М. — 30, 277
Афанасьев М. — 14, 191, 192, 198, 200, 201, 205, 222, 297
Афанасьев Ф. А. — 42, 43, 87

Б

Бабаджан И. С. — 66, 67, 288, 290
Бабушкин И. В. — 83, 144, 145, 150, 153, 154, 156, 158, 159, 298, 299, 300
Багаев М. А. — 154
Базаров В. А. — 76, 77, 160
Бакунин А. И. — 162
Бакунин М. А. — 19

Балакирева — 30
Балмашов С. В. — 212
Барабаш А. — 29
Баранов — 149
Баранцевич А. — 54, 55
Баратынский Л. А. — 270, 271
Барбасон — см. Колчин Д.
Барулин Е. И. — 242, 299, 300
Барышников А. А. — 299, 300
Батурин — 193, 289, 290
Батурин В. Н. — 10
Батурин Н. — 12
Батырев В. И. — 86, 90
Бауман Н. Э. — 79, 83, 84, 91, 92, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 163, 164, 174, 182, 236, 243, 245, 246
Бебель Август — 238
Безруков Ф. — 279
Безходарный — 66
Белов — см. Цейтлин Л. С.
Белоусов — 81
Бельтов — см. Плеханов Г. В.
Берг — см. Мартов Ю. О.
Бердяев Н. С. — 17, 40, 269
Бернштейн Э. — 138
Биронт Л. И. — 69, 79, 81, 166, 180, 277, 281
Биск И. С. — 293, 294, 295
Блинов Н. И. — 278
Блос Вильгельм — 41
Блюменфельд И. С. — 149, 150, 157
Богдан — см. Бабушкин И. В.
Боголепов И. П. — 166
Боголепов Н. П. — 164
Богомол — 36
Богомолов А. М. — 44, 279, 287
Богословский А. Ф. — 293

Бойе К. Ф.— 33, 35, 43, 46, 50, 52, 53,
55, 60, 61, 62, 68, 273, 274, 275, 279,
281
Бойе М. Ф.— 46, 55
Бойе Ф. Ф.— 43, 46, 52, 55, 274, 279,
281
Бомер — см. Дан Ф. И.
Бонар Р.— 90
Бонч — см. Бонч-Бруевич В. Д.
Бонч-Бруевич В. Д.— 52, 81, 247, 249,
286
Борисов — 43
Борисов А. П.— 297, 298
Боткин — 107
Бочкарев И. И.— 14
Бриллинг А. Р.— 65, 66, 287, 289
Бродяга — см. Сильвинн М. А.
Брунов — 245
Бугров И. В.— 299, 300
Буканов Д. М.— 281
Булгаков — 198, 200

В

Вайнштейн С. Л.— 79, 80, 81, 82, 169,
175, 176, 178, 180
Валентин — см. Гальперин Л. Е.
Ванеев А. А.— 28, 29
Ванновский А. А.— 293, 295
Ванновский В. А.— 293, 295
Ванновская О. А.— 295
Ванновский П. С.— 189
Варыпаев С. А.— 295
Варыпаева А. Н.— 293, 295
Васильев И.— 294
Вашков Н. Р.— 66, 288, 290
Вейхель К. А.— 44, 51, 122, 275, 281
Величкин Н. М.— 289
Вержболович — 49
Ветрова — 146
Виноградов — 189
Винокуров А. Н.— 18, 21, 29, 30, 31,
32, 33, 34, 35, 39, 42, 46, 47, 48, 49,
51, 52, 55, 56, 269, 275, 276, 277.

Винокурова П. И.— 21, 29, 30, 31,
33, 35, 39, 56, 276, 277, 281
Владимирский М. Ф.— 11, 14, 70, 74
Власева А. А.— 72
Власовский А. А.— 268, 269, 272
Вогау О.— 107
Водогинский Х. М.— 293, 294, 295
Войлошиников А. И.— 77
Войнич Этель Лиллиан — 44
Волгин — см. Плеханов Г. В.
Вольский — 12
Вормс А. Э.— 83, 152, 153
Воробьев — 43
Воробьев А. Н.— 299, 300
Воровский В. В.— 66, 249, 288, 289,
290
В. В.— см. Воронцов В. П.
Воронцов А.— 133
Воронцов В. П.— 10, 17, 22, 26, 27,
29, 38
Воронцов И. И.— 242

Г

Гаврилов И. Г.— 294
Гальберштадт Р. С.— 181
Гальперин Л. Е.— 245
Ганшин А. А.— 10, 12, 20, 22, 28, 65,
66, 67, 68, 69, 275, 276, 277, 280
Ганшин С.— 12
Гауттман Гергарт — 12, 16, 67
Гаухман Я. П.— 146
Гегель Георг Вильгельм Фридрих —
56
Гед Жюль — 36, 58, 289, 290
Герасимов В. Г.— 101, 102
Герцен А. И.— 49
Герценберг Ф. Г.— 90
Герье В. И.— 180
Гинсбург Я.— 277
Гириш — 24, 41
Гоби (Шнитникова) Л. Х.— 249, 250
Годунов М. А.— 242, 299, 300
Голицын К.— 275

Голубева (Яснева) М. П.— 23, 24,
25, 27
Голубков — 40
Гольдблат — 193
Гольдман Б. И.— 181
Гольцев В. А.— 59
Гончаров П.— 288
Гоппер В. Я.— 132
Горбачева М.— 281
Горбунов И.— 288
Горький А. М.— 175
Горюшин М. А.— 285
Гофшодт — Гоштовт Г. В.— 180
Грач — см. Бауман Н. Э.
Грибков — см. Мещеряков Н. Л.
Григорьев — см. Бауман Н. Э.
Григорьев М. Г.— 15, 18
Гриневич — 55
Громан Б. Г.— 58
Гузиков А.— 278
Гузев М. Д.— 180
Гурвич В. В.— см. Кожевникова В. В.
Гусаров Ф. В.— 245
Гусарова — 83
Гусев Н. И.— 74
Гусс Иоанн — 41
Гюго Виктор — 44

Д

Давыдов И. А.— 17, 30, 31, 32, 33,
34, 35, 38, 39, 50, 57, 77, 277
Давыдов И. М.— см. Давыдов И. А.
Дан Ф. И.— 165, 166
Даниельсон Н. Ф.— 23
Джамгаровы — 188
Девилл Габриэл — 36
Дементьев Е. М.— 16
Ден — 83
Денисов И. В.— 269, 275, 281
Деренго Е. И.— 272
Дивногорские — 79, 80
Директор — см. Радченко С. И.
Добролюбов Н. А.— 188
Добрынин М.— 278

Дроздов Н.— 291
Дубровинский И. Ф.— 290, 291
Дурново И. Н.— 270
Дурново П. Д.— 31, 36, 39, 48, 68,
69, 276, 277, 279, 280

Е

Егоров (Вечеслов М. Г.) — 151, 160
Езерский Н. Ф.— 152, 153
Екатерина Павловна — см. Медведева К. П.
Елагин А.— 12
Елагин В.— 12
Елизаров М. Т.— 16, 67
Ермолов — 196

Ж

Жбанков — 83, 84
Жданов В. А.— 30, 33, 35, 37, 52, 269
Жданова (Иванова) С. А.— 35, 36
Желвакова Н. А.— 69, 277, 281
Жилкин — 198, 205
Жозефина — см. Воровский В. В.
Журавель А. Ф.— 296, 297

З

Зайцевский — 28
Зайчик — см. Окулов Г. И.
Залеская — 17
Запорожец П. К.— 28
Засулич В. И.— 12, 127
Захаров (Ульянов) А. М.— 299, 300
Захарова К. И.— 154, 184
Зволянский С. Э.— 283
Зверь — см. Эссен М. М.
Землячка Р. С.— 244, 248
Зибер Н. И.— 30
Зубатов С. В.— 12, 77, 83, 87, 141,
152, 191, 192, 197, 198, 200, 201,
202, 203, 212, 215, 222, 223

И

- Иван Сергеевич* — см. Бауман Н. Э.
Иванов — 40
Иванов Г. Ф.— 297, 298
Иванов И. И.— 289
Иванов Н. И.— 289
Иванов С.— 36
Иванов С. К.— 36
Иванов Ф.— 278
Иванова А. К.— 36
Иванюков И. И.— 56
Иващенко А. П.— 283
Игнатьев Ф.— 288
Ильин — см. Ленин В. И.
Илья — 55
Ильичев А. Т.— 297, 298
Иогансон А. А.— 293
Ирина — см. Гоби (Шнитникова)
 Л. Х.

К

- Каблуков Н. А.*— 19
Каверин В. М.— 280
Калафати Д. П.— 30, 31, 32, 33, 34,
 35, 39, 50, 269, 275
Калачевская Л. К.— 284, 285, 286
Калугина П.— 29
Каменская-Липшинская — см. Ко-
 жевникова В. В.
Каммер Е. Е.— 288, 290
Кант Иммануил — 56
Канцель Л. О.— 163, 164, 165, 184
Карагодин Д. И.— 290
Каракозов (Губинский) И. И.— 299,
 300
Карасева А. С.— 13, 296, 297, 298
Карасева М. С.— 13, 297, 298
Кареев Н. И.— 38
Карпов Л. Я.— 293, 294, 295
Карпович П. В.— 164
Карпузи А. Д.— 50, 55, 62, 68, 70,
 275, 276, 277, 279, 280

- Карпузи П. С.*— 68, 277, 280, 281
Карташев Н. Н.— 83
Катаев — 27
Каутский Карл — 12, 36, 46, 56, 238,
 247, 295
Кварцев Б. А.— 48
Келлер Б. А.— 269, 275
Кентман — 293
Керенский А. Ф.— 11
Кибардин — 25
Кириллов Н. Е.— 133
Кирпичников — 189
Кирпичников А. В.— 10, 12, 31, 36,
 57, 62, 67, 68, 69, 70, 273, 276, 277,
 279, 280, 281
Клеветский — 80
Клейгельс Н. В.— 203
Киселев Ф. А.— 288
Ключевский В. О.— 189
Книпович Л. М.— 244
Кнунянц Б. М.— 236, 244, 246
Кобылинский — 76
Коган-Гриневиц М. Г.— 161
Кожевникова В. В.— 81, 82, 169, 172,
 173, 174, 175, 177, 178, 179, 180
Кожин — 287
Козлов — 43
Козлов А. Ф.— 278
Козловский А. П.— 277
Кол — см. Ленгник Ф. В.
Колокольников П. Н.— 48, 52, 70, 71
Кольцов Л.— 294
Кольцов С. К.— 273
Колчин Д.— 274, 281, 282, 288
Константинов — 47
Константинов Б.— 277, 280
Коншин — 188
Корвин-Круковский — 36
Королев С. В.— 274, 281
Корольков Н. Е.— 297, 298
Корчагин Н. А.— 284, 285, 286, 287,
 288
Косарев А. И.— 278
Косарев С. З.— 297, 298

Костя — см. Гальберштадт Р. С.
Котельниковы — 188
Котов — 66
Красавец — см. Крохмаль В. Н.
Красивский — 87, 191, 192, 198, 200,
205, 222
Красиков П. А. — 82, 247
Красин Г. Б. — 28
Кремневы — 272
Кремер А. И. — 12
Кржижановская З. П. — 176
Кржижановский Г. М. — 28
Кривенко С. Н. — 22, 23, 29
Крохмаль В. Н. — 163
Круковский Г. М. — 30, 32, 33, 34
Крупская Н. К. — 146, 156, 158, 165,
166, 174, 183, 242, 243, 244, 245,
246, 248, 250
Кудрин А. Н. — 275, 281, 288
Кудряшов Н. Н. — 91
Кузнецов С. — 275, 281
Кум — см. Ленгник Ф. В.
Куманин — 58
Куняев П. П. — 77
Кусков П. И. — 39
Кускова Е. Д. — 37, 39
Куш — см. Чекеруль-Куш
Куш А. — см. Чекеруль-Куш А.
Куш К. — см. Чекеруль-Куш К.
Кушенский Н. Е. — 17

Л

Лаврентий — 91, 92
Лавров П. Л. — 19, 29, 40, 55
Лакур Е. Э. — 66, 281
Ланкялис — 117
Лалин К. К. — 299, 300
Ларионов Я. — 287
Лассаль Фердинанд — 29, 44, 65, 295
Лафарг Поль — 36, 72
Лебедева Л. — 36
Лебедева Н. — 36
Лебедева Н. Н. — 269
Левин Е. Я. — 179

Левит М. З. — 70, 277, 281
Ленин В. И. — 10, 13, 15, 16, 17, 18,
19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 29,
31, 32, 58, 66, 67, 90, 150, 158, 162,
166, 167, 168, 169, 227, 229, 235,
236, 237, 242, 243, 245, 246, 247,
248, 249, 251
Леккерт (Лекух) Г. Д. — 212
Леман М. Н. — 244
Леман (Смидович) И. Г. — 144, 145,
146, 154, 163
Ленгник А. М. — 249
Ленгник Ф. В. — 236, 245, 246, 248,
249, 250
Леонид — см. Жбанков
Лепешинская О. Б. — 175
Лепешинский П. Н. — 82, 146
Лецинский М. — 86, 90
Либкнехт Карл — 289
Лидерт М. Ф. — 36
Лиза — см. Леман М. Н.
Лина — см. Биронт Л. И.
Липшинская, Каменская — см. Ко-
жевникова В. В.
Лопухин А. А. — 40
Лосицкий — 37
Лукашевич А. М. — 13, 14, 67, 72, 74
Лукьянчикова В. К. — 285
Луначарский А. В. — 14, 74, 75
Луначарский П. В. — 14, 74
Луначарская С. Н. — 14
Лунев В. В. — 278
Луңц Г. М. — 180
Любютер А. И. — 293, 295
Лютер Мартин — 41
Лядов М. Н. — 21, 22, 30, 31, 32, 33,
34, 35, 39, 42, 45, 46, 51, 53, 56, 59,
68, 69, 70, 273, 274, 275, 276, 277,
278, 279, 280, 281, 282, 288
Ляпунов А. Н. — 293, 295

М

Маклаков — 40
Маклаков А. Ф. — 249, 288

Мазурин К. М.— 101, 102
Макс — см. Бауман Н. Э.
Малахов Г. С.— 133, 270
Малинин Н. И.— 288, 289, 290, 293,
294, 295
Малинов Д. Я.— 279
Мальберге — 107
Малченко А. Л.— 20, 28
Малянтович П. Н.— 40
Манаков — 289
Мандельштам Г. Н.— 30, 32, 33, 34,
35, 51, 275, 277, 281
Мендельштам — см. Лядов М. Н.
Манн — 287
Мария Ильинична — см. Ульянова
М. И.
Маркс Карл — 11, 12, 16, 23, 27, 30,
34, 36, 37, 46, 56, 58, 65, 138, 273,
286, 289
Мартов Л.— см. Мартов Ю. О.
Мартов Ю. О.— 13, 156, 178, 227, 243
Масленников А. Н.— 10, 20, 22, 28,
29, 57, 65, 66, 67, 68, 69, 275, 276,
277, 279, 280
Масленников В. Н.— 10, 20, 22, 28,
29, 57, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 275,
276, 277, 279, 280
Масленников Ю.— 12
Маслов М. П.— 278
Махлин (Соколовский) Л. Д.— 243
Махновец (Брукэр) Л. П.— 75
Машин — 58
Медведева К. П.— 92, 145, 245
Мешков А.— 133
Мещерский В. П.— 189
Мещеряков Н. Л.— 81, 82, 177, 179
Милюков П. Н.— 59
Милявский В. А.— 293, 295
Минятов К. А.— 291
Мирлобов Н. А.— 46, 48, 49, 50, 54,
55, 69
Миртов — см. Лавров П. Л.
Митины — 67
Митрофан — см. Гусаров Ф. В.
Михайловский Н. К.— 10, 22, 23, 28,

29, 38, 58
Мицкевич С. И.— 10, 12, 15, 28, 29,
30, 31, 32, 33, 34, 35, 39, 42, 45, 46,
47, 48, 49, 51, 52, 54, 55, 56, 67,
68, 118, 269, 275, 276, 277, 278, 280,
281, 288
Могилянский М. М.— 21
Мокроусов — 57
Мокроусова П. С.— 51, 52, 62
Моргунов М. П.— 133
Морозов С. Т.— 159
Московский И. Д.— 272
Могин И.— 46
Муравьев Н. В.— 296, 298, 300
Муравьев Н. К.— 293
Муралов И.— 29
Муралова С. И.— 29, 33, 50, 56
Муринов — 24

Н

Нагурская Е. В.— 180
Надувалкин С. С.— 300
Названов М. К.— 28
Нарышкин — 278
Наташа — см. Қожевникова В. В.
Наумов Р. Г.— 71, 274, 275, 282, 288
Негурская — см. Нагурская Е. В.
Неклюдов Н. А.— 283
Немчинов Е. И.— 33, 46, 47, 48, 49,
54
Немчинова — 14
Нечаев С. Г.— 295
Никитин А. М.— 11, 70
Никитин В. Д.— 288, 291
Никитинский — 104
Никифоров — 45, 57, 160
Никифоров Л. Л.— 76, 77
Николаев В. И.— 296, 298
Николай (Эрнст) — см. Бауман Н. Э.
Николай II (Романов) — 66, 296, 298
Никольский — 80, 193
Новиков — 188
Ногин В. П.— 82, 154
Нозин Т. П.— 83
Носков В. А.— 152

О

Обух В. А.— 84
Озеров — 289
Озеров И. Х.— 76, 83
Окулич — 16
Окулова-Геодорович Г. И.— 81, 144, 174, 175
Олигер (Лебедева) М. Н.— 180
Оля — см. Шнеерсон Ф. А.
Орлов (Рузов) А. Г.— 86, 181, 182, 183, 184
Орлов А. Н.— 11, 12, 46, 242, 284, 285, 286, 287, 289
Орлов Г.— 71
Орлов Н. П.— см. Бауман Н. Э.
Орлов Т. Ф.— 285, 286
Орлова Л. К.— 11
Осипова В. М.— 166
Осадчий — 270, 271

П

Павликовская Е. К.— 293, 294, 295
Павликовская О. К.— 295
Павлов — 12
Павлов А. И.— 299, 300
Павлов К. П.— 296, 297, 298
Панов И. А.— 79, 80
Панюгина — 81
Пеньевская Е. М.— 57
Пеньевская Е. П.— 41
Пеньевские — 36
Первухин С. А.— 293, 295
Перлов — 107
Петров — 160
Петров М. П.— 42, 52, 281
Петров Н. И.— 268
Петрова Е. А.— 276, 280
Петрова — 68, 69, 180
Петровский Н. М.— 79
Писарев Д. И.— 66
Плесский — 174
Плеханов Г. В.— 19, 20, 38, 58, 59, 66, 67, 75, 90, 237, 238, 243, 245, 289

Покровский — 180
Поletaев — см. Бауман Н. Э.
Поляков — 133
Поляков Ф. И.— 33, 35, 43, 49, 50, 52, 53, 55, 60, 61, 62, 71, 273, 275, 279, 280, 281, 282, 288
Полянский Е. В.— 285, 286
Померанец С. В.— 293
Попов — 160
Попов И.— 278
Попова Е. И.— 183, 184
Попова Н. И.— 74
Поповы К. и С.— 105, 107
Посников Н. П.— 284, 288
Потехин С. И.— 269
Потресов А. Н.— 13
Праотцевы — 36
Прокопович С. Н.— 37, 39
Прокофьев С. И.— 21, 31, 32, 33, 35, 45, 50, 52, 54, 55, 67, 68, 69, 275, 279 -

Прохоров С. И.— 102, 103, 104, 105, 123, 272, 273
Пуце И. М.— 287
Пушкин А. С.— 188
Пыльцев И. И.— 288

Р

Радин Л. П.— 11, 284, 285, 288
Радченко Л. Н.— 83, 84, 166
Радченко С. И.— 28, 147
Разин С.— 200
Разноцветов — 146
Разоренов — 145
Ратнек — 287
Ратнер А. А.— 293
Ривкин Г.— 88
Рогов С. И.— 55
Рождественский С. В.— 242
Рожкова — см. Рыжкова А. А.
Розанов А. С.— 18
Розанов В.— 13, 33, 72, 79, 291
Розанов Н.— 13, 79

Ролан Э. Х.— 144, 287
Роман — см. Наумов Р. Г.
Романов В. Р.— 289
Романов С. А.— 140, 152, 198, 205, 206, 282
Рубцов И. Е.— 299, 300
Руднев В. А.— см. Базаров В. А.
Рубен — см. Кнунянц Б. М.
Рузов — см. Орлов А. Г.
Рума Л.— 11, 12, 223, 289
Рыбась П. Н.— 144
Рыжкова А. А.— 180
Рыкачев Н.— 290
Рязанов А. И.— 30, 31, 32, 33, 34, 35, 52, 57, 64, 67, 276, 277, 281

С

Сазонов — 77
Самохин Т. Т.— 52
Самсонов (Вольский) Н. В.— 250
Сахаров — 80
Святополк-Мирский П. Д.— 261
Сельдяков С. Д.— 299, 300
Семашко Н. А.— 58
Семенов И. А.— 46, 48, 68
Семенов М. И.— 22
Семенов Н. И.— 68, 284, 285, 286
Семенова Л. П.— 291
Сергей Александрович — см. Романов С. А.
Сергеев И.— см. Бауман Н. Э.
Серебряков — 11
Серебрякова А. Е.— 11, 14, 41, 73, 75, 82, 84
Серебряковы — 13
Серов И.— 46
Сеславинский А. П.— 285
Сильвин М. А.— 20, 249, 250
Симонов Н. А.— 299, 300
Синакевичи — 79
Синицын С. М.— 284, 285, 287, 288
Сиротинский Л. И.— 245
Ситнин К. В.— 293, 294
Скворцов — 37

Скворцов П. Н.— 15, 18
Скворцов Ф. М.— 299, 300
Скворцов-Степанов И. И.— 41, 76
Скирмунт С. А.— 166
Склярченко А. П.— 22
Слепов Ф. А.— 87, 191, 198, 205, 222
Смешнев — 106
Смидович О. Г.— 13, 296, 297
Смидович-Луначарская С. Н.— 73
Смирнов А. И.— 297, 298
Смирнова А. И.— 31, 33, 36, 56, 57, 277, 281
Соколов — 193
Соколовский — см. Махлин Л. Д.
Солодухо К. К. (Абрам Мовшов) — 293, 294
Сомов Е. И.— 180
Соня — см. Кржижановская З. П.
С. М.— см. Спonti Е. И.
Спonti Е. И.— 16, 21, 22, 31, 33, 35, 46, 52, 275, 276, 281
Старик — см. Ленин В. И.
Старуха — см. Вайнштейн С. Л.
Старков В. В.— 28
Стасова Е. Д.— 82, 236, 245, 246, 248, 249
Степан Степанович — см. Хатунцев В. Н.
Струве П. Б.— 13, 38, 66, 260
Сурджанов — 166
Сухов К. М.— 43, 287

Т

Тараева А. М.— 245
Тарсанова Е. Н.— 90
Теккер — 11
Теодорович И. А.— 78, 81, 82, 85, 180
Тесленко Н. В.— 40, 293
Тимирязев К. А.— 189
Ткачев П. Н.— 19
Толстой Л. Н.— 185, 269
Торопов — 166
Тотлебен — 81
Трепов Д. Ф.— 129, 191, 192, 196, 197,

200, 201, 282, 292, 295
Гришкин — 242
Гроцкий Л. Д.— 243, 250
Грусов Н. Г.— 289
Тютчев Н. С.— 27

У

Уварова Е. Н.— 83
Ульянова А. И.— см. Ульянова-Елизарова А. И.
Ульянов В. И.— см. Ленин В. И.
Ульянов Д. И.— 12, 16, 17, 22, 67
Ульянова М. А.— 67
Ульянова М. И.— 16, 67, 145, 297, 298
Ульянова-Елизарова А. И.— 10, 12, 14, 16, 17, 18, 20, 22, 29, 67, 73, 74
Умов — 189
Урбанович В. К.— 289, 290

Ф

Федоров — 66
Федоров — см. Химчук Л. М.
Федоров А. А.— 294
Федоров И. А.— 101, 272, 273, 291
Федосеев Н. Е.— 15
Фидек — 158
Финн А. Ю.— 11, 70, 71, 72
Франк — 68, 70
Фридман — 68, 70
Фурье Франсуа — 40

Х

Хатунцев В. Н.— 66, 288, 289, 290
Хволес Т. Т.— 166
Херсонский — 57
Хинчук Л. М.— 79, 80, 164, 165, 166
Хламеев Д. Д.— 133
Хомяков — 39
Хозецкой (Хозецкий) А. И.— 33, 35, 45, 50, 52, 60, 62, 274, 279, 281

Ц

Царев И. Е.— 288
Цветков — см. Блюменфельд И. С.
Цветов — см. Блюменфельд И. С.
Цедербаум С. О.— 158, 162
Цейтлин Л. С.— 84, 85, 86, 90, 91
Цейтлин М.— 277
Циглер А.— см. Ленгник Ф. В.
Цюрупа Н. Д.— 293, 295

Ч

Чапышнина — 144
Чегодаев Д. Н.— 293
Чекеруль-Куш — 29, 33
Чекеруль-Куш А.— 30
Чекеруль-Куш К.— 30, 35, 39
Чекеруль-Куш Н.— 277
Чернов В. М.— 26, 27, 36, 37, 59
Чернов П. Д.— 288
Черномордик С. И. (П. Ларионов) — 84, 89, 246
Чернышевский Н. Г.— 29
Чичкин Н. В.— 289, 290
Чуров А. И.— 56

Ш

Шанцер В. Л.— 77, 160
Шатриан Эркман — 44
Шатерников Н. Н.— 30
Швейцер Э.— 166
Шелгунов В. А.— 44
Шестаков А. В.— 296, 297, 298
Шеффле (Шефле) Альберт — 29
Шмидт В.— 80
Шнеерсон Ф. А.— 244
Шпионов Ф. В.— 299, 300
Шрамм К. Ф.— 269, 272
Штольц — 43
Штрангман — 287
Шулятников А. Г.— 165, 166

Щ

Щербаковы — см. Щербаков М. А.,
Щербаков С. А.
Щербаков М. А. — 293, 295
Щербаков С. А. — 293, 295
Щербаковский В. М. — 293, 295

Э

Эдельман И. — 293
Эдисон Томас — 286
Энгельс Фридрих — 11, 12, 36, 66,
109, 138, 286, 289
Эрнст — см. Бауман Н. Э.
Эрнст — см. Ролау Э. Х.
Эссен М. М. — 244, 245, 250

Ю

Южаков С. Н. — 10, 22, 23, 29
Юнкер — 183
Юрий — см. Левин Е. Я.
Юрковский Б. А. — 11, 23
Юрковская — 23

Я

Яблочков — см. Ногин В. П.
Яков — см. Цедербаум С. О.
Яковенко А. П. — 180
Яковлев — 200
Якубовская М. Е. — 18
Янишевские — 36
Ястребов П. Н. — 291
Яснева — см. Голубева М. П.

УКАЗАТЕЛЬ УЛИЦ И РАЙОНОВ МОСКВЫ

- Анненгофская роща — 63
 Арбат ул.— 287
 Бронная ул.— 24, 41
 Ваганьковский пер. (Маркса и Энгельса ул.) — 85, 195
 Ваганьковское кладбище — 273
 Воздвиженка ул. (Калинина просп.)— 17, 24, 85, 295
 Воробьевы (Ленинские) горы — 52, 280
 Вятская 2-я ул.— 92
 Гавриков пер.— 183
 Грохольский пер.— 69
 Грузины (историч. район в сев.-зап. части Москвы) — 63
 Даниловская слобода — 272
 Даниловское кладбище — 274, 275, 281, 282
 Косой пер.— 77
 Красносельская ул.— 92
 Красные ворота (Лермонтовская пл.) — 68
 Кузнецкий мост ул.— 185, 186, 188
 Лубянка ул.— 185
 Лубянская (Дзержинского) пл.— 185
 Мещанская 1-я ул. (Мира просп.) — 28
 Молчановка Б. ул.— 39
 Мясницкая (Кирова) ул.— 186
 Мясницкий бульв.— 185
 Неглинный пр. (Неглинная ул.) — 186
 Немецкая (Иноземная) ул.— 43, 50, 51, 55
 Никитская ул.— 143, 185
 Никитские ворота — 294
 Никитский бульв.— 185
 Остоженка (Метростроевская) ул.— 80
 Петровские линии ул.— 36, 66
 Пресня (Красная Пресня) — 54, 77
 Пресня М. ул.— 55
 Расторгуевский пер.— 55
 Рогожская застава (Ильича пл.) — 57, 63
 Рождественка (Жданова) ул.— 185
 Рыкунов (Балакиревский) пер.— 88
 Соколовский (Электрический) пер.— 294
 Сокольники — 57, 63, 69, 88, 276, 280
 Столешников пер.— 188
 Страстная (Пушкинская) пл.— 186
 Тверская (Горького) ул.— 129, 188, 195, 261, 262
 Тверской бульв.— 76, 83, 185, 186, 188, 243
 Театральная (Свердлова) пл.— 185
 Хапиловская (Почтовые Б. и М.) ул.— 287
 Ходынка — 63, 64
 Цветной бульв.— 166, 185
 Чернышевский пр.— 294
 Чистопрудный бульв.— 42, 293, 294
 Яковлевский пер. (Елизаровой ул.) — 16

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Америка — 156
 Аникунова, дер. Смоленской губ.
 Гжатского у.— 294
 Арзамас, гор. Нижегородской губ.—
 269
 Архангельская губ.— 104, 300
 Астрахань, гор.— 153, 156, 158, 159
 Батуми, гор.— 198
 Берлин, гор. (Германия) — 13, 21
 Богородское, с. Московского у.— 88
 Братовщина, ст.— 90
 Брюссель, гор. (Бельгия) — 154
 Вешняки, ст. Московско-Казанской
 ж. д.— 60, 274, 279
 Вильно (Вильнюс), гор.— 16, 151, 158,
 181, 209, 268
 Владимир, гор.— 15, 165, 268
 Владимирская губ.— 66
 Владыкино, с.— 83
 Вологодская губ.— 297, 300
 Воронеж, гор.— 159
 Вязьма, гор.— 79
 Вятка (Киров), гор.— 153, 156
 Вятская губ.— 159
 Германия — 134, 152
 Горки, с. Переяславского у. Влади-
 мирской губ.— 28, 29
 Дальний Восток — 252, 253, 261, 263
 Дерпт — см. Юрьев
 Европа — 134
 Екатериненштадт, слобода Самар-
 ской губ. (гор. Маркс) — 269
 Екатеринодар (Краснодар), гор.— 49
 Екатеринослав (Днепропетровск),
 гор.— 224, 249, 250, 269, 277, 300
 Елабуга, гор.— 153
 Заболотье, дер. Гжатского у. Смолен-
 ской губ.— 294
 Иваново-Вознесенск (Иваново), гор.—
 135, 144, 145, 294
 Измайлово, с. Московского у.— 126,
 273
 Кавказ — 160, 165, 245
 Казань, гор.— 15, 153, 157, 159, 268
 Калуга, гор.— 160, 291
 Кенигсберг (Калининград), гор.— 154
 Киев, гор.— 39, 70, 71, 72, 143, 163,
 164, 165, 224, 268, 293
 Китай — 252
 Кладбище, с. Нижегородской губ.—
 276
 Ключики, с. Московского у. (пос.
 Красноармейский Калининской
 обл.) — 275, 278, 281, 282, 288
 Ковров, гор. Владимирской губ.— 52
 Корея — 252
 Кострома, гор.— 159, 207, 286
 Кудрино — 272
 Кузьминки, дач. пос. по Московско-
 Курской ж. д.— 18, 29
 Курск, гор.— 166
 Кусово, ст. Московско-Нижегород-
 ской ж. д.— 53, 60, 101, 274
 Либава, гор. Курляндской губ. (гор.
 Лиепая Латвийской ССР) — 287
 Литва — 52
 Любек, гор. (Германия) — 286
 Люберцы, с. Московского у.— 274
 Люблино, ст. Московско-Курской
 ж. д.— 18, 29, 60, 274, 276
 Малмыж, гор. Вятской губ.— 153
 Манчестер, гор. (Англия) — 139
 Маньчжурия — 252, 253, 255, 256, 265
 Мемель (Клайпеда), гор.— 151
 Минск, гор.— 17
 Можайский у. Московской губ.— 41
 Москва, гор.— 10, 11, 12, 13, 14, 15,
 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 28,
 29, 30, 32, 33, 34, 35, 41, 42, 45, 46,
 47, 49, 50, 52, 53, 56, 58, 59, 60, 63,

- 64, 65, 66, 67, 68, 70, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 88, 89, 91, 102, 111, 112, 113, 118, 121, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 130, 131, 132, 133, 139, 140, 141, 142, 143, 145, 146, 147, 149, 150, 152, 153, 154, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 163, 164, 165, 166, 169, 172, 173, 174, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 188, 189, 190, 192, 194, 203, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 236, 243, 244, 245, 248, 250, 251, 257, 261, 268, 269, 270, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 280, 282, 283, 284, 286, 287, 288, 289, 291, 293, 296, 297
- Московская губ.— 13, 76, 83, 105, 143, 184, 187, 193, 268, 270, 271, 272, 273, 279, 283, 291, 292
- Московский уезд — 272
- Мытищи, с. Московского у. Московской губ.— 68, 69, 70, 184, 276, 277, 278, 280
- Мытищи Б.— см. Мытищи
- Мюнхен, гор. (Германия) — 154, 155
- Нижний Новгород (Горький), гор.— 15, 16, 17, 18, 72, 91, 153, 157, 159, 162, 207, 212, 245, 250, 268, 277
- Николаев, гор. Херсонской губ.— 269
- Никола-Угрешни — 274, 280, 282
- Одесса, гор.— 81, 106
- Озёры, с. Коломенского у. Московской губ.— 193, 293
- Орел, гор.— 35, 39, 159, 269, 290, 291
- Орехово, с. Покровского у. Владимирской губ.— 298, 299
- Орехово-Зуево, гор. Богородского у. Московской губ.— 52, 144, 145, 159, 242, 273
- Павлово, гор.— 144
- Париж, гор. (Франция) — 108, 109
- Перово, ст. Московско-Казанской ж. д.— 53, 275
- Петербургская губ.— 298
- Петровско-Разумовское, ст. Николаевской (Октябрьской) ж. д.— 64, 88, 89
- Петроград (Питер, Петербург, Ленинград), гор.— 10, 11, 14, 15, 16, 20, 21, 22, 29, 31, 39, 42, 43, 56, 65, 66, 67, 72, 76, 82, 83, 110, 111, 116, 125, 126, 139, 140, 146, 147, 153, 162, 182, 198, 203, 223, 224, 225, 250, 261, 269, 273
- Поволжье — 24, 154
- Подольск, гор. Московской губ.— 76
- Покров, гор. Владимирской губ.— 144, 145
- Полтава, гор.— 150, 151
- Полтавская губ.— 300
- Польша — 52, 87
- Порт-Артур, гор.— 255, 256
- Псков, гор.— 82, 146, 150, 151, 163
- Пушкино, с. Московского у. Московской губ. (ныне город) — 288, 290
- Раменское, с. Бронницкого у. Московской губ. (ныне город) — 99, 273, 274, 275, 278, 281
- Рига, гор.— 39, 280
- Ростов-на-Дону, окружн. гор. области Войска Донского — 212, 216, 224, 268
- Рязанцево, ст. Московско-Ярославской ж. д.— 66
- Рязань, гор.— 45, 131, 209
- Самара (Куйбышев), гор.— 15, 22, 24, 29, 153, 157, 159, 268
- Саратов, гор.— 141, 153, 156, 157, 158, 159, 207, 212, 268
- Саратовская губ.— 300
- Сергиев Посад (Загорск), гор.— 279
- Серпухов, уездн. гор. Московской губ.— 133, 187, 273
- Сибирь — 184, 199, 205, 212, 245, 250
- Смоленск, гор.— 151
- Таврическая губ. (Восточно-Казахстанская обл.)— 298, 300
- Тамбов, гор.— 141, 159

Тверь (Калинин), гор.— 24, 141, 153,
159, 250, 277
Тейково, гор.— 101
Тихорецкая, станция (гор. Тихорецк
Краснодарского края) — 212
Томск, гор.— 71
Тула, гор.— 41, 42, 52, 160, 250, 278
Франция — 108, 109, 110
Харьков, гор.— 39, 210, 224, 268
Цюрих, гор. (Швейцария) — 22, 286
Черемушки, д. Московского у. Мо-
сковской губ.— 184
Черниговская губ.— 20

Чесменская, пл. Московско-Казанской
ж. д.— 278
Швейцария — 13, 66
Шереметьевка, ст. Казанской ж. д.—
60
Юрьев, Дерпт (Тарту), гор.— 17, 30,
34, 35
Юрьев-Польский, гор. Владимирской
губ.— 28
Якутская губ.— 78
Япония — 88, 251, 252, 261
Ярославль, гор.— 101, 159, 280

- Съезды партии,**
ее **центральные учреждения**
и другие организации
- «Освобождение труда», группа (Швейцария) — 13, 65
- I съезд РСДРП — 13, 17
- Заграничная Лига русской революционной социал-демократии — 159, 162, 173, 177, 233, 237, 243
- Организационный комитет по созыву II съезда партии — 82, 86, 88, 181, 182, 193, 230.
- «Искра», организация — 13, 85, 86, 94, 224
- II съезд партии — 82, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 218, 228, 229, 236, 241
- ЦК РСДРП — 14, 73, 225, 228, 231, 232, 233, 235, 239, 240, 241, 243, 244, 246, 247, 248, 249, 250
- Центральный орган РСДРП (ЦО) — 227, 228, 231, 233, 237, 238, 241, 249, 250
- III съезд партии — 235, 240, 241, 242
- Московская социал-демократическая организация**
- Круковского Г. М., Мандельштама Г. Н. кружок — 33, 34
- Винокурова А. Н., Мицкевича С. И. и других кружок — 10, 12, 30, 34, 46, 51, 52, 54, 67
- Рязанова А., Давыдова кружок — 30, 31, 33, 34, 35
- Первая марксистская группа («шестерка») — 17, 31, 33, 34, 94
- Центральный рабочий кружок — 31, 33, 34, 35, 46, 47, 48, 50, 52, 53, 73
- Женский рабочий кружок — 34
- Московский «Рабочий союз» — 21, 34, 57, 62, 68, 70, 71, 72, 73, 81, 94, 95, 99, 108, 111, 112, 113, 114, 116, 125, 126, 127, 128, 130, 131, 132, 133, 135, 214, 218, 269, 273, 275, 276, 281, 282, 283, 284, 285, 287, 288, 289, 290, 291, 293
- Центральный комитет московского «Рабочего союза» — 72, 108, 113, 118, 121, 124, 125, 127, 128, 129, 130, 218, 286, 288, 289
- Финна А. Ю. кружок — 11, 70
- Калафати Д. П. кружок — 50
- Орлова Г. кружок — 71
- Колокольников П. Н. кружок — 70
- Елагиных А. и В. кружок — 12
- «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — 134, 135, 136, 137, 292, 293, 295
- Центральная рабочая касса московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — 135, 137
- Московский комитет — 14, 15, 17, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 81, 84, 85, 86, 89, 90, 91, 137, 145, 162, 164, 166, 167, 169, 173, 174, 177, 181, 183, 191, 192, 193, 197, 201, 206, 207, 211, 213, 215, 218, 219, 227, 228, 235, 236, 242, 244, 248, 251, 254, 256, 260, 262, 264, 265, 296
- Бочкарева И. И. кружок — 14
- Немчиновой кружок — 14
- Розановых Н. и В. бр. кружок — 13
- Орехово-Богородская рабочая организация — 187, 298, 299
- Другие социал-демократические организации и группы**
- Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — 11, 146, 300
- Киевский «Союз борьбы за освобож-

дение рабочего класса» — 293
Технологов-марксистов (Петербург)
кружок — 28
Сильвина М. А. группа — 20
Марксистский кружок в Казани (Фе-
досеева Н. Е.) — 15
«Рабочее дело», группа (Берлин) —
13, 15
«Союз русских социал-демократов за
границей» — 167
«Южный рабочий», группа — 230
«Борьба», группа — 167, 168, 181
«Рабочее знамя», группа — 146
«Свобода», группа — 177

Комитеты

Донской — 211, 216
Екатеринославский — 242, 250
Кавказский союз — 250
Киевский — 218, 243
Нижегородский — 242, 250
Николаевский — 242
Одесский — 242, 250
Петербургский — 166, 168, 218, 242,
248
Рижский — 236, 242
Северный союз — 154, 155, 165, 242,
250
Тверской — 242

Воинские части

Екатеринославский 1-й полк — 193
Нежинский полк — 209
Пехотный полк 107-й — 275
Зубатовщина — 13, 73, 76, 77, 87, 89,
191, 197, 199
Лондонский международный съезд
(Лондонский конгресс II Интерна-
ционала 1896 г.) — 12

Народнические группы

Аносова — 30
Астырова Н. М. — 30
Парижская коммуна — 72, 108, 110,
120, 289

Периодическая печать

Газеты:

«Вперед», социал-демократическая га-
зета (г. Киев) — 293, 294
«Известия Московского Совета» — 77
«Искра» — 13, 75, 80, 81, 82, 83, 85, 143,
144, 145, 147, 149, 150, 151, 152,
153, 154, 155, 156, 157, 158, 159,
160, 161, 162, 163, 164, 165, 167,
168, 169, 172, 173, 174, 175, 176,
177, 178, 179, 180, 181, 182, 183,
184, 187, 193, 219, 220, 221, 225,
230, 231, 237, 238, 239, 240, 243,
247, 250, 298, 299, 300

«Курьер», политическая и литератур-
ная газета демократического на-
правления (1897—1904) — 166

«Летучий листок» — 295

«Московские ведомости», орган чер-
носотенцев — 186, 196, 243

«Московский листок», газета реакци-
онного направления — 195, 196

«Петербургский рабочий листок» —
294, 295

«Рабочая библиотека» — 41

«Рабочая газета» — 294

«Революционная Россия», газета со-
циалистов-революционеров — 174

«Русские ведомости», газета умерен-
но либерального направления — 60,
196, 197

«Русский листок», газета реакционно-
го направления — 196

«Русский рабочий» — 294

«Южный рабочий», социал-демокра-
тическая газета — 179, 299

Журналы:

«Былое», журнал по истории револю-
ционного движения в России — 21

«Гражданин», журнал реакционного
направления — 189

«Заря», марксистский научно-попу-
лярный журнал — 145, 151, 152, 155,
157, 169, 171, 172

- «Освобождение», журнал, орган либеральной буржуазии — 175
- «Рабочее дело», журнал, орган «Союза русских социал-демократов за границей» — 141, 147, 162
- «Рассвет», журнал буржуазно-националистического направления (1879—1884) — 247
- «Русская мысль», литературно-политический журнал — 19, 59
- «Русское богатство», журнал либерального направления — 37, 58
- «Социал-демократ», журнал — 294
- «Юридический вестник», журнал либерально-буржуазного направления — 15, 37
- Сборники:**
- «Листок «Работника», приложение к сборнику «Работник» — 294, 295
- «На заре рабочего движения», сборник статей и воспоминаний активных работников Московской партийной организации (1919 г.) — 21
- «Работник», социал-демократический сборник — 119, 130, 295
- «Текущий момент», сборник статей членов литературно-лекторской группы МК РСДРП (1906 г.) — 21
- Предприятия, учреждения, учебные заведения, железные дороги Москвы**
- Акушерские курсы — 66, 67
- Баулина шелкоткацкая фабрика — 279
- Белова В. И. ткацкая фабрика — 288
- Блока Ж. торговый дом — 286
- Бутырская тюрьма — 191
- Бромлей бр. машиностроительный завод (ныне станкостроительный завод «Красный пролетарий» имени А. И. Ефремова) — 14, 44, 52, 55, 74, 141, 194
- Бутикова И. шерстоткацкая и красильно-набивная фабрика — 80
- Вейхельта К. А. электромеханический машиностроительный завод — 43, 46, 50, 51, 55, 122, 126, 275, 276, 279
- Гагена магазин — 66
- Газовый завод — 72
- «Гакенталь Ф. и К⁰», бронзо-меднолитейный, чугунолитейный завод (ныне московский приборостроительный завод «Манометр») — 116, 129, 131
- Гербек Е. типография — 195
- Гилля ткацкая фабрика — см. Измайловской мануфактуры бумагопрядильная фабрика
- Гимназия 77-я — 57
- Гоппера В. Я. механический и чугунолитейный завод — 52, 60, 123, 131
- «Грачев В. и К⁰», машиностроительный и чугунолитейный завод (ныне опытный завод ВНИИлитмаша «Красная Пресня») — 46, 47, 48, 54, 55, 126
- «Грессар Ю. В. и К⁰», шелкоткацкая фабрика — 112, 127
- Гужона Ю. П. Московского товарищества металлический завод (ныне московский металлургический завод «Серп и молот») — 52, 74, 80, 112, 116, 127, 129, 131, 278, 289
- Гюбнера А. О. ситценабивная и отбельно-красильная фабрика (ныне Московский шелковый комбинат имени Я. М. Свердлова) — 292
- Дангауэра А. К. и Кайзера В. В. механический, котельный и литейный завод (ныне холодильного оборудования завод «Компрессор») — 116, 129, 131, 286
- Даниловская мануфактура (ныне хлопчатобумажная фабрика имени М. В. Фрунзе) — 107, 271, 272, 278, 281
- Даниловский сахарорафинадный завод (ныне Краснопресненский саха-

- рорафинадный завод имени Ф. М. Мантулина) — 292
 Департамент полиции — 40, 108, 140, 268, 269, 290, 291, 292, 295
 Департамент торговли и мануфактуры — 291
 Джамгаровых пассаж — 188
 Добровых и Набольца механический, чугунолитейный и машиностроительный завод (ныне насосный завод имени М. И. Калинина) — 46, 50, 51, 52, 116, 132, 133
 «Дюфурмантель Ф. и К^о», шерстопрядильная фабрика (ныне фабрика «Красная плетельщица») — 43
 Екатерининские курсы — 66
 «Жако и К^о», жестяных изделий и ваксы фабрика (ныне московский завод «Пневмостроймашина») — 196
 Завидовская мануфактура — 292
 Зелиха фабрика — 292
 Иванова экипажное заведение — 133
 Измайловская бумагопрядильная мануфактура — 107, 112, 126, 271
 Истпарт — 19
 «Каменщики», тюрьма — 49, 55
 Капцовское городское начальное училище — 293
 Караваевская писчебумажная фабрика — 292
 «Келер Р. и К^о», парфюмерная фабрика — 133
 Комиссаровское техническое училище — 65, 68
 Краснова Х. Ш. чугунолитейный завод — 290
 Кремль — 72, 204, 205, 206
 Кудлина литейный завод — 133
 Кудряшевых бр. завод — 292
 Курский вокзал — 16, 46
 Кушнерева И. Н. типография (ныне типография «Красный пролетарий») — 75
 Лемана завод — 123
 Лидерта М. Ф. книжный магазин — 66
 Листа Г. Софийский механический завод — 14, 46, 47, 48, 52, 74, 116, 132, 183, 194, 218, 296
 Лоскутная гостиница — 189
 Мазуринская бумагопрядильная фабрика — 101, 119
 Малый театр — 193
 Мастерские Московско-Брестской железной дороги (ныне Московский электромашиностроительный завод «Памяти революции 1905 года») — 48, 294
 Мастерские Московско-Курской железной дороги (ныне Московский вагоноремонтный завод имени В. Е. Войтовича) — 63, 110, 127, 128
 Мастерские Рязанской железной дороги — 127, 129, 130
 Мастерские слесарные Комиссаровского технического училища — 65
 Мастерские Смоленской железной дороги — 46, 127, 129
 Мастерские Ярославской железной дороги — 127, 129
 Мейера И. Я. чугунолитейный завод — 133
 Металлический завод Московского т-ва — см. Гужона завод.
 Мещеринская мануфактура — 191
 Министерство внутренних дел — 297, 300
 Министерство финансов — 115, 283
 Министерство юстиции — 291, 297, 300
 Михайлова Ф. шерстоткацкая фабрика (ныне обувная фабрика «Парижская коммуна») — 43, 126
 Московско-Брестская железная дорога (ныне Смоленская линия Московской ж. д.) — 47, 48, 63, 275, 287, 290
 Московско-Казанская железная дорога (ныне Рязанская линия Московской ж. д.) — 60, 287

- Московско-Курская железная дорога (ныне Курская линия Московской ж. д.) — 46, 47, 60, 112, 278
- Московско-Нижегородская железная дорога (ныне Горьковская линия Московской ж. д.) — 60
- Московско-Ярославская железная дорога (ныне Ярославская линия Московской ж. д.) — 66
- Московская судебная палата — 141, 284, 291
- «Московский рабочий», издательство — 21
- Московский университет (ныне Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова) — 15, 22, 29, 35, 113, 143, 186, 189, 190, 269, 275, 276, 277, 280, 284, 285, 286, 287, 288, 293
- Московское высшее техническое училище (ныне Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана — МВТУ) — 20, 22, 64, 65, 66, 67, 70, 275, 277, 281, 287, 288, 289, 290, 293, 294
- Московское губернское жандармское управление — 180, 269, 272, 273, 276, 284, 293, 297, 298, 299
- Московское охранное отделение — 39, 40
- Музей Революции СССР — 33
- Мусси П. А. шелкоткацкая фабрика (ныне Московский шелковый комбинат имени П. П. Щербакова) — 80, 279
- Нового Бромлея завод — 127, 128
- Новый театр — 193
- Общество деятелей печатного дела — 196
- Общество взаимопомощи механических рабочих — 215, 222
- Охранное отделение — 133, 221, 222, 224
- Пашкова О. И. типография — 274, 282
- «Перенуд» Акционерного общества чугунолитейный завод (ныне московский механический завод «Красный путь») — 112, 127
- Политехнический музей — 186
- Поповых К. и С. чайное т-во — 105, 107, 119
- Прохоровская «Трехгорная мануфактура» (ныне хлопчатобумажный комбинат «Трехгорная мануфактура» имени Ф. Э. Дзержинского) — 42, 72, 80, 101, 102, 119, 123, 126, 185, 196, 270, 272
- Преображенская больница — 35
- Ронталлера Б. пуговичная фабрика (ныне пуговичная фабрика имени Н. Д. Балакирева) — 87
- «Русская мысль», редакция — 19
- Сабина С. П. ленточная фабрика — 292
- Садковская мануфактура — 292
- Садовническая фабрика десятичных весов и пожарных труб — 292
- Северная железная дорога (ныне Ярославская линия Московской ж. д.) — 55
- Симонов монастырь — 195
- «Скальский Е. и К^о», торфяной завод — 292
- Смитта котельный завод — 43
- Смоленская железная дорога — 126
- Соколова Н. А. наследников ткацкая фабрика — 292
- Социал-демократический архив (Берлин) — 21
- Сретенский полицейский дом — 269
- Старого Бромлея завод — 116, 129, 131
- Страстной монастырь — 129, 262
- Суворина А. С. книжный магазин — 66
- Таганская тюрьма — 70, 72, 88, 245, 246, 248, 249
- Управление Курской ж. д. — 16

Филиппова В. шерстяная фабрика — 122
Филиппова Д. И. булочная — 261
Фосса А. В. москательных товаров завод — 126
Фугельзанга завод — 43, 116, 130, 132
Цензурный комитет — 36
Челнокова завод — 184
Шабарова П. Н. кузнечно-слесарный и строительный завод — 292
Эрмена Г. А. кружевных и ленточных изделий фабрика — 292
Яковлева С. П. типография — 195
Якунчикова завод — 184
Ярославский вокзал — 254
Яцкевича типография — 282

Московской губернии

Балашинская мануфактура, Московский уезд (ныне Балашихинская хлопкопрядильная фабрика) — 271
Богородско-Глуховская мануфактура, Богородский уезд (ныне Глуховский хлопчатобумажный комбинат имени В. И. Ленина, г. Ногинск) — 271
Зотова П. С. ленточная фабрика Т-ва шелковой и шерстоткацкой мануфактуры, Богородский уезд — 292
«Каулен бр. и Кост», бумаготкацкая фабрика, Клинский уезд — 292
Кацепова Т. бумаготкацкая мануфактура, Бронницкий уезд (ныне фабрика «Вперед», Воскресенский район) — 292
Каштановых бр. суконная фабрика (г. Серпухов) — 187
Кириллова В. А. кирпичный завод, Московский уезд — 292
Коншина Н. Н. хлопчатобумажная фабрика, Серпуховский уезд — 133, 187
Малютиных бр. бумагопрядильная фабрика, Бронницкий уезд (ныне раменский прядильно-ткацкий ком-

бинат «Красное знамя») — 278
Миттина фабрика — 278
«Моргунов В. и с-я», фабрика, Коломенский уезд — 193
Моргунова и Ст. Соколова фабрика, Коломенский уезд — 193
Морозова В. фабрика, Орехово-Зуевский уезд (ныне Ореховский хлопчатобумажный комбинат имени К. И. Николаевой) — 275
Морозова С. фабрика, г. Орехово-Зуево (ныне Ореховский хлопчатобумажный комбинат имени К. И. Николаевой) — 271
Наро-Фоминская фабрика, Верейский уезд — 271, 273

Реутовская мануфактура, Московский уезд (ныне Реутовская хлопкопрядильная фабрика) — 270, 271
Сапожниковых А. и В. шелковая фабрика, Московский уезд — 133
Цементный завод, Серпуховский уезд — 117
Щербакова Ф. фабрики, Коломенский уезд (ныне хлопчатобумажный комбинат «Рабочий», г. Озеры) — 193

Других городов

Архангельская тюрьма — 191
Большая Ярославская мануфактура — 270, 271
Владимирская фабрика — 270
Владимирское губернское жандармское управление — 300
Гвоздильный завод (г. Рязань) — 131
Дерптский университет — см. Юрьевский университет
Екатерингофская бумагопрядильная (г. Петербург) (ныне бумагопрядильная фабрика «Равенство») — 110
Екатеринославское губернское жандармское управление — 300
Зотовых фабрика (г. Кострома) — 286
Казанский собор (г. Петербург) — 125

Кенига сахарорафинадный завод
(г. Петербург) — 110
Киевский университет — 293
Кольчугина завод (Владимирская
губ.) — 66
Корзинкинская мануфактура (г. Ярос-
лавль) — 66, 68, 277, 280
Машиностроительный завод (г. Ря-
зань) — 45
Мекселя фабрика (г. Петербург) —
110, 111
Нижегородская выставка — 131
Новая бумагопрядильня (г. Петер-
бург) (ныне прядильно-ткацкий
комбинат им. Петра Анисимова) —
110
Оружейный завод (г. Тула) — 278
Патронный завод (г. Тула) — 278
Переяславская мануфактура (Влади-
мирская губ.) — 271
Петербургский технологический ин-
ститут — 20
Публичная библиотека (г. Петро-
град) — 21
Сормовский завод (близ Нижнего
Новгорода) — 15
Тверской окружной суд — 40

Тверской полицейский дом — 294
Тульское жандармское управление —
141
Шлиссельбургская крепость — 164
Штиглица фабрика (г. Петербург) —
110
Юрьевский (Дерптский) университет
(ныне университет г. Тарту, Эсто-
ния) — 17, 35, 277
Ярославская тюрьма — 70
Ярославская фабрика — 103

Стачечное движение

Ростовская политическая стачка —
211, 212, 216

Студенческие организации

Союзный совет студенческий — 59
Исполнительный комитет Союза сту-
денческих землячеств — 188, 190
Екатеринославское землячество — 29
Рязанский земляческий кружок — 30,
35

Таганрогский кружок самообразова-
ния — 56

Учредительное собрание — 190

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

ВОСПОМИНАНИЯ

А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания	10
С. И. Мицкевич. В. И. Ленин и первая Московская марксистская организация 1893—1895 гг.	15
А. И. Ульянова-Елизарова. Первое выступление Владимира Ильича Ленина в Москве	22
А. А. Ганшин. Как были изданы статьи В. И. Ульянова «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»	28
А. Н. Винокуров. О возникновении Московской партийной организации	29
А. И. Рязанов. Воспоминания	35
М. П. Петров. Мои воспоминания	42
С. И. Прокофьев. Из пережитого	45
А. Д. Карпузи. На перевалах	50
Е. И. Немчинов. Воспоминания старого рабочего	54
С. И. Муралова. Из прошлого	56
Н. А. Семашко. Былое	58
М. Н. Лядов. Первая маевка	59
В. Н. Масленников. Странички прошлого	64
М. Ф. Владимирский. Из истории Московской социал-демократической организации	70
С. Н. Смидович-Луначарская. 1898—1901 гг.	73
И. И. Скворцов-Степанов. Образование и провал Московского комитета РСДРП (1901 г.)	76
И. А. Теодорович. Из воспоминаний	78
Г. И. Окулова-Теодорович. Из автобиографии	81
В. П. Ногин. Из воспоминаний о Московской организации РСДРП в 1901—1903 гг.	82
С. И. Черномордик (П. Ларионов). Двадцать лет тому назад	84
С. И. Черномордик (П. Ларионов). Выборы делегатов на II съезд РСДРП от Московской организации	89
Н. Н. Кудряшов. Из воспоминаний о Н. Э. Баумане	91

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

ОТ МОСКОВСКОГО «РАБОЧЕГО СОЮЗА» К «ИСКРЕ»

Центральная группа («шестерка») для пропаганды марксизма среди рабочих Москвы

Листовка «Столковались. У фабричного инспектора» с разоблачением фабричной инспекции, попустительствующей эксплуатации рабочих фабрикантами, и с призывом к рабочим бороться за свои права	94
--	----

Московский «Рабочий союз»

Листовки, прокламации, воззвания

Листовка «Воззвание на Первое мая» с призывом к рабочим Москвы вместе с рабочими других стран отпраздновать день международной пролетарской солидарности	95
--	----

Листовка с призывом к рабочим вступать в московский «Рабочий союз» для борьбы против капитализма за социализм	98
Листовка со стихотворением «Награда», в котором обрисовано бесправное положение рабочих перед фабричной администрацией	99
Листовка с призывом к рабочим бороться за сокращение рабочего дня и за повышение заработной платы	100
Из брошюры «Стачки и их значение для рабочих»	101
Листовка к рабочим с призывом объединиться для борьбы с капиталистами за улучшение условий труда	108
Листовка «Приветствие московских рабочих рабочим Франции» по поводу 25-летия Парижской коммуны	108
Листовка к московским рабочим с призывом к стачке солидарности с бастующими рабочими Петербурга	110
Листовка о стачках московских рабочих в поддержку петербургских стачечников с призывом продолжать борьбу и оказать помощь семьям арестованных членов московского «Рабочего союза»	111
Листовка Центрального комитета московского «Рабочего союза» к московским студентам с призывом примкнуть к рабочему движению	113
Листовка с призывом к рабочим объединяться и продолжать борьбу под руководством московского «Рабочего союза»	114
Листовка к рабочим с призывом бороться за сокращение рабочего дня	116
Листовка «Ко всем московским рабочим» с призывом к борьбе за политические права, повышение заработной платы и сокращение рабочего дня	117
От Центрального комитета московского «Рабочего союза»	118

Московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»

Программа	134
Устав Центральной рабочей кассы московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»	135

Московский комитет Российской социал-демократической рабочей партии

Листовка «Μετρητο» к молодежи с призывом крепить связь с пролетариатом, оказывать содействие Московской организации РСДРП	137
Сообщение о рабочем движении в Москве с осени 1898 г. до 1900 г.	139

ИСКРОВСКИЙ ПЕРИОД В МОСКВЕ

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в Москве и Московской губернии

Н. Э. Бауман из Москвы — редакции «Искры». 6 (19) февраля 1901 г.	143
И. В. Бабушкин из Покрова — редакции «Искры». Март 1901 г.	144
И. Г. Леман — Н. Э. Бауману в Москву. 23 марта (5 апреля) 1901 г.	144
И. Г. Леман — И. В. Бабушкину в Покров. 23 марта (5 апреля) 1901 г.	145
И. Г. Леман — Н. Э. Бауману в Москву. 3 (16) апреля 1901 г.	146
Н. Э. Бауман из Москвы — редакции «Искры». 23 мая (5 июня) 1901 г.	147
Н. Э. Бауман из Москвы — редакции «Искры». 30 мая (12 июня) 1901 г.	149
В. И. Ленин — Н. Э. Бауману в Москву. 12 (25) — 13 (26) июня 1901 г.	150
Н. Э. Бауман из Москвы — редакции «Искры». 28 июля (10 августа) 1901 г.	151
Н. Э. Бауман из Москвы — редакции «Искры». 6 (19) — 8 (21) августа 1901 г.	152
К. И. Захарова из Брюсселя — И. Г. Леман в Кенигсберг. 7 (20) августа 1901 г.	154

Н. Э. Бауман из Москвы — редакции «Искры». 18 (31) августа 1901 г.	155
Н. К. Крупская — Н. Э. Бауману в Москву. 20 августа (2 сентября) 1901 г.	156
Н. К. Крупская — Н. Э. Бауману в Москву. 22 августа (4 сентября) 1901 г.	156
Н. Э. Бауман из Москвы — редакции «Искры». 12 (25) сентября 1901 г.	157
В. И. Ленин — Н. Э. Бауману в Москву. 19 сентября (2 октября) 1901 г.	158
Н. Э. Бауман из Москвы — редакции «Искры». 21 сентября (4 октября) 1901 г.	158
Н. К. Крупская — Н. Э. Бауману в Москву. 25 сентября (8 октября) 1901 г.	158
Н. Э. Бауман из Москвы — редакции «Искры». Позднее 28 сентября (11 октября) 1901 г.	159
Н. Э. Бауман из Москвы — редакции «Искры». 10 (23) октября 1901 г.	160
Н. К. Крупская — Н. Э. Бауману в Москву. Позднее 16 (29) октября 1901 г.	160
Н. Э. Бауман из Москвы — редакции «Искры». Ранее 16 (29) ноября 1901 г.	161
В. И. Ленин — искровским организациям в России. Ранее 1 (14) декабря 1901 г.	162
И. Г. Леман из Москвы — редакции «Искры». 21 декабря 1901 г. (3 января 1902 г.)	163
Л. О. Канцель из Москвы — редакции «Искры». 21 марта (3 апреля) 1902 г.	163
Л. М. Хинчук из Москвы — редакции «Искры». 30 марта (12 апреля) 1902 г.	164
Л. О. Канцель из Москвы — редакции «Искры». Позднее 21 апреля (4 мая) 1902 г.	164
Н. К. Крупская — Л. М. Хинчуку в Москву. 22 апреля (5 мая) 1902 г.	165
Н. К. Крупская — Л. О. Канцель в Москву. 9 (22) мая 1902 г.	165
Л. И. Биронт из Москвы — редакции «Искры». 6 (19) июля 1902 г.	166
Н. К. Крупская — в Москву Л. И. Биронт. 9 (22) июля 1902 г.	166
В. И. Ленин — Московскому комитету РСДРП. 11 (24) августа 1902 г.	167
В. В. Кожевникова из Москвы — редакции «Искры». 7 (20) сентября 1902 г.	169
В. В. Кожевникова из Москвы — редакции «Искры». 10 (23) сентября 1902 г.	172
В. В. Кожевникова из Москвы — редакции «Искры». 13 (26) октября 1902 г.	173
Н. К. Крупская — В. В. Кожевниковой в Москву. 25 сентября (8 октября) 1902 г.	174
В. В. Кожевникова из Москвы — редакции «Искры». 29 сентября (12 октября) 1902 г.	174
В. В. Кожевникова из Москвы — редакции «Искры». 13 (26) октября 1902 г.	175
В. В. Кожевникова из Москвы — редакции «Искры». 5 (18) ноября 1902 г.	177
В. В. Кожевникова из Москвы — редакции «Искры». 5 (18) ноября 1902 г.	177
В. В. Кожевникова из Москвы — редакции «Искры». 6 (19) ноября 1902 г.	178
Н. Л. Мещеряков из Москвы — редакции «Искры». 10 (23) ноября 1902 г.	179
В. В. Кожевникова из Москвы — редакции «Искры». 12 (25) ноября 1902 г.	179

Из Москвы — редакции «Искры». 5 (18) декабря 1902 г.	180
А. Г. Орлов из Москвы — редакции «Искры». 1 (14) апреля 1903 г. . .	181
Б. И. Гольдман из Москвы — редакции «Искры». Ранее 25 апреля (8 мая) 1903 г.	181
А. Г. Орлов из Москвы — редакции «Искры». 26 мая (8 июня) 1903 г.	182
Е. И. Попова из Москвы — редакции «Искры». 11 (24) июня 1903 г.	183
Н. К. Крупская — Е. И. Поповой в Москву. 27 июня (10 июля) 1903 г.	183
Е. И. Попова из Москвы — редакции «Искры». 5 (18) июля 1903 г. . . .	183
Е. И. Попова из Москвы — редакции «Искры». Ранее 13 (26) августа 1903 г.	184

По страницам ленинской «Искры»

Из корреспонденции «Пробуждение кирпичников» о стачечном движе- нии рабочих кирпичных заводов Московской губернии в мае 1899 г. . . .	184
Из корреспонденции о политической демонстрации в Москве 25 февра- ля 1901 г.	185
Сообщение «Из партии» о формировании Орехово-Богородской органи- зации РСДРП	187
Корреспонденция о волнениях рабочих в г. Серпухове Московской гу- бернии	187
Корреспонденция о демонстрации московских студентов в память Н. А. Добролюбова 18 ноября 1901 г.	188
Корреспонденция о студенческом движении в Москве осенью 1901 г.	189
Резолюция о переходе от академической к политической борьбе, приня- тая на студенческой сходке 9 февраля 1902 г. в Московском универси- тете	190
Публикация листовки Московского комитета РСДРП с разоблачением зубатовщины как агентуры охранного отделения	191
Корреспонденция о распространении листовки МК РСДРП среди на- родных учителей	192
Корреспонденция о распространении Московским комитетом РСДРП первомайских листовок ОК по созыву II съезда РСДРП и «Искры»	193
Корреспонденция о стачках рабочих фабрик в с. Озеры Коломенского уезда	193
Корреспонденция о стачке рабочих завода братьев Бромлей в Москве	194
Корреспонденция «Стачка типографщиков в Москве» о всеобщей стачке московских печатников 9—11 сентября 1903 г.	194

Листовки МК РСДРП

Листовка с разоблачением зубатовщины и призывом к политической борьбе с самодержавием	197
Листовка с разоблачением зубатовщины	199
Листовка с призывом к рабочим устраивать политические уличные де- монстрации	202
Листовка московских студентов с призывом к рабочим о совместной борьбе за политическую свободу	203
Листовка «Ко всем рабочим» с разоблачением зубатовской затей орга- низовать демонстрации московских рабочих к памятнику царю Алек- сандру II	204
Листовка «Ко всем московским рабочим» с призывом к борьбе с само- державием	206
Листовка «Письмо к товарищам» с разоблачением классовой сущности царского суда сословных представителей, призванного расправляться с революционерами	207
Листовка «К офицерам», разоблачающая насаждение в армии звериной ненависти к освободительному движению	209

Листовка «К русскому обществу» с разоблачением лжи царского правительства по поводу Ростовской политической стачки и демонстраций рабочих и с призывом к гражданам вставать под Красное знамя РСДРП	211
Листовка «К московским рабочим» с призывом к борьбе с самодержавием	214
Листовка «К товарищам рабочим» с описанием демонстрации ростовских рабочих, данным «Южнорусской группой средних училищ», и с призывом к московским рабочим объединиться для борьбы с угнетателями.	216
Доклад о московском социал-демократическом движении на II съезде РСДРП	218

НА ЛЕНИНСКИХ ПОЗИЦИЯХ

За укрепление партии

Резолюция МК РСДРП с порицанием дезорганизаторской деятельности меньшевиков во главе с Мартовым	227
Резолюция МК РСДРП в поддержку В. И. Ленина и его единомышленников, за созыв экстренного съезда РСДРП, как единственного средства выхода партии из кризиса	227
Резолюция «22-х членов РСДРП — единомышленников, стоящих на точке зрения большинства II партийного съезда». Написана В. И. Лениным	229
Резолюция Московского комитета РСДРП, вторично настаивающего на созыве съезда партии, как на единственном средстве дать партии необходимые условия для централизации социал-демократической деятельности	235
Резолюция Московского комитета РСДРП в поддержку организации большевистского издательства, за создание действительно крепкой пролетарской партии	235
Листок Московского комитета с обращением Н. Э. Баумана, Б. М. Кнунянца, Ф. В. Ленгника, Е. Д. Стасовой и других большевиков, заключенных в Таганской тюрьме в Москве, к членам партии	236
Сообщение В. И. Ленина местным комитетам РСДРП о трех конференциях комитетов	242

Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с Московской партийной организацией

МК РСДРП — Н. К. Крупской. 5 (18) сентября 1903 г.	242
Из Москвы — редакции «Искры». 13 (26) сентября 1903 г.	243
Н. К. Крупская — Н. Э. Бауману в Москву. 31 декабря 1903 г. (13 января 1904 г.)	243
Б. М. Кнунянц из Москвы — Заграничному отделу ЦК РСДРП. 28 января (10 февраля) 1904 г.	244
М. М. Эссен — Л. М. Книпович в Москву. 1 (14) февраля 1904 г.	244
Е. Д. Стасова из московской Таганской тюрьмы — В. И. Ленину и Н. К. Крупской. Позднее июля 1904 г.	245
Ф. В. Ленгник из московской Таганской тюрьмы — В. И. Ленину и Н. К. Крупской. 22 августа (4 сентября) 1904 г.	246
Р. С. Землячка из Москвы — В. И. Ленину и Н. К. Крупской. 29 августа (11 сентября) 1904 г.	248
В. И. Ленин и Н. К. Крупская — Е. Д. Стасовой, Ф. В. Ленгнику и другим большевикам в московскую Таганскую тюрьму. 10 (23) сентября 1904 г.	248
В. И. Ленин — Е. Д. Стасовой, Ф. В. Ленгнику и другим большевикам в московскую Таганскую тюрьму. 1 (14) октября 1904 г.	249

Н. К. Крупская — Л. Х. Гоби в Москву, 13 (26) октября 1904 г.	250
В. И. Ленин — Московскому комитету РСДРП, 16 (29) ноября 1904 г.	251

Листовки Московского комитета РСДРП

Листовка «Война России с Японией» с призывом к борьбе против русско-японской войны и самодержавия	251
Листовка «К учащейся молодежи» по поводу студенческой демонстрации 17 октября	254
Листовка «Новая мобилизация» с призывом к рабочим выступить против царской мобилизации	255
Прокламация «Явление либералов народу» с разоблачением предательства либеральной буржуазии	257
Листовка с протестом против избития полицией участников демонстрации 8—9 декабря и призывом к борьбе с самодержавием	261
Листовка «Письмо солдата к солдатам», призывающая солдат к борьбе за свои права	262
Листовка «Ко всем рабочим заводов «Бр. Бромлей»	264
Листовка «Ко всем рабочим» о сущности политической борьбы пролетариата	265

Приложения

I. Рабочее и социал-демократическое движение в Москве и Московской губернии	268
II. Краткие биографические сведения об авторах	302
III. Примечания	308
Именной указатель	324
Указатель улиц и районов Москвы	334
Географический указатель	335
Предметно-тематический указатель	338

ИБ № 2226

Составитель Иван Федорович Угаров

У ИСТОКОВ БОЛЬШЕВИЗМА

**Воспоминания, документы и материалы
1894—1903**

Заведующая редакцией *А. Спицына*

Редактор *В. Полякова*

Художник *И. Капустянский*

Художественный редактор *А. Данилин*

Технический редактор *Л. Маракасова*

Корректоры *И. Фридлянд,
М. Лобанова, Т. Семочкина*

Сдано в набор 12.06.82. Подписано к печати
12.01.83. Л98112. Формат 60×84^{1/16}. Бумага типо-
графская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать
высокая. Усл. печ. л. 20,46. Усл. кр.-отт. 22,79.
Уч.-изд. л. 24,50. Тираж 15 000 экз. Заказ 2549.
Цена 90 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Московский рабочий».
101854, ГСП, Москва, Центр,
Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.